

О РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ: ПРАКТИКИ И КОНЦЕПТЫ

Санкт-Петербург
Издательство РХГА
2020

УДК 1
ББК 87.3(2)6
О-11

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках международного научного проекта «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» (РФФИ № 18-511-00018 Бел_а, БРФФИ № Г18Р-181).

Рецензенты:

доктор философских наук В. А. Васюков,
доктор философских наук Л. В. Шиповалова

О распределенности: практики и концепты : коллективная монография / Под ред. Е. В. Малышкина. СПб. : Изд-во РХГА, 2020. — 367 с.

ISBN 978-5-88812-842-8

Коллективная монография посвящена междисциплинарному исследованию пограничных форм мышления, которые в свете рационалистической традиции предстают в качестве различных видов заблуждения, содержание и значение которых в современных реалиях европейской культуры требуют своего переосмысления.

Монография адресована всем, кто интересуется проблемами современной философии и культуры в целом.

УДК 1
ББК 87.3(2)6

DOI 10.25991/7800.2020.17.63346
ISBN 978-5-88812-842-8

© Коллектив авторов, 2020
© ЧОУ РХГА, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

О распределенности: практики и концепты

Предисловие. Эротика неустойчивых сообществ7

Раздел 1 Практики распределенного знания

- 1.1. Порядок распределения (к критике дистрибутивного разума)..... 23
- 1.2. Распределенное знание в эпоху развития интернета:
на примере невидимых колледжей36
- 1.3. Игрок и гармоника: традиционное знание в сетевом
сообществе (по материалам этнографического исследования
вологодских игроков на гармонии).....52
- 1.4. Производство знания: платформенные решения
и общественные пространства. 112
- 1.5. Практики распределения знания в религиозных
сетевых сообществах 127

Раздел II

Экономика и этика распределения

- 2.1. Неизбывность распределенных вещей: соседство и богатство . . . 139
- 2.2. Информационные функции экономических институтов 154
- 2.3. Проблема доверия в продвижении шеринговых практик
в Беларуси 190
- 2.4. Роль политических сетей в повышении эффективности
принятия решений в сфере государственного управления 199

Раздел III

Распределенное знание, цифровизация и *humanitas*

- 3.1. Нормативно-ценностные паттерны систематизации
распределенного гуманитарного знания 213
- 3.2. Проективный словарь как гипертекст междисциплинар-
ного знания 239
- 3.3. Цифровая медиализация образования и гуманитарная
экспертиза 256
- 3.4. Гуманитарное знание и гуманизм цифровизованной
ответственности. 278
- 3.5. Глобальная медиатизация: неравенство в распределении знания . . . 310

- На перспективу. Круглый стол, посвященный обсуждению
книги Ж.-Л. Нанси «Бытие единичное множественное» 321**

Библиография 336

Предметный указатель 356

Именной указатель 363

Об авторах 366

Если бы мне подарили мудрость, но
с условием, чтобы я держал ее при себе
и не делился ею, — я бы от нее отказался.

Луций Анней Сенека

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЭРОТИКА НЕУСТОЙЧИВЫХ СООБЩЕСТВ¹

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОПЫТКА ФОРМАЛИЗАЦИИ

Наука, как она задумана Декартом, может выполняться всяким, кто обладает естественным светом разума, тем, кто не лишен здравого смысла и имеет интерес к научному знанию. Поэтому его в формуле *ego cogito ergo sum* является избыточным элементом формулы: я мыслю точно так же, как и ты, если я мыслю достоверное, то есть ясные и отчетливые идеи. Такое знание, доступное всем, изначально является знанием не столько всеобщим, сколько распределенным, *дистрибутивным*: всякий может обладать этим знанием, всякий способен его приумножить/сократить и, что особенно важно здесь, всякий может претендовать на особый статус знающего².

¹ Настоящее предисловие составлено на основе публикаций: *Малышкин Е. В.* Дистрибутивность просвещенного состояния // Вестник СПбГУ. 2013. № 2 (17). С. 44–49; *Он же.* Эротика неустойчивых сообществ: опыт прочтения платоновского «Пира» // *Einai*: проблемы философии и теологии. 2018. № 2 (14). С. 140–148.

² Владимир Герье несколько страниц посвящает тому, каким образом салонные дамы способствовали популярности «картезианизма». В частности, он пишет: «Картезианизм своим распространением был много обязан женщинам. Нередко случалось, что люди, остававшиеся совершенно равнодушными к самым блестящим выводам Декарта, вдруг преклонялись перед обаянием какой-нибудь прекрасной картезианки и становились

Умные учат, глупые опошляют, но знание распределяется и между умелыми, и между неловкими, и невозможно обладать знанием, можно лишь быть его агентом: вменяемость — это состояние, при котором знание может быть передано, но поскольку знание не может быть неуместным (неуместным бывает как раз обладание знанием), и поскольку человек не бывает незнающим, постольку невменяемость не является антропосоразмерной характеристикой.

Дистрибутивность знания не есть постоянная величина, разное знание обладает различной дистрибутивностью. Попробуем составить классификацию дистрибутивности знания. Она может быть выстроена по различным основаниям, прежде всего — по степени общности.

Единичная распределенность грамматически являет собой оксюморон. Но пример можно попытаться привести. Если у меня есть повторяющиеся сны, и я не могу никому рассказать, какие именно это сны, поскольку попросту не помню этого, но каждый раз, попадая в повторяющийся сон, я узнаю, что с таким сном уже встречался, то такое знание будет дистрибутивным (от меня прежнего сновидящего ко мне сновидящему сегодняшнему), но объем дистрибутивности знания будет минимален. Такого рода знание можно назвать знанием с единичной дистрибуцией.

Всеобщая распределенность. Напротив, знание типа *cogito sum*, или «Христос воскрес!», или что время можно измерить часами, а работу — деньгами, может распределяться между многими, а лучше — между всеми. Такова универсальная дистрибуция. Заметим, что для дистрибутивного описания знания неважно, насколько оно, знание, истинно. Я могу догадываться, что не всякая работа может иметь денежный эквивалент, но коль скоро я признаю свою работу за оплачиваемую, я становлюсь агентом универсальной дистрибуции знания о том, что работа отвечает всем признакам товара, и уже неважно, что я думаю по этому поводу, поскольку я уже вошел в игру переприсваивания времени. Зная, можно не понимать, но нельзя не делать: разуметь значит уметь. Разница между умением и осознанием умения (способностью научить) и есть разница между распределенностью всеобщей (которой никогда, можно

ревностными защитниками нового учения. В одном из стихотворений того времени тень Декарта благодарит мадемуазель де Лавинь за ее рвение к его философии и за учеников, которых она ей доставила своим умом и своими престестями» (*Герье В. Лейбниц и его век.* СПб., 2008. С. 160).

сказать, не бывает) и распределенностью частной, с каковой мы чаще всего имеем дело. И все же некоторая частная распределенность стремится стать всеобщей, но это свойство не универсально.

Ограниченная распределенность. Порою знание, чтобы оставаться знанием, должно ставить себе пределы. Таковы секреты: секрет не может быть известен одному, поскольку знание — это действие. Если же секрет принадлежит только кому-то одному, то, если он не ничтожен, становится тайной, сладкой, когда выполнение действия приносит сознание превосходства, либо мучительной, когда действие без свидетеля, без противодействия не может стать полноценным актом, поступком.

Знание может быть не только обширным, но и разнообразно долгим. И классификация дистрибутивного знания может быть выстроена не только по степени охвата, но и по продолжительности. Так, есть дистрибуция, время жизни которой совсем недолго. К примеру, когда я, проснувшись, записал сон и был уверен, пока записывал, что записал его весь, однако и на следующее утро, и никогда после не смог восстановить, что именно мне снилось. Такие сообщения можно назвать сообщениями с *нулевой дистрибуцией* (хотя нельзя утверждать, что такие сообщения лишены смысла, ведь есть память о значимости содержания такого сообщения, и остается возможность, что сообщение все же будет расшифровано, поскольку могут вернуться обстоятельства, при которых расшифровка послания может быть осуществлена либо же послание будет составлено повторно). Есть также знание с *отложенной дистрибуцией* или даже с *отрицательной* — Ницше писал, что его книги портят вкус, поскольку после знакомства с ними все остальные кажутся пресными. (Так, брак можно рассматривать как требование отрицательной дистрибуции сексуальности). Одно и то же высказывание может обладать различной дистрибуцией и философское знание обладает распределенностью как положительной (когда хочешь и можешь многим рассказать о том, что узнал), так и отрицательной, ведь знакомство с настоящим знанием позволяет не замечать ненастоящего, попросту не обращать внимания на ерунду.

Поскольку знание — это только то, что циркулирует, то есть распространяется или сужается, взыскует продолжения или сокращения, будем называть *живым* знанием такое, которое тяготеет к смене класса дистрибутивности, и *мертвым* такое, в котором

смена класса невозможна. Тем самым мы утверждаем, что не только любой секрет будет или раскрыт, или перестанет кого-либо интересовать как знание, но и знание, мнящее себя всеобщим, не может выжить, если не опирается на собственную партикулярность.

Время мертвого знания может быть довольно продолжительным, возможно, оно способно длиться дольше живого. Нельзя даже сказать, что мертвое знание хуже, чем живое: отсутствие транзитивности в знании еще не есть этика. Этическое как проявленность нрава, уместности — основного определения живого знания, попросту невозможно в отношении к мертвому знанию. Как писал Алексей Ремизов, «все проклятие вовсе не в том, что человек человеку зверь да еще и бешеный, а в том, что человек человеку бревно»¹. Мертвое несоразмерно с живущими, но мертвое и не убить. По-видимому, единственный способ прийти в себя, если ты захвачен мертвым — это забвение, жестокое и презрительное, это не забвение-прощение и не забвение, чреватое воспоминанием, это забвение, забывшее, что помнило. Мертвое знание не менее требовательно, чем живое. Трудно отличить само качество требовательности, разве что сказать, что требование мертвого отвратительно. К. А. Сергеев описывал такое требование как подмигивающее мышление: мол, мы-то знаем, чего он хочет, когда вот так вот говорит, и заранее нам известно, как устроено его хотение. Мертвое распадается на круг известных и заранее понятных идей, которые не нужно продумывать, ведь невозможно стать агентом мертвого, их нужно озвучивать: мы озвучили такое-то мнение, тот озвучил идею: не значит назвал, или сказал, он высказал невнятной скороговоркой то, что кажется заведомо понятным и потому никогда не уместным. Мертвое знание хотя и циркулирует (и весьма успешно), но остается в одном и том же классе ограниченной дистрибуции.

К тому, что знание может и должно менять класс дистрибутивности, мы привыкли давно и крепко: желание поделиться, сказать «смотри!» в случае расширения поля знания или, напротив, «смотри мне!» в случае сужения — и есть само это упомянутое тяготение к смене класса.

Мы предприняли этот опыт предварительной классификации распределенности знания с одной только целью — показать, что

¹ Ремизов А. Крестовые сестры. [Электронный ресурс] URL: <http://remizov-sisters.narod.ru> (дата обращения: 20.11.2012).

дистрибутивность является специфическим свойством знания, и вся книга — не что иное как попытки исследовать эту форму знания в различных ситуациях. Производство знания — это борьба за отчетливость распределенности: если ты не ведаешь, для кого и при каких обстоятельствах знание есть, то и не знаешь. Отмеченная уже характеристика распределенности, стремление, которое также следует назвать и симпатией, и эротикой, должна быть дополнена еще одной: сама распределенность знания контингентна. С кем именно ты разделяешь знаемое — в этом нет заведомой определенности, но есть причина, и она кроется, по нашему предположению, в указанных характеристиках распределенности. Попытаемся показать, как можно эту контингентность проследить, и какие следует устанавливать здесь причины.

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ПЛАТОНОВСКОГО «ПИРА»: ПРАКТИКИ НЕИЗБЫВНОСТИ

Говорить о понятии эротики в философии Платона трудно, поскольку тема уже слишком обширна, исследования ее необозримо. Чтобы облегчить себе эту задачу, нам хотелось бы ввести термин, который и похож, и не похож на понятие идеи у Платона. Этот термин — неизбывное, то есть такое, поделившись которым, у тебя не убудет. Если я поделюсь яблоком, то яблока станет меньше, а вот печали, или радости, меньше не становится. Для неизбывности неважно, является ли его ресурс неисчерпаемым по некоему заведомому счету. Но нельзя утверждать и того, что неизбывность никак не связана с тратами. Так, щедрость делает щедрого богаче, даже если богатство, которым он поделился, невелико. И все же щедрость заканчивается вместе с богатством. Неизбывное подобно вечным и непреходящим эйдосам в том, что, вспоминая о неизбывном, мы оказываемся причастны самой неизбывности, и неподобно в том, что само неизбывное все же может кончиться.

Красота, добродетель, мужество, даже жизнь — все предметы, условно говоря, ранних диалогов Платона являются рассказами о неизбывном. Во фразе, которая приписывается Б. Шоу, речь идет об идее (если у меня есть яблоко, и я поделюсь им, то у меня яблока не станет. Если же у каждого из нас есть по идее, то, поделившись ими, у каждого будет по две идеи). В этом высказывании

имеется в виду не идея сущего, а задумка, проект, выдумка. Такая активность, которая кажется нам неисчерпаемой, когда создаем и выдумываем. Мы знаем, неким задним числом, что идеи могут иссякнуть, а любовь — остыть, но это задним числом, особым счетом. Ведь когда любим, придумываем, ленимся, любуемся, тогда эти действия предстают перед нами как бы в некоем другом знании и другом счете, как неизбывные, а неизбывность сладка. Когда же мы принимаем, что счетов действительно два, то неизбывное оказывается двойственным: есть счет, в котором богатство — это предмет рачительного попечения, и есть другой счет, в котором неизбывное неизбывно, и тогда предметом счета оказываются не богатство расходуемое, а богатство, разделяемое с другими. Богатство разделяемое и богатство трат — это два разных богатства и, соответственно, две разных экономики.

Платоновский, в школьном его изводе, вопрос, звучит так: что есть сущность (*ousia*, т. е. богатство, имущество), каковая делает богатым всякого богатого? В этом вопросе экономика недостатка подчинена экономике неизбывного, ведь представляется, что неизбывное заведомо лучше оканчивающегося, как если бы в вопросе о богатстве сущего мы руководствовались собственной неизменной жадностью. Хорошо ли задан этот вопрос?

В нем предполагается, что у всякого сущего есть богатство, каковое, будучи распределенным среди многих, оказывается их видом (тем, что видно в их образе), эйдосом, и этот вид обладает такими свойствами как вневременность, неизменность, способность надеяться собой приближающееся. Эйдос — это нечто нерастрачиваемое в разделенности со многими. Это действие — пребывать в разделенности со многими, не убывая, — понимается как причина. Связь вещи и ее причин переопределяется Аристотелем, и с этого наблюдения, спрашивающего о возможности отделить сущее от его сущности, начинается собственно философская традиция: отыскивать первые причины, выявлять ту самую нерастрачиваемую необходимость, в которой вечное/временное является определяющим для всякого сущего.

Основным свойством, отличающим вещи от эйдосов, в школьном изводе платоновского вопроса, оказывается неизменность. Вещи преходящи, тогда как эйдосы всегда себе равны. Хайдеггер в работе «Вопрос о технике» воспроизводит это школьное прочтение, говоря: «Сократ и Платон мыслят сущность вещи как

существо в смысле пребывающей истины. Правда, пребывающее они понимают как всегда существующее. Вечное же существование они усматривают в том, что остается без перемен во всем происходящем с вещью»¹.

Данная статья представляет собой попытку показать, что вопрос, что есть богатство, каким богата всякая вещь, может быть задан иначе, то есть вопрос о двух способах счета богатства, объясняющий различие вечное-временное решающим для разговора о сущем самом по себе, может оказаться поспешностью в определении неизбежности богатства и в согласовании двух его счетов.

Вернемся к соображению о яблоках и идеях. Оно указывает, что эти предметы обладают разной степенью неизбежности. У яблока неизбежности нет, а у идеи есть. Это не означает, что всякая идея обладает всеобщей неизбежностью, потому что для кого-то она окажется уместной, для кого-то — нет. Собственно, так Платон и определяет, в «Федре», отличие хорошей, философской, риторики от плохой: хороший ритор обращается к разным аудиториям с уместными речами, плохой — с одной и той же (277с). Когда мы спрашиваем о причинах, принимая их за заведомо неизбежные, не уподобляемся ли мы разом двум персонажам из этого диалога: и плохим риторам, задающим одни и те же вопросы к различному, и записанным сочинениям, которые «находятся в обращении везде» (275е), твердя одно и то же так, что их невозможно переспросить?

Быть неизбежным, то есть взывать к уместному и вовлекать в нерастрачиваемое, значит вовлекать в обращение. Правила, законы, порядок описывают это обращение, но различным образом. Правила дорожного движения уместны повсюду, где есть движение, дороги и склонность и следовать правилам поведения на них, тогда как правила приготовления утреннего кофе отличаются от раза к разу. Отклоняться от правил ПДД значит нарушать их, тогда как отклоняться от правил приготовления кофе, глядя на настроение и самочувствие, значит следовать им. Неизбежность эротична, она заставляет многих собираться к одному, но эта эротика неоднородна.

¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 235.

Руководствуясь этим соображением, что эротика неизбежных вещей разнообразна, мне и хотелось бы предложить способ прочтения платоновского «Пира».

Это необычный пир. На нем не едят и не пьют. Поначалу все поужинали. А после речь в диалоге заходит об особой, очень хрупкой взаимной притягательности, объединившей всех участников, о похмелье. Зыбкое присутствие, требующее и заботы о себе, и проявления особого внимания к другим. Эта забота предваряет весь разговор:

«Хорошо бы нам, друзья, — сказал он, — не напиваться допьяна. Я, откровенно говоря, чувствую себя после вчерашней попойки довольно скверно, и мне нужна некоторая передышка, как, впрочем, по-моему, и большинству из вас: вы ведь тоже вчера в этом участвовали; подумайте же, как бы нам пить поумеренней...» (176 b).

Собеседники приняли решение пить без принуждения. То есть не за традиционным столом, который единым потоком вовлекает всех присутствующих в разрастающееся торжество, а так, чтобы учесть случившуюся раздробленность. Похмелье разделено на всех примерно равным образом. В нем есть свои преимущества. Похмелье, в добром смысле этого слова, обладает некой неизбежностью, но его сбережение трудно и неоднозначно. От правила типа ПДД собеседники отказались в пользу инструкций для приготовления утреннего кофе. И потому первая речь Федра, речь об Эроте едином, древнейшем и лучшем, отвергается, она попросту не соответствует аудитории: «По-моему, Федр, мы неудачно определили свою задачу, взявшись восхвалять Эрота вообще» (180 d).

Эрос дробится, речь Павсания — о сопряженности одного и другого Эротов. Ключевой же в этом разговоре о разнообразии эротического мне представляется история, рассказанная Аристофаном, которая — не столько об Эроте, сколько о разделенности могущества и о могуществе разделения. Трехполым людям казалось, что их могущество не имеет предела, что оно неизбежно. Дело, конечно же, не в том, что они в чем-то заблуждались, напротив, именно таков рефлексивный слепок могущества: сильный, большой, без меры. Трехполым хотелось делиться своим могуществом без всяких ограничений, ведь нет границ для самого могущества. Чтить богов — значит оберегать неизбежное

и проявлять заботу о нем, но знать себя могущественным значит забыть о сбережении, преодолевать всякие и все границы. Неизбывность притягательна, но безрефлексивна, любая рефлексия здесь заведомо мóрочна, поскольку будет преодолена могуществом, осилена. Чтить богов, то есть оглядываться на обстоятельства, которые создают условия для неизбежности, но не совпадают с шарообразностью, многорукостью или многоногостью трехполых, попросту невозможно. Потому они и не оберегали собственное могущество, возвращая похвальное слово богам, но, напротив, послушны были силе, задумав, подобно гомеровским героям, напасть на богов. Нападение на богов — это уже отрицательная неизбежность, которая не открывает, а закрывает. Ева ела со всех деревьев, но яблоко оказалось последним плодом в Саду. Охваченный эросом может влюбиться слишком сильно, так что ему недоступен станет и не только никто другой, кроме одного, но и вовсе никто другой.

Андрогины шарообразны, каждый пол — на свой манер, солнечный, земной или смешанный, лунный, но однообразный в выполнении одного и того же. Упивающиеся могуществом люди подобны птичкам, что поют свои песенки изо дня в день. Но богам, началам неизбежности, недостаточно птичьих посвистов, как бы те ни звались: могущество, мужское, женское или общее одного только действия эйдоса в человеческой природе недостаточно для усмотрения эйдоса.

От шарообразности людей Зевс, «насилу кое-что придумав», избавляется, разделив их пополам, «как разрезают волосом яйцо». И тут-то обнаружилось, что тяга к шарообразному могуществу сильнее смертного страха: люди стали сплетаться и, не желая расставаться, умирали от голода и бездействия, поскольку срастись не выходило, а быть порознь им было уже не в состоянии. При этом они не искали исключительно «свою половинку» — если одна из половинок умирала, то оставшаяся выискивала «любую другую и сплеталась с ней независимо от того, попадалась ли ей половина прежней женщины, или прежнего мужчины» (191b).

Фичино в своем комментарии к «Пиру»¹ трактует разделение людей как отказ от дарованного (сверхъестественного) света

¹ Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона // Эстетика Ренессанса / в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 167.

в пользу одного только врожденного (естественного), а эрос, заставляющий повзрослевших, то есть оправившихся от поселения в теле людей, испытывать влечение друг к другу — как возвращение к божественному свету любви. Причем вначале Фичино говорит, что этот божественный свет следует понимать как целостность (как подобие шару), но затем его комментарий идет иным путем: естественный свет может стать искрой для божественного, но и пользоваться только божественным светом значит оставить землю без «разумных животных»¹. При этом обращение к светам устроено так, что возможно и владение обоими, и каждым порознь. Таким образом, Фичиновское прочтение вовсе не является воспроизведением неоплатонической схемы восхождения к единому. Напротив, как замечают Д. Н. и О. Ю. Гончарко², Платонов вопрос задан об Эроте в форме тавтологии (в переводе С. К. Апта эта формулировка сглажена и потому не звучит столь отчетливо): «Эрос — это эрос к кому-то или ни к кому?» (ὁ Ἔρως ἔρως ἐστὶν οὐδενὸς ἢ τινός; (Plat. Sym. 199 e — 200 a)). Гончарки указывают, что на этот вопрос не дать отрицательного ответа. Но эрос, и Платон об этом пишет, это притяжение неизвестно к кому. Но какой бы, утвердительный или отрицательный, ответ ни дал собеседник, он признает, что Эрот таков, что не есть сам по себе, но всегда — к чему-то, с чем состоит в эротическом отношении. Эрот — это нечто, что есть только в форме распределенности, переходности к.

Возвращение к «первоначальной природе», о котором ниже говорит Аристофан — нахождение соответствующего предмета любви, то есть возвращение к неизвестной целостности, каковая вовсе не есть бывшее шароподобие в ком-то одном, но — сама сила, которая все преодолевает, как и вечно отзывчивый Эрот. Именно эту интуицию — возвращение к неизвестному в отыскании заведомо знакомого и разворачивает в своей речи Сократ, утверждая не божественное, а смешанное, даймоническое происхождение Эрота. Таким образом, «эротологию», изложенную

¹ Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона. С. 169.

² Гончарко Д. Н., Гончарко О. Ю. Платоновский «Пир» и закон тождества // Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии: сб. тезисов по материалам XXVI науч. конф. СПб., 2018. С. 105.

в статье Ирины Протопоповой¹, нам остается дополнить только замечанием: ни древность, ни величие Эрота, ни его молодость и нежность вовсе не противоречат его двойственности, смешанности происхождения, или схожести с силеноподобным Сократом. Следование наилучшему, как утверждает Аристофан, — это встреча с тем, что тебе сродни. Родня здесь тот, кто, как и ты, не имеет определенного лица, но обретает его только в эротической вовлеченности.

Чтобы дочитать миф, рассказанный Аристофаном, нам остается только следовать предписанию Ж.-Л. Нанси: «Что возлагается на нас — это удержать момент „внеположенности“ как имеющий существенную ценность, причем столь существенную, что эта внеположенность не соотносится более ни с каким „я“: ни индивидуальным, ни коллективным, если при этом не удерживается незыблемо *внеположенность сама по себе и как таковая*²».

Аполлон, избавляя людей от шароподобности, оставляет следы бывшего состояния, «возле пупка и на животе», в напоминание от избавления от неверно понятой неизбежности. Но как только обнаружилось, что память о былом могуществе чревата смертью, потребовалось еще одно вмешательство. Здесь уже за дело берется сам Зевс, переставляя срамные места так, чтобы можно было ими соединяться, избавляло разделенных от страсти к воссоединению, от еще одной иллюзии неизбежности, и позволяло зачинать жизнь или попросту отдыхать друг от друга. Если избавление от шарообразности — это признание, что в неизбежном всегда два счета, растрата, то эрос — это избавление от иллюзии того, что не растратченное может кому-то принадлежать. Неизбежное близко не к собственному, а к чужому.

Особую трудность для нашего прочтения представляет рассказ Аристофана о предполагаемой встрече любовников с Гэфестом, который обещает им механическое, инструментальное воссоединение, так, чтобы тел у них теперь стало не два, а одно, как при жизни, так и в Аиде. И «половинки», как ни странно, соглашаются. Как если бы однажды утратив единство и погоревав

¹ Протопопова И. А. Платон, Вл. Соловьев, Ж. Лакан: от «андрогина» к «агальме» (Трансформации платоновской «эротологии») // Вестник РГГУ 2015. №5 (148). С. 22. (Философия. социология. искусствоведение).

² Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004. С. 57. Курсив автора.

о нем, незадачливые любовники снова согласны вверить себя соблазну могущества. Как если бы вся эта эротика — ради восстановления четверицы рук и ног. Кьеца, вслед за Лаканом, предлагает нам здесь видеть трагическую насмешку Платона: недоступность целостности, раскрывающаяся в предполагаемом диалоге любовников и Гефеста, должна быть дополнена осознанием того, что любовник любит то, чего у любимого нет¹. И все же одной только этой констатации недостаточно.

После речи Аристофана, после того как открылось, что смешивать типы неизбежного смертельно опасно для людей, сколько бы полов у них ни было, в повествовании появляется фигура гения. Который сам по себе — никто, не красивый, и не безобразный, а единственно чем только и наделен — это стремлением, Эросом. Эта — фигура нескончаемого влечения, как если бы истории, только что описанной Аристофаном, никогда и не было. Эрот-философ как будто избежал дизайнерского решения Аполлона, правда, он никогда и не был целостен, у него нет пары, он *не* красив и *не* безобразен. Всеобщей неизбежностью своего влечения он обречен на неопределенную множественность эротических объектов, и не способен от нее отступить.

В истории философии есть странная переключка. Платоновский гений без особых свойств только и делает, что соблазняет. Но точно такой же гений появляется и у Декарта, правда, это уже злой гений, *malus genius*, недостаток притязательности коего на всеобщность открывается только в отождествлении бытия всякого сущего с ясностью и отчетливостью идей. Гений Картезия — это фигура, усиливающая сомнение, предельную нерешенность вопроса, что есть сущее, от него избавляются, тогда как Сократ «Пира» — не для избавления. Фигура эта явно искусственная, но образцовая и притягательная в своей образцовой эротичности.

Эта фигура неказистого гения важна для всякого сообщества: она соединяет, но не говорит, надолго ли, и с чем именно. Это чистая переходность, эротизм сам по себе, некая идея Иного. Он — вестник других, но сам незаметен в своей неказистости.

¹ Кьеца Л. «Le ressort de l'amour»: Лакан и Платон [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2011. № 112 (6). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/k5.html> (дата обращения: 09.11.2018).

Сократ здесь является фигурой всеобщей неизбежности, того, что не заканчивается, но существует не само по себе, а только от других, неким заимствованным бытием. Алкивиад рассказывает, что этот тип эротика к ограниченной неизбежности как раз не способен: Сократ отвергает притязания Алкивиада, поскольку тот предлагает частную, а не всеобщую неизбежность эротического. Сократ соблазняет, но не поддается какому-то одному соблазнению, потому что уже всегда соблазнен, увлечен Другим. Сократа нельзя полюбить, потому что здесь некого любить.

Рассказ о неказистом гении и является, на наш взгляд, ответом на загадку, заданную анекдотом о любовниках Гефеста. Любовники, говорит Аристофан, «сами не знают, чего, собственно, хотят друг от друга» (192 с). Потому что не они вовсе хотят. Их влечение начинается не с них, а с другого, именно Другой оказывается ближе, чем самое самó, которое и становится заметным только в силу уже случившейся вовлеченности, распределенности знания. Осознание желания — только утверждение интимности, которая уже случилась, двое (или многие) уже со-впали в некой интимной ситуации, если случилось притяжение, значит, идея уже витала в воздухе, осела, превратилась неузнаваемо в утверждения и требования, посредством степеней нормирования достигла «ортоэстезии»¹.

Именно эта способность отыскивать еще не определившуюся интимность позволяет длиться хрупким сообществам. В отличие от традиционного застолья, собеседники на следующий день не очень понимают, зачем они здесь: что-то еще (или еще раз) длится, но что — не угадать, пока не выдержишь взаимности, не поддашься волнам притяжения и отталкивания.

Таким образом, подлинным героем истории, рассказанной в «Пире», является не Сократ-соблазнитель, а хрупкое сообщество похмельных мужей, которые и нуждаются в воссоединении, и осознают единство взаимного притяжения, и знают, что притяжение бывает разных родов, как пошлым, так и небесным. То самое состояние, в котором уже разлита взаимная притягательность, но которая нуждается в особой фигуре, ценной именно в силу ее незаметности. Сократ здесь — не учитель эротика, а попросту

¹ Вальденфельс Б. Происхождение норм из жизненного мира // Мотив чужого: сб. / пер. с нем. Минск: Пропилеи, 1999. С. 87.

бесстрастный сосед, фон, на котором собственно эротическое, эрос времени, описанного в «Пире», только и мог быть обнаружен.

Итак, если мы принимаем во внимание различные классы неизбежности, их по крайней мере три (отрицательный, частный и всеобщий), и не станем подчинять одну экономику неизбежности другой, то станет ясно, что ответ на вопрос, каков Эрот, вовсе не сводится к некоему «правильному» восхождению к небесному Эроту. Эрот различен. Но замечен он только в том усилии возобновления дружественного расположения, которое проявляется неперменной неизбежностью, предьявленной в фигуре Сократа-гения. А вопрос о сущности Эрота только очень приблизительно может быть задан в форме «что есть Эрот?», но, скорее, скольких Эрот?, или — которые из Эротов?

Раздел 1

ПРАКТИКИ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ЗНАНИЯ

1.1. ПОРЯДОК РАСПРЕДЕЛЕНИЯ (К КРИТИКЕ ДИСТРИБУТИВНОГО РАЗУМА)¹

А. А. Погребняк

Не следует огорчаться этим, раз роды по своей природе взаимодействуют. Если же кто с этим не согласен, пусть тот опровергнет сначала наши предыдущие рассуждения, а затем также и последующие.

Платон. Софист. 257а.

Только бы это не стало классификацией.

Роман Михайлов. Равинагар

«Анализ экономическими социологами *sharing economy* [совместной/долевой/коллаборативной экономики. — А. П.] выглядит куда более прозаично и прагматично, нежели экзистенциальные пассажи их коллег-антропологов»², — говорится

¹ Данная глава представляет собой переработанный текст статьи: Погребняк А. А. «И только затем...», или окончательное распределение // *Einai*. 2018. Т. 7. № 2(14). С. 149–161.

² Паченков О. В., Яшина А. В., Шукин Д. А., Ненько А. Е., Веркеев А. М., Платонова Ю. Ю. Новые городские экономики // *Экономическая культура мегаполиса: Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. М.; СПб., 2017. С. 78.*

в статье, где описано исследование новых (или альтернативных) экономик, осуществленное коллективом авторов, среди которых есть и социолог, и антрополог, а также представители других социальных наук. Читатель этой статьи сразу сталкивается с целой сетью сетей, в рамках которых распределены совершенно разные реальности: реальность объекта (стандартная «рыночная» экономика, претендующая существовать в единственном числе — и существующие во множественном числе экономики альтернативные, «нерыночные»), реальность субъекта (специалисты различных областей знания: экономисты, экономические социологи, антропологи, но также представители бизнеса и других сообществ), реальность логики (так, в исследовании, о котором идет речь, «альтернативную экономику» предлагается понимать не «субстанциально», а по модели «семейного сходства», предложенной Витгенштейном), реальность ценностей (например, «прозаичная прагматичность» vs «поэтическая экзистенциальность») — вполне вероятно, что список этот можно продолжить. То, что распределено в этих сетях, само существует в процессе перманентного перераспределения: кто готов поручиться, что некое сформировавшееся пространство нерыночных отношений завтра не будет подвергнуто огораживанию и захвачено рынком, что экономический социолог не переквалифицируется в ортодоксального экономиста, верящего в рационального индивида, а не в социальное взаимодействие? Наконец, любая попытка «рационально упорядочить» перечисленные поля, или сферы, или как вам еще угодно все это назвать, — например, непротиворечиво распределить их по родам и видам, — тут же будет подорвана, причем опять-таки не каким-то единственным образом — возможно, это будет диалектика, но возможно, экзистенциализм, или шизоанализ, или какой-то другой существующий (или еще не существующий) способ распределения и перераспределения знания.

Те экономисты, которые относят себя к неортодоксальной, альтернативной форме мысли, объединены общим жестом восполнения «чисто экономической» аксиоматики («рациональные индивиды, вступающие друг с другом в отношения на предмет оптимального распределения редких ресурсов») данными, почерпнутыми из других дисциплин: юриспруденции, психологии, социологии, антропологии. Например, они говорят о необходимости

доверия как той социальной основы, без которой невозможна работа институтов экономики — включая важнейший, а именно деньги; но доверие — не свойство предметов или вещей, поэтому оно являет собой крайне ненадежную основу надежности, вот почему мы так стараемся его опредметить, овеществить — символически воплотить сеть взаимных негласных обязательств. Но разве конституированная таким образом *res publica* не служит в то же самое время «вытесняющим представлением», формирующим сообщество «правильных других» («друзей»), направленным против чужих, Чужого?¹ И — более радикальный вопрос: разве любая «хорошо конституированная» вещь, ладно оформленная материя, не отсылает к чему-то, что радикально сопротивляется любому оформлению?

Антон Заньковский на примере пятерых авторов — Леонида Липавского, Жана Поля Сартра, Бена Вударда, Жилия Делёза и Бруно Шульца — представил специфическую «перевернутую» онтологию, в рамках которой материя домогается не формы, но лишенности, благодаря чему населяет опыт нашего сознания различными отвратительными образованиями: пузырями, слизью и т. п. Замечательно, правда, то, что сам этот опыт способен порождать крайне непохожие, вплоть до противоположных, оценки — в диапазоне от тревоги и ужаса (Сартр, Вудард, Липавский) до восторга и наслаждения (Делёз, Шульц). Еще замечательней оказывается предложенная автором генеалогия этих явлений и реакций на них, истоком которой с его точки зрения является аристотелизм, взятый на вооружение христианством: «После Страшного Суда деструкция и целостность окончательно распределятся: плоть станет нетленной, а тление навеки соберется в ад. Если перевести все это на язык аристотелевской онтологии, то Христос спасает Адама (форму, душу), искупая вину Евы (материи) и устраняя лишение (*steresis, gres*). На этой почве рождается страх перед бесформенной и суверенной материей, подвижной и необузданной, подверженной изменениям и беспричинным аффектам, — материей, которая отдала предпочтение

¹ О критике республиканской парадигмы как расширенной формы частного присвоения, игнорирующей возможность признания «ничейного» как подлинно общего, см.: Магун А. В. *Res publica sive nullius* [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. №1 (57). URL: http://ecsocman.hse.ru/data/237/478/1209/NZ_2008_1_1-2_Magun.pdf. (дата обращения: 06.01.2020).

хаосу, а не логосу, смертности, а не бессмертию»¹. Джорджо Агамбен точно определил извращенный характер этого эсхатологического фантазма: парадигмой «окончательного распределения» выступает отнюдь не только четкое разграничение бездеятельности славящих бога «ангельских министерств» и деятельности вечного наказания грешников, производимого демонами, — но и непрерывное наслаждение, которое испытывают попавшие в рай праведники, наблюдая оттуда вечные муки оказавшихся в аду². Так что понятно, как уже сегодня представление жуткой изнанки нашего жизненного мира может вызывать противоположные реакции — от отвращения до наслаждения!

Критическое осмысление экономической жизни современного общества выявляет те же тенденции. В своей пронизательной работе «Деньги между доверием и насилием» Мишель Аглиетта и Андре Орлеан не просто указывают на факт атомизации социума, на возникновение такой «реальной абстракции» как «товарный индивид», но и подчеркивают сугубо реактивный характер этого «факта»: дело не только в том, что движение от архаического общества с его системой изначально наложенных разветвленных социальных обязательств в сторону общества современного, где индивиды связаны друг другу исключительно в меру своих собственных добровольных решений, означает стремление ко все большему оформлению и дифференциации социальной «материи», но и в том, что подобный индивид оказывается в негативной связи с этим призраком первобытного (или базового, по определению Дэвида Гребера) коммунизма, который является ему в целой веренице образов — от «оппортунистического поведения» делового партнера, очевидно, только и думающего о том, как воспользоваться лазейками в формулировках контрактных обязательств, и до поистине демонических персонажей, скрывающих под маской доброго соседа личину абсолютного зла (лучший пример последнего — начальные сцены некоторых фильмов Михаэля Ханеке, таких как «Забавные игры», где в загородный коттедж к приехавшей на отдых семье заглядывает пара приличных молодых людей и просит одолжить яйца для

¹ Заньковский А. Онтологическая революция слизи / Бен Вудард. Динамика слизи // Логос. 2018. Т. 28. № 2. 2018. С. 275–276.

² См.: Агамбен Д. Царство и слава / Теологическая генеалогия экономики и управления. М., 2018. С. 273–274.

коктейля, после чего все оставшееся экранное время методично истязает этих ни в чем не повинных людей; или «Время волков», где отец семейства в первых же кадрах получает пулю в лоб от забравшихся в его дом беженцев...). «Товарный индивид, — не без иронии пишут Аглиетта и Орлеан, — предпочитает запастись больше соли, чем нужно, а не обращаться при случае за ней к соседу из страха быть ему обязанным. Солидарность стала обременительной и неприличной»¹. Марксисты дали много описаний того, как буржуазный субъект заключает себя в «футляры вещей», но только стенки этих футляров оказываются проницаемыми, ведь на их внутренней стороне, как на киноэкране, возникают образы внешнего мира, являющиеся на деле проекциями глубинной тревоги «хорошо упакованного» субъекта — поэтому, как подметил Вальтер Беньямин, сами вещи в буржуазном интерьере в свою очередь помещались в чехлы и футляры, чтобы внутри дома можно было защититься от той демонической энергии, которую излучает их товарная форма².

Аглиетта и Орлеан, безусловно, правы, когда говорят о фантазме всемогущества, который движет желанием «товарного индивида», стремящегося заменить ненадежные и затратные социальные отношения их вещными аналогами — как если бы мир вещей гарантировал солипсистское, монологическое мироустройство, пусть хотя бы в приватной сфере домохозяйства. Но это — напрасный труд, ведь истинная субстанция вещей имеет социальную, интерсубъективную природу: товар — это не только и не столько средство удовлетворения потребностей, сколько объект-причина желания. Поэтому представление о том, что распределение благ происходит в форме диалога двух индивидов, каждый из которых точно знает, чего именно и в каком количестве он хочет (индивидуальная функция полезности, полная дифференцированность их предпочтений), игнорирует тот факт — или даже служит условием возможности его игнорирования, — что в реальности этими индивидами движет *общее* желание *богатства*, а не идеально сбалансированной персональной потребительной корзины. Таким образом, исходную ситуацию нужно понимать как «ситуацию, выдвигающую на сцену принципиально недифференцированных индивидов, ищущих одну и ту же вещь, а именно богатство. Миметизм [а не «диалог». — А. П.]

¹ Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием. М., 2006. С. 54.

² См.: Беньямин В. Центральный парк. М., 2015. С. 46.

выражает это первичное недифференцированное состояние то-варного общества в том виде, как оно обнаруживает себя при отсутствии единодушно признанного принципа богатства»¹. Богатство можно определить как то, о чем мы думаем, что все значимые другие о нем тоже думают и, главное, будут думать именно как о богатстве, то есть о том, что будет как минимум сохранять свою стоимость в будущем. Деньги в этом смысле — это прежде всего символ богатства, а не знак полезности: важна не величина стоимости как таковая, а способность, сила актуализировать эту величину. Иначе говоря, феномен богатства (денег) демонстрирует то, каким образом «фантазм всемогущества» в своей попытке экранировать тревогу перед собственной немощью сам пропитывается ею как своей жутковатой субстанцией.

Несколько лет назад по телевидению шел репортаж о Монако, где владельцы квартир с видом на море протестовали против плана новой линии застройки на насыпной территории, поскольку это привело бы к резкому понижению стоимости их жилья². То же самое справедливо и для психической экономики, описанной Фрейдом: проблема счастья — это «проблема хозяйского использования индивидуального либидо»³, и она была бы разрешима, если бы вопрос о благоприятной или неблагоприятной природе влечений был полностью во власти индивида. Поэтому не случайно, что не только в психоанализе, но и в экономической мысли возникает тема судьбы и, в связи с этим, социально-этическая постановка вопроса:

«Денежные правила отражают глобальный социальный проект, в котором уточнено место каждого человека и определены под-

¹ *Аглицта М., Орлеан А.* Деньги между насилием и доверием. С. 84.

² Для такого рода случаев Фридрих фон Хайек формулирует следующий принцип: «Правила справедливого поведения дают возможность определить, что именно принадлежит такому-то человеку, но ничего не говорят о том, чего стоит принадлежащее ему имущество или какую пользу оно должно приносить тому, кто им владеет» (*Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 290). В этом — вся суть неолиберального подхода: все права собственности (всякая «чтойность») должны быть четко специфицированы и зафиксированы в соответствующих титулах стоимости. О том, что «специфичность» (*species*, «вид»: например, вид на море, вид моря, морской вид) может быть понята иначе, *не* как то, что априори подлежит частному присвоению, будет сказано дальше.

³ *Фрейд З.* Художник и фантазирование. М., 1995. С. 308.

лежащие достижению цели. В них общество находит свое выражение как «сообщество судьбы». Этическое доверие имеет своим фундаментом коллективную поддержку проекта. Именно это доверие лежит в основе деятельности центрального банка — символического гаранта денег как резервного средства. Вот почему можно сказать, что деньги черпают свои регулирующие свойства из своей способности выражать систему ценностей, разделяемую всеми участниками обмена»¹.

Мысль, стоящая за этим утверждением, прозрачна: деньги лишь *во-вторых* кодируют индивидуальные функции полезности, позволяя индивидам сравнивать степень настоятельности своих потребностей и вступать на основе этого сравнения во «взаимовыгодный» обмен; *во-первых* же они отсылают к той общей «нравственной субстанции», которая является неким конститутивным фоном для любого возможного распределения и перераспределения ресурсов. Если эта нравственная субстанция расколота, и равноправие граждан является лишь фикцией, маскирующий, к примеру, привилегии кредиторов перед должниками, то деньги выступают воплощением «злой судьбы», разрушая саму возможность «взаимовыгодности» (или, скорее, превращая ее в насмешку: если ты берешь кредит на разорительных для тебя условиях, то это значит, что не брать кредит представляется тебе еще худшей перспективой!). Аглиетта и Орлеан приводят конкретно-исторические примеры такого рода этических условий возможности экономики, или своего рода коллективных выборов «доброй судьбы», — ближайшим к нам по времени с их точки зрения являлся проект социальной рыночной экономики в ФРГ, миссия сохранения которого была возложена на «Бундесбанк»².

Но здесь следует задаться более радикальным вопросом: какова метафизическая природа того *этоса*, который обладал бы способностью оформлять проект общественной жизни, не попадающей в порочный круг практик распределения и перераспределения — движения туда-сюда-обратно между полюсами условного «социализма» и столь же условного «либерализма»? Чтобы ответить на этот вопрос, имеет смысл обратиться к концепции Агамбена, в рамках которой продумывается возможность

¹ Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием. С. 122.

² См.: Там же. С. 341.

этики, способной выходить за пределы парадигмы долга и судьбы (поскольку любые долги в итоге оказываются неоплатными, а любая судьба — злой) и строиться на верности идее счастливой жизни (как если бы приговор, вынесенный Кантом счастьем, не был окончательным¹). Моделью подобной этики будет не трагедия, а комедия — а точнее, то истолкование их соотношения, которое зафиксировано в одном раннем (1919 г.) тексте Беньямина, озаглавленном «Судьба и характер». Задавая вопрос о том, «является ли счастье, равно как и, вне всякого сомнения, несчастье, определяющей категорией судьбы?», Беньямин тут же высказывает сомнение, говоря: «Ведь счастье, скорее, выпутывает счастливого человека из сплетения судеб и из сетей его собственной судьбы»². Вот почему если трагедия показывает нам героя, который своими действиями обнажает истинную цель правового порядка, заключающуюся в том, чтобы конституировать жизнь человека как априори виновного («Право приговаривает человека не к наказанию, а к вине»), то комедия опровергает идею о том, что подобная виновность всегда уже впечатана в жизнь человека и составляет его характер: «Судьба представляет чудовищно запутанную ситуацию виновной личности, запутанность и связность ее вины, характер же дает ответ гения на мифическое порабощение личности в контексте вины. Запутанная ситуация становится простой, фатум оборачивается свободой. Ибо характер комического персонажа — не пугало детерминистов, а светильник, в лучах которого становится видна свобода его действий»).

В доказательство Беньямин приводит тот факт, что даже в случае таких отрицательных черт как, например, «вороватость», «лукавость», «мстительность», если показ их осуществляется в комическом ключе, эффектом никогда не будет моральное осуждение, но — большое веселье³. Эффект этот достигается благодаря тому, что удается не превращать эти черты в сущность, в глубинную природу персонажа, детерминирующую все его существо, не делать из них сеть для успешной поимки индивида, но — вывести их из по-

¹ О полемике с Кантом в контексте вопроса о счастье см.: Агамбен Д. Профанации. М., 2014. С. 19–23.

² Беньямин В. Судьба и характер / Учение о подобии // Медиаэстетические произведения: сб. статей / И. Чубаров, И. Болдырев. М., 2012. С. 55.

³ Там же. С. 59.

рядка распределения долгов и обязанностей и продемонстрировать как своего рода «чистые приключения», уникальные события, специфичные возможности, которые касаются как каждого в отдельности, так и всех вместе, но при этом не определяющие идентичность кого бы то ни было.

В конце своего маленького исследования Бенджамин, как это ему свойственно, делает загадочное заявление о том, что освободительный потенциал характера — тут же следует оговорка: «как здесь, однако, не будет показано» — основан на его сходстве с логикой¹. На сходстве с какой именно логикой, разумеется, не сказано, об этом можно только догадываться. Но ответ, возможно, содержится в ряде текстов Агамбена, где он касается именно логических (и, разумеется, онтологических) проблем, но всякий раз связывая их с вопросами этики, политики и эстетики. Так, в главе 17 своей книги «Грядущее сообщество», озаглавленной «Омонимы», он неожиданно обращается к сюжету так называемого парадокса Рассела, который выявил проблему существования непредикативных свойств или понятий (понятия, «которые не могут определять класс, не впадая при этом в антиномию»²). Решение этого парадокса, полагает Агамбен, может быть получено только в том случае, если мы отойдем от представления сущего по способу «иерархии типов» и обратимся к теории идей.

Но чем принципиально отличается идея сущего от класса сущих? Агамбен отсылает здесь к различию синонимии и омонимии: если класс задает синонимичность явлений, т. е. соответствие имени и определения, то идея — их омонимичность, то есть различие определений при тождестве имени; иначе говоря, «один и тот же объект одновременно принадлежит и не принадлежит к одному и тому же классу», но с тем дополнением, что не-принадлежность классу в данном случае означает связь с идеей: «Это отношение не образует еще одного класса, но в каждом классе оно есть то, что освобождает единичное от его синонимии, от его принадлежности к определенному классу, однако при этом оно отнюдь не лишает его имени или принадлежности, поскольку высвобождает *само* имя, чистую и безымянную омонимию. Если сетка понятий непрерывно вводит нас в мир сино-

¹ Там же. С. 60.

² Агамбен Д. Грядущее сообщество. М., 2008. С. 65.

нимических отношений, то идея — это как раз то, что вторгается, чтобы всякий раз разрушить видимость абсолютности этих отношений, продемонстрировав их несостоятельность»¹. Логика идеи, похоже, и есть та самая «освободительная логика», на основе которой, согласно Беньямину, воздействует на нас то или иное свойство характера, изображенное в комическом ключе: «вороватость» и «лживость» персонажа не включают его полным и исчерпывающим образом в класс воров и обманщиков, не превращаются в некие субстанциальные свойства его природы, но делают его самого, а также его жертв, носителями некой общей акциденции, индивидуальной и одновременно родовой «выразительной черты». Появление вора и лжеца на сцене выводит его из синонимичности, задающей класс воров или лжецов, и вводит в пространство омонимии, т. е. идеи: тот, кто ворует и лжет на сцене — не ворует и не лжет по определению, а делает это лишь по имени, лишь *делая вид*, что он вор и лжец. (Замечание насчет того, что это ведь делается «не по-настоящему», выражает лишь нехватку воображения и, соответственно, самый убогий консерватизм. Сегодня люди самых разных возрастов могут проявлять свои нежные чувства друг к другу в публичных местах — например, целоваться на эскалаторах метро, — лишь потому, что теперь все мы не стесняемся показаться немного комичными там, где когда-то дело могло закончиться трагедией: из распутников «по своей сути» мы перешли в распутников «только по имени», да и то лишь потому, что есть еще те, кто помнит о «серьезном», синонимичном значении этого имени. В этом смысле коммунизм можно было бы представить как общество, где все будут открыто и беззастенчиво предаваться «воровству» — так, «голубой ворюшка» Альхен из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова был поистине трагикомичным персонажем не в силу своего, пусть и застенчивого, воровства, но именно в силу самой застенчивости своего воровства — как если бы он уже склонялся к идее коммунизма, но еще не верил в нее². Собственно, фаланстер Фурье

¹ Агамбен Д. Грядущее сообщество. С. 70.

² Олег Аронсон, анализируя «Карманника» Робера Брессона, замечает по поводу сцены краж на вокзале: «Нам показывают ловкость и изобретательность воров. Каждый фрагмент — своеобразный аттракцион, в восприятии которого моральная оценка притушается, а на первый план выходит восхищение зрелищем обмана, мошенничества, манипуляции. Этот эпизод выглядит

является местом, где те или иные характерные черты освобождаются от уз того «сообщества судьбы», которым является цивилизация, и формируют многочисленные серии, поднимающие на смех ограниченное воображение «цивилизованных»; к примеру, дыни, не переставая, конечно же, принадлежать к определенному классу сельхозпродукции, в то же время выходят из этого класса, превращаясь в некую специфическую форму всеобщей коммуникации, связывающей друг с другом лошадей, кошек (им скармливают незрелые плоды), людей, образующих содружества гастрономов, и, наконец, самого Бога, создавшего дыни как пример «иронической гармонии», способный «невинно мистифицировать пиры»¹).

Обоснованию логики идеи посвящено небольшое, но удивительно емкое эссе Агамбена «Специальное бытие», включенное в книгу «Профанации». Здесь показано, как *species*, «вид», изначально зафиксированный в качестве акциденции, а не субстанции, может пониматься как истинная сущность человеческого бытия:

«„Специальный“ означает красивый и *только затем* неистинный, видимый. Вид означает то, что делает видимым, и *только затем* принцип классификации и эквивалентности. „Сделать вид“

как своеобразный фильм-в-фильме, где изобразительной аскезе, стремящейся к открытию трансценденции, противостоит чистое кинематографическое удовольствие, воплощенное в аттракционе кражи» (Аронсон О. От фотогении бедности к киногении денег // Кино / Капитал: сб. док. VI межд. науч. конф. Центра исследований экономической культуры СПбГУ / А. Артамонов, А. Погребняк. СПб., 2018. С. 31). Можно было бы добавить по этому поводу, что, оставаясь в рамках определенного класса занятий — воровства, *хищения*, — руки воров как бы отрываются от них как носителей воровской сущности, начинают жить своей самостоятельной жизнью и *восхищают* нас чистой виртуозностью своего бытия. Очевидно ведь, что это та же самая «ручная работа», к которой прикован наш взгляд в его же фильме «Приговоренный к смерти бежал»: «Большие куски „Приговоренного к смерти“ и „Карманника“ бессловесны — пишет Сьюзен Сонтаг, — они сосредоточены на красоте человека, поглощенного своим замыслом. Лицо его спокойно, а другие части тела, будто послушные слуги, находятся в постоянном движении, они предельно экспрессивны» (Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М., 2014. С. 203). В финальной части последнего фильма Брессона «Деньги» опять-таки руки главного героя будут молитвенно касаться рук приютившей его женщины, которую он затем убьет, как бы отвернув, отвратив свои руки от всего того, чем они (а, значит, и он сам) были восхищены.

¹ См.: *Барт Р.* Сад, Фурье, Лойола. М., 2007. С. 120–126.

означает „прикинуться, ввести в заблуждение“; но индивидам, конституирующим вид, это придаёт уверенности.

Нет ничего более поучительного, чем это двойное значение термина „вид“. Он есть то, что предлагается и передаётся взгляду, то, что делает видимым и, вместе с тем, то, что может — и должно любой ценой — быть зафиксировано в некоей субстанции и в некоем специфическом отличии, чтобы смочь конституировать некую идентичность»¹.

Интересно здесь, конечно же, то напряжение, которое возникает между тональностями первого и второго абзацев: если сначала нам с помощью дважды повторенного «*только затем*» (на самом деле, трижды — но в третий раз уже не столь уверенно, хотя речь-то идет как раз именно о «придании уверенности») заявляется о приоритете тех смыслов «специального», которые связаны со способностью обнаруживать, показывать, сообщать — притом что сама эта способность не есть свойство некой субстанции, — то затем нам говорят, что возможность такой фиксации не просто имеет место, но она должна быть реализована «любой ценой». Эта конструкция «должно быть любой ценой, но *только затем*» является, конечно же, примером того самого «диалектического образа», вкус к которому Агамбен перенимает у Бенямина: история имеет форму беспрестанной катастрофы, но ее логика в последний момент (собственно, это и есть логика последнего момента) возвращает нас к тому, что продолжает предшествовать всему, появляющемуся «*только затем*» (тем самым, определяя его в качестве такового), т. е. всякому «долженствованию любой ценой», иными словами — продолжает предшествовать структуре окончательного распределения.

Вот почему если судьба *sharing economy* сегодня видится в том (вернемся к тому исследованию, с цитирования которого мы начали), чтобы «то, что было определяющим для этого явления на этапе его возникновения, — солидарность, этические императивы, антикапиталистический пафос и т. п. — со временем [«*только затем*». — А. П.] дополнилось совершенно коммерческими аспектами, сохранив при этом основной принцип разделения (*sharing*) в качестве сугубо технологического»², то, возможно, нам следует по

¹ Агамбен Д. Профанации. С. 61.

² Паченков О. В., Яшина А. В., Шукин Д. А., Ненько А. Е., Веркеев А. М., Платонова Ю. Ю. Новые городские экономики. С. 84.

меньшей мере не упускать из виду *характер* (в беньяминовском смысле!) этого явления, продолжать припоминать его идею, как бы кто ни пытался сегодня зафиксировать его идентичность. То, что в плане онтологии зовется идеей — то в плане жизненных практик, считает Агамбен, выступает как этос, привычка, порождающая нас самих манера быть; таким образом, вначале идет манера, которая только и есть «сама», и только затем уже — сами «мы»:

«Вероятно, единственный способ понять это свободное *использование себя*, которое не располагает, однако, собственным существованием как неким своим свойством, — это мыслить его как привычку, как этос. Быть порождаемым своей собственной манерой быть — это и есть определение привычки (поэтому-то греки и называли ее второй натурой): *этика — это такая манера, о которой нельзя сказать, что нам она выпадает неким случайным образом или, наоборот, что она является неким нашим основанием, но она нас порождает*. Быть порождаемыми собственной манерой — это и есть единственное подлинно возможное человеческое счастье»¹.

Следует задуматься о том, как *sharing* реализуется в форме участия в идее, в форме специфической манеры быть, и только затем — как совместное пользование конкретной вещью, будь то электродрель, автомобиль, город или планета.

¹ Агамбен Д. Грядущее сообщество. С. 33–34.

1.2. РАСПРЕДЕЛЕННОЕ ЗНАНИЕ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА: НА ПРИМЕРЕ НЕВИДИМЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ

О. В. Терещенко

ВВЕДЕНИЕ

В 1986 г. в Белорусском государственном университете математик Тартуского университета Лийна-Май Тоодинг защитила диссертацию на тему «Методологические проблемы обработки социологической информации при помощи ЭВМ» на соискание ученой степени кандидата философских наук¹. Это была первая значительная работа на русском языке по использованию ЭВМ в социальных науках. Одно из положений, вынесенных на защиту, заключалось в необходимости развития общего научного языка для социологов, владевших данными эмпирических исследований, и программистов, которые писали программы для обработки и анализа данных и / или использовали уже имеющееся программное обеспечение (ПО). Еще одно положение в диссертации Тоодинг было о необходимости перехода социологов на персональные компьютеры, для которых уже был разработан па-

¹ Тоодинг Л.-М. Методологические проблемы обработки социологической информации при помощи ЭВМ: автореф. дисс. канд. филос. наук: 09.00.09 / БГУ. Минск, 1986.

кет программ SPSS, предназначенный для статистического анализа данных в социальных науках. Нельзя не признать, что в 1990–2000 гг. это положение получило полное подтверждение; и что позднее — в 2000–2010 и особенно в 2010–2020 гг. — ситуация с использованием информационных технологий (ИТ) продолжает изменяться, что в первую очередь выражается в получении исследователями новых коммуникационных возможностей. В то же время ситуация в целом усложняется, причем не только ввиду дигитализации всех сторон профессиональной, общественной и личной жизни, но также распространения «больших данных»¹, использующих новые форматы и, соответственно, требующих нового ПО (например, «R»), нередко лишенного необходимой документации.

Распределенность знания основывается не в последнюю очередь на внешней и внутренней человеческой памяти. Внутренняя память во многом зависит от особенностей интересов, психологии, мотивации, профессионального окружения, статуса и даже состояния здоровья исследователей. С ней также тесно связаны проблемы «общего языка», отсутствие которого в рамках одного проекта можно наблюдать не только между социологами и математиками, но также между представителями одной специальности, принадлежащими к разным научным школам, или даже между представителями одной научной школы, если решаются разные задачи, или к решению одной задачи применяются разные теоретические подходы и/или математические модели и методы.

Внешняя память ученого связана в первую очередь с используемыми носителями информации и доступом к ней. Первоначально это были рукописные, затем печатные источники. В 1986 г., когда Тодинг защищала диссертацию, персональные компьютеры были малодоступны социологам в советских университетах, и проведение социологических исследований (например, в Тартуском и Белорусском государственных университетах) осуществляли совместно два подразделения — социологическая лаборатория, проводившая опросы и готовившая отчеты по ним; и вычислительный центр с компьютерами ИВМ-360,

¹ Джанек Л., Крейттер Ф., Берг, М. и др. Отчет AAPORT о больших данных: 12 февраля 2015 // Материалы V социологической Грушинской конференции. М., 2015.

осуществлявший ввод полученных данных на компьютерные носители (перфоленты / перфокарты, позднее магнитные ленты), хранение, а также обработку и анализ данных, для чего использовалось программное обеспечение, хранившееся на пакетах из 10 магнитных дисков диаметром 14 дюймов. Поэтому персональные компьютеры, которые с самого начала используются не только для вычислений, но также для хранения программного обеспечения, анализируемых данных, полученных результатов, а также научной литературы, исполняют функцию внешней памяти.

В данной статье рассматривается распределенность знания на примерах двух невидимых колледжей, сложившихся и продолжающих существовать в рамках двух международных лонгитюдных социологических проектов на разных этапах дигитализации общества в целом. Проект «Пути поколения», реализованный в 1983–1998 гг. первоначально в Советском Союзе, а затем в нескольких постсоветских странах, осуществлялся сначала на «больших» ЭВМ, с пересылкой магнитных лент с данными обычной транспортной почтой, но на последних этапах — на персональных компьютерах, с электронной почтой в качестве главного средства коммуникации. Европейская лонгитюдная программа «Поколения и гендер» (Generations & Gender Programme) работает с 2000 г., в настоящее время включает около 30 стран и использует новейшие технологии, в частности, планшетные и интернет-опросы; надежно защищенные базы данных и в то же время открытый доступ к ним.

НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ

Термин «невидимый колледж», в наиболее общем смысле, можно понимать, как *процесс общения ученых*, работающих в рамках определенной парадигмы и / или как неявные *отношения между организациями*, официальными сотрудниками которых являются участники общающейся группы.

Статус базовой метанаучной единицы невидимый колледж получил в 1963 г. в работе Дерекы Прайса «Малая наука, большая наука ... и далее». Согласно исследованию, проведенному Прайсом, ученые склонны «собираться» в общающихся группах с верхним пределом до 100 членов. Невидимый колледж является неофициальной сетью, в которой «каждый человек получает статус в форме

одобрения от своих сверстников; она придает престиж, и, прежде всего, эффективно решает коммуникативный кризис, сводя группу к небольшому размеру, который может быть „обработан“ межличностными отношениями <...>. Эти группы разрабатывают механизмы для повседневного общения; <...> изыскивают пути и средства для физических рабочих встреч своих членов, например, приглашения их в центры, где можно работать вместе с несколькими другими членами группы в течение определенного времени, после чего переходить в следующий центр к другим участникам. Затем они возвращаются на „домашнюю“ базу, но *их преданность всегда принадлежит группе, а не учреждению*¹, которое их поддерживает, если только оно само не входит в группу, не является «станцией» в такой цепи. Для каждой группы существует своего рода коммуникационная сеть учреждений, исследовательских центров и летних школ, дающая им возможность встречаться всем вместе или более мелкими подгруппами, так что в течение нескольких лет каждый, кто принадлежит к группе, работает со всеми остальными в своей категории»².

Прайс отмечал также, что оперативная неформальная связь между участниками невидимых колледжей, помимо традиционных публикаций в журналах и коллективных монографиях, рассылки перепечаток публикаций, препринтов текущей работы и ожидаемых результатов, осуществлялась также посредством личных писем и контактов. В середине 1960-х гг. других способов связи, вероятно, трудно было ожидать. Но в наше время распространение информации любого объема и в любом формате уже не составляет особых проблем, если только ее распространение не запрещено, а член группы имеет право доступа к ней.

Считается, что невидимые колледжи способствуют развитию научной дисциплины, потому что личные контакты благоприятствуют совокупному росту знаний; и что дисциплины, в которых межличностные отношения между исследователями формально или практически отсутствуют, характеризуются более низким — линейным, а не экспоненциальным ростом знаний.

Хотя невидимые колледжи, как правило, выступают в качестве коммуникационной сети в рамках одной дисциплины, они также

¹ Курсив мой. — О. Т.

² Price D. J. d. S. Little Science, Big Science and beyond. NY. P. 85.

могут служить для объединения двух или нескольких дисциплин или областей исследований друг с другом. Лидеры невидимых колледжей, как правило, весьма продуктивны и играют важную роль в наборе сотрудников и в оказании на них влияния. Они также имеют тенденцию быть гибкими, и необходимы для взаимного обогащения идеями. Другими словами, они весьма отличны от лидеров догматических школ.

Наконец, невидимые колледжи, по мнению Прайса, устанавливают нормы научной направленности, социального взаимодействия, практики цитирования и использования информации. Согласно мнению сторонников невидимых колледжей, они находятся в центре социальной структуры науки и могут обеспечивать инновации и критику.

Диана Крейн (Crane) расширила концепцию невидимого колледжа и связала ее непосредственно с социальным контекстом научной работы. В своей публикации «Невидимые колледжи: распространение знаний в научных сообществах» Крейн определяет невидимый колледж как коммуникационную сеть¹ подгруппы исследователей в определенной области исследований. Основываясь на своих результатах, она предлагает исследователям объединяться в подгруппы неформальных сетей личных отношений или невидимых колледжей, которые характеризуются прочными связями, основанными на неформальном сотрудничестве. Эти невидимые колледжи затем связываются с людьми в других областях исследований через слабые связи со стороны их членов, что способствует распространению информации как в каждой области, так и между областями. Что касается эффективности, Крейн предполагает, что положение ученого в невидимом колледже влияет на его / ее осведомленность о существующих исследованиях, а также на то, как быстро он(а) получает информацию. Кроме того, Крейн обнаружила, что производительность с точки зрения инноваций и публикаций, как правило, распределяется неравномерно, другими словами, лишь небольшой процент исследователей (как правило, руководителей) ответственен за большой процент инноваций и публикаций².

¹ Курсив мой — О. Т.

² Crane D. Diffusion of Knowledge in Scientific Communities. Chicago and London, 1972. P. 35.

В данной работе незримый колледж рассматривается как группа учёных, работающих одновременно над одним кругом проблем *в разных организациях и странах*, что, в свою очередь, приводит к более быстрому росту научных результатов, чем при отсутствии персональных связей в формально существующих научных организациях.

«ПУТИ ПОКОЛЕНИЯ»: НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ НА (ПОСТ)СОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В качестве примера распределения знаний в невидимом колледже может быть рассмотрен всесоюзный лонгитюдный социологический проект «Пути поколения», осуществленный в 1982–1998 гг. и включавший научные организации в 9 союзных республиках (Беларуси, Казахстане, Литве, Латвии, Молдове, России, Таджикистане, Украине и Эстонии). Если в небольших республиках опросы проходили по республиканской выборке выпускников восьмого класса, закончивших неполное среднее образование, то в Казахстане, России и Украине исследование осуществлялось только в отдельных областях. Всего были охвачены 15 регионов СССР¹. Руководил проектом профессор М. Х. Титма из Тартуского государственного университета, уже имевшего опыт организации и проведения национального лонгитюдного исследования с 1966 по 1979 г., охватившего возрастную когорту населения Эстонии, закончившую общее среднее образование в 1966 г.

Второй этап исследования «Пути поколения» был успешно проведен в 1988–1989 гг. По результатам двух этапов издан ряд коллективных монографий, в которых сравнивалась советская молодежь, проживавшая в различных регионах², что, конечно, требовало

¹ Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / отв. ред. М. Х. Титма. М., 1997. С. 13.

² Нравственный облик советской молодежи: опыт социологического анализа / под ред. Е. М. Бабосова, М. Х. Титмы. Минск, 1985; Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение / под ред. М. Х. Титмы. Таллинн: Ээсти раамат, 1985; Выбор молодежью жизненного пути / под ред. Е. М. Бабосова, М. Х. Титмы. Минск, 1988; Начало пути: поколение со средним образованием / под ред. М. Титма, Л. Коклягиной. М., 1989; Жизненные пути одного поколения / под ред. Л. Коклягиной, В. Семеновы, М. Титма. М., 1992; Интернациональный характер жизненного самоопределения молодежи / отв. ред. М. Титма, Ш. Шоисматулоев. Душанбе, 1992 и др.

коммуникации (общения) между многочисленными авторами, проживавшими в различных регионах. С учетом расстояний между союзными республиками и областями Российской Федерации, один-два раза в год проводились совместные научные семинары, на которых авторы знакомились друг с другом, обсуждали написанные и планируемые тексты и обменивались данными, что в те времена было не просто, поскольку анализ и обработка данных первых двух этапов проекта «Пути поколения» осуществлялись на ЭВМ IBM-360/370, где данные могли перевозиться между вычислительными центрами, расположенными в разных городах, только на магнитных лентах.

Уже на первых двух этапах проект «Пути поколения» мог быть назван «колледжем», поскольку проводимые семинары были по-настоящему образовательными, их участников знакомили с теорией изучаемых проблем, методологией осуществлявшихся и планировавшихся исследований, а также методами анализа и интерпретации данных. При этом основные контакты осуществлялись между региональными руководителями проекта (профессорами и даже членами-корреспондентами), которые обсуждали и утверждали программу и методологию исследований, определяли содержание предстоящих публикаций и их авторов. Рядовые участники семинаров также обменивались контактами, однако их основные коммуникации осуществлялись главным образом через региональных руководителей, в то время как обычная почта была довольно медленным каналом связи, а междугородный телефон и телеграф — достаточно дороги. Тем не менее межличностные коммуникации завязывались, и в дальнейшем смогли принести их участникам разнообразные результаты.

В 1992 г., в разгар перестройки, проект был на грани гибели. Прежде он финансировался республиканскими академиями наук, которые после распада Советского Союза и в разгар экономического кризиса уже не имели на него средств. «Ситуация изменилась благодаря гранту, полученному от Фонда Якобса на проведение третьего этапа <...>. Первый раз имелось достаточное финансирование полевых работ, что резко повысило качество опроса, а также позволило улучшить охват респондента. Другим важным моментом было приобщение ведущих американских социологов, занимавшихся лонгитюд-

ными исследованиями — Д. Коулмана, Г. Бидвелла, Б. Снейдера и Н. Тума»¹. Благодаря этому гранту каждый участник проекта в 1992 г. был обеспечен персональным компьютером, программным обеспечением (SPSS) и абонементом электронной почты², который позволил сделать личные коммуникации между участниками проекта постоянными и не всегда «видимыми» не только научной общественности, но руководству проектом. Электронная почта позволила участникам, живущим в разных регионах бывшего Советского Союза, обмениваться необходимыми данными, программами, документацией, а также возникающими вопросами, ответами, рекомендациями и консультациями, которые могли отправляться персонально или по рассылке.

Распределенность знаний и навыков проведения исследования между регионами можно было считать, прежде всего, административной, она заключалась в *разной степени доступности данных исследователям, проживающим в разных регионах*. В Тарту, где базировалось руководство проекта и формировался полный архив всех данных исследования (регионов и этапов), исследователи могли получить любые результаты по любому региону, и даже по всем одновременно, в то время как остальные регионы располагали в лучшем случае только собственными данными и могли работать исключительно с ними.

Второй вид распределенности знаний заключался в разном опыте и возможностях сбора, чистки и анализа данных. На первых двух этапах (1983, 1988) данные вводились, обрабатывались и анализировались на «больших» компьютерах (аналогах IBM 360/370) с использованием того программного обеспечения, которым располагал вычислительный центр. Если таких возможностей не было, анкеты пересылались в Тартуский университет, который обладал необходимой техникой и опытом национального лонгитюдного исследования 1966–1977 гг., а регион взамен получал необходимые для отчета и подготовки публикаций таблицы. В частности, Беларусь на первом этапе (1983 г.) отправила анкеты в Тарту,

¹ Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / отв. ред. М. Х. Титма. М.: Институт социологии РАН, 1997. С. 6.

² Абонентская плата за электронную почту составляла в Минске в 1992 г. \$50, а месячная зарплата доцента — \$25–30. — О. Т.

и в последующие годы так и не смогла получить свои данные первого этапа, а на втором этапе (1989 г.) выполнила все работы самостоятельно, сохранила у себя данные, что в дальнейшем позволило осуществлять сравнения результатов второго этапа с третьим и четвертым, и отправила в Тартуский архив проекта «Пути поколения» копию магнитной ленты.

В лонгитюдном исследовании на каждом этапе необходимо опрашивать одних и тех же респондентов, отслеживая события «взросления», произошедшие между этапами, такими как получение образования, трудоустройство, создание семьи, рождение первого ребенка, приобретение собственного жилья и др. На первых двух этапах проекта «Пути поколения» вопросы задавались в традиционном стиле: какое вы получили образование? Работаете ли вы? Сколько у вас детей? Начиная с третьего этапа использовалась новая методология событийного анализа, предложенная Н. Тума, согласно которой фиксировались даты жизненных событий, произошедших у респондентов, после чего строились и анализировались траектории жизненного пути населения с использованием, например, демографических функций дожития¹. Несмотря на то что начиная с 1992 г. все последующие семинары были посвящены главным образом новым методам сбора и анализа данных, и их вели американские социологи, а затем математики из числа участников проекта, в 1992–1993 гг. в большинстве регионов произошла смена поколений исследователей, поскольку «старшие социологи» (в большинстве до 1955 г. р.), как правило, имели историческое, филологическое или в лучшем случае философское образование, и не могли освоить новые сложные модели, а также программное обеспечение и компьютерную технику. На смену им пришло новое поколение исследователей моложе 1955 г. р., получивших социологическое образование, включающее также персональные компьютеры, новое программное обеспечение, статистические модели. Однако для адаптации к новым особенностям исследования и используемым моделям им также понадобилось определенное время. Таким образом, в период

¹ Терещенко О. В. Анализ жизненных путей в исследованиях динамики общества // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций: к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 274–278.

смены поколений наблюдалась персональная и возрастная распределенность знаний между уходящими и новыми поколениями исследователей, а в дальнейшем — в распределенности знаний в зависимости от освоения новых методов анализа данных.

«ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР»: НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ В ЕВРОПЕ

Уже проект «Пути поколения» столкнулся с проблемами хранения, одновременного использования и обмена большим объемом данных, полученных в 15 регионах бывшего СССР в результате четырех опросов, проведенных в разные годы с интервалом в 5 лет, когда в каждом регионе тысячи респондентов отвечали на сотни вопросов.

Интернет произвел революцию в научной коммуникации, ускорив обмен информацией между учеными и повысив возможности самоорганизации научных сообществ¹, в том числе невидимых колледжей. Для обмена данными, все в большей степени становящихся «большими»², и для их хранения без нанесения ущерба, появились специальные организации, главная, а иногда и единственная функция которых заключается в хранении и санкционированном распределении «больших» данных. Некоторые из этих организаций (например, использующие «облачные» технологии) работают исключительно в интернете. Другие (например, DANS³) — обеспечивают самые разнообразные услуги по работе с данными по всем каналам.

В начале 2000-х гг., на основе предшествующей общеевропейской программы Fertility and Family Survey (FFS) была разработана принципиально новая программа лонгитюдного изучения

¹ Широканова А. А. Новая роль и формы научной коммуникации в информационную эпоху // Социология. 2013. С. 106.

² Джанек Л., Крэйтер Ф., Берг, М. и др. Отчет AAPORT о больших данных: 12 февраля 2015 // Материалы V социологической Грушинской конференции).

³ DANS — Data Archiving and Networked Services или Архивирование данных и сетевые услуги. Нидерландский институт, обеспечивающий услуги по доступности, совместимости и многократному использованию цифровых данных исследований. Располагает программным обеспечением для краткосрочного управления данными, а также для долгосрочного архивирования: <https://www.knaw.nl/en/institutes/dans>

рождаемости и формирования / устойчивости семей, получившая название «Generations and Gender Programme» (GGP) или программа «Поколения и гендер»¹, в российском варианте данная программа получила название «Родители и Дети, Мужчины и Женщины» (РиДМиЖ). *Консорциум проекта GGP*, созданный в 2000 г., состоит из 8 крупнейших демографических организаций с координатором «Отдел населения ЕЭК ООН». *Экспертный комитет* по разработке вопросника GGS приступил к работе в 2001 г. В 2002 г. начала работать экспертная группа по разработке дизайна контекстуальных баз данных, в 2003 г. — еще одна экспертная группа по разработке методологии анализа данных. Исследования в рамках программы GGP осуществляются с 2004 г. отдельными странами; собранные данные затем помещаются в единую базу данных с открытым доступом для исследователей из стран-участниц, которые уже разместили свои данные в базе.

GGP является лонгитюдной программой, но охватывает не одно поколение респондентов, как «Пути поколения», а все население в возрасте 18–79 лет. Опросы по анкетам проводятся раз в 3 года, причем опрашиваются в первую очередь участники предыдущих волн, но также осуществляется ремонт выборки, потерявшей часть участников, и дополнение выборки новыми участниками, «перешагнувшими» к этому времени 18-летний возраст.

Исследования в рамках данной программы являются чрезвычайно трудоемкими и дорогостоящими. Из 30 стран, заявивших о своем намерении участвовать в данной программе, первую волну лонгитюдного исследования пока осуществили только 20 стран, включая Россию (2004) и Беларусь (2017); вторую — 14 стран, включая Россию (2007).

Структура программы GGP включает вышеуказанный Консорциум; Совет партнеров (Council of Partners) — организаций (главным образом, статистических и/или демографических), осуществляющих национальные исследования, и структур ООН, занимающихся народонаселением (ЮНФПА, ЮНИСЕФ и др.); а также большое количество Пользователей GGP (*GGP Users*) — сотрудников этих организаций и независимых аналитиков, занима-

¹ Беларусь: Структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Анализ результатов исследования: Поколения и гендер / ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск, 2018.

ющихся анализом собранных данных с использованием современных демографических концепций и новейших статистических моделей. Если Консорциум работает постоянно, то Совет партнеров (организаций-участников) собирается ежегодно, начиная с 2004 г., а научные конференции пользователей GGP — раз в два года, начиная с 2011-го. Обычно конференции предшествует учебный семинар по анализу данных и программному обеспечению, на который пользователи могут зарегистрироваться бесплатно. Так, в 2019 г. состоялся семинар по визуализации статистических данных и, соответственно, по визуальному представлению результатов исследований в рамках GGP.

Коммуникация между организациями-партнерами и пользователями в период между вышеназванными регулярными встречами осуществляется главным образом через сайт Программы GGP (<https://www.ggp-i.org>), где вывешиваются информационные бюллетени; материалы о прошедших и предстоящих событиях в рамках программы GGP и в демографии в целом; а также библиография публикаций, подготовленных на данных, полученных в рамках программы GGP. С сайта есть также доступ к специально разработанным контекстным базам данных.

В то же время межличностные связи, возникающие на семинарах, конференциях и заседаниях Совета, способствуют появлению новых научных интересов, в частности, сравнительному анализу результатов, полученных в разных странах, в результате которого возникают сравнительные, а также совместные публикации авторов из разных стран.

Все это позволяет увидеть в программе GGP многие черты невидимого колледжа. Она является если не неофициальной, то полуофициальной коммуникационной сетью. Для общения и знакомства участников регулярно проводятся встречи, содействующие развитию научной дисциплины и совокупному росту знаний. Статистические институты и факультеты университетов, являющиеся партнерами программы, периодически принимают молодых людей из других университетов на стажировки. И наконец, распространение электронной коммуникации в повседневной практике ученых, общении посредством разнообразных ИТ позволяет получать не только необходимую и ожидаемую информацию, но также новую информацию, передаваемую коллегами по их собственной инициативе.

Применительно к Программе GGP в эпоху «больших данных», которая, в частности, представляется наличием общей контекстуальной базы данных, распределенное знание, видимо, можно рассматривать как знание коллективное. Оно распределено, скорее, по тематике, изучаемой в различных институтах, либо интересующей конкретных пользователей. Успешность распределения знания в ходе развития Программы в значительной мере связана также с развитием и распространением ИТ, способствующих поиску необходимой информации и обмену ею.

Необходимо, однако, учитывать, что GGP — европейская программа, координатором которой является Отдел населения ЕЭК ООН, и поэтому существуют определенные различия между пользователями из стран, входящих и не входящих в ЕС (к последним относятся, в частности, Беларусь, Грузия, Казахстан, Молдова, Россия), не столько в доступе к данным, который является одинаковым для всех членов программы, сколько в возможности стажироваться в лучших демографических институтах ЕС и общаться друг с другом, в чем есть визовые и финансовые ограничения, в то время как развитию научной дисциплины и совокупному росту знаний существенно способствуют личные контакты. Тем не менее необходимо отметить, что даже ограниченный рост международных научных связей способствует расширению неформальной электронной коммуникации и созданию географических коллабораций.

Новые компьютерные и электронные особенности международной программы GGP предлагают новые возможности в сравнении с традиционными формами научной коммуникации и, соответственно, нуждаются в изучении. Таблица, в частности, показывает, как изменялось использование компьютерных и электронных возможностей на разных этапах двух рассмотренных международных лонгитюдных исследований.

Как показывает таблица, до 1992 г. всесоюзный лонгитюдный проект «Пути поколения» предполагал подготовку данных и их обработку на «больших» компьютерах, которые были доступны социологам не во всех 15 регионах; передача данных и полученных результатов, общение между коллегами из разных регионов ограничивалось возможностями обычной почты и проводной телефонной связи. Начиная с 1993 г. большая часть работы и ком-

муникации всех участников обеспечивалась персональными компьютерами и системой электронной почты.

Таблица. Создание и распределение знаний в проектах, осуществляемых в невидимых колледжах

«Пути поколения»		«Поколения—гендер» (GGP)	
1983–1992	1993–1999	2000–2015	2016–2019
IBM 360/370	ПК*	ПК	ПК
анкета	анкета	анкета	ПО** Сервер Blaise Планшетный опрос, CAPI
Ввод данных на перфокарты, магнитную ленту	Ввод данных в ПК	Ввод данных в ПК	Сервер Blaise*
Магнитная лента (файл данных)	Дискета, электронный диск (файл данных)	БД***, флеш-карта (файл данных)	Контекстуальные БД с открытым доступом
ПО для IBM 360/370	SPSS	SPSS, ПО для баз данных	В зависимости от задач любые виды ПО
Обычная почта	Электронная почта	Электронная почта	Электронная почта, skype, viber и др.
Встречи: 7–10 дней	Встречи: 7–10 дней	Встречи: 1–3 дня	Встречи: 1–3 дня
Язык: русский	Язык: русский	Язык: английский + другие	Язык: английский + другие

* ПК — персональный компьютер

** ПО — программное обеспечение

*** БД — база данных

До 2015 г. в обоих лонгитюдных исследованиях использовались бумажные анкеты, информация из которых вводилась в имеющиеся компьютеры; в 2016–2017 г. в Беларуси впервые в рамках GGP осуществлен планшетный опрос с занесением получаемой информации непосредственно на сервер Blaise (размещенный

в Гааге, как и офис GGP); в 2020 г. первая волна GGP будет проведена в восьми странах с использованием планшетных и интернет-опросов.

Передача данных до конца XX в., в том числе в проекте «Пути поколения», осуществлялась на специальных носителях. В проекте GGP сразу стали использовать базы данных для хранения данных и организации допуска к ним. Электронная почта и другие инструменты связи с 1992 г. существенно улучшили возможности коммуникации между участниками всех проектов.

Наконец, организация семинаров в проекте «Пути поколения» отличалась от встреч в проекте GGP значительной продолжительностью и использованием исключительно русского языка, как было принято в СССР. Кроме обсуждения задач и результатов исследования, все семинары включали значительный учебный компонент (от 4 до 7 дней, до 8 часов в день), что в совокупности существенно способствовало развитию профессиональных качеств и личных отношений между участниками проектов, которые до настоящего времени продолжают осуществлять разнообразные совместные работы и публикации.

Таким образом, проекты, реализуемые в невидимых колледжах, в целом способствуют достижению равного доступа к данным, а также более или менее равномерной распределенности знаний — как теоретических, так и методологических, — необходимых для решения конкретных исследовательских и практических задач.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало рассмотрение функционирования двух невидимых колледжей, распределенность научного знания, находящегося в стадии становления, зависит от многих факторов. В первую очередь это административные решения, определяющие цели, задачи и программу исследования; процедуры сбора, хранения и доступа к данным; структуру проекта, включающую участвующие организации и отдельных исследователей, а также возможность и правила присоединения к проекту новых организаций и персональных участников.

Если допускается вовлечение в проект новых организаций и / или участников, важное значение имеет информация о про-

екте в целом, о доступности уже имеющихся данных; возможности повлиять на программу исследования, выбрать решаемые задачи и методы их решения.

Наконец, большое значение имеет представление получаемых результатов, их публикация и организация обсуждения не только в ближайшем окружении (отделе, лаборатории или даже на ученом совете), но также на открытом семинаре и / или конференции.

1.3. ИГРОК И ГАРМОНИКА: ТРАДИЦИОННОЕ ЗНАНИЕ В СЕТЕВОМ СООБЩЕСТВЕ (по материалам этнографического исследования вологодских игроков на гармони)

Т. Б. Щепанская

В основу исследования легли материалы полевых этнографических наблюдений и записей в среде гармонистов Вологодской области, преимущественно Кадуйского и Череповецкого районов, проведенных Т. Б. Щепанской в 2018–2019 гг. Это было участвующее и включенное наблюдение, в процессе которого автор прожила отрезок своей жизни, связанной с освоением игры на гармонии, что послужило одним из стимулов к участию в коммуникации с игроками — народными исполнителями, работниками культуры, фольклористами-профессионалами и любителями.

Наряду с собственным опытом участия в описываемой среде, автором использованы и другие традиционные для этнографии методы, такие как глубинное интервью, неформализованное, но фокусированное на особенностях социальной коммуникации, содержании, прагматике и путях передачи информации, значимой в сообществе (и выявлении такой информации, которой придается статус «знания»). Общее построение интервью было, как правило, биографическим, что позволяло наблюдать способы соотнесения

этой информации с жизненным опытом человека на разных этапах его формирования. Сочетание участвующего наблюдения и данных интервью позволило рассматривать вопросы передачи и распределения знания, как и самого его определения, в перспективе как участника, непосредственно вовлеченного в практики и общение, так и внешнего наблюдателя.

Интерес автора к кирилловской гармонии побудил погрузиться в сеть взаимодействий в местности, где традиция игры на этом инструменте жива и воспроизводится. Если учесть, что его фабричное производство прекратилось в 1960-х гг.¹, следует предположить, что в настоящее время эта традиция поддерживается неформальными механизмами социальной коммуникации, в частности, трансляции и распределения знания об устройстве и свойствах гармони, способах ее производства и ремонта, а также игры на ней, прагматике этой игры и т.д. Этим обусловлен выбор исследуемого региона — хотя, следуя логике общения в изучаемой среде, мы обнаруживали и связи, выходящие за ее рамки (с другими районами, областным центром и другими регионами). Позже, уже в ходе наблюдения и соучастия в практиках игроков на гармони, мы обнаружили сетевые связи между ними и базирующиеся на этих связях коллективную идентичность, представления о сообществе гармонистов, маркерах его границ, истории, практиках и статусной структуре. Наряду с неформальными связями, которые мы обозначили как «сообщество», обнаружилось и влияние некоторых институциональных — в большей или меньшей степени формализованных — структур, от ремесленных мастерских по ремонту и изготовлению инструментов, торговли предметами старины до государственных органов управления культурой, образовательных учреждений и посвященных пропаганде исполнительства на гармони программ и телепередач центрального и местного телевидения. Таким образом, мы считаем возможным описывать мир игроков на гармони как социокультурную среду — *milieu*². Сетевые связи, охватывающие неформальные сообщества, локальные

¹ Мехнецов А. А. Кирилловская гармонь-хромка в традиционной культуре Белозерья. Вологда: Вологодский областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2005. С. 41–42.

² См.: *Canguilhem G., Savage J. The Living and Its Milieu // Grey Room. 2001. № 3. P. 6–31; Chalcraft D. Editorial: Milieu Analysis: A Plaque on All Your Houses? // Max Weber Studies. 2002. № 3 (1). P. 7–14.*

и транслокальные институты и культурные установления этой среды мы рассматриваем здесь как комплекс факторов, оказывающих влияние на систему распределения знания (как и на его содержательные аспекты и прагматику).

Выбор описываемого сообщества как поля для исследования культурных механизмов распределения знания обусловлен тем, что на его примере можно наблюдать разные виды дистрибутивных моделей. С одной стороны, все еще актуальны способы генерации и обмена знанием, базирующиеся на устной традиции локального сообщества (их обычно называют «традиционными» и нередко соотносят с «архаическими», т.к. они структурно похожи на наблюдаемые в племенных обществах). С другой стороны, действуют и внешние факторы, исходящие от институциональных структур современного урбанизированного общества, в которое это сообщество погружено. Еще один фактор — развитие информационного общества: изучаемое сообщество пока находится на его пороге, когда основная часть коммуникаций все еще вне Интернета, хотя отдельные влияния (например, объявления о продаже инструментов на сетевых торговых площадках или ролики с записями игры на гармонии на видеохостингах) уже начинают проникать в среду или оказывать косвенное влияние. Таким образом, на примере этого сообщества мы имеем возможность наблюдать процессы смены не просто способов, а систем распределения знания. Биографический подход позволил вовлечь в сферу исследования опыт участников, начиная с середины XX столетия, также включающий значимые изменения порядка социальных коммуникаций. Все это дает материалы для анализа традиционных и современных, а также только нарождающихся систем распределения знания не только в статическом, но и динамическом аспекте.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ЗНАНИЯ» В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Понятие «распределенного знания» у антропологов в некоторой степени конкурирует с более традиционным понятием «культура» в качестве теоретической рамки анализа информационной основы человеческих общностей. Культура описывается как система общего знания, разделяемого в сообществе, база собственно

человеческой общности и отчасти ее индикатор (см., например¹). Однако ряд антропологов полагает такую модель недостаточно детализированной. Так, Фредрик Барт предлагает поставить в центр теоретизирования «распределение знания между отдельными персонами (добавлю: сообществами и сегментами сообщества. — Т. Ш.), а также процессы, оказывающие влияние на это распределение», вместо понятия «культура», подразумевающее диффузное распространение знания². В этом смысле понятие «распределенного знания» более точно характеризует информационные процессы в сообществе и создает поле для их более детального исследования. Дистрибутивную систему Фредрик Барт видит как баланс разделяемого и различающегося знания внутри общности.

Концепция распределенного знания предполагает отделение знания как компонента человеческого существования от его социальной составляющей. Вместе с тем, в рамках этой концепции предмет исследования не сводится к семиотической характеристике культуры, но позволяет связать ее с характеристикой социальной — структурой социальных взаимодействий. Именно различие знаний, имеющихся у социальных акторов, он считает важнейшим стимулом к взаимодействиям между ними, привлекающая, побуждая к сотрудничеству и обменов друг с другом. Вопрос в формулировке Барта звучит так: «Как лучше понять знание: как вещь или отношение?»³ Он видит три аспекта знания: содержательный (корпус независимых утверждений о мире), репрезентативный (средства и формы представления знания — символические структуры, слова и действия) и социо-коммуникативный (институционализованные общественные отношения, обеспечивающие передачу, распределение, использование знаний).

Таким образом, концепция «распределенного знания» конструирует пространство, в котором антрополог может концептуально объединить и дифференцировать вопросы, касающиеся социальной и семиотической сфер функционирования сообществ. Барт описывает специфические ролевые позиции акторов,

¹ Romney A. Kimball, Moore C. C. *Toward a Theory of Culture as Shared Cognitive Structures* // *Ethos*. 1998. № 26 (3). P. 314–337.

² Barth F. *An Anthropology of Knowledge* // *Current Anthropology*. 2002. №1 (43). P. 1–2.

³ *Ibid.* P. 3.

опосредующих и осуществляющих дистрибуцию знаний внутри социальных сетей и между ними, например, роль «гуру»¹, о чем мы поговорим позже, анализируя уже наш эмпирический материал. Эта концептуальная рамка актуализирует также процессуальный, динамический аспект исследований культуры, описывая зарождение и трансляцию или сдерживание распространения знания как процесс.

Ключевой вопрос в этнографическом исследовании: что понимать под «знанием»? Это не только вопрос его теоретического определения, но и соответствия пониманию самих его носителей в изучаемой среде. Отмечая, что антропологи чаще всего исследуют, «каким образом знания рассматриваются в различных культурах: как собственность, богатство, власть, предварительное условие членства в круге или как техническая предпосылка эффективных действий», Ф. Барт предлагает перенести внимание на транзакции, действия над знанием,² которое, таким образом, выступает как объект. В цитируемой статье речь идет об исследованиях религиозного знания, эзотерического или, наоборот, распространяемого учителем-гуру, но его статус как знания определен в рамках самой изучаемой традиции. Теоретическое же определение основано на способе обращения с информацией: то, что является объектом эзотерического сохранения и сокрытия в одной модели — или распространения в другой — и рассматривается как «знание». Индикаторами служат способы управления распространением информации, которые и придают ей статус «знания».

Такой подход может быть нам полезен, и мы отчасти будем ему следовать, обращая внимание на то, что именно передается в среде гармонистов — чему они считают нужным обучаться, в чем ценят информированность, что скрывают и т. п., т. е. будем идентифицировать те информационные образования, которые в их среде становятся объектом управления. Это определение «знания» по его положению в структуре социальных взаимодействий.

Симон Харрисон, продолжая размышления Ф. Барта, видит в различии моделей управления знанием контраст между тради-

¹ *Barth F. The Guru and the Conjuror: Transactions in Knowledge and the Shaping of Culture in Southeast Asia and Melanesia // Man, New Series. 1990. №4 (25). P. 640–653.*

² *Barth F. The Guru and the Conjuror: Transactions in Knowledge and the Shaping of Culture in Southeast Asia and Melanesia // Man, New Series. № 4 (25). P. 44.*

ционными и современными институтами его производства и распространения. Если в обществах традиционного типа — малочисленных и обычно с устными механизмами трансляции памяти — высокий статус человека или этнической группы базировался на знании, которым они владели (с чем связаны механизмы сокрытия — эзотерический характер знаний), то современные общества и институты (например, университет) повышают статус за счет распространения знаний. В племенных обществах, отмечает антрополог, знание, известное всем, теряет ценность¹. Такая поляризация, впрочем, представляется поспешной: баланс сокрытия и распространения может по-разному поддерживаться и в традиционных, и в современных обществах, что становится особенно очевидным с принятием законодательных ограничений на распространение информации в Интернете. Относительно университетов автор также делает оговорку, отмечая все более распространенное частное финансирование производства знаний, что превращает их в объект, сочетающий качества общественного блага и коммерческого продукта, с появлением конфликтующих регламентов их распространения.

Наряду с двумя упомянутыми выше полярными формами управления знанием (сокрытием и распространением), антропологи описывают и другие разновидности, например, «невежество», и не только как следствие безразличия, но и как сознательный выбор, когда знание в некоторой сфере сознательно игнорируется².

Обсуждая роль знания в экономике, Харрисон обращает внимание на своеобразную особенность информации в качестве ресурса и объекта владения: после передачи его другим, передающий продолжает обладать им; более того, его ценность может возрастать по мере его распространения среди других людей³. Это перекликается с понятием «вычитаемость» у Элинор Остром. Под «вычитаемостью» она понимает «степень, в которой

¹ *Harrison S. Anthropological Perspectives: On the Management of Knowledge // Anthropology Today. № 11 (5). P. 12.*

² *Chua L. To Know or Not to Know? / Practices of Knowledge and Ignorance among Bidayus in an 'Impurely' Christian World // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2009. № 15 (2). P. 332–348.*

³ *Harrison S. Anthropological Perspectives. P. 12.*

использование товара или сервиса одним индивидом уменьшает его доступность для потребления другими»¹. Однако все это может (в разной степени) относиться к знанию в чистом виде, а в этнографическом исследовании нам приходится сталкиваться с его связанными формами — например, овеществленными или запечатленными в теле, что оказывает ожидаемое влияние (и понятные ограничения) на процессы его распределения. Именно овеществленная (воплощенная в музыкальном инструменте, определяемая его вариациями) форма знания оказалась одной из центральных в нашем исследовании.

Далее перейдем к анализу полевых материалов, касающихся практик управления знанием в локальном сообществе самодеятельных гармонистов юго-западных районов Вологодской области, начиная с обучения — как передачи/получения знания в процессе становления начинающего гармониста.

АРТИКУЛЯЦИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ

Анализируя наши полевые материалы, пойдём сначала обычным для антропологов путем, определяя «знание» с точки зрения людей в исследуемом сообществе — через практики, в которых информационное взаимодействие интерпретируется как управление знанием (его получение, передача, сокрытие и т. п.). Наиболее очевидные и заметные среди них — практики обучения, которые можно рассматривать как первую форму распределения знания, связанного с игрой на гармонии — и одновременно его определения. Во время обучения, собственно, определяется, чему следует обучать, т. е. это форма артикуляции знания, в том числе тех его проявлений, которые после усвоения переходят в скрытое состояние, оставаясь на уровне само собой разумеющегося и непроговариваемого; запечатленных в теле и предметно навыков, автоматизмов, стереотипов поведения.

Практики обучения обычно подробно отображены в биографических рассказах. Биографии всех гармонистов, которых я интервьюировала в г. Череповце, р. п. Хохлово, райцентре Кадуй

¹ Ostrom E. Understanding Institutional Diversity. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 23–24.

и в деревнях Кадуйского района (2018–2019 гг.), начинались в сельской местности. Поскольку между ними обнаружались сетевые связи (от личного общения и дружбы до взаимодействий через знакомых-посредников), мы рассматриваем их как принадлежащих к одному сетевому сообществу. Практически все эти люди деревенские по происхождению, отслужили в Вооруженных силах, работали как в городах, так и на селе, а после выхода на пенсию, вернулись жить в деревню; либо проводят на селе теплое время года, на зиму перебираясь в городскую квартиру или в Дом социального обслуживания ветеранов (эти Дома находятся в райцентре и в рабочем поселке). Поэтому воспоминания об освоении игры на гармонии, как правило, связаны с деревней. Наша задача — выявить в этих воспоминаниях факторы, повлиявшие на распределение знания, в данном случае — факторы, способствовавшие отбору тех, кто получит знание игры.

Первым стимулом к освоению игры для большинства моих собеседников оказывалось наличие или появление инструмента в доме: «Гармони своей не было, — вспоминает свое детство гармонист, живущий ныне в р. п. Хохлово. — У батьки была — тальянка или как ее называют? (показывает, как сдвигает и раздвигает меха на каждую ноту): „Запрягу да выпрягу“... Тогда еще у меня и пальцы не работали. Так, интересно было, поскрипать-то» (САА¹). Другой гармонист, с которым мы разговаривали в Кадуе, впервые взял в руки гармонику, по его словам, «в 13 лет... братан в армии служил в Германии, он в пятьдесят третьем году прие[хал] с армии и привез немецкую гармошку... И я сам стал поскри-, поскри[пывать]... „Тебе да мне“» (так имитирует рассказчик однообразную монотонную игру начинающего гармониста. — Т. Ц.) Были и такие, у кого гармоники дома не было, но она была в школе-интернате, в сельском клубе — там и начиналось обучение. Первым распределяющим фактором, таким образом, оказывалось наличие в семье или в зоне достижимости инструмента. Причем это условие формировалось институционально: либо в контексте семьи, либо образовательных или культурных учреждений.

Отметим и то обстоятельство, что вначале знание являлось в своей овеществленной форме (к теме овеществленного знания

¹ ИАА. — здесь и далее указания на информантов даны условными буквенными обозначениями; сведения об информантах размещены в списке в конце главы

мы вернемся позже) — «обучала» будущего исполнителя как будто сама гармонь (многие гармонисты так и говорят: гармошка научит), и обучение сводилось к любопытству и примитивным манипуляциям, которые рассказчики описывают уничижительно: «поскрипывал», «скрипал», «пиликал», «пилил», «тырлыкал» и т. п. На этом этапе осваивали самую простую игру — ритмически повторяющиеся музыкальные фразы, о которых говорят с иронией: «запрягу да выпрягу», «отвори да затвори», «тебе да мне», «Ванька дома — Маньки нет, Манька дома — Ваньки нет».

Тем не менее и такое знание уже давало возможность немного подыграть гуляющим. Играли начинающие обычно «под песни» (частушки) — эта игра не требовала скорости или знания последовательности танцевальных фигур. Если где-то гуляют, и нет другого гармониста, то могли позвать даже ребенка: нам рассказывали, как одного, в будущем известного игрока, парни носили зимой на закорках вместе с гармонью на гуляние в другую деревню, когда ему было всего пять лет. Другой стал ходить со взрослой молодежью на гуляния с 12–13 лет, в то время как его сверстники туда не допускались. Игра на гуляниях и праздниках открывала новые возможности обучения (о чем скажем позже), не случайно, те, кто рано начал, зачастую становились известными гармонистами — «игроками» (так до сих пор называют умелого, хорошего гармониста).

Чаще, однако, в деревне были и другие гармонисты, и начинающий оказывался в ситуации, когда своей однообразной и неуверенной игрой только раздражал окружающих, нередко вынужденный уединяться и осваивать гармонь в бане, за домом или где-нибудь «на бревнах»: «[Т]ак он как — сказывали, по деревне дом, крыльцо на эту, на улицу выходило, — так вот, сядет, — а у него старший брат еще играл, — сядет на крылечко и пиликает полный вечер» (САА). «Ну, я учился играть — как все, наверно, — надоест и дома вот это вот мое (играет, имитируя неуверенную и однообразную игру новичка. — Т. Ш.): „Иди в байню, иди ты куда хочешь — только дома не пили!“ Дома надоел уже, все. „Иди...“ Вот. Летом вышел на улицу, в деревне же улица — всегда скамеечки... а зимой куда? И говорили: иди в баню! Ну так в баню! А в бане — ну пока светло днем, а ночью — те керосину не дадут жечь лампу, пили днем!» (БКА). В системе распределения знания наличие свободного места и времени для уединения, таким образом, становились вторым значимым фактором.

Попытки начинающего играть на публике чаще всего заканчивались конфузом — гуляющие пели в его адрес обидные частушки: «Ты играть-то не умеешь — что ты мучаешь гармонь. Положи свою гармошку, проводи меня домой» (ЖМП). Или: «Ты играй, да не подыгрывай, игры не подводи, / Если стукну по гармошке — так и планок не найти» (КГН). Без опыта публичных выступлений, одобрения публики и обучения многие так и оставались на уровне «запрягу да выпрягу», — это все, что могла им дать сама вещь (если рассматривать гармонь как овеществленное знание). Другие пласты знания, которое в итоге формировало игрока, требовали других источников или средств извлечения.

Реакция публики, таким образом, становилась третьим значимым фактором сортировки: одобрение и поддержка игрока, как мы видели, способствовали, а неодобрение — препятствовало и могло остановить процесс обучения. Действительно, большая часть гармонистов в сельской местности оставалась на первом уровне овладения навыками игры и в дальнейшем многие из них вообще забрасывал гармошку. Как говорили наши информанты, таких было большинство.

Четвертый фактор в процессе сортировки на «игроков» (чью игру ценят) и прочих — праздники и гуляния, формировавшие едва ли не основной контекст, условие дальнейшего обучения, освоения секретов и навыков игры, причем не только для начинающих гармонистов. Преимущество получал тот, кто раньше включался в этот контекст: «Все учились, я думаю, одинаково. Все на слух... Ходили, да чо, всегда — у меня, допустим, родители — пошли куда-то на гулянку — оставить с кем? Не с кем: бабок не было уже. Меня с собой брали. В угол посадят или на печку. И идет застолье, поют там песни, пляски вот эти все начинаются, переодевания. Пришли там — или в валенках, или в сапогах — женщины достают на высоком каблучке туфельки, одевают — и начинается: или дробить, или впритык, или так... вот с этого учились мы все» (БКА) — об этом опыте он рассказывает именно как об обучении, обращая внимание на то, что «знание» игры получал в процессе гуляний: «Крутился. Кто играет хорошо, слушаешь. Потом возьмешь...» (НАИ). Других подростков выгоняли, чтобы не толкались среди взрослых. Этот барьер имели возможность преодолеть те, у кого были родственники — гармонисты: «Я еще маленький был, еще в школу не ходил, уже мне... меня дядя соседний... гармонист был.

И родственник был, Вася (...), он в техникуме учился. Он приедет с Устюжны в деревню с гармошкой, по деревне как пройдет, там сразу молодежь уже выходила на улицу и собирается где-нибудь повеселиться, поиграть. И вот я, значит, тоже, рот распяля, там ходил, ходил, — вспоминает гармонист из Кадуя. — А потом... однажды дядя Вася к нам пришел, он говорит: ну-ка чо у тебя тут залипает где-то... Он подремонтировал мне, показал, как на басах, как складывать все это. Я, значит, усвоил это...» (БВН, 1940 г. р., Кадуи, 2019 г.). Вообще вначале обучают игре на басах (левой клавиатуре гармони, сейчас речь идет о хромке), которая, задавая ритм, образует основу для разнообразных вариаций мелодии, копирований и импровизаций.

Пятый фактор сортировки на пути к статусу «игрока» (который считается настолько овладевшим соответствующим знанием, что и сам уже может обучать) укоренен в теле. Большинство гармонистов подчеркивает, что всему учились «на слух», копируя (или даже просто слушая) игру мастера. Слух — важнейшее условие обучения; в качестве оппозиции «игре по слуху» наши собеседники называют «игру по нотам» и даже противопоставляют гармонистов-«слушачей» — «нотникам». Как правило, деревенские игроки не знали нот либо узнали о них гораздо позже, чем выучились играть — от профессиональных баянистов в домах культуры, музыкальных руководителей исполнительских коллективов и т. п. При этом любопытно заметить, что есть и такие, кто жалуется на то, что плохо слышат, « всю жизнь со слухом мучался », но все равно играет « по слуху ». « Слух » в их описаниях характеризует способность быстро скопировать и воспроизвести наигрыш или мелодию, переняв ее от другого гармониста, с патефона в клубе, телевизора или после кинофильма. При этом допускается (считается нормальным и даже одобряемым) варьирование — « каждый играет по-своему », но, конечно, в пределах узнаваемости, т. е. эти пределы опять-таки определялись реакцией аудитории.

Наличие слуха могло в некоторой степени компенсировать ограниченность других ресурсов, например, отсутствие в постоянном доступе гармони. Одна из народных техник освоения игры — голосовая имитация наигрышей, как говорили, « на губах » или « под язык ». Наши собеседники-гармонисты рассказывают, как пропевали, не только воспроизводя мелодию, но имитируя тембр игры, услышанной на молодежных собраниях (вечорках и бесе-

дах), деревенских праздниках, в кино и с патефона. Так запоминали и сложную последовательность фигур в парном и групповом танце (кадриль, ленчик): «У нас *ленчика* играли. Пар тут — четыре пары. Девуца идет, песни поет — он с ней за руки держатся. Парни все дробы выколачивали. Вот мне понравилось. Я *под язык*, когда овец пас, были овины в деревнях-то. Уберут зерновые, вот раздолье было, вся деревня собирайся. И вот я наяриваю... вот с языка и на гармонь переводил. Мелодия-то в голове. Я играл когда кадык ходуном ходил. Сестры и братья привезли первый патефон в деревне. „От избы и до избы протянулись деревянные столбы“. У меня в голове и осело. И вот сию наяриваю. Языком» (САА). Этим приемом пользовались и взрослые гармонисты, когда хотели запомнить и освоить новые для себя наигрыши. Именно так происходило распространение знания за пределы локальной среды. Так, в одном из эпизодов гармонист услышал игру переселенца из другого — «Шекснинского района. Их выселили. Вот переселились к нам... У них очень красивый наигрыш, и вот я, говорит, если запомню какой-то наигрыш, я... переведу под язык, а потом с-под языка начинает перебирать на это (гармошку. — Т. Щ.)» (КГН).

Недостаток слуха на первых этапах обучения компенсировали вовлечением в процесс запоминания тела, прежде всего, манипуляциями с руками. Руки вовлекаются в практики запоминания: нам рассказывали, как обучающий гармонист привязывал пальцы начинающего к своим пальцам и так играл на гармонии, предполагая, что знание буквально оставалось в памяти тела (НАА).

Проекцией памяти становится и сама гармошка. Нанесение пометок на клавиатуру гармонии — еще один прием запоминания для начинающих. «А как же? Я, считай, не по нотам, я просто сам, по слуху... Или возьму на этом — карандашом ли чем, возьму меток наделаю на этих (показывает: на кнопках. — Т. Щ.)... Пригляжусь и потом отмечаю на кнопках там, где начинается... Просто вот так вот (показывает две горизонтальные черточки) поставишь... Просто поставишь галочку и все. Типа галочки. Кнопка вот... ряд идет, например, я сейчас покажу (рисует на листке бумаги): так вот с одной стороны — вот, гармонь так и так, вот, и... вот тут два ряда и тут два ряда, так вот на этих на кнопочках ставишь. Отметки» (КАИ). Отмечали только начало понравившегося фрагмента игры: «Начинает как играть, вот, и приглядываюсь: куда он больше делает... А потом он... машинально начинает так вот, я уже... потом-то

я... мне не надо это уже. Мне начало в основном, как...» (КАИ). Пометки делались на правой клавиатуре, а басы либо подбирали, либо запоминали. По тому же принципу, замечу, записывали и тексты песен: первые строчки куплетов. Эти записи и отметки служили, собственно, не фиксации знания, а напоминаниями, и в ситуации, когда оно было востребовано, эти пометки служили сигналом к актуализации. Такой способ записи обеспечивал определенную степень варьирования, а вместе с тем и локальную специфику игры: «Своя игра не то что у каждой деревни — вот в одной деревне — на одном краю он так играет, на другом так. Потому что все были са-мо-уч-ки!» (БКА).

Техники обучения (или самообучения), как мы видели, построены так, что знание в результате оказывается запечатленным в теле музыканта или проецируется на вещь — приобретает материализованную: воплощенную (в теле) или овеществленную (гармошка — сама по себе или с пометками) — форму. Н. А. Вороненко, описывая историческое развитие техник обучения игре на гармонии, рассматривает обучение «на слух», «по цифрам» и т. п. как «различные этапы совершенствования игровых традиций: 1) игра по слуху; 2) игра «с рук»; 3) введение особой «цифровой» записи мелодии; 4) переход на промежуточную «нотно-цифровую» систему; 5) появление и внедрение традиционной нотной системы записи мелодии с элементами цифровых обозначений»¹. Венцом, или завершающим этапом в этой цепочке, она считает нотную запись мелодии. В сообществе, с которым мы имели дело в процессе полевых исследований, все эти этапы существуют синхронно, и актуальна скорее оппозиция «нотников» и «слухачей». Цифры считаются тоже временным вспомогательным приемом, актуальным на начальных этапах обучения.

По мере развития навыков и умения гармониста ключевую роль в обучении приобретал социальный контекст их реализации — взаимодействие с аудиторией, дававшее стимул к совершенствованию игры. Именно от аудитории поступал запрос на варьирование наигрышей, побуждавший игрока, наконец, выйти за пределы постоянных повторов «запрягу да выпрягу»: показывая

¹ Вороненко Н. А. Становление и развитие методики обучения игре на русских гармониках 1870–1930 гг.: автореферат дис. канд. пед. наук (13.00.02) / Н. А. Вороненко; КГУКИ. М., 2006. С. 12.

мне игру под пляску, гармонист поясняет, что это игра «с переходом. Потому что надоедает монотонно: Ванька дома — Маньки нет, Манька дома — Ваньки нет... А еще выход-то есть (еще одна форма варьирования игры, наряду с «переборами», «переходами» и т. п. — Т. Ц.)» (БВН).

К факторам распределения знания относился возраст гармониста: большинство из них начинали играть (пробовать) с 10–12 лет, а с 12–15 уже ходили на гуляния со взрослой молодежью — таким образом, освоение гармонии давало им некоторое преимущество и в контексте брачного поиска. Маленьких, недоросших еще до возраста женихов и невест, обычно на гуляния не пускали. Однако этот фактор мог нивелироваться, как мы видели, отсутствием гармониста в деревне или фактором родства: «Со взрослым придем. Тогда еще молодежи — нет восемнадцати, дак не пустят. Я-то со взрослым ходил. Братья-то были двоюродные. Старше меня. Пойдем, дак там гармонь дадут — только играй. Бывало, наиграю, так *пальцам больно*. Девочек-то много, все плясать хотят, ой!» (ВГГ). Обратим внимание на конец цитаты: игра могла быть утомительна, требуя определенной адаптации тела гармониста.

Знание гармониста включало не только приемы собственно музицирования, коммуникации, но и телесной адаптации. Среди навыков, которые должен был освоить гармонист, не последнее место занимали навыки адаптации тела к длительной, иногда многочасовой, игре: «Часа четыре или пять играли. Рука левая синяя после того, как придешь. Было так. На свадьбах» (БКА). Телесные качества могли также стать фактором распределения — те, кто не справлялись, оставляли процесс освоения игры. Для преодоления этого препятствия требовалось особое знание, передававшееся между игроками. Первое, о чем считал нужным рассказать А. Ф. Каданцев (гармонист, баянист, знаток кирилловской гармонии, работник Кадуйского районного центра народной традиционной культуры и ремесел), пытаясь обучить меня игре на гармошке, — это об умении держать руки и плечи расслабленными во время игры: «Для того, чтобы играть на музыкальном инструменте, нужно уметь расслаблять свои мышцы. Не зажиматься. Начинаешь играть на гармонии — если вы зажали руку, вас хватит на 15 минут и все. Дальше начинаются проблемы. Сбивается, косить пальцы начинают. Для музыканта: плохие плечи. Вот когда вы играете, начинаете: вот так

(поднимает плечи, косит одно выше другого). (...) Пока вы не поймете... Вы наслаждение от игры на гармонии получите только в том случае, когда будете расслаблены. Если вы будете зажиматься, Вы всегда получите дискомфорт от игры на гармонии» (р. п. Хохлово, 2018). О необходимости уметь расслаблять руки (и лицо) говорили мне и другие деревенские гармонисты.

Требовала особых знаний и навыков и проблема адаптации к практикам, поддерживавшим атмосферу праздника, в частности, к алкогольным. До последней трети XX в., по воспоминаниям, в вологодских деревнях были живы так называемые пивные праздники, важнейшим элементом которых были проходы мужчин по деревне; во главе шествия шел гармонист: «Мужики ходили из дома в дом. Водку раньше не ставили, это для гостей. Мужикам пиво... Без гармошки никуда. Вот пришли ко мне, стол накрыт, пиво, графины. Миша говорит: „Мужики, вставай, пошли“, Костя (гармонист. — Т. Щ.) играет отходную... Все встали и пошли на улицу вдоль деревни. Миша живет через дома два от меня. К нему заходишь с гармошкой, его жена уже знает, что идут. Стол накрыт. Мужики сели, посидели. Кто-то уже не может идти. Он остался там за столом. Пошли дальше, отходная, пошли в другой дом. Такие были гуляния». Одни участники оставались отдыхать, другие присоединялись к шествию. И только гармонист должен был играть то отходную, то проходку, то под пляску — не прерывая атмосферу праздника. «Это да. Бывало так, что последний или Толя, Петя, Костя. Гармошку никогда из рук не выпускаю. Тебе нальют, в рот вставят — только не прекращай играть. Весь перепотел, — мы тебе вытерем полотенцем лоб — Только ты играй! — Дайте закурить! — Мы тебе подкурим, только ты играй» (БКА).

Наличие в доме (или в сфере досягаемости) гармони; способности и желания воспроизводить игру других гармонистов, наблюдая и слушая; наличие гармонистов среди родственников или знакомых семьи; возраст или родство, обеспечивавшие доступ на гуляния; определенные телесные качества — все это называли как факторы, облегчавшие (при наличии) или затруднявшие (в случае недостатка) освоение знаний, необходимых для игры. Заметим, что многие из них так или иначе связаны с интеграцией будущего игрока в сообщество — сельское (особенно молодежное) и/или в местное сообщество гармонистов.

ИГРОК И СООБЩЕСТВО

Игра на гармонии была включена в порядок социальных взаимодействий и во многом сама его определяла. Самое умение гармониста, степень его овладения соответствующим знанием оценивалась в зависимости от реакции аудитории: «Да это лет, наверное, десять — пятнадцать назад. Я пришел — немножко плохо получается. А потом раз-раз, и у меня женщины заплясали, а потом у меня стало получаться лучше всех, так (смеется)» (СНТ). «У меня женщины заплясали» в этом случае приводится как решающий индикатор сформированного (и реализованного) знания/навыка исполнителя как игрока.

Значимый фактор обучения во время гуляний — присутствие гармонистов из разных мест (наигрыши везде имели локальную специфику). Прислушиваясь к игре собравшихся игроков, начинающий (да и не только) получал возможность разнообразить и свою игру: «Да ведь все по-разному играют, ведь он послушал: ага, как у него хорошо-то, это надо как-то перенять. По слуху. А то дак — ну, показать-то это ерунда. Мне батяка тоже: тебе хоть привязывай пальцы — ничо» (ГНИ). Этим коммуникациям, как можно заключить из приведенного воспоминания, рассказчик (и его собеседник в том разговоре) придает больше значения (считает более эффективными), чем направленное обучение с привязыванием пальцев и прочими специальными приемами. Игра на празднике в некоторых случаях позволяла, а иногда и требовала, освоения не только вариаций местных наигрышей, но и умений, традиционных для других регионов. Так, кадуьский гармонист вспоминает, как ему пришлось играть на свадьбе, где были выходцы из Ростова: «У нас была свадьба — невест[а был]а [из Рост]ова. Они говорят: — А ты играй, говорит, нам Матаню! — Я говорю: Какую Матаню? — Они мне напели Матаню-то. Знаешь, как Матаня играется?.. Она плясали ростовские, ростовские были на свадьбах. Во как, Матаню. А я быстро давай...» (КНШ). В этом случае гармонисту пришлось перенять неместный вариант наигрыша по настоятельному требованию подвыпивших гостей, причем сделать это безо всякого предварительного обучения, в режиме реального времени. Знание, связанное с игрой на гармонии, оказалось распределенным между игроком и аудиторией.

Дополнительным стимулом осваивать новые варианты игры становился соревновательный контекст: когда собиралось

несколько гармонистов, они стремились показать себя, привлечь внимание аудитории — каждый раз возобновляя (или переопределяя) свое место в неформальной иерархии игроков. Эта иерархия базировалась в первую очередь на освоении локальных наигрышей (внелокальные вызывали скорее интерес, чем желание перенять) и количестве известных игроку «переходов» (вариаций) в рамках этих наигрышей. Однако знание чужих, неизвестных другим мелодий тоже давало преимущество.

Ситуацию соревнования, или определения места игроков во внутренней неформальной иерархии, можно рассмотреть с точки зрения того, как оценивается качество игры — а вместе с тем знание/навыки игрока — и его статус. Это возвращает нас к проблеме определения «знания» в среде носителей традиции, поскольку в ситуации соревнования, сопоставления игроков это определение артикулируется.

Начинающие гармонисты, освоившие только повторы однообразных «запрягу да выпрягу», образовывали низшую ступень неформальной иерархии, именно такие составляли большинство деревенских гармонистов: «У нас большинство было: тырлы-тырлы играли», — утверждает пожилой игрок, с которым мы разговаривали в Кадуе (накануне он занял первое место в районном конкурсе гармонистов). Этим редко звали на молодежные гуляния, но могли позвать на посиделки женщин старшего возраста. «Как я играл? — вспоминает тот же гармонист. — Тырлы-тырлы... Ну бабкам-то ладно: зарабатывать... плясали... Бабки сами... плели. Раньше не было... посиделки эти... С прялкой сидит. Мужики... ну на поле-то... А там-то тырлыкал, по деревне пойдешь, бабки-то идут сзади, поют...» (ИАА). Во время таких посиделок осваивали более сложную игру — под пляску.

Наши собеседники называют ряд отличий игры «под пляску» от игры «под песни»: нужно было играть быстро и уверенно, не сбиваться, чтобы не сбивать плясуна (что расценивалось иногда как личная обида). Когда человек выходит на круг, он(а) старается продемонстрировать свои умения, физические достоинства, — и здесь важно было, чтобы гармонист играл не просто умело, но и готов был бы подыграть пляшущему, понять, как он(а) будет выступать дальше, что хочет показать, быстро приспособиться к переменам хода и настроения. Выше мы приводили частушку («...игры не подводи»): «Это ребята пели гармонисту. Ну мало ли гармонист,

может, начал дурить. Гармонист тоже устает. И под конец начинает не то играть, что в начале. А если на беседе — ведь всем хотелось поплясать под хорошее...» (КГН). Умение играть под пляску знаменует переход на следующую степень невидимой иерархии, когда уже играли на гуляниях для парней и девушек. Это новое умение/знание сильно зависит от аудитории. Так, наш собеседник рассуждает: «Сейчас даже под пляску, я тебе говорю, сыграть некому. Не-ко-му. — Почему? — А нету таких гармонистов, который бы сыграл под пляску». Объяснением такого сворачивания традиции (утраты знания) гармонист считает утрату соответствующей аудитории: «Вообще теперь, не знаю: молодежь под эту пляску... что вот, допустим, Вы, что мое поколение, — умеет еще плясать. А ведь теперешняя молодежь — ну я не знаю, если ленчика водить умеют? А чтобы дробь колотить, или что-то такое? Если он в музыкальное училище не ходил или в кружок, — от себя ведь нету теперь. Раньше как это так: в деревне — вот я вырос — и не умеет парень плясать или девчонка не умеет плясать? Потому что не было никакой... другого. Кроме гармошки» (БКА).

Но самая высокая ступень описываемой иерархии игроков определялась иначе. Когда гармонисты встречаются, то, как я часто слышала, начинают выяснять, кто из ныне живущих кому «фору даст». Во время одного из таких обсуждений я попыталась выяснить, кто из (кадуйских) считается лучшим. Назвали несколько человек, но собеседник — бывший руководитель клуба гармонистов в ближайшем городе — заметил, что и у лучшего из них все равно «кадуйская игра. Вот хоть как вот они играют — они хулиганские *не играют*. ... Череповецкие игроки, шекснинские — играют... Атаман у нас веселый... Но всех сильнее под драку играли шекснинские. Их сейчас нет» (КГН). «Хулиганские» частушки — в данном случае подразумеваются те, что пели парни, когда начинали (провоцировали) драку с парнями ругой «партии» (гуляющей группы), что считалось частью сценария деревенских праздников. Сам наигрыш мог (как показывали некоторые информанты) быть тот же, что и «по деревне» (с которым ходили во время гуляний), но игра не та. «Под драку вот те районы хорошо играют, — подтверждал и другой местный игрок. — У нас нет. У нас район цивилизованный, близко до рога железная» (ГНИ). Я захотела уточнить критерии, по которым этот вид игры отличают и оценивают выше: «Вы сказали: сильнее всех под драку играет. А что значит „сильнее“? — Видите, вот нужно

завести компанию. Кадуйские не могут так завести, как шекснинские или череповецкие» (КГН). Иными словами, основное отличие видят в реакции аудитории: игра должна была настраивать на боевой лад. И это аудитория мужская, в основном из молодых мужчин.

Таким образом, освоение игры на гармони (это неразделимое знание/навык) означало одновременно и повышение статуса игрока в деревенском сообществе, а тем самым и среди гармонистов (на локальном уровне, определяемом границами общих гуляний). Навыки игры совершенствовались от однообразной «тырлы-тырлы» к ритмичной и устойчивой, уверенной, скорой игре «под пляску» и затем к игре «под драку», способной «завести» аудиторию, сформировать ее настроение. Впрочем, и от игры под пляску желательно было получить эффект управления аудиторией: атмосферу веселья. Одновременно с усовершенствованием навыков гармонист осваивал и новую аудиторию: вначале его вообще гнали «в баню», затем он играл старушкам, потом девицам и парням под пляску и, наконец, (не всякий умел) — мужской молодежи под драку. Мужская аудитория (ее одобрение) считалась наиболее ценным показателем умения гармониста. Это означает, что освоение знания игры сопровождалось интеграцией в деревенское сообщество, в итоге — в мужское сообщество. Сообщество гармонистов тоже было мужским, по крайней мере до перехода игры на гармони в сферу профессиональной деятельности работников культуры, среди которых много женщин.

Возвращаясь к проблеме распределения знания игры, отметим роль в этом процессе вышеописанной неформальной иерархии. Мы уже говорили о том, что гармонисты присматриваются к игре друг друга в праздники, во время гуляний — когда собираются игроки из разных мест. Праздники играли роль узловых точек в системе распределения знания. Отметим, что в первую очередь привлекали внимание лучшие гармонисты — имевшие репутацию лучших, те, о ком говорили. Расспрашивая про застолья или гуляния, где присутствовали сразу несколько гармонистов, я задала вопрос: «Вы другую игру как-то ловили там что как?... — Да, да, это заметно было, кто как играет, даже пометит другой раз, кто как переборчик делает — это было такое, да... Вот с (нрзб.)-то я хотел послушать этого мужика, слышал я, что А-в играет, вот К.-то все и хвалил его: Ой, говорит, играет он!..» (ПВК). Репутация гармониста (место в неформальной иерархии), таким образом, выступает

регулятором его роли в системе распределения знания, напрямую определяя стремление других гармонистов перенимать его наигрыши, стиль и манеру игры.

Критерии «лучшего игрока» в приведенных выше нарративах — это *знание игры*, воплощенное в соответствующих навыках и умениях, неотделимое от *впечатления*, производимого этой игрой на аудиторию; оценка игрока зависела также от (половозрастного) *статуса аудитории* (игра для парней считалась, судя по вышеприведенным рассказам, престижнее, чем для девиц, а для молодежи — чем для пожилых). Именно реакция аудитории оказывается ключевым критерием оценки и основанием определения статуса гармониста: иными словами, знание оказывается не только техническим, но и социальным (и включало понимание аудитории, умение реагировать на ее потребности, а затем и формировать ее настроение и поведение). Один из кадуйских гармонистов, сейчас проживающий в Доме ветеранов (Бюджетное учреждение социального обслуживания Вологодской области «Комплексный центр социального обслуживания населения Кадуйского района»), и там продолжает играть на гармонии, при этом подмечая реакцию слушателей: «И настроение уже получше... я другой раз сижу, выйду, возьму гармошку — бабушки сразу выходят. Не может плясать: „Нет, не могу!“ — а все равно ногой-то (показывает: притопывает; смеется)» (НАИ).

Рассматривая распределение знания на базе механизмов устной локальной исполнительской традиции, мы обнаруживаем, что механизмы этого распределения не ограничены кругом собственно гармонистов, но захватывают и других участников событий, которых в музыковедении обычно рассматривают как аудиторию. Впрочем, если речь идет о фольклорном исполнительстве, как и любой форме, непосредственно включенной в повседневность, то операциональным оказывается понятие «сцены», моделирующее небинарные отношения исполнителя и аудитории. Так, Кей Кауфман Шелемэй¹ прибегает к этому понятию в исследовании недавних иммигрантов в США, сталкивающихся с необходимостью заново выстраивать свои «социальные и музыкальные жизни». Включаясь в дискуссии относительно определения понятия

¹ *Shelemay K. Kaufman. Musical Communities: Rethinking the Collective in Music // Journal of the American Musicological Society. 2011. № 64 (2). P. 349–390.*

«сообщества» применительно к музыкальной исполнительской среде, Шелемэй предлагает переосмыслить его так, что передача и исполнение музыки могут быть исследованы как часть интегрального процесса порождения, формирования и установления новых коллективов. В качестве центрального понятия Шелемэй использует понятие «сцены», опираясь на определение Уилла Строу (Will Straw): музыкальная сцена — «„такое культурное пространство, в котором диапазон музыкальных практик сосуществует, взаимодействуя друг с другом во множестве процессов дифференцирования, и согласно широко варьирующим траекториям изменения и перекрестного оплодотворения“¹. В рамках этого понятия рассматривается «диапазон музыкальных практик» (в том числе и интересующих нас форм распределения знания: обучения, копирования, сокрытия и т. п.), это субститут понятия «сообщества», подчеркивающий вовлеченность музыкальных практик в повседневную жизнь; определяющий сообщество через «идеологию соединения, выраженного через музыку, производящую общее чувство принадлежности», переопределяющую границы общностей. Музыка обслуживает разные формы социального воображаемого (в духе Хобсбаума и Б. Андерсона — от наций до субкультур), благодаря своей способности к коммуникации со слушателями². Сцена — это пространство общих впечатлений, общего воображаемого — и база для формирования и поддержания общности. В этом смысле она перекрывает границу между исполнителями и слушателями, что как раз важно в процессе фольклорного (включенного в повседневные общественные практики) существования музыки. Описывая традиционные практики афганских музыкантов, Х. Саката обращает внимание на то, что они каждый раз, когда соглашались сыграть под запись, формировали также и социальный контекст этого исполнения. По обычаю, музыкантов приглашали в качестве гостей, и они выполняли просьбы хозяина, что рассматривалось как вариант обменных практик и играло важную роль в поддержании системы взаимных социальных обязательств. И всякий раз для записи они, вместо того чтобы прийти в гости к собирателю или пригласить к себе, настаивали на том, чтобы

¹ *Shelemay K. Kaufman. Musical Communities: Rethinking the Collective in Music. P 362.*

² *Ibid. P 362–363.*

третья сторона принимала общественное собрание, на котором и они сами, и собиратель были бы гостями. Их исполнение (и его запись) «тогда интерпретировалось как социальное, а не профессиональное взаимодействие», заключает Х. Саката¹.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ

До сих пор мы рассматривали функционирование знания (системы обучения, обмена с аудиторией) в условиях сельской локальной традиции. Знание передавалось по неформальным каналам, и регуляторы его распределения базировались главным образом на неформальных институтах: локальная система авторитетов (иерархия гармонистов), молодежные гуляния, сельские праздники.

Однако уже в начале XX в., особенно в первые десятилетия советского периода, игра на гармонии включается в сферу действия и более формализованных институтов. Так, В. А. Кочевков (2013) рассматривает материалы, касающиеся форм самоорганизации гармонистов в 1920-е гг. в Челябинской области. В одной из приводимых им газетных статей того времени упоминается кружок гармонистов, организованный при избе-читальне в с. Канашевское Миасского района. Инициатором была местная ячейка ВЛКСМ. Кружок оказался важным узлом в системе распределения знания, связанного с исполнением на гармонии (и не только: играли также на балалайке, занимались чтением). Значительное время уделялось разучиванию песен, и тут вставал вопрос о репертуаре, вызвавший жаркие споры: «Часть ребят, — пишут в газете, — была за старую песню: „На дерновой скамье“, „Белые акации“ и др. Одобрляли их по содержанию и по красивому напеву и художественному изложению. Другие были за новые песни, за новые частушки. Остановились на новых»². В данном случае репертуар формирует-

¹ Sakata H. L. Musicians Who Do Not Perform; Performers, Who are Not Musicians: Indigenous Conceptions of being an Afghan Musician // Asian Music. 1985. № 17 (1). P. 136.

² Дорощева А. Гармонь — организатор молодежи // Советская Правда: от 29 января 1927. Цит. по: Кочевков В. Ф. Из истории народно-инструментального исполнительства Челябинской области : Роль баяна, гармонии в контексте массовой музыкальной культуры 1920–1930-х годов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 3 (35). С. 129.

ся коллективным решением участников клуба, но его существование на базе ячейки комсомола не исключает и комсомольского (идеологического?) контроля; важно отметить и то, что решение принималось организовано. Еще одной функцией клуба было налаживание связей с другими организациями гармонистов — т. е. система распределения знания расширялась за пределы локального сельского сообщества. Одной из форм таких связей становились конкурсы гармонистов, первый из которых состоялся в начале 1927 г. и затем вплоть до середины 1930-х гг., как пишет автор, они играли «огромную роль в становлении профессионального исполнительства на баяне»¹). Государство поддерживало профессиональное обучение игре на гармонии и баяне, наращивало производство инструментов: функционировали фабрики и артели. В последнем случае производство было распределено по домам и организовано как сотрудничество отдельных мастеров, ответственных за изготовление голосовых планок, корпусов, мехов. Гармонисты и затем баянисты выступали на организованных партийными и административными органами мероприятиях. Должность баяниста была при провинциальных театрах и других учреждениях культуры. Развитие исполнительства на гармонии шло в направлении профессионализации, формализации, институционального контроля. Так продолжалось вплоть до второй половины XX столетия.

Меняется порядок трансляции знания (обучение становится более длительным и формализованным), меняется и содержание осваиваемого знания: исполнительство ориентируется на развитие навыков виртуозной игры, а репертуар — в сторону сложности, и оценка знаний/навыков исполнителя определяется в большей степени реакцией профессионального сообщества, нежели сельской аудитории. Инструмент также развивается в сторону обслуживания запросов профессиональных музыкантов: гармонь вначале усложняется, а затем замещается (у профессионалов) баяном. Налаживается массовое производство также и гармоней: но тут доминирующей становится гармонь-хромка (по 25 кнопок на правой и левой клавиатурах, прямые, в отличие от кирилловской, басы), как ее называют, «полубаян», вытесняя более простые локальные разновидности гармоник. Отметим, что называя полную

¹ Кочек В. Ф. Из истории народно-инструментального исполнительства Челябинской области. С. 131.

хромку «полубаян», игроки на кирилловской гармонии помещают ее в то же семантическое пространство, что и баян, в рамках семантической оппозиции «гармошка vs баян» (и соответствующей ей оппозиции «любитель vs профессионал»). Им обоим (баяну и хромке 25 на 25) противопоставляется «гармонь кирилловской работушки: на гуляньице пойдем, гуляем без заботушки» (БВН).

Подводя итог, отметим, что профессионализация затрагивает и практики обучения, и критерии освоения знания, и его овеществленную в инструменте форму. Все это имеет и еще одно последствие: и критерии знания, и обучение, и изготовление гармоник становится все менее зависимым от первоначальной среды бытования — собственно сельской аудитории. Этому сопутствует отделение от профессиональной исполнительской среды неформального сообщества самодеятельных гармонистов, одним из маркеров этой дистанции стала указанная выше символическая оппозиция. Нам не раз приходилось слышать высказывания, поддерживающие эту дистанцию: о том, что профессионалы играют виртуозно, но аудиторию не заводят; что любители играют не «плохо», а каждый по-своему (противопоставляя это стандартизации игры по нотам) и т. п.

Связанные с профессионализацией гармонной игры проблемы замечают и в профессиональном сообществе музыкантов, по их самоопределению, «народников» — в данном случае речь идет об исполнителях, композиторах, преподавателях музыки и музыковедах, связанных с так называемыми народными инструментами, куда (из ручных язычковых) включают баян и аккордеон. Обучение на гармонии было в меньшей степени институционализировано, и в музыковедческой среде появление гармонистов, получивших образование академического типа, обсуждается как проблема. Собственно, проблема видится в соединении двух типов музыкального мышления¹: с одной стороны, в рамках академического образования, как пишет А. С. Усков, «наблюдается несомненный рост профессионального мастерства, проявляющийся в звуковой культуре, навыках меховедения, владении артикуляцией² — подобные утверждения выстраивают новую иерархию, в рамках

¹ *Илханицкий М. И.* История баянного и аккордеонного искусства. М.: РАМ им. Гнесиных, 2006.

² *Усков А. С.* О некоторых тенденциях развития образования на гармонии. С. 53.

которой игру академически образованных (как правило, на баяне или аккордеоне) гармонистов оценивают выше самодеятельных. С другой стороны, отмечают у последних яркие «особенности интонирования и артикуляции», «особое мехо — и звуковедение», которые студентам также предлагается осваивать в процессе (академического) образования — наряду с «академическими традициями». И, ожидаемо, отмечают, что эти две традиции трудно совместить¹. Система профессионального обучения игре на «народных инструментах», первоначально поддерживаемая государством как развитие народного исполнительства, оказалась выстроена как конкурирующая с ним — и так далеко оторвавшаяся от собственно народного (если понимать под этим включенное в систему повседневности), что победу ее трудно оспаривать: ведь оценка производится по шкале профессионализма. Но тогда встает вопрос: является ли эта новая академически подкрепленная система исполнительства собственно «народной»? И что следует понимать под «народностью»? Востребованность народом — «полный зал в местной филармонии», как пишет Ю. Н. Храмов²? Эту востребованность он относит к периоду своего обучения в музыкальном училище в 1960-е гг., противопоставляя ее нынешнему положению, когда образованные и вполне профессиональные баянисты играют, главным образом, «в специальных учебных заведениях и для узкого круга коллег», — по сути, автор описывает культуру профессионального исполнительства как имеющую тенденцию к замыканию в своем кругу и превращению в субкультуру.

Проследивая эти дискуссии, можно заметить несколько кругов распределения знания: собственно круг музыкантов-«народников», академическое образование которых позволяет им исполнять произведения классического ряда, играть современную эстраду и джаз — баян и аккордеон дают возможность осваивать практически любой репертуар без ограничений. Во-вторых, круг музыко-

¹ Усков А. С. О некоторых тенденциях развития образования на гармонии. С. 55.

² Храмов Ю. Н. Академизация профессионального исполнительства на русских народных инструментах: достижения и издержки процесса // Народные инструменты в русской и мировой музыкальной культуре: сб. науч. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф., 14 марта 2019 г. / Тамб. гос. муз.-пед. ин-т им. С. В. Рахманинова; отв. ред. Р. Н. Бажилин, ред. О. В. Немкова. Тамбов, 2019. С. 65.

ведов-фольклористов, также получивших профессиональное музыкальное образование: их интерес лежит в области собирательства, записи народного исполнительства (и нотной записи — т. е. перевода знания, базировавшегося на принципиально устном типе передачи, в письменную нотную форму), а затем исполнения с использованием профессиональных знаний — здесь речь идет о «традиционном народном» репертуаре, в основу шкалы оценки кладется аутентичность (а как же характерное для устной традиции варьирование, адаптация к аудитории и т. п.?) — и опять, конечно, профессионал-фольклорист по выдвинутым им критериям рискует быть оценен выше, чем самодеятельный игрок. Наконец, формируется специальная аудитория, в которой востребованы «народные инструменты»: она тоже демонстрирует тенденцию к субкультурному замыканию (современные субкультуры реконструкции народной культуры, традиционалисты). Эта аудитория примыкает и зачастую сотрудничает с фольклористами, прикасаясь к народному исполнительству в экспедициях, но затем выращивая исполнителей из своей (реконструкторской и т. п.) среды. Во всех трех случаях знание, почерпнутое извне, имеет тенденцию затем распределяться в рамках своей среды (профессиональной, субкультурной), где актуализируются внутренние шкалы оценки и базирующиеся на них иерархии.

В профессиональных дискуссиях, собственно, артикулируется два типа проблем: это отрыв академически образованных исполнителей-«народников» (1) от народной (традиционной) исполнительской традиции (стиля, манеры, способов музицирования) и (2) от народной (массовой) аудитории. Храмов предвидит в будущем размежевание на музыкантов-академистов, которые окончательно «сбросят балласт традиций», и традиционалистов, ориентирующихся на фольклорный репертуар: первой группе предсказывает слияние с общей средой академических музыкантов, а второй — замыкание в узком кругу профессионалов-фольклористов, — т. е. описывает перспективу разделения знания и замыкания систем его распределения в рамках разных субкультур. Сам автор, однако, предлагает приложить усилия, чтобы соединить фольклорные традиции с достижениями академизации народных инструментов, с тем, чтобы максимально расширить социальную базу исполнительства.

Отметим, что проблема расширения социальной базы у этого автора обсуждается на фоне сужения государственной поддержки

исполнительства на народных инструментах, в результате чего музыканты сами должны искать и формировать себе аудиторию. Но как вообще сложилась среда музыкантов-«народников» в те времена, о которых автор вспоминает с ностальгией, кто были те баянисты, которые собирали полные залы? Можно предположить, что она не в последнюю очередь была сформирована государственной поддержкой, о которой пишет и автор в начале статьи. Поддержка оказывалась в контексте формирования государственной идеологии, куда включалась «народность»: «Баян, — пишет Имханицкий, — с середины 20-х гг. XX века становится в СССР важнейшим средством популяризации новой идеологии, средством широкого распространения академической музыкальной культуры»¹. Утрата или сужение государственной поддержки сопровождалась распадом среды музыкантов-«народников», разделением ее на два отмеченных автором направления.

Мысль Храмова объединить их прагматически обоснована (расширение социальной базы), но надо учитывать, что придется противостоять тенденции естественного разделения, за которым две разные шкалы оценок, разные практики, репертуар и аудитории, разные субкультуры и их внутренние иерархии, наконец. Это значит, что в попытке объединить их противостоять придется тем, кто вверху каждой из иерархий (они наиболее заинтересованы в сохранении шкал и т. д.) — т. е. лучшим в каждой традиции; тем, кто занимает позиции в узлах внутренней структуры каждой из них, т. е. в узловых позициях систем распределения знания. К ним знание стекается, у них скапливается, и они определяют критерии его передачи в систему распространения: отбирают и оценивают знание (и косвенно исполнителей, достойных его предавать), а также учеников — т. е. направления дальнейшего распространения этого знания. Объединение этих традиций, следовательно, было бы связано со значительными утратами знания, сосредоточенного в обеих сложившихся системах.

Надо сказать, все время с момента своего появления официальные профессионализированные формы исполнительства на «народных инструментах» существовали наряду с практиками неформальной традиции (точнее, множества локальных). Более того, часто в сельской местности неформальная была более ста-

¹ Имханицкий М. И. История баянного и аккордеонного искусства. С. 12.

бильной, вытесняя официальные институты и даже присваивая их ресурсы. Гармони поставлялись в клубы или школы по контролируемой государством разнарядке, но там не всегда были гармонисты. В наших интервью не раз упоминалось, что рассказчик — тогда школьник-подросток — брал гармонь в клубе, но учился играть сам, у соседского дедушки или брата-гармониста (речь идет о конце 1940–1950-х гг.). Соответственно, и характер получаемого им знания (репертуара, наигрышей, способов общения с аудиторией) определялся совсем не формальными институтами. Ресурсы последних скорее поглощались неформальной традицией, превращаясь в средство трансмиссии именно ее содержания.

Время перелома связывают с появлением в сельском быту средств воспроизведения музыки: вначале патефонов (которые, впрочем, не вытеснили гармонь), затем переносных радиоприемников и магнитофонов, которые стали использоваться на сельских танцевальных вечерах, и гармонь утратила незаменимость в контексте молодежных гуляний. Иногда эта грань прослеживается очень резко. Так, один из наших информантов в 1960–1961 г. (по его воспоминаниям) ушел в армию с гармошкой, а назад ее уже брать с собой не стал: «Да я ее... в армии ее оставил. Не взял... просто я, как бы уже... она уже не в моде была, и я думаю, [зачем] она нужна мне, гармошка-то. Тем более, что я поехал работать. И не взял я ее почему-то» (БВН). Большинство гармонистов указывают в качестве переломных конец 1960-х — 1970-е гг., после которых роль гармониста упала, и он фактически лишился аудитории. Правда, в некоторых ситуациях, например, на проводах в армию, гармонь играла, по воспоминаниям, еще в восьмидесятые годы прошлого века, а на свадьбы и юбилеи гармонистов иногда зовут и сейчас.

Другой фактор утраты традиционного контекста игры — развитие урбанизации: переезд в города как самого гармониста, так и его потенциальных слушателей. Разрушается традиционная структура гармонной сцены — сообщества игроков и слушателей. Переезжая в город (или в поселок городского типа, райцентр), гармонисты первое время еще пытались играть на публике: «Я первое время ходил тут с гармонью по поселку, — вспоминает живущий ныне в р. п. Хохлово пожилой мужчина. — Придешь на центр, туда, где „Дорожник“ (магазин около автобусной остановки. — Т. Щ.)... и автобус как подходит, вот там тоже поиграешь... а тут редкий

случай: мало ли, кто чо как увидит, услышат музыку» (КАИ). Реакция слушателей была разной — от недоуменной до одобрительной. Но — не такой, как в его деревенской молодости: сцена, как общность игрока и слушателей, не складывалась. Через некоторое время рассказчик отдал гармошку соседу по Социальному дому, в котором он сейчас проживает. Знание, когда-то распределенное между игроком и аудиторией, утратило целостность, а вместе с тем отчасти и смысл. Его распространение и реализация в игре прекратились.

Сопоставление «старого» и нынешнего времени есть практически во всех записанных нами нарративах: «Вот у нас было праздник. Вот сейчас соберутся в гости зятевья — сидят как мертвые: ничего не поют, не пляшут. А у нас раньше вот приедут гости с Ленинграда — мы делаем стол, тут играем, пляшем, потом долгие песни поем. А теперь уже не поют эти песни. А в эти сороковые-пятидесятые годы песни-то хорошие были» (ШНИ). Изменился контекст — а с ним и репертуар: «Ну, они под пляску играли, а потом вот так вот, как сказать... короче говоря, мы теперь, ну как они раньше играли, так уже не играем... в общем, там гармонистов навалом было. Это сейчас уже изредка, мало кто... Гармони-то есть у многих. Всё собираюсь вон в деревню съездить, тут у одного товарища — он вообще не играет» (КАИ). Вместе с аудиторией сворачивается и знание.

Впрочем, в некоторых случаях речь идет не о сворачивании, а о замене — и контекста исполнения, и аудитории, и статуса игрока, и актуального для него знания. По мере вытеснения игры на гармони из системы бытовых и праздничных взаимодействий непосредственно в локальной среде, она перемещается на сцену сельских, районных, областных учреждений культуры, работники которых становятся и главными организаторами соответствующих событий: фестивалей, конкурсов, разнообразных местных праздников (от Масленицы до Дня пожилого человека. Формальные институты, существовавшие в этой сфере и ранее, теперь доминируют; когда традиционные формы участвующего исполнительства сворачиваются, то носители традиционного знания инкорпорируются в сферу действия этих институтов.

Однако в их рамках гармонист утрачивает функции неформального организатора, т. е. если придерживаться вышеприведенной классификации, от партиципаторной (соучаствующей) модели

исполнения переходит к модели публичного представления. Этот переход для многих оказался нелегким: «Я никогда не выступал со сцены, девчонки стоят, им по пятнадцать, я за шторами всегда там сидел и играл... мне стыдно было на сцену... на праздник — там другое: там уже все расслаблены (речь идет о традиционной модели игры в праздники непосредственно среди участников. — Т. Щ.), но когда выйдешь в зал, руки тряслись — забыл, что надо играть. У меня этот барьер перешагнут быстро. Не знаю, почему быстро? Может, с детства в кругу в таком общался...» (БКА). Гармонист ощущает контраст игры со сцены с привычной традиционной моделью: «Ребята, оно почему-то — мое поколение — никогда не выступало чтобы на сцене, со сцены чтоб пели... [играли] где-то на празднике на каком-то, на застолье: проводы в армию, например: раньше равносильно свадьбе было проводы в армию» (БКА).

Функции организатора «народных праздников» (которые, разумеется, организованы административно, включены в официально утвержденный план культурно-массовых мероприятий местных отделов культуры) принимают на себя профессиональные клубные работники, среди них и баянисты (реже нам встречались в этой роли гармонисты — участники «народных ансамблей», работающих при клубах на профессиональной основе). Гармонисты же самоучки, носители сельской традиции, помещаются на контролируемые ими клубные подмости. Их демонстрируют скорее как элемент «народной традиционной культуры», которая тоже включается в сферу управления культурой (в рассматриваемых районах государством организована сеть бюджетных учреждений культуры — Центров народной традиционной культуры и ремесел), т. е. гармонист из субъекта — воплощения и организатора праздника — превращается в объект демонстрации, как часть его эстетического оформления (контролируемого институционально) и, возможно, легитимации (свидетельство аутентичности предлагаемого культурного продукта).

Что происходит со знанием — содержанием локальной традиции? Кроме того, что оно становится частью системы легитимации деятельности институтов управления культурой, это знание включается в систему преподавания в кружках при клубах, детских школах искусств и т. п. Но что именно передается? Участвуют ли гармонисты — носители локальной (усвоенной в сельском детстве) традиции — в этом обучении? Мы встречали единичные случаи

такого участия, но, как правило, преподают все-таки профессионалы, имеющие специальное образование в сфере культуры, музыки, педагогики, т. е. их социализация прошла в рамках не локальной, а вполне академической традиции; локальную они могут изучать.

Содержательная часть знания: репертуар, тексты частушек, лексика — в контексте традиционных гуляний были в сфере контроля гармониста и зависели от запросов аудитории. При исполнении со сцены или во время народных праздников, организованных работниками культуры (несущими за них ответственность не столько перед локальным сообществом, сколько перед государством, и работающими по утвержденному государством плану) контроль переходит, соответственно, к учреждениям культуры.

Выступление гармонистов на официальной сцене потребовало внесения изменений в содержание сохраняемого/передаваемого знания, начиная от способа общения с аудиторией и до текстов песен. «Частушки переделывать надо, чтоб со сцены. — рассказывает бывший руководитель клуба гармонистов в г. Череповце. — Вот у нас... я переделывал... Поиграла эта хромочка, потешила людей. Пообманывала девушек — таких-то... [далее в тексте частушки предполагалась obscene лексика. — Т. III.] я думал, думал — всё перебрал. Все-таки я, примерно я подошел это: пообманывала девушек — красивых лебедей. Вот матюг — надо выйти, а частушка — частушка-то хорошая, поэтому переделываешь частушки» (КГН). Частушки, исполнявшиеся в гуще народного праздника, особенно на свадьбах или на молодежных гуляниях, нередко содержали непристойные с нынешней точки зрения фрагменты — «картинки», они назывались «хулиганские» и для публичного исполнения, скажем, в присутствии взрослых или детей, не предназначались: «Эй, товарищ дорогой, хулиганские не пой: вон милиция приехала — наверно, за тобой!», — предостерегали друг друга участники гуляний: в качестве легитимации изменения текста ссылались на внешние по отношению к локальному сообществу инстанции. Многие частушки, впрочем, и ранее имели разные варианты: «с картинками», которые исполнялись в мужской аудитории, либо когда была цель эротической провокации (например, на свадьбах) и с их заменой: такие пели при женщинах, девицах, не желая их оскорбить; присутствующие, однако, обычно знали исходный вариант и даже в случае замены легко прочитывали его. Сама по себе замена вызывала порой дополнительный

смеховой — и тем самым консолидирующей, преимущественно, мужскую аудиторию — эффект. Перемещение гармониста на сцену актуализировало эти замещающие формы и практически вытеснило «хулиганские» (преимущественно мужской вариант). Если учесть доминирование женщин среди работников сельских учреждений культуры (осуществлявших функции контроля в случае сценического представления), то вымывание текстов с мужскими маркерами можно рассматривать как часть процесса демаскулинизации игры на гармонии.

Вытеснению подверглись варианты, маркировавшие мужской гендерный статус, причем именно то в его конструкции, что означало и выражало доминирование. Их исполнение структурировало участников гуляний по гендерному и возрастному признаку. Вообще исполнять их при девушках или старших не было принято; еще более неприлично считалось для девушек их слушать. Если начинали петь «с картинками», это должно было побудить девушек уйти и гулять в некотором отдалении; одновременно служило вызовом для других компаний парней, — т. е. становилось преддверием и провокацией драк как способа утверждения доминирования в мужской молодежной среде (драки вспыхивали между парнями из разных деревень, с разных улиц или из разных родственных групп), а также воспроизводства границ и тем самым структуры локального сообщества. Все это, разумеется, перестало быть уместным во время игры со сцены Дома культуры.

Именно исполнение песен и наигрышей «под драку», как мы писали выше, обеспечивало самый высокий статус игрока (означало наиболее полное знание игры) среди других гармонистов, производный от авторитета в местном мужском сообществе. Таким образом, перенос игры непосредственно из ситуации взаимодействия на сцену поставил под вопрос не только доминантный статус гармониста в сельском сообществе, но и неформальную иерархию самих гармонистов. Последняя оказалась оторвана от актуальных событий и привязана к структурам памяти — о том, кто когда-то умел играть «под драку» и формировать эмоциональное состояние — «заводить» — молодежь.

В условиях исполнения со сцены формирование иерархии гармонистов принимает институциональные формы: для определения первенства, хотя бы на символическом уровне, учреждениями культуры (Центрами народной традиционной культуры, отделами

культуры районной и областной администраций и т. п.) проводятся конкурсы, фестивали, во время которых участники получают дипломы и призы. Трудно сказать, насколько это влияет на авторитет исполнителей в среде самих гармонистов. Мне приходилось участвовать в работе жюри такого конкурса и слышать в неформальных беседах выражения недовольства или безразличия к результатам конкурса, а иногда и нежелание участвовать в таких конкурсах в будущем. Причем такие высказывания я слышала даже от занявших призовые места. Это может говорить о том, что перераспределение контроля между формальными институтами и неформальной средой пока еще неполное. Тем не менее на символическом уровне формальные институты демонстрируют — именно через ритуализованные практики: фестивали и конкурсы — доминирование в определении и утверждении иерархии игроков.

Соответственно, эти институты определяют и критерии самой игры. Посмотрим, как они артикулированы в довольно типичном приглашении исполнителей на очередное мероприятие — областной фестиваль традиционной инструментальной музыки «Вологодская игра». В качестве его организаторов указаны: «Учредитель фестиваля — департамент культуры и туризма области, организаторы — БУК ВО «Центр народной культуры», Вологодское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российский фольклорный союз»». Список критериев отбора исполнителей по результатам первого — заочного — этапа: «качество исполнения — техника игры, соответствие заявленному жанру; этнографическая точность исполнения — соответствие локальной традиции; представление фольклорно-этнографического контекста бытования наигрыша»¹. Такой отбор основан на существовании предварительного знания о локальной традиции (разных), жанрах, и носителем этого знания являются организаторы. Они же контролируют и определяют правильность техники исполнения. С другой стороны, от участников ожидается предоставление знания о контексте бытования наигрышей — вероятно, речь идет не столько об актуальных, сколько об утраченных, позволяющих определять сами наигрыши как культурное наследие, обладающее

¹ Вологодская игра: областной фестиваль традиционной инструментальной музыки [Электронный ресурс] // Центр народной культуры. URL: https://onmck.ru/news/newsonmc/11344/?sphrase_id=114947 (дата обращения: 27.11.2019).

исторической и этнографической (требуется «этнографическая точность») ценностью.

Требование технического совершенства должно давать некоторое преимущество исполнителям, имеющим музыкальное образование — и действительно, мы все больше видим таких среди исполнителей «народной музыки» со сцены, руководителей народных ансамблей или клубов гармонистов. Мы также сталкивались с ситуациями, когда с самодеятельными гармонистами-самоучками перед выступлениями проводят занятия профессиональные баянисты на базе Домов культуры, Центров народной культуры или Культурно-досуговых центров (этому я была свидетелем в Санкт-Петербурге, в КДЦ «Созвездие»), да и в Кадуйском районном Центре народной традиционной культуры в р. п. Хохлово игре на гармонии обучает профессиональный баянист (по образованию) А. П. Каданцев).

Можно наблюдать, как перенос игры на гармони на сцену, т. е. в ситуацию, контролируемую внешними по отношению к локальному сообществу институтами, ведет к переопределению знания: таковым объявляется признаваемое этими институтами, на базе профессионального образования (в области музыки, этномузыковедения, фольклористики и управления культурой). Знание, циркулирующее в среде гармонистов-самоучек, признается после внешней экспертизы по критериям, заданным внешними институтами. Вместе с переопределением следует и перераспределение знания: оно оказывается сконцентрировано в рамках опять же формализованных институтов (по определению, поскольку только такое и объявлено «знанием»), пополняться может под их контролем и распространяется по контролируемым ими каналам. Изменение контекста, контроля и форм музицирования побуждает ряд исследователей ставить вопрос: чем является такое «культивируемое» фольклорное исполнительство в большей мере: открытием — или «изобретением»¹?

Перемещение сельских гармонистов — носителей локальной традиции — на институционально контролируемую сцену в последние десятилетия — не причина, а следствие утраты аудитории, характерной для исполнительства в сельском традиционном

¹ Lenk C., Fujie L. Cultivated Folk Music: More Invention Than Discovery? / Appropriation and Mediation of Songs in East Bavaria // The World of Music. № 41 (2). Traditional Music in Bavaria: Regional Identity, History, and Culture, 1999. P. 63–97.

контексте. Это означает переструктурирование музыкального сообщества, которое после утраты аудитории должно схлопнуться фактически до границ собственно среды гармонистов. Что происходит в этом случае? Как реагирует эта среда (и как реорганизуются потоки знания, усвоенного ими в рамках локальной традиции)?

Один вариант мы рассматривали выше: носители этого знания сотрудничают с формализованными институтами, принимая их доминирование (но вместе с тем получая доступ и к контролируемой ими аудитории) — знание в результате видоизменяется, помещается в новую систему передачи, критериев, а следовательно, принципов отбора и модификации при трансляции.

Второй вариант — непубличное исполнение. В этом случае носители традиционного знания не участвуют в институциональных формах представления (имеют значение как боязнь сцены, так и исключение «самоучек» как недостаточно профессиональных), а вместе с тем отсекаются и от аудитории, привлечение и организация которой практически полностью перешли под контроль формальных институтов. Исключением остаются в некоторых случаях свадьбы, юбилеи — семейные застолья, да и то организаторам их легче взаимодействовать с профессиональными исполнителями. Что происходит, когда исполнитель остается без публики? Возможно ли исполнительство (актуализация знания) без аудитории, вообще без того, что музыковеды называют социальным контекстом?

НЕПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ

Ульрих Моргенштерн полагает, что представление многих этномузыковедов о музыке как исключительно социальной активности связано с тем, что они, в основном, имели дело с ее исполнением в контактных сообществах, с основным механизмом и передачи, и исполнения ее «лицом к лицу»; действительно, в сельской традиции музыкант зачастую играл важную роль в организации значимых общественных событий¹. Опираясь на терминологию, которую предложили Эрнст Класен, Томас Турино и Эндрю Киллик, Моргенштерн классифицирует народное исполнительство, предлагая различать партиципаторную модель (participatory

¹ *Morgenstern U. Music without Social Life : The Garmon' Player Mikhail Sorochinsky — a Nonrevivalist Musician in Smolensk Province. P. 33.*

performance) — исполнение-соучастие, когда музыкант непосредственно включается в общественное событие; перформативную модель (presentatory performance) — исполнение-представление, когда музыкант играет со сцены или специально вынесенной позиции, адресуясь аудитории, но отдельно от нее; и исполнение, которое само по себе составляет целостное событие (holicipation). Последнее он, вслед за Килликом, относит, в частности, к ситуациям одиночного исполнения, когда музыкант играет без слушателей или независимо от них, сам для себя. В этой ситуации, как отмечает Моргенштерн, игра на гармонии все более помещается в контекст воли к жизни, а иногда и вообще выживания (приводит рассказы об испытаниях, пережитых во время Второй мировой войны), выполняя, в терминологии Каори Юноки-Оиэ¹, не столько эстетические, сколько терапевтическую функцию игры как средства противодействия физическому истощению и психическому стрессу, что относится в первую очередь к «непубличному» исполнению². Подобные мотивы звучали неоднократно и в высказываниях наших информантов: «Когда взгрустнется немножечко — поиграешь, для себя, в праздники» (ГНИ). «А как же? Придешь с работы другой раз устанешь — ничо неохота делать. Гармошку возьмешь, душу потетишь — всё» (ИАА). «А другой раз скучно станет, вот поиграю — веселее сразу» (НАИ). Один из лучших кадуйских гармонистов, выигравший в 2018 г. приз администрации на районном конкурсе, играл на гармонии в молодости, а затем надолго забросил, и снова начал играть, как он говорит, «после инсульта. У меня пальчики-то, левая сторона, нога... не шевелились. Вначале эспандер, колечко... потом спички собирал. А потом: у меня ж гармошка! — Разрабатывал? — Да. И гармошка — вот спасибо ей» (БКА). О гармонии как средстве оздоровления мне приходилось слышать в разных регионах: так, один из петербургских гармонистов играет после перенесенной операции коронарного шунтирования, заявляя, что гармонь продлевает жизнь на десять лет. Подобными соображениями многие гармонисты объясняют свое возвращение к инструменту после длительного перерыва, а некоторые — и на-

¹ Оиэ К. Культура балалайки в России с 1917 по 1948 год; автореферат дис. ... канд. культурологии (24.00.01) / М., 2004.

² *Morgenstern U. Music without Social Life.* P. 35; Оиэ К. Культура балалайки в России....

чало серьезных занятий музыкой в старшем возрасте, после завершения трудовой биографии.

Одиночное, непубличное исполнительство характерно в первую очередь для периода обучения, но в наши дни снова оказалось актуально, судя по рассказам вполне опытных и умелых, признанных в своей среде гармонистов. В условиях утраты аудитории носители исполнительской традиции становятся ее хранителями. Играя сами для себя, они поддерживают (как средство подкрепления автокоммуникации) нарратив о гармошке как объекте любви или средстве оздоровления.

Самоадресация (термин предложен И. И. Земцовским¹ в докладе на конференции, посвященной юбилею Б. Н. Путилова и К. В. Чистова) игры не остается единственной формой непубличного исполнения. Характерная ситуация — когда гармонист, особенно в праздник, садится во дворе своего дома и наигрывает на гармошке. Прежних гуляний больше нет, и в гости зазывается любой проходящий мимо: «Я любил, особенно когда немножко-то примешь, так о-о-о... Здесь заиграешь, мимо кто идет: О, калитку закроет, заходи. Тут (показывает на стол) — и всё, пошло. Тут уже веселья побольше» (ПВК). Еще более характерна ситуация, когда гармонисты навещали друг друга (в праздник особенно), замещая отсутствующую публику. Так, гармонист из д. Верхний Двор рассказывал, что в праздничные дни к ним в деревню в гости приходил с гармошкой мужик из другой деревни и начинал играть прямо на улице (в это время уже не было гуляний): «Мы слушаем. Он же в гости приехал. Ну, праздник. А это я еще пацаном был. И они к батю зайдут поговорить, поиграют друг дружке. Вот они общались...» (ГНИ). Всегда были (и, как мне показалось, сейчас) рады поиграть друг другу, попробовать новую гармошку, самое наличие которой (а тем более умение играть) создавало мгновенную общность. Один из моих собеседников вспоминает характерный случай: «У меня был случай, я с семьей ехал на поезде, еще детей не было. И вышли в тамбур покурить. Дед выходит — а у него колодка с медалями. — Слушай! — ну, стоим, курим. — Вот взял гармошку, щас новую вологодскую купил, а сам плохо играю-то, вот кто-бы... Я говорю: Дед! — Меня так заинтересовало, я гово-

¹ *Земцовский И. И. Парадокс Б. Н. Путилова и природа фольклора : Доклад // Чтения к 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова и К. В. Чистова. Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kunstkamera.ru/> (дата обращения: 18.01.2020).*

рю: — Дед, покажи гармонь! (...). Он в тамбур выносит — в поезде едем, в плацкарте ехали. Вот. Выносит в тамбур. Я заиграл — О! Сынок, знаешь чо, пойдём моей бабке покажем, пойдём в купе! — Я гов.: так это плацкарт, не купе! Там щас заорут. Он: — Я чо, зря воевал? Заходим, маленькую там он достает, по пятьдесят грамм выпил, я заиграл — половина вагона за, половина против: Заткнитесь там, со своей гармошкой, половина — Вы чо, начинается перепалка. Дед встает опять этот, со своими колодками: — Я что, зря за вас воевал? — тишина мертвая, и мы продолжаем играть. Но, правда, недолго, может полчаса поиграли... Вот и все. Ну он: — Ну, сынок, ну, душу отвел! Не зря я купил гармонь!» (БКА). Этот эпизод демонстрирует ситуацию, когда сцена, объединявшая игроков на гармони и слушателей в единую систему, распалась. Старик и молодой игрок переживают связанный с гармонью опыт общности — и в какой-то момент старик предпринимает усилия по защите этой возникшей общности, апеллируя к войне, заслугам и своему статусу ветерана (т. е. вкладывает в эту едва зародившуюся «общность гармони» — свой социальный капитал). Далее он пытается развить взаимодействие, рассказывая о мастере, у которого купил кирилловскую гармонь — «вез от мастера от какого-то. Он мне давал даже адрес мастера. Но я его потерял со временем» (БКА). Вообще обмен знаниями о мастерах, ремонте и покупке гармоней становится одной из главных тем, цементирующих неформальное сообщество гармонистов в наши дни.

ДВИЖЕНИЕ ОВЕЩЕСТВЛЕННОГО ЗНАНИЯ

Далее мы рассмотрим предметную сторону традиционного знания и системы его распределения: речь пойдет о гармонике. Выше, обсуждая обучение игре, мы обращали внимание, что при этом знание передавалось отчасти в овеществленной форме. Гармонисты нередко говорят: «Гармошка научит»¹, а вспоминая первые шаги в игре, говорят, что дома была гармонь, брат привез гармонь из армии, гармонь была в клубе — как будто этого достаточно, чтобы объяснить получение первоначального знания: как если бы это знание заключал в себе сам инструмент.

¹ Пой, гармоника / Форум. [Электронный ресурс] URL: <http://russian-garmon.ru/forum-home/prochee/5464-za-skolko-vremeni-vy-vyuchili-privyuu?start=30> (дата обращения: 02.12.2019).

В качестве значимого фактора обучения (и характера приобретаемых знаний) упоминают различие гармошек: одним из общих мест в рассказах наших информантов было утверждение, что «все гармошки разные». Как отмечает гармонист и исследователь гармонии А. Усков¹, «в России, начиная с середины XIX века, гармоники легко видоизменялись, трансформировались, приспособиваясь к стилям различных местных вокально-инструментальных традиций» — т. е. гармонь отражала локальные особенности стиля (и, добавим, контекстов) игры, которые были запечатлены в ее форме, размерах и украшениях корпуса, тембре, громкости, тональности, особенностях звукоряда, правой и левой клавиатур и т. д. Каждую гармонь нужно было заново осваивать, извлекая запечатленные в ее вещественной структуре знания.

В изучаемом регионе актуальными оказались несколько вариантов различий. Во-первых, между гармониями-хромками, имевшими по 25 кнопок на левой и правой клавиатурах: их называют «25 на 25», или «полубаяна», — и кирилловскими гармошками (тоже хромки, но имеющие 21 кнопку справа, 12 слева и Г-образный расклад басов, в отличие от линейного у полубаяна). Первые, как правило, фабричные, приобретались в магазине (редко, но встречаются и произведенные мастерами-ремесленниками), вторые — кустарные (произведенные артелями или фабрикой могут быть старше начала 1960-х гг.). Кирилловские гармони считаются престижнее, а «25 на 25», как сказал один из моих собеседников, ему «даром не нужна» (ИАА). Кирилловские гармошки, легкие и небольшие по размеру, были приспособлены к мобильности гармониста: проходкам по деревне, обходам домов, и сами наигрыши носили соответствующие названия (проходка, отходная). Были и специально предназначенные для того, чтобы брать с собой в дорогу: совсем небольшие, называемые «партизанки» (говорят, что такие брали с собой уходившие на войну) с уменьшенной клавиатурой (например, в мою коллекцию попала гармошка 17 на 12). Если кирилловские гармошки старались сделать максимально мобильными, уменьшив размер и облегчив конструкцию, то в других регионах мастера пошли по пути развития звучания, но нередко в ущерб легкости. Так, многие игроки весьма одобрительно от-

¹ Усков А. С. О некоторых тенденциях развития образования на гармонии. С. 51.

зывались о звучании нижегородских и тульских инструментов. Один даже выписал себе гармонь тульской фабрики, но вскоре ее продал: «Недавно вот я... захотелось мне — тульскую, послали мне ее — ну чо, она тяжелая, уже мы старые. Продал. Так-то она — звучание, и песни играть может — так ничо. Куда? Если б я на сцене выступал, а так чо. Много было гармошек всяких.... Эти полегче, вот поэтому...» (ГНИ). В период молодости моих информантов кирилловская гармонь была дороже фабричной (сейчас не так), и свою первую гармонь большинство из них покупали, начав самостоятельно зарабатывать, в магазине — это были именно «полубаяны». Но далее все они приобрели кирилловскую гармошку, которую и считают по-настоящему «своей». Те, у кого кирилловская гармонь была в родительском доме, либо кто приобрел ее в молодости, раньше оказывались и обладателями наиболее престижного инструмента — и запечатленного в нем знания.

Во-вторых, артикулируется оппозиция между гармонью-хромкой (обе предыдущие) и старинной тальянкой — знаменовала собою поколенческую границу. Так, гармонист (1947 г. р.) вспоминает, как подростком ходил учиться к «дедушке» в соседнюю деревню, и тот играл на тальянке; однако он сам уже учился играть на гармонихромке: «Но я на тальянке редкий случай, я только на этих, старинного образца еще... я не... очень... Это старые люди, пожилые, они... а я... я особенно только на гармонии» (КАИ). Тальянка к этому времени уже выходила из употребления (речь идет о конце 50-х гг. XX в.).

В-третьих, артикулируются различия самих кирилловских гармошек: маркерами служат тональность гармонии, количество голосовых планок, материал, из которого они изготовлены (престижней считаются медные планки; говорят, что они лучше звучат на морозе) и др. Сделанные мастерами-кустарями, кирилловские гармошки адаптировались к запросам игрока-заказчика, подстраиваясь под его манеру игры, пения, требования к легкости и богатству звучания, самые условия его исполнительской деятельности. Если с гармошкой предполагалось, в основном, ходить по деревне (и исполнять одноименные наигрыши), то гармошку важно было максимально облегчить: такие чаще были четырехпланки (звучали по два голоса на сжим и разжим); если гармонист чаще играл стационарно, то важнее было богатство и красота звучания, — тогда ставили шесть планок (звучали одновременно три голоса на сжим и три на разжим), но гармонь становилась тяжелее. Редкие

мастера умели сохранять легкость у шестипланочных гармошек, такие очень ценились среди игроков. В качестве примера приводили мастера Бибикусарова, который добивался легкости и уменьшения объема за счет расположения облегченных резонаторов очень близко друг к другу. Рассказывают, что из-за этого у него были конфликты с мастером, который настраивал голоса (они работали в паре): «Ну, они бывали — крутые тоже характером-то были оба. А этот... делал планки близко друг от друга, и вот они всё ссорились: какого черта, ну как я подлезу голоса-то настраивать, эт-самое. Разругаются: всё, больше я те не буду!» (СНТ). В общем в конструкции гармоники, изготовленной на заказ, оказывались запечатленными не только локальные, но и индивидуальные особенности игры, голоса, исполнительской манеры игрока (и знания обо всем этом, которыми должен был обладать хороший мастер).

Во времена их молодости, рассказывают гармонисты, в основном у игроков было по одной гармонии. Сейчас у большинства из них дома есть несколько — каждая под определенный репертуар и настроение: «Наши кирилловские гармошки, — показывает два инструмента гармонист из деревни Верхний Двор. — Для одной цели, когда взгрустнется немножечко — поиграешь, для себя, в праздники... Вот на этой русского лучше сыграешь, высокая тональность, а та — низкая, дак песенки лучше на той играть. Да и вообще-то — одна надоедает. У меня еще и третья есть — в ремонте. В Череповце» (ГНИ). У другого гармониста мы видели шесть гармоник, но чаще всего он берет две: «У меня рояльная гармошка — это в до, в ми у меня гармошка, в си гармошка, вот, потом у меня... Любимая у меня в ми. Потому что си — это уже высоко. А так спеть надо, а то иначе придется голос подстраивать...» (БКА) Аккомпанируя на сцене, подбирают гармонию и под голоса других исполнителей: «Это у каждого человека свои...то-то подбирает под голос, вот Сашка — я ему две дал. Ему надо в двух тональностях. С женой они поют под одну, один он поет под другую» (БКА). Выбор гармони определяется и уже упоминавшейся терапевтической функцией игры: «Я гармонию беру в любые: паршивей некуда, я беру все равно гармошку. Если у меня... прыгать хочется — я все равно беру гармошку. Или ту или другую, — я беру... в си — это когда охота поплясать, от души. И вот в ми — это песни. Лирическое. Я и беру их: когда у меня так настроение, я беру в ми. Когда мне будоражить себя — я беру в си: от уха до уха. И все, я взбодрился,

так — можно дальше жить» (БКА). Владение несколькими гармошками означает в этом случае накопление знания, связанного с управлением настроением — своим и публики.

Судя по рассказам наших собеседников, гармонь действительно воспринимается ими как овеществленное знание традиции. Обратим внимание еще на одну часто встречающуюся мотивировку, объясняющую необходимость нескольких гармоник одновременно или их смены: «Надоедает». Если исходить из концепции овеществленного знания, это может означать потребность в обновлении, расширении знания, концентрации его у одного человека (в то время как в прежние времена, когда был «один игрок — одна гармошка», инструмент в большей степени, чем сейчас, определял узнаваемость, индивидуальность и статус гармониста, сливаясь с ним в один субъект или формируя его идентичность). «Один игрок — одна гармошка» — означало распределение разных аспектов (овеществленного) знания между гармонистами в рамках локальной традиции. Владение несколькими (или частая смена их в зависимости от настроения или из желания разнообразия) означает концентрацию этого знания с возможностью реализации/трансляции разных его аспектов ситуативно по выбору игрока.

Вместе с тем возможность смены гармошек (через обмен с другими гармонистами или покупку/продажу через посредников — перепродавцов или собирателей) позволяет реализовать стремление к индивидуализации: «По-настоящему свою гармонь никогда не найдешь. Всю жизнь гармонист ищет свою гармонь», — говорил наш собеседник в р. п. Хохлово (НАА).

Исследуя пути распространения знания и принципы его распределения, обратим внимание на **движение** гармошек между игроками. Ключевой принцип, побуждавший к мобилизации (приведению в движение) — передаче, продаже, обмену гармошек — «Гармошка должна играть/не должна стоять». Эту фразу я слышала практически от всех гармонистов, с которыми приходилось общаться, — как главное и самое общее обоснование мобильности инструментов. Существует практически общее представление, что неиспользуемая гармошка приходит в негодность, а большинство неполадок сами собою проходят, если на ней играть: «А действительно, гармонь — если долго стоит — она хуже. Только поиграешь — дня два где-то — она лучше: как будто сама настроилась. Понимаешь? Приятней тебе на душе. А если вот так сразу

возьмешь ее — какая-то не такая. Только (показывает движение, как будто раздвигает меха) — как разыграется» (ПВК). Если на гармонии не играют, то передача ее тому, кто будет играть, приобретает почти этическую обязательность; допустимо сделать выговор тому, кто нарушает этот принцип. «Гармошка должна, — заявляет мне гармонист из р. п. Хохлово (1962 г. р.), — я все время говорю: она не должна стоять. Гармошка: если она взята, то она должна... пускай у тебя хоть пять гармошек, но она должна играть». В качестве поучительного примера рассказал мне случай: «Что толку: вон она (вдова гармониста. — Т. Щ.) мне, помню, „Беларусь“ принесла: — Ой, сорок лет, как Юра помер, я тебе вместе с... ящиком. Ну, открыли этот „гардероб“ — я так говорю: ремни — они уже — их нету, они опали просто, меха тоже. Я говорю: — Ну, и чо ты хранила эту память сорок лет? — Я сорок лет — Юра помер... — Я говорю: вон возьми обратно вот так (показывает, как кладет гармонь в ящик и закрывает его) — и вместе с ящиком на помойку вынеси, всё» (БКА). Гармонисты исходят из того, что неиспользуемая гармонь приходит в негодность (то же представление есть в отношении дома или автомобиля), а потому ее надо поскорее продать или даже отдать.

Если владелец умер, гармошка осталась у родственников, и никто на ней не играет; если сам владелец прекращает играть (постарел, болят пальцы); если он играет на другом инструменте, а этот долгое время не берет в руки — вступает в силу принцип «гармошка должна играть» (т. е. в данном контексте — сменить владельца).

Второе соображение, поддерживавшее мобильность гармонии и запечатленного в ней знания, — уже упоминавшееся «надоела», т. е. потребность в обновлении и разнообразии знания.

Третий фактор мобильности — интеграция владельца в сообщество. На мой вопрос, в какой ситуации продавали гармошку, деревенский гармонист ответил: «Дак вот в такой: надоест, или кто-то: продай да продай! Я вот здесь — я в Кадуе продал, К-в такой: Вы не слышали?.. С женой вот приехали, помню, мне С. (известный гармонист, занимающийся также перепродажей и ремонтом гармошек. — Т. Щ.) позвонил, я говорю: ну, только уже... мне гармошка нравится. — Да продай, найдем (тебе другую. — Т. Щ.). Приехал человек: ну чо? Продал да и все» (ГНИ). Отметим, что нам несколько раз встречались рассказы о том, как гармонист продавал гармошку, с которой до того не собирался расставаться — поддавшись на уговоры своих хороших знакомых, тоже гармонистов, как в ситуации,

описанной выше. Это еще одна форма давления сообщества — побуждения к мобилизации (вещи-знания). Те, кто был слабее интегрирован в среду гармонистов, зачастую не меняли инструмент на протяжении долгих лет или даже всей жизни: «Так что... тут, я пока не знал этих гармонистов, — я никогда, у меня в голове не было, чтобы меняться, продать — купить другую: есть гармошечка и есть» (ГНИ).

Складывается инфраструктура мобилизации овеществленного знания. Часть ее базируется в рамках локального сообщества. В структуре его выделяется роль посредника, у которого концентрируются знания о гармошках и их особенностях; состоянии их владельцев-гармонистов (старость, смерть, прекращение игры по возрасту или другим обстоятельствам); наличии потенциальных покупателей и их платежеспособности (соответственно, это отражается в переговорах с владельцем относительно предельной цены). Таким посредником в нашем случае были: мастер по ремонту гармошек в соседнем городе (Череповце); гармонист из Кадуйского района (находящийся в дружеских отношениях с мастером); продавец — владелец магазина предметов старины (тоже в Череповце).

Инфраструктура, обеспечивающая мобильность вещей/знания, поддерживается и внелокальными факторами. Так, нам рассказывали о собирателях, приезжающих не только из Череповца, но и из областного центра — Вологды. Чтобы заполучить понравившуюся гармонь, они могут предложить цену выше, чем можно получить от местных, а иногда возят с собой гармошки на обмен — это если покупают гармонь у играющего на ней человека. Чаще в сферу их интересов попадают «бабушки» — родственницы гармонистов, хранящие гармоники, на которых уже никто не играет. В этом случае цена минимальна. Далее инструмент передается мастеру для мелкого ремонта (обычно включающего улучшение компрессии, подновление корпуса, лайки, починка механики) и настройки, а потом в продажу (через магазин, объявление в Интернете на торговой площадке или через устное информирование по сетевым связям гармонистов). Через мастеров, скупщиков, продавцов овеществленное знание перераспределяется чаще всего в пределах локального сообщества гармонистов, которые первыми узнают о появившихся и готовых к продаже гармошках. Однако приезжие собиратели распространяют его по всему региону и даже и за его пределы.

Существуют, однако, и факторы, сдерживающие это движение. В д. Средняя Ступолохта мы стали свидетелями небольшой ссоры

из-за продажи гармони: сын оставил гармонь отцу на сохранение, а тот продал ее заезжим собирателям (один из них учится сам делать гармошки, т. е. для него изучение хорошей гармони означало овладение тайнами ремесла). Посмотрим, как сын обосновывал свое недовольство — т. е. чем объяснял нежелание ее продавать. Первый фактор — ее уникальность: «Мне ее делал мастер, последнюю делал хромку. Убыла хорошая!.. Он дедка делал, семьдесят с чем-то лет, так та — голос был, полностью зеленая ка... перламутром обделана. — Я, говорит, делаю тебе последнюю гармошку. В Ферапонтове делал, с Ферапонтова...» (КНШ). «Последняя гармонь» — это инструмент адресный, индивидуализированный, предназначенный специально конкретному игроку: он не для продажи, о чем иногда предупреждал и сам мастер. «Гармошка стояла у меня, гармонь-то мастера — Бибиксаров такой был, — рассказывал мне известный в Кадуйском районе гармонист. — Он мене шесть штук сделал. Сделает — я на праздник-то пойду, [у] меня выманят: я продам. А потом он: вот, я те последнюю делаю, это на всю жизнь. Чтоб не продавали... Красивая отделочка, тут эти... с позолотой сделано так? Ну, как для приятеля. Он часто ко мне приходил» (СНТ). В этом случае гармонь — овеществление не просто общего знания, но знания уникального, индивидуализированного, пожизненно привязанного к одному исполнителю. Один из наших информантов сам заказал у мастера гармонь с первого заработка, она сопровождала его всю жизнь, — и продал ее только тогда, когда понял, что больше не сможет на ней играть (перестал гнуть палец, и гармошка стояла на комоде несколько лет). Продал он ее гармонисту, с которым знаком, который в местном сообществе пользуется славою очень хорошего игрока; активно продолжает играть — т. е. передача такой вещи связана с целым рядом ограничений. Все перечисленные обстоятельства продавший перечислял как своего рода оправдания (но если б не палец, т. е. если б сам еще мог играть, — «ни за что б ее не продал!»). И все равно говорит, что и сейчас помнит ее голос: продал вещь, но заключенное в ней знание частично осталось при нем (ПВК).

Еще один аргумент — высокая цена гармони: «Она дорого стоила: я осень целую клюкву брал на нее (речь идет о том, что гармонь была куплена на деньги от продажи клюквы. — Т. Щ.). Я в Починке... дак это лет тридцать семь назад (т. е. речь идет о событиях около 1980–1981 г. — Т. Щ.)» (КНШ).

В некоторых случаях побуждает остановиться возраст (ограниченность времени на освоение нового?): «Вот сейчас решил, что всё уже, жить осталось не очень много, думаю, три гармошки — хватит. Племяннику отдать, или там кому чего, да и щас-от и продавать-то не очень» (ГНИ).

Наконец, гармонь уходит из обращения, если игрок или мастер признают ее неремонтопригодной: тогда, как они говорят, ей «только в музей»: «Щас три стоит у меня. Вот тут, — поясняет мне гармонист, у которого шесть гармошек. — Еще [есть] три — но там две музейные, только в музеи, вот, а одна — только надо в ремонт так отдавать» (БКА). «Музейные» — в данном случае означает: больше не пригодные для игры.

Факторы, стимулирующие или останавливающие движение гармоник в социальной среде, определяют и алгоритмы распределения (передачи, концентрации, индивидуализации, отказа в передаче) овестьствовленного в них знания. Распространение знания/вещей поддерживалось представлениями о порче инструмента без использования, и активизировалось в случае прекращения игры, тяжелой болезни, смерти владельца, но также при условии высокой насыщенности его сетевых связей и заинтересованности в обновлении знания (репертуара, стиля, эмоциональной окраски игры). Движение вещей/знания останавливали дороговизна гармошек, их уникальность и включенность в контекст личных значимых отношений (игрока с мастером, либо семейных — как в примере с вдовой, которая 40 лет хранила гармонь мужа как память). Вообще, мемориализация вещей препятствовала мобильности, запирая заключенное в них знание, а то и уничтожая его. Поэтому гармонисты и перемещают инструмент в систему памяти («музей» — в прямом, передавая в ЦНТКиР, где есть коллекция гармошек, или переносном смысле — ссылая на вечную стоянку на шкаф или в деревню), как правило, когда на них уже невозможно играть.

ДИГИТАЛИЗАЦИЯ. ФАКТОРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Распространение системы цифровых коммуникаций поднимает вопрос об изменении структур распределения знания. Как это коснется сообществ традиционного типа, где эта структура базируется на устной коммуникации и непосредственном общении,

что связано с высокой степенью значимости фактора локализации, так что сама система распределения, как правило, локально привязана и ограничена? Как может существовать фольклор в сети электронных коммуникаций? «Всё больше и больше людей занимаются исполнением в Сети, во всё большем количестве жанров», и ожидаемо развитие в этом новом пространстве явлений фольклорного типа¹. Ток Томпсон в статье о некоторых формах современного музыкального творчества, распространяемого в сети Интернет, приводит ряд рассуждений, касающихся среди прочего и систем распределения знания. Одно из центральных утверждений — о сходстве в киберпространстве пост- и премодерна, т. е. говорит о распространении в сети явлений, характерных для обществ традиционного типа, «до печатного станка и производства культурных форм»²). В качестве примеров Томпсон приводит значительную степень варьирования сетевых текстов (как в фольклоре); распространение культуры соучастия на некоторых сайтах (от стадии планирования посредством распределения); взрывное распространение искусства, производимого пользователями; преодоление многих прежних институциональных ограничений на культурное производство; фольклор эфемерен — и сетевое творчество также может исчезнуть, быть удалено в любую минуту. Есть и отличия — автор акцентирует такие, как возможность архивирования сетевых произведений и их распространения разнообразным, в том числе внешним, пользователям. Более важным, однако, Томпсон считает разрыв прежде предполагаемой связи между культурным местом и географической локацией. Отсюда делается методологический вывод: «Культуры и культурные группы могут существовать в гибридном пространстве места и киберпространства, как институциональных, так и местных. Таким образом, отслеживание культуры в настоящее время предполагает больше, чем географию культурных форм, больше, чем даже отслеживание диаспор и транснациональных групп. Теперь также требуется понимание потока информации через цифровую область»³. Интернет становится новым пространством, генерирующим формы, по

¹ *Thompson T., Beatboxing M. Cyborg Identity: Folk Music for the Twenty-First Century // Western Folklore. 2011. № 70 (2). P. 186–187.*

² *Ibid.* P. 187.

³ *Ibid.* P. 188.

целому ряду признаков похожие на фольклор, но это пространство детерриториализовано.

Дигитализация пока мало затронула коммуникации в рассматриваемом локальном сообществе и в целом у гармонистов как в социокультурной среде. Однако мастера и перепродавцы все чаще размещают объявления на торговых площадках в Интернете, что позволяет выходить на рынок, минуя локальные связи. Все чаще гармошка, попадая к перекупщику, не возвращается в местное сообщество, а уходит за границы региона: кирилловские гармошки, по моим наблюдениям, появляются у гармонистов и скупщиков старины не только в Вологде, но и в Санкт-Петербурге, и в других регионах. Следствием этого может быть не только делокализация знания, связанного с использованием кирилловских гармоник, но и снижение значимости роли посредника-коммуникатора — в нашем случае эта роль ярче всего воплощена в фигуре гармониста, который связан дружескими связями с местными мастерами по ремонту гармоней, продавцами и собирателями, а также хорошо знаком с большинством гармонистов как в райцентре, так и в окрестных деревнях, благодаря чему первым узнает о появлении в продаже гармони и о потенциальном покупателе. Появление цифровых торговых площадок лишает его монополии на это знание, а следовательно, и контроля движения гармоник как потоков знания овеществленного.

Дигитализация постепенно затрагивает и такую область знания, как репертуар. В системе традиционных коммуникаций репертуар определялся согласованием знания и предпочтений гармониста с запросами аудитории. В большинстве случаев гармонист заранее намечает репертуар, стараясь на празднике не упускать инициативу. Тем не менее иногда приходится играть песни по заявкам, подбирая их на слух прямо во время исполнения, в режиме реального времени, что не всегда комфортно, а новичкам вообще затруднительно. Играя на свадьбах или юбилеях, как мне рассказывал информант (БКА), многие договариваются заранее с тамадой, набрасывая примерный список песен. Во время менее формализованных посиделок репертуар был предсказуем благодаря «песенникам»: сборникам песен, хранившимся либо у гармониста, либо у его жены или кого-то из аудитории. В Санкт-Петербурге гармонисты вместе с аудиторией собираются в Удельном парке по выходным дням: там я видела песенник в виде стопки распечаток на листах А4, его держала в руках женщина,

сопровождая гармониста. Несколько женщин пели, заглядывая в эти листы. Там же я видела пожилую женщину с блокнотиком, в котором песни были переписаны от руки: обычно не полностью, а только первые строчки куплетов — т. е. это был не сборник текстов, а его «мнемоническая поддержка». Так или иначе репертуар варьировал в пределах, определяемых знанием, заключенным в этих песенниках, и контролируемым хранителями песенников. Появление смартфонов меняет ситуацию: любой человек, желающий спеть, просто открывает текст в Интернете — и запекает; гармонисту приходится подхватывать мелодию на лету. Это затруднительно, когда репертуар расширяется непредсказуемо (знание его уже не только распределяется между игроком и аудиторией, но в систему его распределения включается и мировая паутина). Такое распределение снижает контроль игрока над репертуаром, а вместе с тем и его возможности управлять аудиторией. Роль держателя песенника также оказывается под угрозой, т. е. изменения касаются структурообразующих позиций в сообществе (неформальной сцене).

Под вопросом оказываются и локальные границы распространения знания (репертуара, характера наигрышей). Все чаще практикуется приглашение на праздники гармонистов из других регионов, преимущество мегаполисов, — т. е. они в большей степени, чем местные, представлены на Интернет-платформах, предоставляющих инфраструктуру для контактов и транзакций между заказчиком и исполнителем. Праздники перестают быть платформой распределения локального знания, в то же время предоставляя возможность освоения местными гармонистами стилей игры заезжих, а с другой стороны, такие гастроли, по нашим наблюдениям, способствуют и вовлечению игроков, до тех пор ограничивавшихся локальными рамками, в инфраструктуру межрегиональных, всероссийских и даже международных гастролей, фестивалей, обменов опытом. Сетевые связи, конституировавшие локальное сообщество, распространяются шире, включаясь в систему транслокальных связей.

Дигитализация оказывает заметное влияние на практики обучения и порядок распространения знания. На интернет-форумах гармонистов, в группах социальной сети ВКонтакте представлены и легкодоступны опубликованные самоучители игре на гармоне: к ним и предлагают обращаться, если вы хотите освоить

инструмент¹. Однако внутри сложившихся контактных (базирующихся на непосредственном личном общении) сообществ это влияние малозаметно. Когда я просила научить меня (с нулевого уровня), то получила следующие советы, иллюстрирующие, как выглядит система трансляции знания в наши дни. В Кадуйском районе Вологодской области, где дигитализация пока слабо проникла в среду непрофессиональных гармонистов, меня согласился обучить самым начальным навыкам работник культуры, курирующий музей кирилловских гармоник при Кадуйском центре народной традиционной культуры и ремесел, гармонист, баянист, руководитель фольклорного ансамбля А. Ф. Каданцев. Сельские гармонисты при встречах (во время выездов) показывали мне наигрыши и с видимым удовольствием разъясняли некоторые приемы игры, и такой канал обучения хорошо работает в случае, если реципиент уже имеет некоторые навыки игры в рамках локальной традиции, либо — имеет навыки восприятия и копирования на слух, развитые музыкальным (нередко консерваторским) образованием, как у профессиональных фольклористов-музыковедов, которые делают нотную запись наигрышей во время экспедиций². В основном же сельские гармонисты высказывали уверенность, что желающий научиться научиться сам, нужно только слушать и играть: вероятно, они не рефлексируют обучающий контекст, который присутствовал во времена их социализации, а теперь практически исчез; только жалуются, что гармонь не осваивают их дети и внуки (у одного дочь — баянистка, т. е. она освоила инструмент, но приобретала знание уже в рамках другого институционального контекста). В Санкт-Петербурге, где также есть неформальное «братство гармонистов», мне посоветовали (а) обратиться к самоучителям в Интернете, (б) пойти в Культурно-досуговый центр, где есть клуб гармонистов (и на сайте его было написано, что есть набор на обучение). На самом деле руководитель этого клуба сказала мне, что им нужны уже умеющие играть, а не начинающие. В том же учреждении я увидела, как гармонисты из клуба перед выступлением обучаются у профессионального баяниста. Институциональные формы передачи знания практически

¹ Например: *Бажиллин Р. Н.* Самоучитель игры на двухрядной хроматической гармонике. М., 2004; *Лондонов П. П.* Самоучитель игры на двухрядной гармонике-хромке. М., 1974.

² См.: *Morgenstern U.* Music without Social Life. P. 33–65.

вытеснили неформальную традицию, хотя и не полностью заменили ее. В случае с культурным учреждением значимым фактором сортировки стало уже имеющееся умение — полученное либо в рамках сельской неформальной традиции (как оказалось у большинства присутствовавших тогда гармонистов), либо в музыкальной школе. Причем неформальная традиция занимала явно подчиненное место и требовала, по правилам института, корректировки со стороны профессиональной. Еще один источник, которым пользуются современные начинающие исполнители, — это обучающие ролики на видеохостингах (ссылки на них есть на тех же форумах и сайтах для гармонистов). Видеоблоги с такими роликами пользуются популярностью и, можно предположить, в немалой степени формируют характер игры и репертуар обучающихся в наше время. Для оценки масштабов популярности приведу те, которые выдаются поиском по видеохостингу Youtube первыми на запрос «обучение игре на гармонии»: ролик «Как быстро научиться играть на гармонии! Упражнения для начинающих 1» набрал 983 просмотра за 2 года, блог имеет 17,2 тыс. подписчиков¹; «Видео-школа обучения игре на гармонии П. Уханова — урок 1» — 453 тыс. просмотров за 7 лет, блог имеет 12,9 тыс. подписчиков²; «Абсолютно любая песня на гармонии за 5 минут!!!» — 322 тыс. просмотров за 1 год, 11 тыс. подписчиков³; «Уроки игры на гармонии. Урок №1» — 319 тыс. просмотров за 8 лет, 8,73 тыс. подписчиков⁴, «Первый видео-урок игры на гармонии» — 102 тыс. просмотров за 10 месяцев⁵. При этом

¹ Кисилев И. Как быстро научиться играть на гармонии! : Упражнения для начинающих 1. [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z9q2e7q330E> (дата обращения: 10.12.2019).

² Уханов П. Видео-школа обучения игре на гармонии П. Уханова : Урок 1. [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DqGgyDmenUk> (дата обращения: 10.12.2019).

³ Гармонный рынок. Абсолютно любая песня на гармонии за 5 минут!!! [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A36MСаoh4Dk> (дата обращения 10.12.2019).

⁴ Иванин К. Уроки игры на гармонии : Урок №1. [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jpet-JUulnQ> (дата обращения: 10.12.2019).

⁵ Брагина Л. Первый видео-урок игры на гармонии. [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p2Q63tqJyRE> (дата обращения 10.12.2019).

среди популярных ведущих обучающих блогов встречаются как концертирующие исполнители, получившие профессиональное музыкальное образование, так и игроки без образования, обладающие известностью в рамках неформальных сообществ; есть и такие, кто сам объявляет себя начинающим самоучкой — причем популярность последних связана с тем, что они меньше подавляют энтузиазм только приступающих к обучению, более близки и понятны, чем виртуозы-профессионалы. Таким образом, дигитализация, наряду с распространением профессиональных навыков и способов обучения, позволяет транслировать и неформальные способы обучения, например, популярной становится упомянутая выше техника обучения «по цифрам».

Как дигитализация сказывается на манипуляциях с овеществленным знанием? Из гармоник в обучающих роликах представлена в подавляющем большинстве полная хромка («полубаян»), а некоторые из «школ» созданы в поддержку продаж таких гармоник одним из российских заводов. В гораздо меньшей степени доступна для обучения по роликам кирилловская гармонь. В сети распространяются видеозаписи, не столько обучающие, сколько представляющие наигрыши на этой гармонии. Это распространение поддерживается институционально — усилиями вологодской региональной сети Домов народной (традиционной) культуры, а также известным музыковедом, исполнителем, фольклористом, мастером по ремонту и автором книги о кирилловской гармонии А. А. Мехнецовым.

Надо ли уточнять, что распределение знаний через обучающие видеоролики практически полностью утрачивает локальные ограничения. Фактором, способствующим сохранению некоторого локального распределения может быть географическая ограниченность бытования овеществленной его формы — например, те же кирилловские гармони, в основном, остаются в игре только в некоторых районах Вологодской области, и только единичные попадают на рынки и в среду гармонистов в других регионах. Поскольку игра на этой разновидности гармонии требует специальных навыков (у нее иное расположение басов на левой клавиатуре), то освоение кирилловской гармонии вне основного региона пока затруднено. Ролики по обучению на кирилловской гармонии отсутствуют на популярном видеохостинге (есть демонстрации игры). Существует обучающий курс, подготовленный А. А. Мехнецовым,

но он распространяется по профессиональным и локальным сетям и недоступен по массовым запросам.

Значительное влияние дигитализация оказала на гармонный рынок. Так, в описываемом сообществе самодеятельных гармонистов Кадуйского и Череповецкого районов Вологодской области продажа и покупка гармоник обычно происходила через посредников: в описываемое время это были один из гармонистов, с которым знакомы большинство в сообществе; мастер по ремонту гармоник; продавец предметов старины в магазинчике на железнодорожном вокзале. К ним обращаются те, кто хочет продать — и кто ищет себе гармошку, т. е. у них аккумулируется соответствующее знание, обеспечивая возможность свести между собой продавца и покупателя, либо самому приобрести гармонь для продажи. С появлением Интернета продавец и мастер по ремонту, в редких случаях другие владельцы размещают объявление на торговой Интернет-площадке. Есть группы Вконтакте, где размещается информация о том или ином виде гармоник (например, о кирилловской или нижегородской) — там же появляются и объявления о продаже; есть разделы объявлений на сайтах и форумах гармонистов (Русская гармонь; Пой, гармоника и т. п.). Однако в наши дни большинство объявлений сосредоточено на торговой площадке Avito. Теперь для транзакций (а, как мы помним, ими опосредуется движение гармоник как формы овеществленного знания) не нужно лично знать посредника, быть вовлеченным в систему сетевых связей среди гармонистов — интернет-площадка способна все это заменить. Тем не менее в исследуемом сообществе большинство наблюдаемых нами (и упоминавшихся информантами) сделок произошло на базе личных сетевых, а не опосредованных цифровой площадкой связей. В чем же влияние дигитализации? Размыкаются локальные границы циркуляции гармоник. Во-первых, часть их, выставяемая владельцем магазина на Avito, в период наших наблюдений была куплена и увезена в другие регионы. Во-вторых, появление таких площадок используется собирателями-скушщиками, которые ездят по деревням, скупая гармони — обычно те, что стоят без дела у родственников и наследников (...) переставших играть или умерших гармонистов. Теперь они чаще, общаясь на форумах и в соцсетях, получают заказ: например, из других регионов просят найти гармонь кирилловскую — сделанную на кирилловской фабрике гармонь, — но с клавиатурой стандартной хромки (25 на 25), под

который и ищут подходящую гармонию. В случае, который мы описывали выше, когда деревенские родственники продали именно такую гармонию нашего информанта, видна была заинтересованность скупщиков именно в этом инструменте (предложили гармонию на обмен, настойчиво уговаривали).

Таким образом, дигитализация затрагивает процессы распределения знания в среде самодеятельных гармонистов (через воздействие на репертуар, обучение, движение овеществленного знания), но пока еще этот процесс проявил себя в малой степени. В Санкт-Петербурге влияние более заметно, чем среди жителей вологодских сельских районов. В основном следствиями дигитализации оказываются размывание локальных границ распределения знания; замещение и снижение значимости роли посредников в перемещении инструментов из рук в руки; то же касается и роли хранителей репертуарных списков, песенников, различных памятных записных книжек, обеспечивавших воспроизводство репертуарного знания. Пока еще мы фиксируем эти роли — но с развитием дигитализации можно ожидать скорой утраты их значимости и, как следствие, прекращение воспроизводства этих структурных позиций в неформальном сообществе — гармонной сцене. Означает ли это размывание и исчезновение в целом локальной структуры распределения знания?

Эта структура один раз в рамках биографического опыта наших информантов уже пережила столкновение с конкурирующей системой — появлением формализованной системы профессионального образования и организации праздников силами учреждений культуры и образования. Тем не менее самодеятельное исполнительство воспроизводило свой массив знаний/навыков. Это воспроизводство пережило профессионализацию — но практически прекратилось, когда исчезла неформальная сцена, квалифицированная сельская аудитория, формировавшая запрос и критерии игры. С переходом этих функций к формальным институтам (план культурно-массовых мероприятий в учреждениях культуры) под их контроль перешли и запрос, и критерии, а вместе с тем, как мы видели, и обучение юных гармонистов (кружки, фольклорные ансамбли). В то же время мы видели, как такое смещение привело к консолидации гармонистов, до тех пор интегрированных в первую очередь в локальное сообщество (возглавляли и представляли гуляющих в праздники, играли «своим»), в сообщество сетевого типа. Посредники в обмене опытом, продаже, ремонте гармошек занимали позиции в узах

этой сети. Дигитализация, как мы видим, угрожает именно этим узловым позициям. Тем не менее неформальная структура может отреагировать неожиданным образом, например, мы фиксировали выше признаки интегрирования ею (т. е. структурой локального сообщества) внешних акторов: приезжих собирателей гармошек, покупателей и мастера по ремонту, размещая у них ряд своих прежних функций. Причем эти новые позиции во многих случаях занимают высокие профессионалы — особенность состоит в том, что они не вытесняют локальные связи, а скорее дополняют и поддерживают их. Если вернуться к случаю известного фольклориста, к которому наши гармонисты обращаются по поводу ремонта, особенно, когда местные мастера оказываются бессильны. Он познакомился со средой в качестве этномузыковеда, собирая материал для своей книги о кирилловской гармонии, т. е. в качестве представителя формальных институтов. Но обращения к нему по поводу ремонта гармоник означают запрос со стороны неформального сообщества — т. е. вовлечение его в систему неформальных отношений, составляющих структуру этого сообщества. Тем самым его деятельность фактически продлевает актуальность знания, распределенного в рамках (а теперь уже и вне рамок) этого сообщества. Ведь фабрика, где производили такие гармоники, прекратила существование в начале 1960-х гг. Работавшие там мастера, часть из которых переехала в г. Череповец, еще некоторое время продолжали их изготовление (и ремонт), т. е. оставались носителями соответствующего знания, но к настоящему времени практически все, известные нашим информантам, ушли из жизни. Кирилловские гармошки, находящиеся сейчас на руках, в основном произведены в период с 1950-х до середины 2000-х гг. С уходом из жизни мастеров в отсутствие ремонта они бы скоро вышли из употребления, учитывая, что инструмент требует ремонта, а иногда и настройки, по словам наших информантов, в среднем раз в три-пять лет. В этом смысле внелокальная структура (система музыковедческого знания, подготовившая специалиста) поддерживает жизнь локальной традиции.

И в заключение еще об одном аспекте дигитализации, в прямом смысле антропологическом: собственно о субъекте распределения и носителе знания в киберпространстве. Ток Томпсон в цитированной выше статье обращает внимание на известную идею Донны Харавэй о киборге — человеко-машинном гибриде — как форме представленности социальных акторов в электронной сети.

В этом качестве они утрачивают ограничения, связанные с гендерной и прочими аспектами идентичности, которые становятся флюидными, свободно изменяемыми и необязательными. Томпсон рассуждает о том, что участники социальной коммуникации в сети представлены аватарами — исполняемыми позициями субъекта, которые могут менять не только гендер, но и возраст, богатство — или вообще не сообщать о них, как и о многих других гранях идентичности. Что касается участников сообщества гармонистов — здесь аватары пока в большинстве своем привязаны к своему физическому прототипу: видеосъемки и встречи на гастролях или фестивалях, координируемых через сеть, служат, по сути, средством верификации. Тем не менее есть и область свободного конструирования: в сетевом знакомстве одного знают как мастера по ремонту, другого — как учителя из обучающих роликов, третьего — как автора цифровых записей различных мелодий (обычай разучивать и передавать друг другу записи мелодий в цифрах вместо нот остается весьма популярным в среде самодеятельных гармонистов), еще ряд других — как популярных исполнителей, знакомых по записям видеороликов, распространяемых в сети. С ними общаются, к ним обращаются, у них просят совета и помощи многочисленные гармонисты, заявляющие себя в статусе начинающих. Конструируется роль каждого в социальной коммуникации, а совокупность ролей (затем абстрагируемая в совокупность ролевых позиций как возможностей) складывается в структуру виртуального сообщества, конечно, детерриториализованного. Эта структура помогает сориентироваться в потоках трансляции знания, обеспечивая его распределение. Эта распределительная система, как мы видели, пересекается с остающейся в физическом мире, не только замещая и конкурируя с нею, но и поддерживая (например, обеспечивая движения знания, овещественного в гармониках, или координируя общение гармонистов из разных локальных сообществ).

ПОСЛЕСЛОВИЕ: РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР

Завершая наше описание, нельзя обойти еще один фактор в системе распределения знания, может быть, наиболее значимый, но редко упоминаемый в интервью, поскольку представляется нашим собеседникам-гармонистам очевидным. Он, однако, часто фигурирует в их тестовой продукции (словах песен, названиях

передачи мероприятий) под названием «любовь к гармошке», формируя дискурсивные схемы их самопрезентации. «Играй, гармонь любимая!» — так называется самая, по моим наблюдениям, известная передача о гармонике, транслируемая по первому федеральному каналу телевидения. «Я влюбился в русскую гармошечку, словно молодеет все во мне. И тебе, любимая гармошечка, гимн пою на Невской стороне», — это строки из «Гимна русской гармошке», который представил автор-исполнитель Валерий Филатов, гармонист из Лужского района Ленинградской области, на фестивале «Играй, Невская гармонь!» 15 февраля 2020 года в Санкт-Петербурге¹. Статус «неофициального гимна» гармонистов приписывают песне А. П. Мазурова «Вы любите гармонь»². «Любовь к гармошке» подчеркивается, культивируется и предьявляется как важный маркер коллективной идентичности — а нам интересная как элемент системы распределения знания, где ее можно рассматривать как своего рода переключатель.

Выше мы обращали внимание на то, что многие гармонисты не могут описать процесс или методики обучения игре, а вместо этого вспоминают свой интерес или рано проснувшуюся любовь к гармошке: «...С детства я люблю гармошку, — рассказывал мне замечательный гармонист из Кадуйского района Вологодской области Николай Иванович Государенков. — Отец играл. Нас никто не учил. Сзади походишь, послушаешь в праздники: ага, играют, нас гоняли. Ну, когда своя компания: батька сидит, я смотрю, слушаю, вот и... В школу я ходил, (лет) десять, может, может, еще и раньше... просто люблю гармошку и все, играю для себя» (запись 2019 г.). О том же говорят опытные гармонисты, наставляя начинающих: «Самое главное — надо любить гармонь и играть на людях и не стесняться своих ошибок... и тогда появится твоя харизма, собственная манера исполнения, а не клон, и играйте с душой, и тогда друзья, зрители с восторгом будут слушать вас, и русская гармонь не будет валяться в чулане»³. «Любовь к гармошке» считается важ-

¹ Гимн русской гармошке // Канал T.Sche [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fs_GOPBJOx0 (дата обращения: 24.02.2020).

² Пой, гармонь, душа России! Запись от 15.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-140273927_36957107 (дата обращения: 24.02.2020).

³ Владимир: комментарий от 29.09.2016 к статье (Акимов С. Золотые правила для начинающих обучение игре на гармонии: комментарии. 27.06.2014// Пой, гармоника! Все о гармонии и гармонистах. — [Электронный ресурс]. URL:

ным условием ее успешного освоения. Когда я была в состоянии начинающего и искала совета опытных игроков, я сталкивалась с довольно безразличным их отношением — ровно до тех пор, пока они не замечали мой интерес к их гармошке или сильную привязанность к своей: тут же как будто бы что-то переключалось, и мне помогали: показывали особенности наигрыша, обучали упражнениям для разработки пальцев, брались за ремонт моей гармоники или помогали дешевле купить понравившийся мне инструмент. Тогда я и подумала про «любовь к гармошке» как переключатель, открывающий тебе то, что здесь считается значимым.

Любовь эта культивируется, и, возможно, средством ее поддержания служит сам алгоритм освоения инструмента, акцентирующий на первых порах не столько конкретные приемы игры или достижения, сколько ее постоянство и регулярность. Приведу характерные отрывки из наставлений: «Правила начинающего гармониста. Постоянство в занятиях — это самое главное правило любого музыканта. Даже если вы посвящаете освоению гармошки всего 10–15 минут в день, то распределите эти небольшие уроки игры равномерно в течение недели. Лучше, если занятия будут проходить каждый день¹). «Нужно больше играть, желательно каждый день и хоть по 5–10 минут, чем больше — тем лучше. (...) И надо организовать свои тренировки-репетиции так, чтобы было по-кайфу, чтобы не отвернуло»². Результатом должно стать состояние «чтобы было по-кайфу», «гармонь должна нравиться и тянуть», «гармонь слышишь и жить хочется» (комментарии к: Акимов 2014). Алгоритмы первоначального обучения направлены как раз на культивирование этого состояния: советуют, например, заканчивать игру немного раньше, чем надоест или устанешь; учат садиться и располагать руки во время игры удобно; играть то, «чего душа просит», а не только обязательный или намеченный «репертуар» и т. д.

<https://poigarmonika.ru/statyi/193-zolotye-pravila-dlya-nachinayuschih-obuchenie-igre-na-garmoni.html> (дата обращения: 24.02.2020).

¹ Ворожейкина Л. Самостоятельное обучение игре на гармошке // Музыкальный класс: музыкальная школа онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://music-education.ru/samostoyatelnoe-obuchenie-igre-na-garmoshke> (дата обращения: 24.02.2020).

² Александр: комментарий (Помогите начинающему // Мы играем на гармошке. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-13915396_24919207 (дата обращения: 24.02.2020).

Имеет значение для распространения знания-игры и «любовь к гармошке» со стороны аудитории — собственно, эта любовь и формирует самую аудиторию, а вместе с нею и пространство для игры: «Здесь гармошке я не уделяю столько времени, я, например, ее если в два месяца раз возьму на две минуты, так это много. Я не играю почти... что ну, просто, у меня никто не любит», — говорил мне в интервью гармонист из вологодской деревни (КНШ). Нет аудитории — нет и пространства для гармониста. Сам запрос аудитории (как, вероятно, и первичный интерес игрока на гармони) включается в контекст «игры в любовь» — молодежных гуляний: «Там на беседе что: игра в любовь... Если поворачиваются в одну сторону, целовались, в разные стороны — плясать. Такая игра была. Ленчик (танец со сложной последовательностью фигур. — Т. Щ.) не сходил. Гармонистов много, девчата подходят: сыграй. Потом другая деревня пляшет» (КГН). Этот контекст обеспечивал гармонисту и девичью любовь как награду за хорошую игру, и стимул к развитию навыков: «Гармонисту за игру, за игру игручую — два стаканчика вина и девушку певучую», — и, как мы видели выше, порой порицание, в случае некачественного исполнения.

Дискурс «любви» пронизывает коммуникации и в немалой степени формирует практики, связанные с передачей, получением и демонстрацией знания гармонной игры. Отсюда и разделяемая в среде гармонистов забота о ее воспроизводстве: «Хочется, чтобы гармонь в России больше любили, чтобы молодежь к ней тянулась, интересовалась бы, сталкивалась с двухрядкой чаще¹.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ (буквенные обозначения условны)

БКА — М 1962 г. р., уроженец д. Бильково (с/п Никольское), п. Кадуй Кадуйского района Вологодской обл. Гармонист. Запись 2018 г.

БВН — М 1940 г. р., п. Кадуй Вологодской обл. Гармонист. Запись 2019 г.

ГНИ — М 1949 г. р., д. Верхний Двор Кадуйского района Вологодской обл. Гармонист. Запись 2019 г.

ЖМП — Ж 1935 г. р., Новгородская обл., Мошенской район. Запись 2018 г.

¹ В. А. Королев, п. Борисоглебский, Ярославская область // Играй, гармонь! [Электронный ресурс]. URL: <http://играйгармонь.рф/articles/213907> (дата обращения: 23.11.2018).

ИАА М 1940 г. р., уроженец д. Средник Кадуйского района Вологодской обл. Гармонист. Запись: п. Кадуй, 2018 г.

КАИ — М 1947 г. р., уроженец д. Мелехино. Гармонист. Запись: р. п. Хохлово, 2018 г.

КГН — М 1930 г. р., уроженец д. Шибанова Гора Шекснинского района. Гармонист. В 1980–2000-х гг. возглавлял клуб гармонистов в Череповце. Запись: Вологодская обл., Кадуйский район, 2019

КНШ — М 1955 г. р., уроженец д. Великое Кадуйского района Вологодской обл. Гармонист. Лесник. Плотник. Запись: д. Соедняя Ступолохта Кадуйского района Вологодской обл., 2018 г.

НАА — М 1948 г. р. Гармонист. До ухода на пенсию заведовал клубом. Запись: Кадуй, 2019.

НАИ — М 1931 г. р., уроженец д. Будиморово Кадуйского района Вологодской обл. Гармонист. Запись: п. Кадуй, 2018 г.

САА — М 1932 г. р., уроженец д. Семеновская Кадуйского р-на Вологодской обл. Гармонист. Запись: р.п. Хохлово Кадуйского района Вологодской обл., 2018 г.

СНТ — М ок. 1958 г. р., уроженец д. Куракино Кадуйского района Вологодской обл. Гармонист. Запись: п. Кадуй, 2019 г.

1.4. ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ: ПЛАТФОРМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

А. Яшина, Д. Косарева

В современном научном знании вопрос о связи общества, культуры, науки и знания вообще стоит в центре внимания и особенно обостряется в связи с развитием технологий. В начале XXI века можно наблюдать, что «(по)знание» стало еще более интенсивным: эволюция информационных и появление сквозных технологий, в том числе искусственного интеллекта, машинного обучения, работы с большими данными, и стремительный рост рынка платформенных решений и онлайн-сервисов оказали влияние на появление новых научных коммуникативных практик, а также новых форм производства знания. Как пишет И. Т. Касавин, «еще в конце XX в. стало очевидно, что исследовательская деятельность будет носить социальный и коллективный характер, а междисциплинарное и международное сотрудничество предполагающее широкий обмен, в том числе междисциплинарный, идеями, ресурсами, технологиями, решениями и т. д. будет усиливаться»¹. Основная характеристика современных наук в том, что они позволяют «моделировать онтологические и эпистемологические переходы между естественным и искусственным, теорией

¹ Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М., 2016. С. 117.

и фактом, фундаментальным исследованием и его практическим применением»¹ и активно вовлекают в производство знания «неученых», используют достижения технологий для развития научного знания. Такие процессы описываются в терминах «распределенного знания» (или дисперсного — от англ. dispersed) как своего рода способа «понимания того, как большие группы людей создают единый глобальный массив знания, невозможный без их коллективных усилий»². Поэтому современное производство знаний происходит в процессе общения разных социальных субъектов, которое значительно расширилось с развитием Интернета и Web 3.0 и появлением платформ, социальных сетей, краудсорсинга и т. п. Социальное взаимодействие в современном мире приобретает характер «сетевого»³, а основным ресурсом становится «сетевой капитал»⁴. Актором этого нового социального пространства является «электронный кочевой киборг»⁵, живущий сразу в двух реальностях — в мире физического присутствия и мире виртуальном. И ученый не исключение. Так, например, открытый доступ к информации и возможность ее использовать, в том числе для получения прибыли и решения сложных проблем, свободно ее производить, а также вовлекать в ее обработку большое количество людей, дали толчок к развитию платформенных решений, направленных на «совместное творчество». Понятие «платформы» сегодня сочетает в себе и указание на ключевую роль информационных технологий, и аспекты «равенства» (p2p) в интеракциях, и массовый характер вовлечения пользователей (и чем их больше — тем платформа успешнее), и элемент сообщества, возникающего вокруг платформы, и специфику «открытости доступа» или «шеринга», как типа отношений с материальными благами.

Можно выделить несколько типов платформ, которые сфокусированы на производство и распределение научного знания:

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 117.

³ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М., 2006.

⁴ Урри Д. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М., 2012. С. 130–159.

⁵ Наберушкина Э. К. Архитектура, сети, люди, города: контуры нового мира / Митчелл У. Дж. Я++: человек, город, сети / пер. с англ. Д. Симановского // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. 2012. №. 3. М. С. 85.

- Профессиональные социальные сети как платформы для обмена результатами научной деятельности (ResearchGate, Academia.edu), где предоставляется открытый доступ к публикациям, доступно общение с авторами, предлагаются вакансии и сотрудничество, возможна распространение не только опубликованных работ, но и докладов, представленных на конференциях, баз данных, результатов экспериментов и т. д.
- Платформы-агрегаторы, например, проект «Dimensions» — собирает большие объемы полезных данных и источников для исследователей (открытая платформа научно-технологической информации, которая впервые в истории объединила данные по научным грантам, публикациям, отраслевым стандартам и патентам).
- Платформы для ведения научной деятельности: редактирования статей, цитирования, совместного написания статей и т. д. Примером такой платформы может служить проект «Mendeley», с помощью которого пользователи могут находить, читать и каталогизировать в собственной «облачной» библиотеке заинтересовавшие их научно-образовательные ресурсы, вести по каждому из ресурсов совместную работу с коллегами через предоставление коллективного доступа к отдельным статьям и материалам, задавать вопросы и отвечать на вопросы, публикуемые другими членами Mendeley-сообщества и т. д..
- Платформы — интеграторы, позволяющие аккумулировать ресурсы для ведения научной деятельности — например, «Open Science Grid».
- Краудсорсинговые платформы для сбора данных, которые позволяют, привлекая «не-ученых», решать крупные научные задачи — например, проект «Open Philology», в рамках которого добровольцы принимают участие в совместном переводе древних текстов.
- Игровые платформы для решения научных задач — например, «Fold.it» — игра является частью исследовательского проекта и разработана в Вашингтонском университете. Игроков-авторов было более 57 тысяч человек, и каждый из участников проекта обладал компетенциями, которые использовались для решения задачи, но только собранные вместе они позволили её решить.

Сегодня «коллективные усилия могут быть использованы не только для общения по интересам, но и для решения различных задач»¹. Как верно указывает Е. В. Масланов², «проекты в области краудсорсинга могут рассматриваться как элемент формирования массива „распределенного знания“, которое может быть использовано для решения научной или технической проблемы». Дж. Хау³ в статье «The Rise of Crowdsourcing» вводит соответствующий термин — «краудсорсинг», при котором функции делегируются неопределенному количеству производных исполнителей с неопределенной квалификацией, т. е. толпе («crowd»).

Технологически краудсорсинг представляется как «платформа, создающая связующее звено между offline-пространством, той средой, где возникает запрос на решение проблемы, и online-пространством, где происходит объединение людей для этого»⁴. При этом проблема может представать в разном виде — это может быть запрос на получение информации, отзыв, или предложение решения, идеи и так далее. Д. С. Брабхан⁵ пишет, что «самое важное в понимании краудсорсинга это то, что он работает как коллективный разум интернет-сообществ и может быть использован для создания общественного блага». То есть он представляется «формой универсального распределенного интеллекта (или мудростью толпы — «crowd wisdom»), постоянно совершенствующегося и координирующегося в реальном времени, и в результате эффективной мобилизации навыков и знаний разных пользователей»⁶. Принципы краудсорсинга используют в разных областях — от создания электронной энциклопедии «Wikipedia», сбора науч-

¹ Масланов Е. В. Краудсорсинг в науке: новый элемент научной инфраструктуры // Философия науки и техники. Т. 23. 2018. № 1. С. 143.

² Там же. С. 149.

³ Howe J. The Rise of Crowdsourcing // Wired Magazine. Т. 14. 2006. № 6. P. 1–4.

⁴ Аргамасова А. А., Яшина А. В. CROWD SCIENCE: исследование и преобразование общества через технологии краудсорсинга // Ценности и смыслы. №5 (45). 2016. С. 140.

⁵ Brabham D. C. Crowdsourcing as a Model for Problem Solving: An Introduction and Cases // Convergence. Т. 14. 2008. № 1. С. 79.

⁶ Аргамасова А. А., Яшина А. В. CROWD SCIENCE: исследование и преобразование общества через технологии краудсорсинга // Ценности и смыслы. С. 140.

ных данных (активно используется в астрономии, наблюдениями за природой и т. д.), до создания стратегий, поиска оптимальных экономических решений, совершенствовании городской политики и решении утилитарных вопросов. По мнению Дж. Пурдехнада¹, «краудсорсинг есть форма открытой инновации». Так, например, с 2000-х годов начали появляться платформенные сети сотрудничества, которые способствуют встрече разных стейкхолдеров: компаний, находящихся в поиске инновационных решений для различных научно-технологических проблем, с одной стороны, и ученых — с другой. Но отметим «появляющуюся интересную тенденцию стирания границы перехода платформенных и сетевых связей к реальным, ведь в отличие от эпохи раннего Интернета, период Web 2.0 характеризуется смешением интернет-практик и повседневности, благодаря чему разделение онлайн-связей и оффлайн-коммуникации акторов становится практически невозможным»². М. М. Соколов³ утверждает, что «Интернет не порождает новый тип социальных отношений. Изменяются только схемы и названия, а мотивация и смыслы социальных действий остаются теми же, что и в реальной коммуникативной практике. Виртуальное общение не вытеснило реальное, оно расширило его возможности, особенно в той части, которая касается нивелирования пространственно-временных ограничений контактов». Сегодня платформы не скованы рамками цифрового мира, они успешно синтезируются с реальностью посредством ее внутренних акторов или через офлайн-площадки, которые помогают переносить взаимодействие в реальный мир. Говоря о платформах в контексте производства знания, именно циркуляция коммуникаций из онлайн- в офлайн-мир и обратно, а также наличие сообществ являются одним из принципов эффективности и выживаемости платформы. Е. В. Масланов⁴ от-

¹ Пурдехнад Д. Открытые инновации и социальные сети // Проблемы управления в социальных системах. Т. 4. 2012. № 7. С. 23.

² Boase J., Wellman B. Personal Relationships: On and off the Internet // The Cambridge Handbook of Personal Relationships. Т. 8. 2006. P/ 714.

³ Соколов М. М. Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. СПб., 2007. С. 9–39.

⁴ Масланов Е. В. Онлайн «зоны обмена»: к постановке вопроса [Электронный

мечал: «выстроить коммуникацию, ориентированную на синхронизацию языков разных научных групп без обращения к непосредственному взаимодействию за пределами используемых языков» невозможно. В отсутствие реального взаимодействия, сообществам, с одной стороны, необходимо «выработать „правила взаимодействия“», а с другой — «понять, что под конкретными словами имеют в виду носители другого научного языка, что само по себе является нетривиальной задачей»¹.

Формой, соединяющей в себе онлайн- и офлайн-общение в целях производства «нового знания», являются зоны обмена, где сегодня контактируют между собой представители не только научного сообщества из различных сфер, но и обыватели. Понятие «зона обмена» («trading zone») было введено в научный оборот в конце XX века американским историком науки П. Галисоном² для описания междисциплинарного взаимодействия научного сообщества. Само понятие было позаимствовано П. Галисоном³ из «антропологических исследований, рассматривающих проблемы торгового взаимодействия между разными культурно-языковыми сообществами»⁴. То есть «зона обмена» в понимании ученого — это возможная модель взаимодействия между людьми, говорящими на разных научных языках, которая формируется в процессе совместной деятельности. При этом «зоны обмена» могут носить как научный характер, так и вненаучный, а также быть местом коммуникации научного и ненаучного сообщества. «Это специфическое пространство, частично материальное (организованное вокруг лаборатории или шире — научного центра), частично знаковое (здесь взаимодействуют субкультуры, пользующиеся собственными

ресурс] // RADNEWS: знания, мысли, новости. 2017. URL: <http://www.radnews.ru/> (дата обращения: 21.10.2019).

¹ Масланов Е. В. Онлайн «зоны обмена»: к постановке вопроса [Указанный электронный ресурс].

² Galison P. Trading Zone: Coordinating Action and Belief / ed. by M. Biagioli. The Science Studies Reader, 1999. P. 137–160.

³ Ibid. P. 137–160.

⁴ Шибаршина С. В. Научные коммуникации и коллаборации в Сети как возможные зоны обмена [Электронный ресурс] // Социология науки и технологий. 2019. № 2. С. 78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-kommunikatsii-i-kollaboratsii-v-seti-kak-vozmozhnye-zony-obmena> (дата обращения: 06.11.2019).

ми символическими системами описания мира), в котором происходит локальная координация убеждений и действий в ходе совместной работы над проектом»¹.

Можно выделить следующие характеристики «зон обмена»:

- Это социальное и интеллектуально пространство, для которого характерна междисциплинарность и возможность обмениваться теориями, идеями, инструментами и технологиями.
- «Общий язык» — это непротокольный язык, образная основа (символическая образная основа, чтобы представить себе локальные ситуации, возникающие при встрече двух сложных социальных и знаковых систем).
- Сетевое горизонтальное взаимодействие участников.
- Гибкое пространство для работы. «Эта лаборатория должна напоминать фабричное сооружение, которое можно расширять и перестраивать. Перегородки должны быть не жесткими... Не нужно делать обшитых панелями офисов для директора или кого-то другого»². Однако необходимостью остается сохранение идентичности исследователя: «не следует, принимать отказ от панелей за гомогенизацию сообщества; никто и не думал поднимать вопроса об упразднении категорий теоретика, экспериментатора и инженера»³.

Таким образом, зоной обмена может являться и «особый познавательный институт», возникающий «в ситуациях дефицита взаимопонимания между различными научными и не-научными практиками», и «коммуникация в виде личных, групповых, общественных отношений между людьми, которые напрямую или косвенно причастны к созданию принципиально новых продуктов творчества», и «институализированный объект в виде организованно-оформленных территорий для успешного и плодотворного сотрудничества»⁴.

Кейс, выбранный для анализа новых форм производства зна-

¹ Шибаршина С. В. Научные коммуникации и коллаборации... [Указанный электронный ресурс].

² Галисон П. Ук. соч.

³ Там же.

⁴ Корнев Г. П. Зона обмена: понимание и конструирование наукой и философией // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. №4. С. 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zona-obmena-ponimanie-i-konstruirovanie-naukoy-i-filosofiy> (дата обращения: 16.10.2019).

ния, является «зоной обмена» для встречи людей и выработки новых решений в разных областях жизни человека, технологий, науки и существует на стыке цифрового пространства и реального общественного пространства: пространства сети «Точек кипения» и платформы «Leader-Id». «Leader-id.ru» является информационной платформой сопровождения Института развития лидеров АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ)». Сегодня «Точки кипения» — это обширная сеть (всего в России по данным на октябрь 2019 года существуют 82 «Точки кипения», которые расположены в 54 городах России), способствующая решению вопросов трудоустройства, реализации проектов, создания команд, научной и профессиональной коммуникации, развитию сообществ и др.

Основная цель «Точек кипения» — трансляция повестки Национальной технологической инициативы (НТИ), развитие инновационных рынков и внедрение инновационных технологий и систем в обычную жизнь. Офлайн и онлайн составляющие дополняют друг друга, образуя единое коммуникационное поле. «Точки кипения» являются одним из массовых мест входа в платформу «Leader-ID» и выходом для технологических, социальных и иных разработок в мир, а платформа позволяет аккумулировать информацию и давать инструменты связанности и коммуникации, развития карьеры и др. Такими инструментами могут выступать: поиск профилей (резюме) зарегистрированных пользователей; участие в открытых отборах и конкурсах; система рекомендации «нетворкинга» с людьми с похожими интересами, задачами или посещающих такие же мероприятия, а также в офлайн-мероприятия, на которые можно прийти, только зарегистрировавшись на платформе «Leader-ID». При этом, платформа позволяет не только соединять людей и информировать их о том, что происходит, но и имеет расширенный аналитический функционал для «Точек кипения». Все это способствует формированию связанности между платформой «Leader-ID» и «Точками кипения».

«Точка кипения» представляется собою пространство для коммуникации и коллективной работы — с одной стороны, это своего рода «интеллектуальный entertainment», имеющий свою «субкультуру», с фокусом на развитие технологий и сообществ, языковое и символическое поле, которое отражается в дизайне и оформле-

нии пространства, общем языке на котором говорят участники. С другой стороны, там вырабатывается общий язык, а также тестируются гипотезы в области развития сквозных технологий, запускаются и прорабатываются технологические и иные проекты. Для погружения в этот язык сформирована локальная «библиотека знаний», рассказывающая про развитие проекта и развитие технологий.

«Точки кипения» существуют двух форматов: городская «Точка кипения», университетская «Точка кипения». Деятельность университетской «Точки кипения» фокусируется на трансформации образовательной модели внутри одного вуза или нескольких и вовлечении в свою работу других акторов (экспертное сообщество, бизнес и др.). Она является своеобразным экспериментальным полем, где «все возможно», в том числе создание неформальных научных сообществ — это среда с распределенным знанием. Формат университетской «Точки кипения» предполагает плотное взаимодействие с цифровым распределенным университетом — «Университет 2035». «„Университет 20.35“ не конкурирует с ведущими российскими университетами, но, наоборот, создает для них первую реальную сетевую форму взаимодействия с общим стеком данных, технологий и маркетплейса (для мировых аудиторий)»¹. Для региональных вузов, включение в сеть «Точек кипения», — «это вовлечение в технологический рынок»². Студенты получают возможность приобщиться к новейшим практикам, получить доступ к технологическому оборудованию, кроме этого модель «университет будущего» базируется на индивидуальных образовательных траекториях, апробация которых происходит в рамках «Точки кипения», например, такой, как в НИТУ «МИСиС». Как отмечает Д. Песков³, «на платформе „20.35“ собираются и тестируются самые передовые технологи-

¹ Песков Д. К. Как выглядит будущее российского и мирового образования. [Электронный ресурс] // ИНФОБЮРО 20.35. / Блоги экспертов. 2019а. URL: https://ntinews.ru/blog/publications/kak-vyglyadit-budushchee-rossiyskogo-i-mirovogo-obrazovaniya-.html?sphrase_id=3479859 (дата обращения: 01.11.2019).

² Песков Д. К. Первые 12 «Точек кипения» открылись в региональных вузах. [Электронный ресурс] // РИА Новости: 21.05.2019. 2019b. URL: <https://ria.ru/20190521/1553918112.html> (дата обращения: 01.11.2019).

³ Песков Д. К. Как выглядит будущее российского и мирового образования. [Указанный электронный ресурс].

ческие решения мира в области образования, часть которых после „обкатки“ выходит в повседневную практику российских вузов через сеть „Точек кипения“ и систему сбора цифрового следа талантов на „Leader-ID“».

Особенность деятельности «Точки кипения» является использование различных коммуникативных форматов, направленных на формирование общего языка между представителями разных сфер для решения общих задач, которые формулируются в форме «социального заказа» снизу от лидеров сообществ. Такое взаимодействие становится уникальной языковой практикой, которая вырабатывается в процессе междисциплинарного, межотраслевого сотрудничества. Как отмечает, П. Галисон¹, что в ходе практической коллаборации между различными научными и техническими практиками возникает новый язык, общий для всех участников зоны обмена, новая общая культура. Галисон утверждает, что проблема понимания решается благодаря выработке промежуточных словарей («in-between» vocabularies), на основе которых и возникают такие общие языки². Особенно актуальной эта проблема становится в условиях распределенного знания. В данном контексте понятие «язык» используется в широком смысле: оно включает в себя не только вербальные практики коммуникации и понятийно-смысловое значение слов, но профессиональный опыт каждого из участников, стиль мышления, культуру.

Для формирования поля коммуникации в «Точках кипения» создаются: во-первых, визуальная среда — пространство «приглашающее» к коммуникации, например, зоны для совместной работы, кафе, открытые зоны для проектирования и др., во-вторых, оформление пространства — наличие различных смысловых кар, инфографик, текстов, рассказывающих о том, чем там занимаются, в-третьих, коммуникационная среда — команды-держатели «Точек кипения» используют «более 25-и различных форматов»³

¹ Galison P. Trading Zone: Coordinating Action and Belief. P. 137–160.

² Ibid.

³ Кобзева А. и др. Атлас форматов совместной работы. Версия 1.0. [Электронный ресурс] // Для сети «Точек кипения» в регионах России». 2019. URL: <https://ntinews.ru/upload/iblock/6fa/6fa1869a00abec4e511ed03559645a3.pdf> (дата обращения: 24.11.2019).

для обеспечения коммуникации разного типа и обеспечения разнообразия участников. Например, формат Хакатон, согласно данным с «Leader-ID», «собирает от 3 до 21 специализаций, а по медианному значению (исключая необоснованные выбросы) — 10 специализаций»¹.

Ряд исследователей утверждают², что для успешного разрешения трудностей междисциплинарного общения необходим медиатор, которым в идеале является философ. В случае «Точек кипения» это частично реализовано через формат «Клубов мышления», в которых через разные мыслительные школы ищутся решения для сложных задач, а также через использование таких форматов как проектировочные, стратегические, форсайт-сессии и т. п. с участием модераторов, фасилитаторов.

На примере работы городской «Точки кипения» в Санкт-Петербурге, имеющей наиболее длительный опыт работы в регионе, был проведен сетевой анализ мероприятий, который показал, что она стала местом пересечения 147 субъектов из разных сфер деятельности:

- государственные институты: муниципалитеты, комитеты, губернатор Санкт-Петербурга, Правительство Санкт-Петербурга, Правительство Ленинградской области, Правительство РФ и др. — (27);
- бизнес: бизнес-ассоциации, холдинг «ЛПМ», компании, предприниматели и др. — (40);
- научно-аналитические институты: университеты, научно-исследовательские и аналитические центры, фабрики мысли и др. — (18);
- институты развития: фонды, школы личностного развития, квалификационные курсы, проектные команды, технопарки и др. — (34);
- институты гражданского общества: профессиональные союзы, студенческие отряды, волонтерские организации, сообщества, граждане и др. — (26).

При этом, проведение мероприятий в «Точках кипения» явля-

¹ Там же. С. 163.

² Касавин И. Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Epistemology & Philosophy of Science. 2004. 2(2). С. 5–14; Корнев Г. П. Зона обмена: понимание и конструирование наукой и философией.

ется добровольной инициативой и реализуется на некоммерческой основе. Следовательно, «Точка кипения» в Санкт-Петербурге действительно функционирует по принципу открытого пространства. Стоит отметить, что между акторами сформировалась сложная и плотная сеть взаимодействия, то есть организаторы не просто приходят в «Точку кипения» как в конференц-зал для проведения очередного события без обратной связи, а результатами этих мероприятий становятся межинституциональные контакты, взаимодействие между акторами-организаторами и вовлечение в производство знания обычных слушателей и участников, которые приходят на интересующее их по тематике событие, зарегистрировавшись на платформе, а также реальные проекты, возникающие в процессе коммуникации: соглашения о сотрудничестве, появление новых институций (Центров компетенций, запуск бизнес-проектов и т. д.). И если в рамках форумов, конференций наблюдается кратковременное создание таких «зон обмена», полей для научной коммуникации, то «Точка кипения», как общественное пространство, предлагает это делать на постоянной основе, фокусируясь на задаче производства нового знания или решении прикладных задач.

Одной из задач анализа было выявление наиболее весомых акторов, которые могли бы дать информацию о ключевых пользователях «Точки кипения»: как видно из классификации, представители бизнес-сообщества несколько чаще выступают в качестве организаторов и со-организаторов мероприятий на площадке «Точки кипения Санкт-Петербург» (ТК). Однако, как показал анализ, они не являются основными узлами сети. К основным узлам относятся ТК, Агентство стратегических инициатив (АСИ), СПбПУ, Технопарк «Политехнический», Центр НТИ «Новые производственные технологии» и Комитет по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга. Интересно, что Центр НТИ «Новые производственные возможности» находится на базе ИППТ СПбПУ, как и Технопарк «Политехнический», то есть СПбПУ является связующим звеном и для этих двух акторов. Основным направлением развития для СПбПУ является рынок «Технет», поэтому большинство мероприятий, организаторами которых выступили СПбПУ, Технопарк «Политехнический», Центр НТИ, были посвящены технологическому развитию и разработкам. Таким образом, направление «Технет» является одним из ключевых для петербургской

«Точки кипения». Выйдя за рамки вузовской площадки, СПбПУ получил возможность вовлекать в свои мероприятия сторонних акторов, включая Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле, предоставляя им равные условия для участия, выстроить с ними сетевую коммуникацию, а «Точка кипения» стала местом научной коммуникации, «знаниевого» обмена, проектирования общих задач по рынку «Технет».

Важно и то, что «Точка кипения» способна выполнять не только синергирующую функцию для сообщества профессионалов различных сфер, но и вовлекать, интегрировать в это взаимодействие обывателей, помогая формировать распределенное знание. «Если до начала XXI в. социальный заказ на исследования исходил от государства, бизнеса, церкви, общественных организаций или сообществ, то теперь для финансовой поддержки науки, формирования проблемного поля и, более того, соучастия в исследованиях возможно привлечение широкой аудитории, “толпы” пользователей интернета, включающей как экспертов, так и неспециалистов. Субъекты гражданского общества становятся заказчиками и производителями научного знания, способствующего осуществлению социальных изменений»¹. Доля участников и организаторов мероприятий в ТК из числа институтов гражданского общества и обывателей составляет более 38 %. Ивент-анализ показал, что данная группа принимает участие в мероприятиях с различной тематикой от социального предпринимательства до инновационных технологий.

Аналогичные выводы были сделаны при анализе «Точки кипения — Томск». Исследователи выявили два доминирующих по составу кластера участников — это бизнес-сообщество и университеты. Анализ коммуникаций показал, что взаимодействие группы из трех участников: бизнес, власть и университеты, происходит реже взаимодействия группы бизнес и университеты, при этом, в целом, бизнес и университеты проявляют большую коммуникационную активность.

Ключевой составляющей «зон обмена» является общий объект, названный П. Галисоном² «пограничным объектом»: «смешанная

¹ Аргамасова А. А. Социогуманитарное измерение технонауки [Электронный ресурс] // *Epistemology & Philosophy of Science*. №2. 2017. P. 132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiogumanitarnoe-izmerenie-tehnonauki> (дата обращения: 07.11.2019).

² Galison P. Trading Zone: Coordinating Action and Belief. P. 137–160.

(материально-информационная) матрица кейс/проблема/деятельность, которая возникает на стыке трансляций со стороны всех заинтересованных сторон»¹. В «Точках кипения» такой объект вырабатывается через формулирование «тематического направления» каждого конкретного пространства — например, развитие искусственного интеллекта или цифровой урбанистики, оно задается снизу сообществами, региональным контекстом, бизнесом, вузами, а также синхронизируется с федеральной повесткой технологического развития страны. Ивент-анализ показал, что наиболее распространенными темами стали: образование — ему посвящено около 38 % от всех мероприятий, инновации (19%), стратегическое управление (18 %), наука и исследования (13%), социальное предпринимательство (12 %). Подобное распределение характерно, в целом, для всей сети. Преимущественно мероприятия, проходившие в «Точке кипения» в 2018-2019 г. г., были направлены на развитие «soft skills», технологических инициатив, «стартапов», создание новых идей и проектов, что соответствует повестке НТИ. Кроме того, «Точки кипения» — это место, где апробируются и внедряются в общую практику инновационные разработки и практики, поэтому данные пространства обладают уникальными технологическими возможностями и предоставляют шанс каждому желающему использовать их. Иногда разработки через «Точку кипения» внедряются непосредственно сразу на производство, как, например, в городе Иваново.

Таким образом, на площадке «Точке кипения» происходит коллаборация различных сообществ, среди которых научное, образовательное, бизнес, технологическое и административное. При этом, основная цель подобного взаимодействия — это производство нового знания, которое в условиях построения «общества знания» изменило традиционное понимание «науки». Так, «Точки кипения» становятся агрегаторами и трансляторами различного «знания»: там проводятся и записываются видеолекции, готовятся стратегические и методические материалы и документы, делаются прогнозы и вырабатываются решения, которые фиксируются в отчетах по итогам мероприятий в системе «Leader-ID». «Знание», вырабатываемое в результате совместной работы представителей

¹ Шибаршина С. В. Научные коммуникации и коллаборации в Сети как возможные зоны обмена. С. 79.

различных кластеров, представляет собой новый уникальный продукт, которым могут быть научные статьи, видеоматериалы, технологические устройства, регулярные семинары, технологические и предпринимательские клубы. Формы для коллаборации могут использоваться разные. Ивент-анализ мероприятий «Точки кипения» в Санкт-Петербурге за период 2018-2019 г. г. показал, что наиболее часто используемыми являются лекции и семинары, конференции, хакатоны, акселерационные программы, круглые столы и др. Их главная цель — наладить диалог между участниками.

В результате синтеза онлайн-взаимодействия на платформе «Leader-ID» и офлайн в «Точке кипения» формируется «зона обмена», как место в котором дисперсное знание преобразуется в новые знания, форматы и продукты. Объединяя на своей площадке представителей различных сообществ и производя новое знание, «Точка» становится уникальной «зоной обмена», одна из особенностей которой — взаимодействие акторов не только различных научных сфер, но и сообществ. А. М. Дорожкин¹ называет подобные зоны обмена — «негумбольдтовскими», цель которых — способствовать конструированию а между научным и ненаучными сообществами. Подобный диалог является одной из характеристик «общества знания». Он способствует трансляции возможности науки быть «универсальным общественным клубом, где встречаются все мыслящие люди и где можно найти новаторские решения наиболее сложных социальных проблем»². При этом уникальность сети «Точки кипения» предают и то, что она имеет межвузовский и межрегиональный охват, что позволяет вовлечь в процесс «знаниевого» производства не только представителей различных научных отраслей, но и студентов, обывателей, граждан, проживающий на территории всей России, решая за счет наличия онлайн-пространства инфраструктурную проблему дезинтеграции и создавая возможности для коллективной офлайн-работы.

¹ Дорожкин А. М. Особенности построения негумбольдтовских зон обмена [Электронный ресурс] // Вестник ВятГУ. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-postroeniya-negumboldtovskih-zon-obmena> (дата обращения: 09.09.2019).

² Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. Т. 51. 2017. №1. С. 10.

1.5. ПРАКТИКИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

А. В. Кириллова

«Современный мир больше верит
свидетелям, чем наставникам»

Тадеуш Кондрусевич

Традиционно религиозное и светское, сакральное и профанное, находились в диалектическом и диалогическом взаимодействии друг с другом, не мыслились друг без друга. Секуляризация разрушила это единство, провозгласив светское общество самостоятельным и самодостаточным, вытеснила религию в сферу частного, наделила ее ролью «необязательного „увлечения“ отдельных людей типа рыбалки по воскресеньям или писания стихов в домашний альбом»¹. «Приватизация» религии² представлялась естественным следствием процессов модернизации, дифференциации, плюрализации и рационализации общества, приспособившаяся к которым религиозные организации трансформировали

¹ *Кырлежев А.* Постсекулярная эпоха [Электронный ресурс] // *Континент.* 2004. №120. URL: [//magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html](http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html). (дата обращения: 19.03.2019).

² *Casanova J.* *Public Religions in the Modern World*, Chicago, 1994. P. 320.

свои внутриорганизационные, управленческие и коммуникационные процессы.

Модернизация вынудила религии приспособлять религиозные идеи к светским ценностям, стремиться к экуменизму, профессионализации религии, позиционировать себя как эксперта в религиозных вопросах¹. В то же время, секуляризация изначально не подразумевала борьбы с религиозным, лишь освобождение социальной идентичности от религиозного компонента. В европейском контексте лишение власти доминирующей, титульной христианской религии для христианской церкви стало серьезным вызовом, в то время как в США высокая религиозность граждан, при отсутствии доминирующей конфессии, позволили стране стать одновременно самой религиозной и самой секулярной страной западного мира. Стабильно высокий уровень религиозности населения западных стран, активизация религиозности жителей постсоветских стран, рост новых религиозных движений, гибридных, квазирелигиозных течений, пропитанность текстов массовой культуры и маркетинговых коммуникаций религиозными смыслами и символами, поставили под сомнение положение теории секуляризации о естественном замещении религиозного сознания научным и естественного упадка интереса к религии. В то же время, трансформации, происходившие с религией, не позволяли говорить о возвращении религии в качестве той «священной завесы» П. Бергера, которая покрывала «самотождественный» мир и делала его осмысленным².

Постсекулярный мир, пришедший на смену секулярному, о котором вслед за Ю. Хабермасом заговорили исследователи религии в начале XXI века — мир, где религия больше не находится на периферии общественной жизни и не является частью «приватной» сферы³. В «постсекулярном» мире религия становится «свободной», признается равноправным участником общественной

¹ Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. №1 С. 175–192.

² Berger P. Secularization Falsified [Электронный ресурс] // First things. 2008. №2. URL: <https://www.firstthings.com/article/2008/02/secularization-falsified> (дата обращения: 06.01.2020; Тейлор Ч. Секулярность и религия // Страницы. 2006. №4. С. 46–55

³ Хабермас Ю. Вера и знание / *Glauben und Wissen* // Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. М., Весь Мир, 2002. С. 60–66.

жизни, «одним из многих». Постсекулярная стадия предполагает слияние, взаимопроникновение сакрального и профанного, религия растворяется в светском, а светское пронизывает религиозное. Мир без религии трансформируется в мир, безразличный к религии, в нем не борются с религией, не пытаются заменить, истолковать иначе, в нем религиозное расплавляется, рассеивается в светском¹).

Постсекуляризм — не меньший вызов религиозному, чем секуляризм: религиозная свобода порождает отношение к религии как к полезному и приятному дополнению ко всему нерелигиозному, обыденному в жизни. Вера и знание о вере в современном мире конструируется каждым, складывается из фрагментов, отрывков, мимолетных интерпретаций и образов. Даже среди последователей традиционных религий наблюдается этот процесс «собирания» или дополнения своих взглядов фрагментами из религиозного информационного поля: «плюрализм в общерелигиозной сфере оборачивается не секуляризмом, а политеизмом. И даже в пространстве одной религиозной традиции нельзя уже просто говорить о невежестве или суевериях, но именно о своеобразном конструировании веры. Даже хорошо поставленное обучение религии не устраняет религиозного синкретизма, потому что в сознании сосуществуют принятые религиозные представления и представления иного, внерелигиозного, происхождения»².

Секуляризм был безразличен к религии как к явлению, уходящему в прошлое, постмодернизм и постсекуляризм равнодушен к религии, поскольку она растворяется в «нерелигиозном» и оценивается исключительно с позиции последствий для плюралистического общества. Религиозные взгляды стали своеобразными маркерами принадлежности человека к определенной культуре, национальности, цивилизации, маркером «своих» и «чужих», средством самоидентификации в мозаичной современности. Религиозность становится «облегченной», ритуальные практики должны вписываться в светскую повседневность и помогать человеку существовать в ней.

Возвращение религиозного в социальный мир связано не только с трансформацией отношений между светским и религиозным,

¹ Кырлежев А. Постсекулярная эпоха [Указанный электронный ресурс]; Тейлор Ч. Секулярность и религия. С. 46–55

² Кырлежев А. Постсекулярная эпоха (Указанный электронный ресурс).

сакральным и профанным, но и с трансформацией процессов конструирования представлений и знаний о религии в целом и конкретных вероучениях и механизмах распределения этих представлений и знаний.

В ситуации доминирования какой-либо конфессии, определение объема и содержания знаний, циркулируемых в обществе, находилось под влиянием и контролем доминирующей религии, которая могла влиять, в том числе, и на каналы коммуникации. При этом за религией была закреплена функция передачи религиозных убеждений, нравственных и духовных законов. В постсекулярном обществе социальные функции институционализированных религий берут на себя медиа, вытесняя традиционные религиозные институты из сферы продвижения религиозных смыслов. Медиа берут на себя функции морального, духовного руководства, создания чувства общности, объяснения мира. Медиатизация (как процесс, при котором социальные институты, формирующие поле социокультурной деятельности, принимают форму медиа и выстраивают свою структуру, идеологию и деятельность, исходя из внутренней логики медиа) кардинально трансформирует содержание и формат передачи знания, циркулируемого в обществе. Медиатизация на передний план выдвигает «банальные» религиозные представления, которые «состоят из элементов, обычно связанных с народной религией, таких как тролли, вампиры и черные кошки, пересекающие улицу; и предметы, взятые из официальной религии, такие как кресты, молитвы и капюшоны; и представления, которые не имеют необходимой религиозной коннотации, такие как перевернутые лица, гром и молния; и очень эмоциональная музыка» (Hjarvard 2011: 8). Религиозное становится для медиа источником «информационного сырья», из которого путем смещения и реконтекстуализирования религиозных, магических, светских представлений, символов и образов создаются медиапродукты, которые транслируют новые мифологемы и распределяют религиозные и псевдорелигиозные представления в современном обществе.

Медиатизация способствует конструированию особой мифологии современности, создавая мир, который воспринимается потребителями как более реальный, чем их собственное существование и конкурентный по отношению к религиозной картине мира, что вынуждает религии, особенно традиционные использовать

методы медиа и массовой культуры для удержания и продвижения своего видения реальности.

Для новых религиозных движений такая ситуация является достаточно комфортной, поскольку они изначально создаются в мозаичной синкретичной логике и механизм их возникновения и развития вполне вписывается в логику функционирования медиaprостранства. Для традиционных религий медиатизация означает углубление кризиса и необходимость поиска новых способов взаимодействия с обществом, не только светским, но и с конфессиональным сообществом, что так или иначе вынуждает традиционные религии «подчиняться логике медиа в терминах институциональной регуляции, символического содержания и индивидуальных практик»¹.

Медиатизация религии неразрывно связана с цифровизацией религиозной жизни, появлением религиозных сетевых сообществ и цифровых религий. При этом специфика существования религии в сетевой среде не сводится только к технологическим трансформациями, а проявляется в новом понимании роли религиозного в повседневной жизни личности и общества, новом понимании иерархии, распределении власти внутри сообщества, механизмов привлечения последователей и аффилиации внутри религиозных сообществ², а также способов конструирования и распределения знания внутри и за пределами сообщества.

Рассматривая влияние цифровизации на религию, Хелланд выделяет два типа цифровых религий: религию онлайн (*religion-online*) и онлайн религию (*online religion*)³. Религиозные сетевые сообщества как «религия онлайн» представляют собой онлайн версию традиционных религиозных практик и, сохраняя традиционные принципы взаимодействия участников сообщества и практики распределения знания, представляют собой скорее разновидность

¹ Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge, 2013. P.3–4.

² Campbell H. *Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society* [Электронный ресурс] // *Journal of the American Academy of Religion*. 2012. № 1 (80). P. 1–30. URL: 10.1093/jaarel/lfr074 (дата обращения: 05.04.2019).

³ Helland C. *Digital Religion* [Электронный ресурс] // *Handbook of Religion and Society* / ed. by D. Yamane. Cham, 2016. P. 177–196. URL:10.1007/978-3-319-31395-5_10 (дата обращения: 12.09.2019).

нового медиа, дополнением к офлайн деятельности религиозной организации. Такие сообщества модерированы уполномоченными представителями религиозной организации. Несмотря на использование новых технологических решений, появление новых ритуальных практик (интернет-проповеди, онлайн молитвы, приложения для ежедневного чтения священных текстов и т. д.) по существу они воспроизводят традиционные способы коммуникации и традиционные практики распределения знания.

Религиозные сетевые сообщества как «онлайн-религия» представляют собой особую форму организации взаимодействия участников, полицентрическое открытое пространство, где в процессе коммуникации участников формируется новый коллективный опыт и новое знание относительно доктрин, религиозного, духовного опыта, ритуальных практик, опыта соединения сакрального и профанного в повседневности и т. д.

Полицентрическое пространство религиозных сетевых сообществ подразумевает отказ от традиционного способа распределения знания от «эксперта», обладающего знаниями и сакральным, данным свыше правом верификации, толкования и передачи знания прихожанам или ученикам: «свободное обсуждение различных доктринальных вопросов становится условием порождения нового коллективного опыта в ходе диалога верующих»¹.

Иерархичность в распределении знания в традиционных религиозных сообществах трансформируется в возможность каждого участника сообщества не только принимать участие в конструировании и распределении знания: модерн и секуляризация лишает религию власти не только в ее влиянии на другие социальные институты, но и в отношении к знанию: знание дистрибутивно и каждый участник может «обладать им и претендовать на особый статус знающего»².

В то же время, в состав религиозных сетевых сообществ входят те же типы участников, что и в религиозные офлайн сообщества: священнослужители, верующие и интересующиеся, трансформируются их взаимоотношения, но с точки зрения знания, которое они приносят в сообщество распределение ролей сохраняется. Три идеальных типа носителей знания, описанных А. Шюцем в его

¹ *Campbell H. Understanding the Relationship....* P. 1–30.

² *Мальшикин Е. В. Дистрибутивность просвещенного состояния. С. 45.*

модели распределения социального знания («эксперт», «человек с улицы» и «хорошо информированный гражданин»¹) достаточно точно отражают ролевые статусы участников религиозных сообществ как традиционных, так и сетевых, однако в сетевых религиозных сообществах перераспределяются ожидания и требования участников сети к содержанию той или иной роли.

В каждой религии есть корпус «экспертного», сакрального знания (о вероучении, традиции, культовой деятельности, духовных законах, социальных нормах, бытовых, коммуникативных нормах, которое постигается, хранится и передается в рамках традиции «экспертами» — священнослужителями, богословами, теологами, учеными, т. е. теми, в чьи обязанности входит работа с этим знанием. В традиционных схемах распределения знания эксперты определяли объемы и формы передачи знания внутренним и внешним аудиториям и контролировали то, как это знание распределяется, т. е. усваивается, трансформируется, реконструируется внутри этих аудиторий. В сетевых религиозных сообществах роль эксперта меняется: объем и формат распределения знаний определяются запросами участников сети, их интересами и потребностями, что требует от экспертов сегментирования аудитории и выбора коммуникативных средств, привлекательных для конкретного сегмента. Многочисленные блоги, видеоблоги представителей религиозных организаций и движений на сервисах Youtube, Instagram, Facebook и т. д. показывают, что дифференциация аудитории происходит не столько по социально-демографическим признакам, сколько по информационным, психологическим, духовным запросам людей, а также посредством разграничения «традиционного» (консервативного) и «современного». Т. е. роль эксперта в сетевых религиозных сообществах подразумевает толкование, объяснение, поиск «надежных» ответов на вопросы, возникающие в сообществе. Кроме того, сам статус эксперта присваивается участнику сети не по его формальному статусу в иерархической структуре религиозной организации (хотя важность его по-прежнему очень высока), а по степени доверия к нему участников сети, причем доверие складывается из доверия к теоретическим знаниям и доверия к опыту эксперта. В качестве примера можно привести рост

¹ Шюц А. Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания / Прикладная теория. М., 2004. С. 559–560.

популярности *insta*-блогов православных матушек, жен священников, которые отвечают на вопросы и дают советы о семейной жизни, воспитании детей, образовании, организации быта и также о духовных вопросах для женской аудитории. Их «экспертность» обусловлена, скорее, опытом пребывания рядом с человеком, обладающим знаниями, который, как предполагается, реализует эти знания на практике.

Знание, которое коллективно конструируется и распределяется в религиозных сетевых сообществах «человеком с улицы», путем трансформации экспертного знания, личного опыта, личных интерпретаций и мнений, чувств, догадок и ощущений, в модели Щюца затрагивает многие области, оно практически и рецептурно, это знание того, «как в типичных ситуациях добиваться типичных результатов типичными средствами», знание, которому можно доверять, не понимая его¹.

В религиозных сетевых сообществах это знание распределяется через взаимное комментирование, обмен повседневным опытом, контактами, слухами и гиперссылками. Создается достаточно плотное информационное поле, из которого любой участник сети в любое время может «достать» ответ на свой вопрос. Доверие в данном случае обеспечивается принадлежностью к одному религиозному сообществу и даже если люди не знакомы офлайн, они считают данное информационное поле релевантным и надежным.

В рамках данного поля, как правило, распределяются знания о ритуалах, повседневных духовных практиках, паломничествах, а также о личном духовном опыте верующих, опытных и неофитов. Транслируемое в этом поле знание часто приобретает характер магического, поскольку участники сети ищут лишь решение конкретной задачи и не разбираются в содержании того или иного ритуала или контекста, в котором сформировался тот или иной духовный опыт. Очищая в процессе распределения знание до магической рабочей формулы, участники сети часто конструируют знание, которое противоречит тому вероучению, к которому они себя относят.

Во многом распределение знания зависит от коммуникативных навыков участников сети, их способностей и желания «продвигать» свой опыт, свои идеи и свои знания, а также их активной

¹ Там же. С. 559–560.

или пассивной позиции в сети. Кроме того, для религиозных сообществ в целом свойственна апелляция к авторитетам и экспертам при обсуждении любых вопросов: от духовных до бытовых. В религиозных сетевых сообществах, как уже было сказано выше, экспертом может стать практически любой участник сети, таким образом экспертное и «уличное» знание переплетаются в калейдоскопическом многообразии вариантов и популярность того или иного варианта во многом зависит от маркетингово-коммуникационных способностей и умений участников сети, что снова возвращает нас к идее о том, что религиозное все больше действует согласно логике медиа, которая, в свою очередь тесно связана с логикой маркетинга.

Третий тип знания в модели Шюца — знание «хорошо информированного гражданина», разумно обоснованное мнение человека о тех областях, которые представляют для него интерес, даже если не затрагивают непосредственно его текущие цели¹. Человек, носитель данного типа знания, не стремится быть экспертом, но и поверхностность, смутность, иррациональность знания «человека с улицы» его не устраивает, он стремится выработать некое разумное объяснение, на которое можно опереться и в принятии конкретных решений. Традиционные религии в настоящее время открыто и активно говорят о том, что стремятся увеличить число таких «хорошо информированных граждан», прежде всего среди верующих. Практики распределения такого типа знания в сетевых религиозных сообществах также берут на себя «эксперты», однако в данном случае их роль меняется, они должны не представить решение по запросу, а показать и объяснить более широкий контекст, в котором разворачивается религиозный дискурс, для того, чтобы, человек, опираясь на эти знания, мог сам принимать решения и был устойчив к влиянию других дискурсов как внутри сети, так и вне сообщества. По содержанию практики распределения такого знания представляют собой помещение сакрального в повседневность через толкование священных текстов путем поиска аналогий с современной жизнью, раскрытие этимологии привычных понятий, которые стали ассоциироваться только с религиозным дискурсом (евхаристия, исповедь, пост и т. д.) на повседневный язык, демонстрация того, как духовные законы и знания

¹ Там же. С. 559–560.

«работают» в жизни человека, как они проявляются в быту, в отношениях между людьми, отражаются на здоровье, материальном благополучии и т. д. Такие практики направлены на то, чтобы показать механизмы влияния религиозных, духовных знаний на все сферы человеческой жизни. Также большой объем знаний, распределяемый в данном типе практик, относится к «инаковости»: иным религиозным сообществам и религиям, светским ценностям, иным точкам зрения внутри своего вероучения. В данном случае, поскольку у участников сети есть доступ к информации о любых вероучениях, доктринах, свидетельствах, распределение знания идет через практики исторических и личных свидетельств, сравнительный анализ доктрин, апелляцию к культурным традициям и через иные методы убеждения.

Таким образом, технологически, для распределения знаний всех трех типов используются одни и те же средства: видеоблоги, посты в социальных сетях, мемы, фильмы, телепередачи и т. д., объединяет практики распределения знания в религиозных сетевых сообществах также дифференциация аудитории и применение маркетинговых и медийных принципов продвижения. Различается то, какое знание распределяется, кем, и с какой целью. Практики распределения знания в религиозных сетевых сообществах отличаются от традиционных практик распределения знания в религиозных сообществах прежде всего равенством участников сообщества в распределении знания, а также транспарентностью границ, в которых знание конструируется и распределяется, границ между религиозным и светским, традиционным и современным, между религиозными, псевдорелигиозными и нерелигиозными сообществами. Специфика распределения знания в религиозных сетевых сообществах заключается также в неизбежном использовании маркетинговых и медийных коммуникационных стратегий продвижения.

Раздел II

ЭКОНОМИКА И ЭТИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

2.1. НЕИЗБЫВНОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ ВЕЩЕЙ: СОСЕДСТВО И БОГАТСТВО*

Е. В. Малышкин, Ю. Ю. Гафарова, А. Г. Погребняк

ХОРОШО И ПЛОХО РАСПРЕДЕЛЕННЫЕ ВЕЩИ

Шеринговая экономика, став модным мемом, не стала альтернативой экономике традиционной. Если сетевые структуры, такие как *VlaVlaCar* или *Airbnb*, развиваются, то небольшие компании (общую схему работы которых можно описать примерно следующим образом: возьми что-то, чем не хочешь владеть, напрокат и заплати несколько долларов) так и не заняли существенного места на рынке¹. В общем случае, после нескольких лет воодушевления и надежд, можно констатировать: то, что продается под именем шеринга, но использует традиционные формы хозяйствования, аренду и ренту, выживает, экономика же совместного потребления нового типа так и не нашла для себя нужной формы.

* Данный раздел является переработанной версией статьи: *Малышкин Е. В., Гафарова Ю. Ю., Погребняк А. А. Неизбывность распределенных вещей: соседство и богатство // Социология науки и технологий. 2019. № 3. С. 89–102.*

¹ Популярный, но убедительный обзор успешных и неуспешных шеринговых проектов см.: *Бочкарева Е. Экономика совместного потребления умирает? // Rusbase [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/story/sharing-economy-is-dead/> (дата обращения: 23.05.2019).*

Энтузиазм, как представляется, опирался на то, что новые формы хозяйствования помогут отыскать новый тип владения, достаточно далекий от традиционного капитализма, чтобы адекватным образом указать на формы совместного потребления, ставшие возможными благодаря развитой информационной среде и плотной городской инфраструктуре, но отличающийся от ограничений коллективной собственности, отягощенной памятью о социалистических лагерях.

Но если шеринговая экономика не сделала сколь-нибудь заметных успехов, это не означает, что существование шеринговых вещей не требует дополнительного продумывания. В известном тезисе, который приписывается Бернарду Шоу: «Если у тебя есть яблоко и у меня есть яблоко, и мы обменяемся этими яблоками, то у каждого из нас будет одно яблоко... Если у тебя есть идея и у меня есть идея, и мы обменяемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи»¹, речь идет не о платоновских идеях, а попросту об интересных проектах, которыми можно поделиться так же, как мы делимся радостью или печалью: отдав, ты не теряешь. Однако именно концепцию эйдоса, сформулированную Платоном, можно назвать одним из первых успешных описаний хорошо распределенной вещи.

Собственно, начало разговора о хорошо распределенных вещах совпадает с началом истории метафизики: красота, благо, бытие — это как раз то, к чему хотя и затруднительно приблизиться отчетливым уразумением, но что все же обладает некоей неизбежностью: горшки бьются, но красота лишь отступает, и всегда есть возможность обнаружить ее заново. Или: сколько бы мы ни считали числами, сами числа всегда будут себе равными, они не испортятся, не кончатся, они всегда доступны, ими попросту невозможно пользоваться в одиночку.

Но с такого рода предметами мы имеем дело, по всей видимости, гораздо чаще, чем с числами или школьной тракторкой эйдосов: это и воспитание детей, и правила дорожного движения, и умение отмерять время по часам, и многое другое.

Чтобы уточнить, что мы будем называть распределенными (шеринговыми) вещами, попробуем определить их признаки. Хорошо распределенные вещи имеют следующие характеристики:

¹ Quote Investigator [Электронный ресурс]. URL: <https://quoteinvestigator.com/2011/12/13/swap-ideas> (дата обращения: 29.05.2019).

- *правила* обращения с ними понятны и легко осваиваются;
- сами вещи обладают таким качеством как *неизбывность*. Это значит, что совместное или приватное использование не наносит им заметного урона также и в долгосрочной перспективе, тогда как отказ от их использования существенно сужает жизненный мир;
- можно и нужно использовать их совместно, заботу о них легко *передоверить*, т. е. они не требуют индивидуального владения;
- совместное их использование приводит к получению примерно равной выгоды¹ для всех пользователей, то есть они создают некоторое *богатство*.

Числа, однако, как принято думать, отличаются от правил дорожного движения: если для последних существенно изменение, и плохи те правила, которые не подстраиваются под изменения трафика, то числа остаются одними и теми же. Они остаются тождественными себе независимо от того, кто считает и при каких обстоятельствах. И все же на одно обстоятельство счета нам необходимо указать, чтобы сблизить понятие числа с тем значением неизбывности, с которым мы встречаемся в счете временно определенных вещей. В работе «Не лишенный изящества опыт абстрактных доказательств» Лейбниц пишет, что, складывая

¹ Сама идея получения равной выгоды, разумеется, возможна только в определенной исторической перспективе. Она имеет смысл лишь в условиях, ориентированных на формирование автономной субъективности. Именно поэтому мы принимаем идею шеринговой экономики как актуальную: не только соотносящуюся с новоевропейским горизонтом субъективности, но и показывающей ее возможные границы. Архаические и традиционные общества изначально нацелены на формирование иерархии путем деятельности по распределению. Опираясь на идеи Карла Полаanyi, следует указать, что архаический формализованный обмен основан на идее использования ритуальных акций для перераспределения и укрепления статуса. Взаимообмен благами между членами социальной горизонтальной сети представляет собой особый тип социальной интеграции. Изначальной характеристикой социальных связей такого рода является то, что разница между отданным и полученным измеряется в форме социальных привилегий. Полаanyi полагает, что подобного рода распределение благ не создает богатства (Полаanyi К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 55). Лишь в XIX столетии социальные нормы стали вытесняться экономической целесообразностью, а социальный статус человека стал зависеть от его капитала. Таким образом, создание богатства в шеринговых структурах имеет исторические рамки, описание которых – дело отдельного исследования.

тождественные величины, в сумме мы не получаем чего-то отличного от единственного слагаемого, т. е. «если что-то берется с самим собой, то ничего нового не составляется»¹. Запишем, для контраста, два высказывания рядом:

$$A + A = A \quad (1)$$

$$1 + 1 = 2 \quad (2)$$

Здесь A — любая тождественная себе величина, о которой нельзя сказать, что она есть число. Как пишет сам Лейбниц, «разумеется, что касается чисел, то $2 + 2$ дадут 4, т. е. две монеты, прибавленные к двум, дадут четыре монеты, но в этом случае две прибавленные монеты — не те же самые, что две первые. Если бы они были теми же самыми, ничего нового не получилось бы»².

Таким образом, когда мы говорим о равенстве, а не о тождестве, мы меняем правила счета. Каждая из единиц в (2) — это и единое как такое-то число, тождественное себе, но и нечто иное и по отношению к другой (соседней) единице, и по отношению к числу. Другая единица, в свою очередь, такая же: она и другая, и та же самая, поскольку указывает на то же число. В счете единиц, таким образом, содержится некое допущение: что бы ни попало в качестве другого, оно подойдет под определение единого как такого же. То же самое допущение справедливо и в отношении другого: что бы мы ни обозначили как другое, оно и одно, и другое по отношению к уже названной единице. Что бы мы ни считали, мы будем иметь дело с этим допущением. Оно всеобщее, но обладает некоторой динамикой: если другое в единице не подойдет для счета (а нельзя отрицать, что так не может случиться), мы либо преобразуем его в подходящее, счетное, либо откажемся от него в пользу какого-то другого, «нормального» другого.

Всеобщее, таким образом, организовано счетом, но допущения, при которых счет возможен, требуется эксплицировать. Счет, с самого простого, $1 + 1$, организован не только рационально, но и риторически, в этой риторике таится некое усилие или даже насилие. А в понятии числа содержится некая власть, власть «нормализации» другого.

¹ Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 3. С. 634.

² Там же.

Для нас здесь важна не столько природа самого этого принуждения (то есть не понятие числа самого по себе), сколько статус другого во всяком счете единиц. Насколько значима для операции простейшего счета его динамика, то есть отказ от (возможного) несопоставимого другого в пользу «нормального». Необходимо указать, в каком смысле принуждение, обнаруживаемое нами в простейшей арифметической операции, значимо в разговоре о распределенных вещах.

Сначала необходимо показать, что иное, несовместимое с единицей, существует. Не чужое, которое противостоит всегда чему-то своему, а иное, непригодное для счета, и все же в счете значимое, коль скоро счет — это нормализация. В теории множеств существуют множества несчетные: простейшим представлением их является континуум. Но нас интересует не математика сама по себе. Если математика — это теория отношений¹, тогда нужно указать на отношение, в котором нет определенности, приводимо оно к числу или нет. Обращаясь к чему-то, мы не знаем заранее, яблоко оно или идея, т. е. к какому классу дистрибутивности оно принадлежит. Другими словами, сама дистрибутивность, распределенность (каковую мы мыслим как вполне синонимичную шеринговому) — это вызов, на который может быть не получен ответ (и тогда предмет нашего размышления будет принадлежать классу предметов с нулевой дистрибутивностью), но определить, так ли это, можно только подождав самого понимания, каковое, повторимся, может и не случиться. Это — дистрибутивное само по себе, вызов, брошенный и другим, и себе, и предмету. Дистрибутивное, таким образом, не является ни неисчерпаемым, ни исчерпаемым: вечно перебираемое (как бесконечное множество) столько же нерелевантно дистрибутивному, как и несчетное. Всякое единичное является еще и дистрибутивным. И чтобы сохранялась сама возможность счета, условием которого является распределенность, ненормализуемая инаковость другого должна сохраняться, пусть даже в виде только возможности, т. е. простого допущения.

Итак, по крайней мере три элемента есть во всяком счете: первых, то, что мы считаем, принимая его за важное (будь это

¹ Ср.: «Какое угодно отношение есть основание <...> Математику можно, в сущности, определять как теорию отношений. Тогда здесь согласен: математика — это отдел второго рода познания, это теория отношений и пропорций» (Делёз Ж. Лекции о Спинозе. М., 2016. С. 175).

яблоки или деньги), это узнавание единого во всяком, во-вторых, то, что отличает одно от другого, такая инаковость, которая допускает нормализацию, принятие другого как принадлежащего тому же классу, что и посчитанное, но отличное от уже посчитанного, и, в-третьих, инаковость ненормализуемая, та самая, которая не позволяет что угодно принимать за то же самое, за одно. Нас не будет интересовать в этой статье первый и третий элементы, мы попробуем проанализировать динамику счета, нормализующее принуждение, которое существует не только благодаря тождественному и иному, но и в некотором отклике, принятом вызове.

Счет рыночный можно принять за поспешный, нефундаментальный¹. Но аттрактивность идеи шеринговой экономики, даже притом, что идея шеринга оказалась неудачной, способна сама по себе нечто показать, какими бы причинами ни была вызвана эта аттрактивность. Более того, сегодня шеринговой экономикой принято называть экономику мелкой (или попросту необычной) ренты, то есть как раз такую, которая не имеет отношения к шерингу хорошо распределенных вещей. Для нас сейчас не важно, насколько распространены формы «подлинного» шеринга, достаточно, что где-либо существует та самая пресловутая дрель, которую принято брать у соседа, не спрашивая, чья она. Или даже камень, который принимают за межу хотя бы двое землевладельцев. И, глядяваясь в то, что стало — на рынке или в землепользовании — с хорошо распределенной вещью, мы увидим нечто фундаментальное, определяющее не только фундаментальность счета, но и свойство вещей, диктующих наши предпочтения в порядках счета.

Чтобы говорить о дистрибутивном владении, его необходимо отличить от двух очень похожих на него форм: коллективного владения и ренты. Отличие дистрибутивного владения от ренты, в общем, очевидно: я не владею вещью, именно потому я арендую некую вещь или услугу. Если мы и путаем эти две формы владения, то лишь по причине моды на словечко «шеринг».

Отличие дистрибутивного от коллективного несколько сложнее. Проще всего его показать, задавая вопрос: чья это вещь? В последнем случае мы ответим: наша. В той мере, в какой я являюсь

¹ См. основание для такого различения в великолепной и вдохновлявшей наши размышления статье: (Погонялло А. Г. Мишель Фуко. История субъективности // Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. С. 620).

членом коллектива, она — моя. Я могу менять собственный статус, статус собственника, и в зависимости от выбранной роли я оказываюсь в разных отношениях с имуществом, принадлежащим коллективу. В любом случае я никогда не являюсь полноправным владельцем: я всегда лишь часть коллектива, моя воля заведомо ограничена целями коллективного действия, я располагаю вещью (если располагаю ею легитимно) лишь в той мере, в какой я отказываюсь от себя как полноценного собственника, подчиняя свою волю коллективной. Если коллективному хозяйственнику, в самом широком смысле, нужно от вещи одно, а его члену — другое, то у колхоза всегда преимущество. Кража, если никаких других форм хозяйствования нет, оказывается закономерностью: она, конечно, нелегитимна, но легитимность, то есть законосообразность, может случиться лишь с автономным субъектом. Кража делает меня подзаконным: я сам делаю то, что мне не предписано, и если нет других способов обрести автономный статус, то коллективное будет расхищаться по необходимости. Жена, дети, только моя дрель — обыденные формы установления самости, которая, в свою очередь, является и условием создания коллективного хозяйства, и находится в полисемантических отношениях с субъектом коллективной собственности. Коллективный хозяйственник, таким образом, всегда ограничен, ему необходимо соседство иной формы собственности, чтобы быть.

Мы вовсе не утверждаем тем самым, что распределенный субъект должен прийти на смену автономному или коллективному. Напротив, в случае распределенного владения такого субъекта, как распределенный собственник, не создается. Я разве что несу ответственность за утрату или порчу, то есть я принужден заботиться о вещи и о правилах доступа к ней. Соответственно, я не подчинен в своем владении никому. Конечно, есть проблема «последнего использования», ведь всякая вещь конечна, но это проблема не формы владения, а условий договора, то есть, в конечном итоге, свойств самой вещи. Применимость же этого типа владения весьма, на наш взгляд, ограничена. Дрель действительно нужна редко. А вот сезонная обусловленность, как в случае с сельскохозяйственной техникой, обесмысливает шеринг: трактор нужен будет очень многим одновременно. Так что либо ареалы обитания дистрибутивных вещей оказываются невелики, либо предпочтительнее отказать от шеринга в пользу других форм. Именно поэтому имеет

смысла говорить не столько о дистрибутивности как способе владения, сколько о дистрибутивных вещах, поскольку именно их свойствам мы подчинены в пространстве шеринга.

НЕИЗБЫВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ СВОЙСТВО ШЕРИНГОВЫХ ВЕЩЕЙ

Образцом для понимания того, что такое избыточность распределенных вещей, является знание. Если ты знаешь, что переходить улицу нужно на зеленый свет, то этому и обучить легко, и вряд ли когда-либо это знание будет исчерпано. Такое знание может быть отставлено, оно может стать неактуальным или вовсе быть утрачено. И все же в нем есть некое величие, несоизмеримость затраченных сил на то, чтобы стать ему причастным и того расширения жизненного мира, которое обретается в обмен на обучение. Не всякое знание обладает положительной избыточностью: на то, чтобы доказать существование частиц, по свойствам очень похожих на предсказанный бозон Хиггса, было затрачено много средств и усилий, но изменение жизненного мира если и случилось, заметно оно только немногим специалистам. Можно привести пример и противонаправленной работы знания: научившись расщеплять атом, мы не столько расширили жизненный мир, сколько сузили его, сделав хрупким, ненадежным, заставили его утратить качество избыточности. Таким образом, динамика присуща всякой избыточности — положительная или отрицательная.

Есть и другая опасность. Избыточность легко понять как неисчерпаемость, как в ленинском определении электрона, и тогда мы утрачиваем интуицию обширности мира, вещи распределенные мы воспринимаем как вещи обычные, только очень долгоиграющие и оттого очень полезные. Описывать избыточность как бесплатный и долговременный ресурс значит попросту культивировать жадность. Работа по созданию дефицита, как, впрочем, и борьба против такого создания, проходят мимо понимания шеринговых вещей как избыточных. Так, Андре Горц пишет: «Капитализм может устоять как капитализм знаний только в том случае, если он использует имеющийся в изобилии ресурс — человеческий интеллект, для того чтобы превратить это потенциальное изобилие в дефицит. Дефицит создается распылением знаний, помехами их распространению, обобществлению и закабаляющему

принуждению к рыночному сбыту, которому подвергаются обладатели знаний»¹. Но отказавшись от частного использования в пользу «свободного», мы не вернем утраченное: мы все так же будем воспитывать в себе жадность, не только в отношении быстротечных вещей, но и в отношении чисел, идей, времени, мышления.

Показательно в этом отношении замечание Хатчинса: утверждая, что распределенное познание — это не особый вид познания, а перспектива всякого познания, он даже замечает: «Нет никаких экспериментальных данных или наблюдений, подтверждающих или опровергающих перспективу распределенного познания, поскольку сама по себе перспектива не предъявляет эмпирических требований»². Хатчинс понимает смену перспективы как самопонятный и безболезненный опыт³. Тогда как настойчивость попыток использования вещей, обладающих значительным дистрибутивным потенциалом в качестве частных, показывает, что такой опыт вовсе не самоочевиден, и требует не только некоей метаноии, перемены ума, но и затратных преобразований. Так, А. А. Космарский, обсуждая две стратегии «блокчейнизации» научного знания — принудительное раскрытие «черных ящиков» в процессе производства знания и постепенное наращивание транспарентности посредством материальных стимулов — справедливо отмечает, что обе стратегии потребуют существенных и временных (финансовых) затрат, и инфраструктурных изменений⁴.

Хотя высокотехнологичные решения явным образом бросают вызов нашей способности понимать природу распределенных вещей и создавать адекватные модели экономического и этического

¹ Горц А. Нематериальное // Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 82.

² Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition // *Philosophical Psychology*. 2014. № 27. Iss. 1: Extended Cognition: New Philosophical Perspectives. P. 37.

³ См. также обзорную статью, посвященную концепции распределенного познания: (Шиповалова Л. В. Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // *Социология науки и технологий*. 2019. № 3. С. 56–72).

⁴ Космарский А. А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы [Электронный ресурс] // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 2. С. 394–395. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/580> (дата обращения: 23.05.2019).

поведения в среде вещей, обладающих высоким потенциалом неизбытности, все же утверждать, повторимся, что этот вызов уникален для нашего времени, нельзя. Более того, нельзя даже утверждать, что умение находиться среди хорошо распределенных вещей присуще исключительно человеку. Шарль Летурно в книге «Эволюция собственности» отмечает: «Вообще сооружения птиц — представляют ли они собственность семьи или целого племени — имеют главной целью доставить уют яйцам и птенцам. Существуют, однако, исключения из этого правила; таким исключением является, между прочим, постройка ставшей знаменитой райской птицы — курьезной *amblyornis inornata*, открытой в Новой Гвинее, постройка, сооружаемая для любовных походов. Этот “домик любви” имеет вид конического шалаша; у входа архитектор устраивает лужайку из мха, по которой разбрасывает разные яркие предметы: ягоды, семена, цветы, камешки, раковины и т. п. <...> Эти сооружения очень прочны и служат по нескольку лет, вероятно, разным птицам; птенцов в них не воспитывают: это просто дома любви»¹.

Как нам представляется, проблема не столько в том, чтобы изменить перспективу, то есть сознание, сколько в том, что сами распределенные вещи, несмотря на долговременное наше с ними сосуществование, плохо описаны. Отыскивая сведения о вогелькопском беседковом шалашнике (*amblyornis inornata*), мы столкнулись с таким описанием: шалашик этой птички играет роль хвоста у павлина, чем он больше, тем здоровее самец, следовательно, тем лучший это выбор для самки. Однако здесь мы имеем дело вовсе не с конкурентной моделью, а с распределенной. Вернее, шалашик используется не в модусе привычной нам отрицательной распределенности (исключительного права владения), а в положительной, хотя и неупорядоченной. Шалашик не строится заново, он лишь украшается цветами, ягодами, кусочками угля или даже яркими пластиковыми пробками, которые служат не обозначением выигрыша в конкуренции, а явным признанием намерений. Самка шалашника оказывается не на вершине пирамиды, выбирая из наиболее достойных рефералов, а в распределенной сети, подчиняясь требованиям динамики распределения. Не разделяя редуccionистской позиции Летурно, отметим, что дистрибутивные элементы мы будем обнаруживать в самых разных культурах — от уникальной формы

¹ Летурно Ш. Эволюция собственности М., 2012. С. 11–12.

партеногенеза бделлоидных коловраток и строений вогелькопского шалашника до обмена услугами в коучсёрфинге.

Важно также, что владея этими вещами, мы (мы-соседи¹ и мы-распределенные изо дня в день пусть даже с самими собою, одним словом, мы-сети) принадлежим их способу распределенности. Не мы выбираем, как ими распорядиться, а они, так-то сформировавшиеся в своем обыкновении, заставляют нас входить в ту или иную сеть, совершая выбор. Распределенные вещи, наделенные некоторой динамической склонностью (к расширению, к сужению, к устойчивости), подчиняют себе и наше поведение. Сами по себе дрели (популярный пример шеринговой вещи) не подчиняют. Вещи, наделенные неизбежностью, способны что-то показывать, а именно, что «сам, себя», вместе с потребностями, навыками и опытом пребывания в сетях — это конструкция, ограниченная правилами сети. Склонность вещей к тому или иному дистрибутивному классу — это уже динамическая структура, которую необходимо описать более подробно.

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕННЫХ ВЕЩЕЙ. СОСЕДСТВО И БОГАТСТВО

Распределенные вещи можно разбить на три класса: всеобщей дистрибуции, частной или единичной. Примером первой может служить счет (я умею считать и всякого, с кем имею дело, неплохо было бы научить тому же); второй — пресловутая дрель, которой можно владеть всем подъездом, но бессмысленно владеть ею всем городом, поскольку затраты на логистику будут многократно превышать стоимость новой; пример же единичной дистрибуции не так легко привести: это такое знание или такая вещь, которую можно разделить только с кем-то одним. То, что мы называем интимностью, или величайшим секретом, пожалуй, может помочь составить представление об этом классе вещей. И есть вещи с нулевым классом распределенности, когда мы имеем дело с заведомо

¹ Говоря о постиндустриальных соседских сетях, мы отмечаем важность равенства, сходства и добровольного самопричисления их участников. Эти специфические характеристики современных сетей, как и особенности создания социального капитала в них, отличают их от сетей архаических и традиционных общин как форм элементарной социально-экономической страховки, описанных Маршаллом Салинзом, Джеймсом Скоттом и Клиффордом Гирцем.

непонятным и ничтожным, а есть и отрицательный класс. Примером последнего является травма, когда встреча с неким обстоятельством не расширяет горизонт возможного опыта, а существенно его ограничивает или отсекает. Но и сильная влюбленность, формирующаяся по принципу обладания (которую Эрих Фромм отличал от «плодотворной любви»¹) принадлежит отрицательному классу распределенности эротических объектов, ведь и шансов на взаимность у сильно влюбленного меньше, чем у увлеченного в меру, и сменить объект влюбленности тоже трудно².

Вещи всеобщей и единичной распределенности редки. О них трудно или невозможно рассказать. Ни с кем не разделенный опыт, вспомненное только однажды, — множество таких предметов близко к пустому, во всяком случае, привести пример не так просто. Соотнесенность трансцендентально сущего и всеобщего требует, таким образом, дополнительной продуманности и, во всяком случае, принимать одно за другое значит упускать из виду адресность всякого послания. Шеллинг, критикуя Кантову идею общезначимости (на которой основан и концепт объективности, и конструкция категорического императива, которому подчиняются, по замыслу Канта, не только люди, но и все разумные существа), замечает: «Высшее именно потому, что оно таково, не всегда общезначимо <...> Когда в серьезной настроенности проступает ее божественное начало, добродетель являет себя как энтузиазм <...> как доверие, как упование на божественное, исключаящее всякий выбор»³.

¹ «Понятие плодотворной любви имеет мало общего с тем, что часто принято называть любовью. Вряд ли какое-нибудь другое слово окружено такой двусмысленностью и путаницей, как слово „любовь“. <...> Люди <...> называют любовью свою зависимость и свое собственничество. <...> Подлинная любовь коренится в плодотворности, и поэтому собственно может быть названа „плодотворной любовью“. <...> Хотя предметы любви различны, и соответственно различны глубина и качество любви к ним, определенные основные элементы присутствуют во всех формах плодотворной любви. Это — забота, ответственность, уважение и знание» (Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск, 1992. С. 50).

² Подробнее о классах дистрибутивности см.: Мальшикин Е. В. Омонимия «я» и распределенное знание // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 57–59.

³ Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 138.

Здесь нас интересует, прежде всего, эта отмечаемая Шеллингом динамика дистрибутивности: добродетель не столько частым образом распределена, сколько стремится к такому распределению, принуждая к доброму или злему поступку. Правила дорожного движения не установлены повсеместно, но так они устроены, что не только ничто не препятствует их распространению, но и мы, пользующиеся этим изобретением, подчиняемся динамике распространения правил и там, где они не действуют, стремимся их установить. Если же мы сталкиваемся с заведомо ограниченной распределенностью, то и она нас способна захватывать: когда нам становится известна некая тайна, то, независимо от того, выбалтываем мы ее или храним, наше поведение меняется, мы подчиняемся этой ограниченной динамике и приобретаем особую значимость в кругу посвященных.

Неизбывность распределенных вещей устанавливается в этом подчинении их динамике: двигаясь по силовым линиям, продиктованным классом дистрибутивности, к которому принадлежит та или иная вещь, мы обнаруживаем ту самую бездонность, неисчерпаемость вещей распределенных, каковая скрыта от нас, если мы упускаем из виду их динамику.

В этой близости неизбытым вещам формируются и собственно человеческие сообщества, здесь появляются соседство и отъединенность. Соседство создается вовсе не территориальной близостью, а высказанной нуждой, то есть призывом разделить заботу¹.

¹ Koen Frenkena и Juliet Schor даже называют новейшие формы шеринговой экономики «странным шерингом», поскольку исторически люди не особенно делились с чужаками, т. е. с теми, кто находился вне их социальной сети. Делились с теми, кому заведомо доверяли: членами семьи, друзьями и соседями. «Сегодняшние шеринговые платформы помогают делиться с незнакомцами, что более рискованно, и поделиться зачастую требуется наиболее интимным – домом, машиной, или употреблять пищу, приготовленную неизвестно кем» (Frenkena K., Schor J. Putting the Sharing Economy into Perspective // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2017. № 23. P. 4). Отчасти чуждость незнакомцев элиминируется отзывами и рейтингами, но лишь отчасти: как отмечают (Bulchand-Gidumal J., Melián-González S. Why are Ratings so High in the Sharing Economy? [Электронный ресурс] / Evidence Based on Guest Perspectives // Current Issues in Tourism. 2019. P. 15. URL: 10.1080/13683500.2019.1602597 (дата обращения: 05.04.2019)), рейтинг почти всегда положительный, и однозначную стратегию поведения, которая раскрывала бы необходимую толику правды о незнакомце в ситуации заведомо завышенных оценок выработать невозможно.

Реализуется оно благодаря сформированной сети упорядоченных в их дистрибуции предметов. С соседом мы соимеем множество: лестничную площадку, тишину за окном, исправное оборудование в подъезде и т. д. И это соимение, в свою очередь, не есть что-то данное, оно зависимо от исправности вещей.

Если неизбежность сопровождается удачной логистикой, то появляется сообщество, в которое чужаку невозможно проникнуть извне. Граница между внутренним и внешним здесь проведена не пространственно (ведь могут быть в нашем подъезде люди, не вошедшие в эту сеть), но задана правилами сети, которые диктуются свойствами инструмента, потребностью в нем и существующим в данном сообществе доверием. Доверие здесь не зря поставлено на последнее место, ведь его можно попытаться и вовсе элиминировать, приняв жесткие правила нахождения в сети: дистрибутивная способность вещи в определенном смысле оказывается важнее навыков. Это преимущество оказывается особенно заметно, когда мы отказываемся от навыков, переходя из одной сети в другую: не ведем себя дома как на работе, а в аудитории — как в спортзале¹.

Отъединенность, интимность, как и соседство, создается признанием. Но если соседство — это призыв разделить нечто со многими, то интим — это требование исключительного владения, претензия на единичную дистрибутивность другого. Поскольку единичным образом распределенные вещи редки, постольку интимность избегает иллюзорности, прибегая к насилию: будь это принуждение нежностью или признание любви как права на насилие.

Соседи и любовники сплочены неизбежностью распределенных предметов: и дрель, находящаяся в распределенном пользовании, и признание личной и телесной исключительности предъявляют нечто такое, чему не установлены временные пределы, и недвусмыс-

¹ Среди ученых, исследующих институты экономики, существует полемика о том, в какой мере возможно — и желательно ли — редуцировать этический принцип доверия к юридической форме контракта, призванного обеспечить защиту от «оппортунистического поведения» контрагента (см.: *Аглицетта М., Орлеан А.* Деньги между насилием и доверием. С. 53–55)). Диалектическим решением могло бы послужить гегелевское (или жижековское) «рефлексивное оборачивание»: жесткость существующих правил есть не «иное» нашего доверия, но само это доверие в объективированной, материализованной форме — правила «доверяют за нас», позволяя «нам самим» наслаждаться благами доверительной атмосферы...

ленно меняют жизненные обстоятельства к лучшему. И все же это два разных вида принуждения: принуждение неизбежностью распределенных вещей, и принуждение отъединенностью, переводящее предмет (избранника) из одного класса дистрибутивности в другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Локк, обсуждая возникновение неравенства в обществе, в качестве единственной вещи, наделенной неизбежностью, называет возделанную землю. Деньги, имеющие стоимость только благодаря «молчаливому согласию», играют роль универсального консерванта, что позволяет человеку «честно иметь гораздо большее количество земли, нежели то, с которого он может использовать продукт»¹. Земля и золото в таком представлении оказываются предметом исключительно частной собственности, то есть естественной способности потребить плоды возделанной земли, а богатство и неравенство создаются по контракту. Проведенный нами анализ позволяет отметить, что в разговоре о шеринговой экономике этой триады (природа — труд — договор) уже недостаточно. Особый вид собственности, который появляется в экономике совместного потребления, — это вид принуждения, производимый при двух условиях: есть вещи, которые проявляют свою неизбежность в шеринговом владении, и сформировано соседство, подчиняющееся правилам обращения с этими вещами. Шеринговая собственность создается принуждением к ограниченному классу дистрибутивности. Эту ограниченность нельзя путать ни с единичностью частной собственности, ни с всеобщностью, усматриваемой в понятии общественно-политического строя.

Очевидно, наш анализ не закончен и являет собой лишь предварительную попытку думать о хорошо распределенных вещах. Что есть шеринговая собственность в ее отличии от частной, каким образом циркулирует создаваемое в шеринговых формах владения богатство, насколько релевантны по отношению к нему понятия роста и убыли, как соотносятся между собою классы дистрибутивности и принуждение, исходящее от хорошо распределенных вещей, — все это вопросы, требующие дальнейшего продумывания.

¹ Локк Дж. Два трактата о правлении // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. Р. 290.

2.2. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Т. М. Шишкина

В предлагаемой ниже главе рассматривается сохранение и распространение информации с помощью экономических институтов. В экономической науке информация обычно рассматривается как средство, необходимое для функционирования институтов, либо как благо, которое позволяет увеличивать прибыль от сделок (в случае, например, асимметрии информации), или само становится предметом экономических сделок. Когда мы говорим о создании и распространении информации, мы обычно подразумеваем создание некоего нового знания индивидом или группой лиц и последующую передачу такого знания. Поэтому в рамках мейнстрима современной экономической науки выбранная тема может вызвать вопрос: разве экономические институты выполняют информационную функцию? Скорее, это информация необходима для их правильного функционирования. Информация предстает ограниченным благом в рамках концепции асимметрии информации, и, как заметил, например, Акерлоф, вы можете воспользоваться тем, что знаете о товаре, который продаете, больше, чем покупатель, для получения дополнительной прибыли. Информация выступает также и необходимым средством для преодоления агентской проблемы — чем больше вы знаете об исполнителе и его работе, чем больше у вас возможностей отслеживать его деятельность и получать актуальную информацию о ней, тем меньше у него возможностей

для оппортунизма. В теории Коуза информация также выступает одним из элементов экономических взаимоотношений, а не их результатом, с ее сбором связаны издержки при заключении контрактов. В целом можно сказать, что в экономической теории знание — это ценный ресурс, средство для извлечения выгоды, владение им может вознести вас на вершину успеха, а отсутствие знания — стать причиной провала. Тем не менее как будет показано в этой главе, экономические институты могут не только использовать информацию. Напротив, они могут использоваться людьми для того, чтобы создавать информацию и распространять ее.

В данной главе рассмотрены два института: дарообмен и демонстративное потребление, и на их примере показано действие функций экономических институтов, связанных с созданием и распределением знания. Показано, как с помощью экономических институтов создается и накапливается символический капитал, конструируется, меняется и поддерживается социальная иерархия, и как информация об этих изменениях передается в обществе и во времени.

Институты дарообмена и демонстративного потребления выбраны для анализа информационных функций не случайно. С самого начала исследований дарообмена в работах Мосса и Малиновского этот институт рассматривался как социоэкономический, объединяющий в себе сразу несколько сфер жизни общества. По замечанию Мосса, дарообмен представляет собой тотальный институт, то есть охватывающий одновременно социальные, экономические, культурные, в ряде случаев — религиозные, политические и правовые отношения. Первые рассуждения о роли дарообмена в повышении статуса, создании контактов в сообществе и сохранении своего имени в истории мы встречаем уже у Боаса, Малиновского и Мосса. Тесная взаимосвязь социального и экономического в дарообмене делает его прекрасным объектом для рассмотрения информационных функций экономических институтов, поскольку в нем экономическая деятельность является выражением и результатом убеждений и традиций людей, в том числе связанных с их представлениями о создании и распространении знания с помощью дарообмена. Эти убеждения и традиции, с одной стороны, воплощаются в экономической активности, а с другой закрепляются повторяющимися экономическими взаимодействиями. Практики демонстративного потребления, как заметил еще Веблен,

также позволяют индивидам не только обозначать, но и повышать свой статус в сообществе, создавать и передавать информацию о себе окружающим. Как и в случае с дарообменом, экономические отношения в случае демонстративного потребления являются формой, внешней оболочкой, опосредующей достижение цели. Рассмотрение дарообмена и демонстративного потребления в отрыве от их социальных и информационных функций превратит эти институты в неразрешимую загадку, поскольку во многом именно за этими функциями люди обращаются к ним. Как будет показано в этой главе, данные экономические институты позволяют создавать информацию и конструировать символический капитал, сохранять информацию во времени, а также распространять ее в сообществе.

СОЗДАНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЯ С ПОМОЩЬЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Перед тем, как перейти к обсуждению конкретных примеров, охарактеризуем кратко основные информационные функции экономических институтов, рассматриваемые в данной главе. По типу распространения информации можно выделить два типа функций: диахронические и синхронические. Диахронические функции подразумевают сохранение и распространение информации во времени, то есть речь идет о том, что экономические институты выступают своего рода мнемоническими правилами, использующимися как средство для запоминания, сохранения знания. Особенно большое значение эти функции играют в дописьменных сообществах, в которых нет возможности зафиксировать информацию в контракте, летописи или газете. В этой главе действие мнемонической функции будет показано на примере дарообмена, в случае которого на нее обратил пристальное внимание Гребер, сравнивший акты дарения с «узелками на память». С точки зрения типа информации, сохраняемой с помощью мнемонической функции, можно выделить два дополнительных подтипа: информация о субъекте и информация о договоре. В случае сохранения информации о субъекте мнемоническая функция позволяет индивиду через участие в сделках по поводу, например, особо важных объектов, преодолеть границы своей жизни, оставить след в исто-

рии, вписав свое имя в летопись владельцев данного предмета. Ниже будет показан механизм данного процесса в случае дарообмена, однако подобная логика относится и к современной жизни. Так, например, владение знаменитыми произведениями искусства, покупка особо ценных драгоценностей или даже крупных компаний — все это позволяет временному владельцу таких объектов вписать свое имя в историю. Более того, создание особо ценных, «трансцендентных», по выражению Вейнер, объектов, служит схожей цели. Так, например, скрипки Страдивари, яйца Фаберже и т. д. увековечили имена своих создателей.

Вторым подтипом мнемонической функции является распространение информации о сделках. Как и в первом случае, особое значение оно приобретает в дописьменных обществах, однако уже по другим причинам. Если в первом случае речь шла о невозможности как-то письменно сохранить информацию о своей жизни во времени, значительно превышающем длительность этой жизни, то во втором случае мы говорим о проблеме необходимости сохранить информацию о заключенной договоренности в условиях, когда невозможно составить и подписать контракт. В такой ситуации яркость, публичность экономического акта, например — акта дарообмена или распределения собственности — позволяет привлечь внимание к сделке, заключаемой участниками этого акта. Таким образом, данный экономический акт превращается также в своего рода «узелок на память», запоминается широким кругом лиц, которые становятся свидетелями заключенного договора. Повторение, особенно ритуализированное, таких сопутствующих экономических актов решает одновременно две задачи: напоминает о заключенном договоре и подтверждает намерения сторон по-прежнему выполнять свои обещания. Такой вид мнемонической функции особенно важен и полезен в случаях длительных договоренностей. Хотя ниже выполнение этой функции при архаическом дарообмене будет рассмотрено подробно, она выполняется и в более современных сообществах. Так, Гребер приводит в пример ожерелья вампум североамериканских индейцев, использовавшиеся в качестве мнемонических правил, символизирующих заключенный мирный договор¹. В современных обществах мы все

¹ Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. New York: Palgrave, 2001. P. 126–127.

еще встречаем дарение символических подарков, обозначающих добрые намерения сторон и готовность выполнять контракт при заключении дипломатических договоренностей, крупных бизнес-сделок и т. д. Мы наблюдаем остаточные случаи использования даров как символов, с помощью которых информация сохраняется во времени, и в бытовой жизни — например, при дарении подарков на свадьбы и годовщины или торжественном вручении подарков работникам, прослужившим в компании определенное число лет. Поскольку эти события связаны с личной жизнью (особенно в первом примере со свадьбами и годовщинами), рассмотрение их как экономических актов может табуироваться согласно риторике, четко разделяющей деловые и личные отношения.

Итак, мнемоническая функция экономических институтов позволяет сохранять информацию во времени. Она может помогать хранить информацию о событиях, выполняя зачастую квази-юридическую роль и сохраняя информацию о сделке в условиях невозможности заключения письменного контракта или в ситуации, когда уже заключенный контракт требует дополнительного символического подкрепления (например, в случае особо значимых договоренностей). Мнемоническая функция также может сохранять информацию о человеке, например, в ситуациях, когда при передаче прав собственности передается также информация о прошлых владельцах или производителе.

Информационная функция связана с распространением информации о человеке или событии в сообществе, это синхроническое распространение знания по сети контактов в заданный период времени. Как и в случае с мнемонической функцией, можно выделить два объекта, по отношению к которым эта функция реализуется: люди и события. В первом случае экономические институты используются для сообщения информации о статусе индивида или об изменении в его социальном положении. При этом подчеркнем, что индивид использует экономические институты, например, демонстративное потребление, для распространения желаемой информации о своем статусе, и данная информация зачастую отражает не реальное положение дел, а желаемое. Второй подвид информационной функции связан с распространением информации о событии. С помощью крупных, привлекающих внимание ритуализированных экономических актов, подобных дарообмену, свадьбам, празднествам, а в современном мире, например,

корпоративам, индивид или группа лиц сообщают окружающим ту или иную информацию, конструируемую в процессе данных экономических актов. Отличительной чертой таких актов является их цель — в отличие от прочих экономических отношений, они направлены не на извлечение прибыли, а на создание и распространение символического кода, знания, с помощью которого индивиды получают социальную или символическую полезность.

Таким образом, можно выделить 4 вида функций экономических институтов, связанных с созданием и распространением знания в сообществе. Роль первых двух мнемонических функций будет более подробно рассмотрена ниже на примере дарообмена, а роль двух информационных — на примере демонстративного потребления. Необходимо также сказать, что сама идея об информационных функциях экономических институтов не является уникальной. Так, например, Мэри Дуглас и Барон Ишервуд в своей работе «Мир товаров» представили коммуникативную теорию потребления, согласно которой товары выступают в роли минимальных носителей информации, обмениваясь которыми люди не просто вступают в экономические отношения, но и делятся информацией о себе, своем статусе, уровне жизни и социальной позиции. Согласно теории Дуглас и Ишервуда, одной из сил, движущих развитие социальноэкономических отношений вперед, является стремление людей упорядочить хаотичный мир вокруг себя, создать некую искусственную структуру или систему, которая дарила бы им иллюзию постижимости, логичности и порядка в окружающей их действительности. Таким способом упорядочить действительность Дуглас и Ишервуд считали экономические отношения, а на роль простейшего элемента, из которого выстраивается искусственная логическая структура в обществе, они выбрали товар. Разумеется, сразу бросаются в глаза две школы, оказавшие большое влияние на их теорию — марксизм с его концепцией надстройки, социального как искусственного, как сверхструктуры, выстроенной над неким естественным порядком вещей; и структурализм, также отмечавший, что социальная реальность конструируется, а не существует сама по себе, подобно физической действительности. Заметно также влияние интенционального подхода к трактовке генезиса институтов — по Дуглас и Ишервуду люди используют сложившиеся и создают новые социальноэкономические институты и практики для того, чтобы систематизировать хаос вокруг себя. Влияние этих

парадигм сказалось и на отношении Дуглас и Ишервуда к мейн-стриму экономической мысли того времени. С одной стороны, их работа стала значительным шагом вперед в деле междисциплинарного сотрудничества экономистов и антропологов. В самом деле, до «Мира товаров» работы по экономической антропологии были в основном написаны антропологами, имевшими примерно такое же представление о современной экономической науке, какое экономисты-неоклассики — об антропологии. Фактически «экономическая» в экономической антропологии подразумевала не экономическую теорию, а изучение экономических практик, что стало развитием стремления одного из основателей экономической антропологии — Бронислава Малиновского — сфокусироваться на анализе материальной культуры, проявляющейся, в первую очередь, в сферах производства, обмена и потребления. «Мир товаров», напротив, был написан Дуглас в соавторстве с экономистом Ишервудом, часть исследования проводилась под влиянием работ Беккера, а поставленная в начале книги задача — «вернуть рассмотрение товаров, работы и потребления» в социальный контекст¹ — содержит явные отсылки к некоторым лакунам в экономической мысли. К сожалению, эта же постановка задачи отражала и типичное для экономико-антропологических работ затруднение с критикой экономической мысли, связанное с тем, что теории XX века практически не рассматривались. Так, например, Гребер в «Антропологической теории ценности» выступил с яркой критикой экономической теории ценности, однако критиковал, при этом, полезностную теорию ценности и не затрагивал неоклассический синтез. Так и в случае с Дуглас и Ишервудом, их критика во многом опиралась на рассмотрение экономической теории маржиналистов, находившихся в плену атомистического подхода. Институциональная теория, экономическая психология и даже неоклассическая теория середины и второй половины XX века, открывшие свои двери для концепций Коуза, Саймона и Кейнса, к сожалению, не были рассмотрены Дуглас и Ишервудом. Это привело к тому, что они выбрали предметом исследования «совместное потребление», предположив, что оно полностью оставлено за пределами внимания экономической мысли. Однако для их теории это

¹ Douglas M., Isherwood B. *The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption*. London: Routledge, 1996. P. 200 viii.

определенное расхождение с реальным положением дел в экономической мысли не имело большого значения, и потому в рамках этой главы его критика не представляет интереса.

Итак, одной из основополагающих идей в информационной теории Дуглас и Ишервуда стала убежденность в том, что люди используют товарообмен для систематизации действительности, для создания «постижимой вселенной», «intelligible universe». Согласно Дуглас и Ишервуду, социальный мир состоит из трудно определяемых понятий, оперировать которыми едва ли было бы возможно, если бы не существование неких «видимых маркеров» — условных индикаторов, обозначающих эти понятия. Именно роль этих маркеров и играют товары, служа «физическими воплощениями абстрактных концепций»¹. Таким образом, товары выступают простейшими элементами социального кода, носителями информации о людях, которые обмениваются ими. Подход Дуглас и Ишервуда также является по сути своей нарративным в том смысле, что кроме структурирования вселенной для того, чтобы сделать ее более понятной, люди в нем также стремятся создавать и рассказывать истории о самих себе. Роль слов, из которых строятся эти истории, также играют товары, позволяющие создавать не только отношения, упорядочивать общество с помощью социальной иерархии и выражать абстрактные категории в материальной форме, но также и создавать истории о себе и рассказывать их другим. В таком подходе заметно и влияние психоаналитических концепций, в частности, идеи о существовании нескольких образов «Я». Для экономической антропологии это также не является новым — еще Малиновский заметил, что необходимо изучать действия человека с трех сторон — что человек думает, он делает, что он хочет, чтобы другие думали, он делает, и что он действительно делает. Шагом вперед в теории Дуглас и Ишервуда стали два предположения: во-первых, для создания образа «Я» в глазах других людей человек использует потребительские практики, и, во-вторых, именно стремление создать желаемый образ определяет его потребительское поведение.

Первое предположение тесно связано с представлениями Дуглас и Ишервуда о стремлении людей к контролю за образом «Я». Как представляется, в определенном смысле это стало развитием,

¹ Douglas M., Isherwood B. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption.

и даже гиперболизацией выражения «keeping up with Joneses», известной фразы, отображающей стремление людей не отставать от соседей. Так, в рамках коммуникативной теории потребления, товары используются не просто для передачи другим информации о своем экономическом благополучии и социальном статусе, но и для того, чтобы обрести контроль над мнением окружающих об этом благополучии и статусе. Как представляется, такая теория подразумевает смещение локуса контроля человека во внешний мир, стремление контролировать неподконтрольные по своей природе явления. С этим предположением перекликаются случаи тревожности, вызванные стремлением «не отставать от соседей», приводящие как к неуверенности в собственном статусе за пределами самоопределения через потребление, так и попытки снизить эту тревожность с помощью импульсивных покупок, а в ряде случаев и кредитов на товары престижного потребления, покупка которых приносит временное облегчение. К сожалению, Дуглас и Ишервуд не уделяют много внимания этой стороне вопроса, сосредоточившись на собственно коммуникативной функции товаров, однако ниже в этой главе связь между информационными функциями и демонстративным потреблением рассматривается, в том числе, и в контексте кредитов на товары престижного потребления.

Второй значимый вывод из теории Дуглас и Ишервуда — о том, что именно стремление установить контроль над образом своего «Я» определяет потребительское поведение индивида, также требует отдельного рассмотрения. С одной стороны, сама по себе эта идея перекликается с идеями Бурдье о символическом капитале, опубликованными примерно в тот же период. Так, Бурдье предположил, что люди выбирают те модели поведения, которые согласуются с их представлениями о поведении группы, в которую они пытаются попасть¹, то есть ведут себя согласно своим представлениям о габитусе данной группы. Дуглас и Ишервуд, по сути, рассматривают тот же вопрос, однако сосредотачиваются не на создании символического капитала, а на возможностях регулировать распространение этого кода с помощью экономического поведения. Так, согласно их теории, товарообмен позволяет структурировать

¹ Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis, 1993. № 2. С. 143.

хаотичную действительность, создавая в ней искусственные иерархии: «Товары, собранные вместе в собственности, создают физические, видимые утверждения о иерархии ценностей, с которыми выбирающий их индивид себя соотносит»¹. Это практически совпадает с концепцией габитуса по Бурдьё, с той лишь разницей, что в теории Дуглас и Ишервуда узловым элементом становятся товары, а главным стремлением человека — конструирование иерархии. В этом заметно сильное влияние структурализма, однако тезис о том, что именно с помощью выстраивания социальной иерархии человек пытается познать социальный мир, кажется отнюдь не бесспорным. Коммуникативная роль товаров в теории Дуглас и Ишервуда была емко резюмирована Шрадером, отметившим, что товары служат «мостами между людьми», позволяют создавать социальные контакты и обмениваться информацией о своем символическом капитале. Такую трактовку товаров можно сравнить с ролью объектов дарообмена, рассматриваемой ниже, когда экономические акты реципрокности позволяли создавать и поддерживать социальные контакты, а также служили способом видимого выражения традиций и убеждений, то есть простейшими элементами символического языка, выражавшего и передававшего окружающим некие категории.

В заключение анализа теории Дуглас и Ишервуда необходимо отметить, что важным элементом этой теории было предположение, что люди не столько стремятся постигнуть некий смысл своей социальной действительности, сколько искусственно создать такой смысл, отсутствующий в реальной хаотической вселенной вокруг них. Ключевым качеством товаров тогда становится возможность быстро и эффективно рассказывать истории о людях, их покупающих и потребляющих, и эта идея позволила Дуглас и Ишервуду выдвинуть еще одно любопытное предположение: товары престижного потребления отличаются от всех прочих тем, что позволяют их владельцам освободить время и силы и более эффективно рассказывать информацию о себе². Так, в качестве примера они приводят скоростные автомобили, позволяющие быстрее ездить в гости, и телефоны, рассматриваемые ими также как престижные

¹ Douglas M., Isherwood B. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption. P. ix.

² Ibid. P. 80.

товары, позволившие быстрее сообщать другим новости. Это замечание кажется на первый взгляд несколько архаичным, забавным, особенно в XXI веке, когда телефоны стали обычным бытовым предметом, однако оно приобретает новое значение в контексте классической теории престижного потребления Веблена. Более подробно она рассматривается в части этой главы, посвященной демонстративному потреблению, здесь же заметим коротко, что Веблен предложил рассматривать демонстративное потребление как реализацию хищнического инстинкта, связанного с определенной агрессией. В этом смысле распространение информации о себе через потребление в теории Дуглас и Ишервуда также связано с определенной агрессией и властью — так как оно направлено на установление контроля над тем, как другие воспринимают такого потребителя, дает ему власть рассказывать о себе ту историю, которую он хочет. И в таком смысле товары, облегчающие и ускоряющие коммуникацию, действительно могут быть рассмотрены как элементы престижного потребления, как способ установить свое доминирование над воспринимающей этот символический код аудиторией.

Несмотря на то что теория Дуглас и Ишервуда вошла в учебники по экономической антропологии¹, она, в целом, прошла незамеченной для экономической науки. Тем важнее обратиться, наконец, к рассмотрению информационных функций экономических институтов, как одновременно позволяющих создавать и распространять информацию в сообществе с помощью этих институтов, и подкрепляющих их существование. Начнем с мнемонических функций и рассмотрим их на примере дарообмена.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ ДАРООБМЕНА

Говоря об информационных функциях дарообмена, необходимо в первую очередь дать определение этому институту и охарактеризовать его основные черты. Дарообмен — это такой социоэкономический институт, в рамках которого каждая полученная в дар вещь должна быть возмещена предметом равной или большей стоимости, и обязательства по возмещению известны всем участникам и приняты ими. Исследования дарообмена в рамках

¹ См., например: Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб., 1999.

экономической антропологии начались с работ британского антрополога польского происхождения Бронислава Малиновского и французского социолога Марселя Мосса, заложивших основы для двух школ экономической антропологии реципрокности. При этом если Мосс во многом использовал анализ архаических институтов дарообмена для того, чтобы рассмотреть современное рыночное общество под новым углом, что стало началом диалектического противопоставления дарообмена и товарообмена, позднее нашедшего воплощение в работах Поланьи, Грегори, Гребера и других, то Малиновский, напротив, сосредоточился на дарообмене как таковом, сделав его не средством для объяснения ряда современных феноменов, а главной целью своих исследований. Малиновский также разработал первую методологию проведения экономико-антропологического исследования, которая была большим шагом вперед по сравнению с антропологическими исследованиями XIX века, во многом проводившихся «кабинетными антропологами», прозванными так из-за того, что они не вели полевых исследований, а работали в своих кабинетах, полагаясь на сведения, полученные из дневников купцов и миссионеров, а также из исторических источников. Малиновский выделил три основных элемента своего подхода к изучению институтов:

- 1) «ставить научные цели и знать те ценности и критерии, которыми руководствуется современная этнография»,
- 2) по возможности жить в изучаемом племени,
- 3) «пользоваться несколькими специальными методами сбора и накопления материала»¹.

Малиновский, пытавшийся преодолеть этноцентризм антропологических работ XIX века, предложил сделать упор на наиболее верифицируемые, на его взгляд, источники, и сосредоточиться на видимых и фиксируемых проявлениях изучаемой культуры. В его переложении экономическая антропология стала исследованием именно материальной культуры, зачастую воплощенной или опосредованной экономическими отношениями. Наравне с опорой на исследование материальных, фиксируемых источников, Малиновский также активно опирался на принципы функционализма: он полагал, что институты в сообществе выполняют те или иные функции, и изучая институты, можно многое узнать о функциях,

¹ Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004. С. 25.

стоящих за ними. Необходимо сказать, что функционализм не является бесспорным подходом к изучению экономических институтов. Так, Герберт Саймон, например, выступил с критикой функционального подхода, отметив, что, отвечая на вопрос о том, какую именно функцию выполняют институты, данный подход ничего не говорит о том, почему для выполнения этой функции были выбраны именно эти институты. Таким образом, он отметил, что функциональный подход удовлетворяет критерию достаточности, но не необходимости¹. Саймон подчеркнул, что в рамках функционального подхода можно по следствию воспроизвести причину — то есть, по сложившемуся институту сделать предположение о том, с необходимостью удовлетворения какой именно потребности было связано его возникновение, однако нельзя ничего сказать о том, почему другая институциональная практика, удовлетворяющая ту же потребность, не закрепилась. Сталкиваясь с похожими вопросами, Малиновский попытался опереться не на распространенную в неоклассике концепцию стихийного возникновения институтов, а на эволюционный подход, в рамках которого развитие институтов происходит по той же логике, что и развитие биологических видов. Необходимо сказать, что эволюционный подход к генезису институтов был в целом общим местом для социальных наук эпохи Малиновского и нашел сторонников также и в экономической мысли — так, например, схожую концепцию эволюционного развития институтов предложил в конце XIX века Веблен. По мере развития экономической антропологии конкуренцию эволюционному подходу составила концепция «общественного договора» в переработке Маршалла Салинза. Салинз предположил, что реципрокность можно рассмотреть как интенциональный ответ общества на необходимость преодолеть состояние первоначальной раздробленности, сопоставимое с «Войной всех против всех» по Гоббсу². Согласно Салинзу, соперничество, возникающее при обмене дарами и выражающееся в стремлении подарить как можно более ценный ответный дар, тем самым увеличив свой статус и принизив соперника, является мирным выражением агрессии. Открытый конфликт как между людьми, так и между целыми племенами, по

¹ Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. Т. 1. № 3. С. 20.

² Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. С. 184.

Салинзу, с помощью дарообмена, сублимируется в экономические практики, а демонстративный, ритуализированный характер дарообмена символизирует те или иные военные действия. Такая трактовка дарообмена сближает его с демонстративным потреблением, в котором Веблен видел сублимацию хищнического инстинкта, на предыдущих этапах развития общества выражавшегося в военных действиях. Теория Салинза, как и теория Веблена, носит явный психоаналитический оттенок: подобно тому, как, согласно Фрейду, неврозы служат одновременно и внешними индикаторами наличия подавленных негативных переживаний, и способами их сублимации, Салинз, вдохновившийся идеями Мосса, а вслед за ним и Гребер, предполагали, что реципрокность указывает на наличие некой социальной напряженности и одновременно помогает направить эту напряженность в мирное русло экономических практик. Можно развить мысль Салинза, заметив, что, подобно тому как компульсивное действие приносит временное облегчение страдающему неврозом навязчивых состояний, так и дарообмен, то есть повторяющееся, ритуализированное действие, иногда, как в случае с потлачом, носящее агонизирующий характер и напоминающее компульсию в этом контексте, приносит временное облегчение социальной напряженности и сублимирует реальную агрессию в символическую, социально приемлемую форму.

Необходимо заметить, что гипотеза Салинза о роли реципрокности в преодолении «войны всех против всех» имеет в экономической теории конкурентов. Так, выше уже упоминалось, что Грегори, вслед за Леви-Строссом, предположил, что дарообмен может рассматриваться как символическая форма брачного обмена. В такой трактовке обменивающиеся объекты вступают в символический «брак», что Грегори подкрепляет замечанием о том, что в кула, например, половина обменивающихся предметов считается «мужскими», а половина — «женскими». Такое брачное обоснование тесно связано с мнемонической функцией дарообмена, и к ее рассмотрению мы теперь переходим.

Итак, главные социально-экономические функции дарообмена таковы:

1. Мнемоническая, или информационная функция — с помощью ритуалов дарообмена закрепляются сделки, и по всей сети дарообмена распространяется информация об участниках, их статусе и достижениях.

2. Сетевая функция — дарообмен позволяет создавать и поддерживать контакты между людьми и племенами, выстраивать сети социально-экономических взаимодействий.

3. Функция иерархии — дарообмен используется как средство демаркации и увеличения статуса. С этой функцией тесно связано накопление социального капитала, происходящее в ходе дарообмена и позволяющее актору увеличивать свой относительный статус в сообществе.

4. Функция сублимации агрессии — Мосс и Салинз дополнительно выделили эту функцию, предположив, что дарообмен выступает средством социально приемлемого снятия напряженности, когда агрессия, вместо того чтобы вылиться в военные действия, сублимируется в обмене дарами между племенами или членами одного сообщества.

В рамках данной главы наибольший интерес представляет первая функция, связанная с сохранением и распространением информации во времени. По типу информации можно разделить эту функцию на два вида: квазиюридический и социально-символический. В обоих случаях с помощью мнемонической функции через дарообмен передается определенная информация, символический код, закодированный в экономических взаимодействиях и воспринимаемый «аудиторией», то есть окружающими людьми, на основе сложившихся традиций и представлений. В первом случае передается информация о договоренности, во втором — о субъекте. Рассмотрим сначала первый случай.

Акт дарообмена зачастую представляет собой зрелищное, яркое событие, привлекающее внимание большого числа людей. Он может быть элементом праздника — как в случае с генерализованной реципрокностью по Салинзу, быть ритуализированным и подкрепленным традициями, как в случае кула, или даже получить закрепление в легендах, как в случае, например, с рядом актов дарения, попавших в скандинавские саги (разбор Саги о людях из лососьей долины с точки зрения реципрокности см¹). Демонстративный характер дарообмена позволяет использовать его для привлечения внимания к некой договоренности, либо прямо связанной с ним, либо символически с ним соотносенной. Дарообмен выступает символом этой договоренности,

¹ Гуревич А. Избранные труды // Норвежское общество. М., 2009. С. 419.

а каждое повторение взаимного обмена дарами служит как напоминанием об этой договоренности, так и подтверждением готовности обеих сторон выполнить свои обязательства. Предмет договоренности, при этом, может быть разным — в случае круга кула на Тробрианских островах, подробно описанного Малиновским, обмен дарами, которые называют «ваигу'а», не только опосредует обычный товарообмен гимвали, но и служит подтверждением партнерских договоренностей между обменивающимися. Как отметил Малиновский, партнерство по кула длится всю жизнь и включает такие обязательства, как предоставление защиты и пространства для ведения переговоров при посещении деревень друг друга, а также гостеприимство и предоставление крова¹. Интересно, что в кула, являющимся характерным образцом дарообмена, число партнеров прямо определяет социальный статус человека — чем больше партнеров по реципрокности, тем выше статус. Однако, в отличие от случая бигменов, описанного, в частности, Салинзом, количество партнеров определяется экзогенно и не может быть увеличено с помощью инициативных подарков. Это закрывает возможность использования кула для социального роста, в то время как в ситуации бигменов именно активное дарение подарков является одной из основных стратегий увеличения социального статуса².

Наравне с сохранением информации о готовности поддерживать экономические контакты, дарообмен может также выступать и в роли хранителя знания о политических решениях, в частности — о мирных договорах. Так, Гребер приводит в качестве примера ожерелья вампум индейцев ирокезов, отмечая, что в ходе церемониального представления «в них что-то говорят, затем, перебирая бусины, воспроизводят сказанное — например, взаимные межплеменные обещания мира»³. Каждая бусина символизирует определенную единицу информации, и ожерелье целиком выступает в качестве мнемонического правила, позволяющего сохранить большие объемы данных. Демонстративный, зрелищный характер церемонии привлекает внимание, тем самым способствует

¹ Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. С. 115.

² Салинз М. Экономика каменного века. С. 114

³ Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. P. 126.

увеличению числа свидетелей заключения договоренностей и позволяет лучше запомнить ее.

Как уже отмечалось выше, потребность в мнемонической функции дарообмена во многом связана с двумя взаимодополняющими факторами: во-первых, дарообмен наиболее широко распространен в дописьменных обществах, где отсутствовала возможность составить и подписать контракт. Во-вторых, дарообмен, как было отмечено такими исследователями, как Леви-Стросс, Грегори и Гребер, играет роль мнемонического правила в случаях с долгосрочными договорами, в которых выполнение обязательств растянуто на длительный период времени. В такой ситуации периодический взаимный обмен дарами обретает дополнительное значение — он не только напоминает о договоре, но и показывает, что стороны все еще намерены его выполнить. При этом, что интересно, и в самом дарообмене может использоваться похожий мнемонический прием: так, Малиновский описывает практику дарения промежуточных даров «пари», к которой прибегают, если один из партнеров по кула временно не может совершить ответный дар, однако хочет показать свою готовность сделать это, как только появится возможность.

Классическим примером таких долгосрочных договоров являются брачные соглашения, описанные Леви-Строссом. Такие соглашения отражали оба приведенных выше фактора: описанные Леви-Строссом случаи протекали в дописьменных сообществах, и они были связаны с длительным периодом ожидания выполнения обязательств, так как подобные соглашения могли заключаться еще до рождения будущих супругов. В такой ситуации небольшие символические дары позволяли как напомнить о договоре, так и подтвердить свои намерения, тем самым уменьшая вероятность возникновения социальной напряженности из-за недоверия. Грегори развил эту идею, предположив, что дарообмен как феномен эволюционно развился именно из таких «мнемонических» даров, использовавшихся при брачном обмене¹. Согласно Грегори, акт дарообмена представляет собой символический брак между дарами, в частной, в рамках кула, по Грегори, браслеты символизируют женский пол, а ожерелья — мужской². Основная проблема с этой

¹ Gregory C. *Gifts and Commodities*. Chicago, 2015. P. 95.

² Ibid.

гипотезой связана с ограниченными возможностями ее использования при анализе дарообмена. Во-первых, она может быть приложена только к сбалансированной реципрокности по Салинзу, в то время как генерализованная (связанная с передачей предметам от сообщества к вождю, которые перераспределяют эти предметы в ходе крупных церемониальных событий или праздников) и негативная реципрокности не укладываются в предложенную Грегори парадигму. При этом генерализованная реципрокность, по замечанию Салинза, является одним из самых распространенных типов, представляя собой предтечу налоговой системы. Гипотеза Грегори также едва ли может быть использована для объяснения таких агрессивных случаев реципрокности, как потлач или описанные Гуревичем случаи скандинавского дарообмена. Представляется, что концепция «символического брака» играет в теории Грегори не столько роль полноценной научной гипотезы, сколько некой парадигмы, системы взглядов, в рамках которой он предлагает толковать конкретные случаи дарообмена. Концепция «символического брака» также согласуется со ставшей общим местом для экономической антропологии идеей Мосса о том, что в ходе реципрокности вещи «очеловечиваются» — идеи, легшей в основу концепции персонификации, которая будет рассмотрена следом за описанием второго проявления мнемонической функции при дарообмене, к которому мы сейчас и переходим.

Наряду с сохранением информации о договоренностях, дарообмен также позволяет сохранять информацию о людях. Если быть точнее, люди используют участие в дарообмене для создания, передачи и сохранения информации о себе. Этот вид мнемонической функции напрямую связан со способностью людей связывать определенную информацию с символизирующим ее экономическим актом. Данная способность во многом переключается со сказанным выше в рамках обсуждения информационной теории Дуглас и Ишервуда, а также с теорией символического капитала по Бурдьё. Так, идея состоит в том, что люди соотносят определенное экономическое поведение — будь то обмен, потребление, а иногда даже производство и распределение — с определенным социальным положением или с другим символическим кодом. Осуществляя тот или иной экономический акт, человек, знающий о том, как в заданном сообществе принято соотносить поведение с информацией, кодирует определенные сведения о себе в этом

экономическом акте. Например, покупая часы Rolex, он стремится сообщить окружающим о своем достатке, поскольку знает, что в сообществе, в котором он находится, часы Rolex соотносят с высоким доходом. Очевидно, что вторым необходимым шагом после кодирования информации согласно определенным правилам, является ее декодирование окружающими. Именно поэтому субъекту необходимо знать о том, как в сообществе принято соотносить экономические акты и нужный тип информации. Если субъект пытается передать информацию с помощью экономических актов, которые неизвестны или которые соотносят с каким-то другим знанием, то цель его экономического поведения не будет достигнута. Используя простой пример, можно отметить, что часы Rolex позволят показать богатство только при условии, что люди, которым их показывают, вообще знают о том, что такое Rolex, и способны расшифровать заложенный в них символический код. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в блоке, посвященном демонстративному потреблению, здесь же перейдем к использованию этого феномена — соотношения информации и экономического акта — в случае дарообмена для сохранения информации об индивиде в истории.

Данное проявление мнемонической функции тесно связано с тем, что Миллер называл «временной функцией артефактов», отметив, что «с помощью артефактов человек пытается выйти за пределы своих временных ограничений»¹. В данном случае Миллер говорил обо всех артефактах, не выделяя конкретно объекты дарообмена, и рассуждал о том, что, производя какую-либо вещь, человек надеется, что она сможет пережить его самого, и, сохранив память о том, кто ее создал, вывести историю этого человека за пределы его жизни. По сути Миллер рассуждает об отношении людей к продуктам собственного труда, связанном с тем, что Фрэзер обозначил как «магия контакта» — убежденность, что контакт с неким предметом (в данном случае — производство этого предмета), создает символическую связь между человеком и этим предметом. Примером такой связи являются знаменитые предметы искусства, сохранившие имена своих создателей на века, однако ими список примеров не исчерпывается. Так, Гребер от-

¹ *Miller D. Artefacts and the meaning of things // Companion Encyclopedia of Anthropology. Routledge, 2005. P. 396–419. P. 409.*

мечает, что данным свойством в той или иной степени обладают все предметы: «Объекты накапливают в себе истории и по этой способности ранжируются — от королевских драгоценностей до бензина»¹. Таким образом, по Греберу, чем выше эта способность накапливать истории, то есть, чем больше мнемоническая функция экономических институтов реализуется через обладание и обмен этими предметами, тем выше их ценность.. Примеры этому легко найти в мире моды: дорогие предметы одежды тесно связаны с именами основателей брендов, и зачастую именно наличие имени бренда придает предмету престижного потребления его особую ценность. Так, элементом высокой ценности сумки Chanel является связь с люксовым брендом, с историей, которой он обладает, включая всех людей высокого социального ранга, выбиравшего одежду этого бренда, и даже известную историю жизни создательницы. Покупая такую сумку, клиент смотрит не только и не столько на качество, денежное выражение которого значительно ниже цены сумки, но и на весь корпус историй, связанных с брендом. Данная склонность людей выстраивать ассоциативные связи широко используется в рекламе товаров престижного потребления, о чем будет сказано в следующем блоке этой главы. Возвращаясь же к трактовке мнемонической функции Гребером, необходимо заметить, что, как и Бодрийяр, он предложил рассматривать потребление как форму культурного самовыражения². Эта идея во многом перекликается с идеей Дуглас и Ишервуда, трактовавших товарообмен и потребление как способы придания некоего смысла окружающей действительности. Гребер также отметил, что потребление связано не только с материальными или, как называл их Веблен, функциональными потребностями, но и с социокультурными нуждами, для удовлетворения которых необходимо производить и накапливать символический капитал. Это позволяет обосновать предыдущий тезис Гребера — поскольку способность накапливать в себе информацию повышает символический капитал, который приносит человеку обладание данной вещью, то такая способность увеличивает ценность этой вещи для владельца.

¹ Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. P. 34.

² Ibid. P. 32.

В схожем направлении в контексте дарообмена рассуждала Вейнер, обратившая внимание, что во многих случаях дарообмена особо ценные предметы имели свои истории — «биографии», и имена¹. Эти биографии сохраняли и позволяли передавать информацию о создании таких предметов, их владельцах и людях, стремившихся ими завладеть. Подобные предметы встречаются не только в случаях архаического дарообмена — так, сокровища короны, особенно ценные драгоценности, или даже исторические замки стали своего рода хранителями информации, точками, вокруг которых собираются истории об их владельцах, бывших и нынешних, создании и попытках захвата. На взгляд Вейнер, особую ценность тем «трансцендентным» предметам придавало сочетание двух факторов: с одной стороны, они позволяли своим владельцам, как и артефакты по Миллеру, выйти за пределы длительности человеческой жизни, вписав свое имя в историю как одного из собственников данной трансцендентной ценности. Гребер в своем анализе теории Вейнер обозначил это как «вневременной характер» предметов, имея ввиду, что предполагается, что такие предметы, как картины Рембрандта или Сокровища Британской короны всегда будут представлять высокую ценность. С другой стороны, подобные предметы все же могут быть утеряны, разрушены или украдены. Таким образом, по Вейнер, второй элемент, составляющий высокую ценность трансцендентных объектов, связано с тем, что обладание ими подтверждает высокий ранг владельца — раз ему удалось завладеть и сохранить эти объекты, значит, он обладает некими уникальными качествами. О схожей логике в контексте кула рассуждал Малиновский, отметивший, что «успех в кула расценивался как индикатор наличия уникальных качеств»², и временное владение особо ценными предметами дарообмена кула говорило о влиянии, власти и успешности человека. Малиновский также отметил, что особо ценные ваигу'а обладают собственными именами и историей³. Все участники кула стремились хотя бы на время оказаться владельцами таких объектов, что особенно интересно в случае кула, поскольку возможность владения особо цен-

¹ Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. С. 34.

² Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. С. 111.

³ Там же. С. 114.

ными предметами в нем определялась а priori высоким статусом владельца, достигнутым за пределами кула. Несмотря на это, статус, который был уже известен в начале, все равно подкреплялся фактом временного владения такими особо ценными предметами. Это наблюдение Малиновского позволило Греберу спустя более полвека заметить, что кула — это не просто способ наладить сеть социальных контактов, необходимую для обмена, но и способ распространить свою власть, влияние и установить контроль. В определенном смысле эта идея перекликается с идеей Дуглас и Ишервуда о стремлении индивидов устанавливать контроль над тем, как их воспринимают окружающие, с помощью своих экономических практик — в рамках предположения Гребер социальная реальность также рассматривается как объект конструирования. В такой ситуации высокий ранг позволяет владельцу особо ценных предметов занимать активную, а не пассивную позицию в этом конструировании, выбирая, какие именно истории о нем будут рассказаны и переданы потомкам.

Важно подчеркнуть, что в условиях отсутствия современных способов хранения и передачи данных обмен именными ваигу'а в кула становится способом не только создавать, но и сохранять и передавать сведения о людях и событиях во времени. Так, Малиновский отмечает, что «ваигу'а хранят память об исторических событиях, пробуждают ассоциации чувств»¹. Мнемоническая функция, позволяющая сохранить информацию о себе в условиях отсутствия письменности, становится дополнительным стимулом для участия в дарообмене. Как отметил Гребер, «владелец может высвободить потенциальную ценность таких объектов только отдавая их и позволяя циркулировать, в процессе чего они сохраняют его имя»². Гребер приводит и еще один пример реализации мнемонической функции дарообмена, вписывая эпизод с передачей плаща маори. Что любопытно, он обращает внимание, что в историях маори, сопровождающих предметы, передающиеся по наследству, относительно редко затрагиваются вопросы производства этих предметов или даже их первоначальных владельцев — напротив, основное внимание уделяется перечислению историй людей, которые владе-

¹ Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. С. 105.

² Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. P. 165–166.

ли ими позднее. Гребер отмечает, что эти истории — истории не производства, а обращения вещей, и главным сюжетным элементом является мотив реципрокности, возмездности и баланса. Он разбирает историю ценного кожаного плаща по имени Пипи-теваи¹, которым стремились завладеть сразу два вождя. После того, как одному из них удалось отнять плащ у его первоначального владельца, между двумя вождями началась ожесточенная борьба, захватившая их наследников и продлившаяся несколько поколений. История завершилась, когда плащ был возвращен в племя своего первоначального владельца в качестве подкрепления мирного договора. Гребер отметил, что главным элементом истории была ее круговая структура, рассказывающая о путешествии плаща и его возвращении в место начала истории. Вопрос производства, не нужный для круговой истории, в легенде опускался. На взгляд Гребера, у плаща «уже должна была быть значительная история — иначе он бы не был желаемым объектом»², однако интерес для маори представляла только часть, связанная с борьбой за право обладать им и счастливое завершение истории в виде замыкания кругового сюжета. Представляется, что трактовку сюжета Гребером можно несколько расширить, предположив, что история плаща могла служить также и способом сохранить и передать сведения о социально-политических событиях, таких как межплеменная вражда и заключение мирного договора. Особая ценность плаща, с одной стороны, привлекала к нему внимание, позволяя сохранить информацию с помощью историй о нем, а, с другой, символизировала высокое значение, предаваемое мирному соглашению.

Завершая разговор о мнемонических функциях, необходимо резюмировать. Итак, на примере дарообмена было показано, что экономические институты могут использоваться для создания и передачи знания, информации о людях и событиях, что приобретает особую ценность в дописьменных сообществах. Яркие, привлекающие внимание экономические практики позволяли сохранить в памяти не только участников, но и свидетелей информацию о соглашениях и мирных договорах. Сами предметы дарообмена, а иногда и обычного обмена, использовались в качестве «мнемо-

¹ Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. С. 186.

² Там же. С. 187.

нических правил» — особо ценным предметам присваивались собственные имена, и они обрастали историями — биографиями, которые рассказывались при их передаче или демонстрации. Такие истории позволяли объединить вокруг одного объекта информацию о разных событиях, связанных с ним, и людях, когда-то им владевших. Такая способность накапливать в себе истории, ассоциироваться с определенной информацией и сохранять ее во времени, стала одним из источников ценности этих предметов и побуждала людей стремиться завладеть ими — хотя бы на время — и, тем самым, по меткому выражению Миллера, выйти за пределы своего существования. Наравне с распространением информации во времени, экономические институты также позволяют распространять знание в сообществе «в моменте», быстро и эффективно доносить информацию до окружающих. К рассмотрению этой информационной функции на примере дарообмена мы и переходим.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Практики демонстративного расточительства были впервые подробно описаны Торстейном Вебленом в его книге «Теория праздного класса», вышедшей более ста лет назад. Тем не менее его работы до сих пор не теряют актуальность, продолжая привлекать внимание исследователей. Сам же феномен демонстративного расточительства в мейнстриме экономической науки долгое время рассматривался просто как случай отклонения от рационального поведения, более того, половина этого феномена — демонстративная праздность — была практически забыта, и популярность получила только концепция демонстративного потребления. Тем не менее для Веблена праздность и потребление составляли две грани одного и того же процесса, в котором праздность рассматривалась как нефункциональное расточительство времени, а престижное потребление как нефункциональное расточительство денег. Обе эти практики, объединенные под термином «демонстративное расточительство», были помещены Вебленом в контекст социальной эволюции институтов. В частности, он предположил, что расточительство является современной, социально приемлемой формой проявления хищнического инстинкта, который столетия назад двигал воинственными захватчиками, вторгавшимися на чужие земли. В рамках модели

социальной эволюции институтов, предложенной Вебленом, открытые проявления агрессии, характерные для того, что он обозначил как «стадию варварства», зачастую были связаны с силовым захватом собственности. Веблен предположил, что вся социальная деятельность на этой стадии подразделялась на «доблестную» и «не доблестную»; первая была связана с взаимодействием с активными субъектами, вторая — с неактивными объектами. Так, производство, ремесло, земледелие и т. д. Веблен относит к не доблестной деятельности, поскольку в них человек преобразует неактивные, «инертные» вещи, извлекая из этого преобразования прибыль. Военные действия, охоту, грабежи и обман Веблен относит к «доблестной», поскольку в ней происходит взаимодействие с живыми людьми, подчинение других своей воле. Таким образом, «доблестная» подразумевает не честность или добропорядочность, а взаимодействие с разумными субъектами, в ходе которых их цели, намерения и желания подчиняются воле «доблестного» индивида. Такой подход кажется странным, однако он перекликается с рассмотренной выше информационной теорией Дугласа и Ишервуда, где попытка установления контроля над внешним миром — а изменение целей субъекта по своему желанию, несомненно, говорит о контроле над ним — является естественным стремлением человека. Идея Веблена также во многом схожа с двумя видами власти, которые Гребер выделил при попытках разработать свою теорию ценности: власть индивида самому поступать каким-либо образом и власть индивида определять, как с ним можно поступать¹. Согласно Греберу, в первом случае речь идет о власти «делать», а во втором — о власти «быть». Если совместить это с концепцией Веблена, не доблестная деятельность требует «власти делать», в то время как власть определять, как поступать с индивидом, предполагает контроль над поведением других людей, которые с этим индивидом взаимодействуют, то есть укладывается в определение доблестного поведения. Можно предположить, что элемент контроля над информацией о самом себе — о статусе, положении в обществе, о восприятии себя другими — является характеризующей особенностью демонстративного расточительства. С этим связана одна из главных целей

¹ Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. С. 95–104.

такого экономического поведения, и именно стремление к такому контролю отличает его от всех других.

Веблен предположил, что доблестная деятельность ассоциируется с относительно более высоким статусом, чем не доблестная производительная. Следующим этапом социального развития после проявления открытой агрессии в ходе доблестной деятельности, по Веблену, является сублимация этой агрессии. С одной стороны, индивиды все еще испытывают потребность маркировать свой высокий социальный статус, а с другой, открытая агрессия, во-первых, может перестать быть предпочтительной стратегией их поведения (например, если все соседи захвачены, а сам индивид постарел, ослаб или хочет насладиться спокойной богатой жизнью дома), а, во-вторых, может потерять социальную легитимацию (например, из-за принятия закона о запрете захвата частной собственности). В такой ситуации хищнический инстинкт, который, по Веблену, является одной из движущих сил развития общества, начинает выражаться не в агрессии, а в потреблении. Логика Веблена такова: в ходе демонстративного расточительства человек показывает, что благодаря доблестной деятельности он накопил настолько большое богатство, что может безболезненно расточать его, то есть не производительно тратить. Такое расточительство может выражаться в потреблении — в качестве примера Веблен приводит одежду знати, в частности, длинные расшитые рукава, которые, одновременно, дорого стоят из-за большого объема ручного труда, необходимого для их производства (высокая цена говорит о том, что их владелец настолько богат, что может выбросить на ветер большую сумму денег), и, при этом, благодаря своему неудобству, дополнительно подтверждают, что и владелец не связан с производительной деятельностью. В самом деле, как отмечает Веблен, чем неудобнее и непрактичнее одежда, тем лучше она подтверждает, что тот, кто ее носит, не работает. Другим способом продемонстрировать высокий статус, обретенный благодаря прошлой доблестной деятельности, становится праздность. Праздность также указывает на богатство — по Веблену, с помощью праздности человек показывает, что настолько богат, что ему нет необходимости работать. Богатство, в свою очередь, выступает подтверждением былых успехов в доблестных делах, в ходе которых оно было накоплено. В качестве интересного примера такой праздности Веблен приводит изучение мертвых языков — древнегреческого

и латыни — в школах для детей из семей с высоким социальным статусом. По Веблену, такое расточительство времени на не нужные предметы должны было показать, что эти семьи настолько богаты — а, значит, настолько успешны и доблестны, — что их дети не будут заниматься производительным трудом и могут себе позволить расточать время на бесполезные занятия.

Следующим этапом социальной эволюции по Веблену становится подставное расточительство, приходящее на помощь обедневшим людям, стремящимся все же показать свой высокий статус. Обычное расточительство им больше не по карману — индивид вынужден заниматься производительным трудом. Однако он все еще может себе позволить содержать нескольких людей, в примерах Веблена — жену, детей, а иногда и слуг, — которые не работают, и, тем самым, демонстрируют подставную праздность. Веблен отмечает, что по мере уменьшения богатства число таких «подставных праздных» сокращается, и вот вместо полного замка слуг, рабов, помощников и секретарей индивид может себе позволить содержать только детей и жену. Интересно, что такая подставная праздность обрела второе дыхание уже после смерти Веблена, в 50-е годы XX века в США, когда на короткое время идеал семейных отношений оказался прочно связан с образом работающего мужа и жены-домохозяйки, своей дорогой одеждой, праздностью и ухоженностью демонстрирующей высокий статус своего мужа. Однако, несмотря на это, в целом практики демонстративного потребления оказались более популярными в качестве стратегии для утверждения статуса, чем праздность, и причину этого предложил еще сам Веблен. Он отметил, что по мере увеличения доли контактов с незнакомыми людьми, которое происходило в силу постепенной урбанизации и разрастания городов, «подпись в собственной денежной силе должна быть сделана такими буквами, которые читались бы на бегу»¹. Используя терминологию экономической антропологии, можно сказать, что по мере увеличения дистанции родства практики демонстративного потребления постепенно вытеснили праздность. Данный феномен можно сопоставить с тем, как, согласно предположению Авнера Грейфа, сопоставившего способы борьбы с агентской проблемой у магрибских и генуэзских купцов, репутационный механизм как способ борьбы

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 2011. С. 122.

с оппортунистическим поведением был постепенно вытеснен контрактными отношениями, подкрепленными поддержкой государства и судебной системы. Подобно тому, как репутационный механизм может ограничивать оппортунизм. Подобно тому, как репутационный механизм может ограничивать оппортунизм агентов только в случае небольших социально-экономических сетей, демонстративная праздность повышает статус субъекта только если люди, в глазах которых он пытается утвердить свой статус, проводят с ним достаточно времени (или располагают о его досуге достаточной информацией), чтобы знать, что он в самом деле празден о его досуге достаточной информацией), чтобы знать, что он в самом деле празден. Любопытно, что после значительного спада популярности, праздность снова восстановила свои позиции с появлением социальных сетей, как раз позволивших доносить до желаемого круга лиц информацию о своем досуге и образе жизни.

Итак, на взгляд Веблена, демонстративное расточительство служило средством выражения хищнического инстинкта в мирной форме и позволяло утвердить, а иногда и повысить статус субъекта. Логика, с помощью которой Веблен объяснял этот механизм повышения статуса, во многом сходна с тем, что было сказано выше применительно к дарообмену. Так, демонстративное расточительство позволяло создавать и накапливать символический капитал, а также распространять информацию о себе в сообществе — то есть демонстративное расточительство выполняло синхроническую информационную функцию. В ходе акта демонстративного потребления индивид, совершая покупку, а затем, по возможности, показывая процесс потребления (например, используя купленный автомобиль, нося часы или выкладывая фото новой сумочки в социальных сетях) распространяет среди окружающих определенную информацию о себе. Делая тот или иной потребительский выбор, человек стремится соотнести себя с определённой группой, о членах которой известно, что и они выбирают те же товары. Так, если индивид стремится показать себя одновременно богатым, современным и экологически ответственным человеком, он скорее сделает выбор в пользу Тесла, чем в пользу небольшого Рено — даже если он планирует ездить только по городу, и его функциональные (как их называет Веблен) потребности в перемещении Рено удовлетворяет не хуже Тесла. Сказанное применимо и к стратегиям демонстративной праздности — индивид показывает свою праздность таким

способом и в той мере, который, насколько ему известно, принято показывать в той группе, к которой он себя причисляет или в которую он стремится попасть. Данная концепция согласуется с рассмотренной выше классической теорией Веблена, с концепцией Дугласа и Ишервуда, а также с идеей габитуса и символического капитала по Бурдьё. В самом деле, индивид выбирает те потребительские практики, которые согласуются с габитусом группы, с которой он желает быть соотнесенным, и акт демонстративного потребления или праздности способствует извлечению символической полезности.

Совершая покупку, индивид сообщает окружающим некую информацию, то есть распространяет некий символический код. Та часть окружающих, которая обладает достаточными знаниями для дешифрации этого символического кода, сможет извлечь эту информацию и соотнести индивида с желаемой группой. Если вернуться к сравнению с нарративом, использованному выше при рассмотрении информационной теории Дугласа и Ишервуда, можно сказать, что с помощью экономического акта индивид рассказывает о себе историю, которую окружающие смогут понять, только если знают язык и контекст. Как только дешифрация символического кода происходит, индивид добивается своей цели, извлекая социальную полезность, а демонстративное расточительство оказывается лишь средством для достижения этой цели. Таким образом, синхроническая информационная функция демонстративного расточительства позволяет индивидам извлекать социальную полезность из этой потребительской практики.

Веблен, по сравнению с более поздними работами, например, Бодрийяра или Бурдьё, предлагает достаточно узкую трактовку предметов демонстративного потребления. Если по Бурдьё любой предмет может играть роль объекта демонстративного потребления, если основной вид полезности, который из него извлекается, связан с символическим капиталом, то по Веблену предмет демонстративного потребления непременно должен быть связан с расточительством — или в потреблении, или в производстве. Веблен отмечает, что «затраченный для их изготовления труд превосходит усилия, достаточно, чтобы сделать эти предметы оптимально пригодными для их использования по их очевидному экономическому назначению»¹. Более того, Веблен связывает часть эстетических стандартов в отно-

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. С. 172.

шении с предметами потребления, именно с демонстративной расточительностью — такие «дорогостоящие и плохо приспособленные для использования по своему очевидному назначению» предметы постепенно начинают считаться красивыми благодаря «завистническому соперничеству»¹. Так, дорогие и не функциональные предметы указывают на богатство владельца, являющееся, в свою очередь, подтверждением его былой доблести. Интересно, что на взгляд Веблена это «завистническое сопоставление» является одним из двигателей развития общества. Напомним, в рамках его концепции социальной эволюции институтов, одним из главных инстинктов человека является хищнический инстинкт, связанный с потребностью демонстрировать успехи в проявлении агрессии по отношению к активным субъектам. На взгляд Веблена, именно этот инстинкт является одной из главных причин появления собственности — поскольку собственность, по Веблену, используется как материальное выражение былых успехов и доблестной деятельности. По мере накопления собственности и продолжающегося стремления показать свои успехи и высокий статус, появляется богатство. Как отмечает Веблен, «богатство — это престижное свидетельство силы владельца»². Тогда чем больше накопленное богатство, тем больше былые успехи — и вот уже богатство (а также и блага, которые на него можно купить) выступает не столько целью экономических агентов, сколько средством для демонстрации статуса. При этом Веблен практически не рассматривает накопление средств для производства или капиталовложения, поскольку эти виды деятельности связаны, в рамках его системы, с трудом, с производством дохода, а не с его насильственным захватом, а потом маркируются как «не доблестные».

Демонстративное расточительство появляется на следующем этапе после накопления богатства — по Веблену, расточительство накопленных средств должно показать, что субъекты «способны нести большие денежные убытки, которые не вредят его незаурядной собственности»³. Здесь мы сталкиваемся с той же идеей, что и в случае потлача — агонистической формой дарообмена, в ходе которой собственность может демонстративно уничтожаться. Так, уничтожение служит сразу двум целям: во-первых, оно показывает, что богатство

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. С. 185.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 104.

человека настолько велико, что он может легко уничтожить его часть и все равно остаться богатым; во-вторых, как отметил Гуревич, уничтожение вещи является радикальным способом установить свои права собственности на нее. Несмотря на то что практики потлача и подобных ему агонистических форм дарообмена кажутся бесконечно далекими от современной рыночной экономики, демонстративное расточительство, по Веблену, служит схожим целям.

Предложенная Вебленом концепция демонстративного расточительства, хотя и исходила из наличия в людях хищнического инстинкта, полагалась, тем не менее, на достаточно джентельменское поведение индивидов. Так, Веблен показал, как расточительство может использоваться для создания образа индивида конструирования определенного знания, однако он не рассматривал ситуации, когда индивид намеренно манипулирует мнением окружающих, создавая ложную информацию. В контексте использования демонстративного расточительства в целях манипулирования и последующего извлечения из этого обмана дополнительной полезности, необходимо рассмотреть два момента: действия когнитивных искажений при демонстративном потреблении, и кредиты на товары престижного потребления как пример такого введения в заблуждение. Начнем с когнитивных искажений.

Уже во второй половине XX века Гребер Саймон, используя популярное в то время сравнение мозга человека с компьютером, отметил, что принимать полностью рациональное решение ради получения максимальной полезности может быть не выгодно с точки зрения затрат мощности, необходимых на сбор и обработку информации, нужной для такого решения¹. Вместо концепции максимизации он предложил концепцию «удовлетворительных результатов» — результатов, не приносящих максимальную возможную полезность, однако дающих достаточно хороший результат. Потери в полезности, в таком случае, уступают затратам, необходимым ради получения максимальных платежей. Идея, что люди используют определенную оптимизацию в процессе мышления и принятия решений, довольствуясь не лучшим, но достаточно хорошим результатом, легла в основу теории эвристик, предложенной Канеманом и Тверски. Эвристики — или модели мышле-

¹ Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. Т. 1. № 3. С. 16–39.

ния и принятия решений — использовались людьми в ситуациях, когда подлинно рациональный выбор, подразумевающий анализ всех возможных альтернатив, сбор доступной информации и т. д., был слишком затратным процессом по сравнению с ожидаемым результатом. Так, как показали Канеман и Тверски, в большинстве бытовых ситуаций эвристик достаточно эффективны — если речь идет о стандартных ситуациях. Теорию эвристик можно сопоставить с бритвой Оккама — при прочих равных самое простое решение индивиду и нужно. Например, в случаях, когда речь идет о повторяющихся небольших покупках, таких как покупки еды, одежды и т. д., индивиду действительно может быть невыгодно каждый раз принимать взвешенное рациональное решение, а может оказаться оптимальным следовать привычному потреблению (как называл его Катона), или эвристикам. Однако в более редких или важных ситуациях, например, при покупке дома, индивиды больше не будут полагаться на привычку и проведение анализа рынка, сбор и обработку информации, и поиск лучшей альтернативы может оказаться оптимальнее эвристик.

Канеман и Тверски выделили целый ряд эвристик, однако, говоря о демонстративном расточительстве, наибольший интерес представляет эвристика репрезентативности. Данная модель мышления строится на принципе подобия, поиске и следовании индуктивной закономерности. Так, если в прошлом определенное поведение было свойственно членам заданной группы, то, увидев человека, демонстрирующего это поведение, его относят к членам данной группы. На этом принципе и строится трактовка Бурдые демонстративного потребления. Так, если в прошлом мы уже видели, что успешные бизнесмены носят Rolex, то, увидев человека с Rolex, мы сделаем вывод, что он успешный бизнесмен. Конечно, мы знаем, что это может быть подделка, или человек может быть вором или рекламным агентом Rolex. Однако это кажется нам менее вероятным, а потому более оптимальным представляется выбирать более вероятный случай — скорее всего, перед нами успешный бизнесмен. Подобно этому, когда мы видим бегущего куда-то человека в форме пожарника, мы скорее решим, что перед нами — пожарник, чем что мы увидели актера, или вора, укравшего чужую форму. В большинстве случаев наше решение окажется верным, и именно на логике «в большинстве случаев это так» и строится действие эвристики репрезентативности при демонстративном потреблении.

Эвристика репрезентативности проявляется в демонстративном расточительстве сразу с двух сторон. Во-первых, сам потребитель выбирает те или иные товары и потребительские практики, руководствуясь этой эвристикой. Как было уже отмечено выше, человек отдает предпочтение тем моделям потребительского поведения, которые, как ему кажется, распространены в группе, к которой он желает быть причисленным. С другой стороны, и окружающие его люди используют эвристику репрезентативности, чтобы расшифровать символический код, транслируемый с помощью акта престижного потребления (или демонстративной праздности). Так, в прошлом они уже видели, как представители определенной группы вели себя таким образом, делали схожий потребительский выбор, и теперь, увидев, что данный человек выбирает данные товары, они, под влиянием эвристики репрезентативности, относят его к этой группе. По меткому замечанию Гребера, «вести себя, как богатый, важнее, чем быть богатым»¹. Таким образом, извлечение полезности в данной экономической практике напрямую зависит от того, насколько окружающие субъекта способны распознать его потребление как именно демонстративное. Так, если окружающие не могут отличить Rolex от Swatch, то ношение дорогих часов не приносит их владельцу желаемой демонстрации статуса. В таком случае можно сказать, что символический код не был расшифрован. Для борьбы с данной проблемой используется, в частности, реклама товаров престижного потребления. В самом деле, в рамках предлагаемой концепции, реклама товаров престижного потребления направлена не только и не столько на потенциальных потребителей, сколько на окружающих их людей, «аудиторию», которая должна быть способной дешифровать символический код и распознать в этих товарах предметы престижного потребления. Это предположение позволяет объяснить, например, рекламу элитной недвижимости по телевидению — вероятность того, что авторы этой рекламы в самом деле надеются привлечь потенциальных покупателей дорогостоящих квартир с помощью тридцатисекундного ролика, который те просмотрят за завтраком, представляется весьма низкой. Однако такая реклама позволяет уведомить всех остальных, что данные квартиры — элитные,

¹ Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. P. 105.

а потому, когда их в самом деле купят, эта «аудитория» сможет отличить такую покупку от покупки обычного жилья и расшифровать символический код в желаемой покупателем манере, соотнеся его с нужной ему социально-экономической подгруппой.

Трактовка демонстративного расточительства как результата действия эвристики репрезентативности позволяет также объяснить кредиты на товары престижного потребления — феномен, не охваченный первоначальной теорией Веблена. Подобные кредиты можно рассмотреть с двух сторон. Во-первых, они являются средством намеренного манипулирования мнением окружающих, создания и распространения ложной информации, позволяющей человеку быть соотнесенным с той социальной группой, куда он не имел бы без них возможности попасть. Во-вторых, если обратиться к обоснованию демонстративного расточительства по Веблену, можно отметить и психологическую подоплеку данных кредитов. Так, по Веблену, стремление к демонстрации желаемого социального статуса рассматривается как внутренняя потребность индивида, появляющаяся из-за хищнического инстинкта, в той или иной мере присущего всем людям. В таком контексте потребность в демонстративном расточительстве может рассматриваться как психологическая, а ее подавление или неспособность реализовать ее в желаемой мере приводит, тогда, к негативным психологическим последствиям — тревожности, подавленности или невротическому расстройству. Эта трактовка укладывается и в изначальную теорию Веблена — рассматривая эволюционное развитие демонстративного расточительства, он подчеркивает, что хищнический инстинкт реализуется в агрессивных, доминирующих типах поведения, которые он характеризует как активную позицию по отношению к миру, его преобразование и подчинение собственным целям. Производительный труд выступает противоположностью, как не активный (в рамках концепции Веблена) и не подразумевающий господства. Невозможность реализовать потребность в доминантном экономическом поведении и может приводить к психологическому дискомфорту, тревожности, ощущению подавленности. В таком случае кредиты на предметы демонстративного потребления (или позволяющие показать демонстративную праздность, например, кредиты на отпуск), помогают человеку временно облегчить этот дискомфорт и снизить тревожность.

Итак, можно выделить две основных цели получения кредитов на предметы демонстративного потребления: намеренное создание и распространение ложной информации и попытка снизить тревожность, связанную с невозможностью реализовать потребность в демонстративном расточительстве. В первом случае также можно выделить два подвида целей: индивид либо стремится попасть в группу, в которой не мог бы оказаться без кредита, либо пытается сохранить положение, претендовать на которое больше не имеет экономических оснований. Если индивид пытается с помощью кредита попасть в желаемую группу, он может надеяться, что это принесет ему выгоды, ради которых стоит взять кредит (например, он сможет получить выгодный контракт, сформировав образ успешного бизнесмена с помощью хорошего костюма, часов и т. д., и, получив его, действительно стать успешным бизнесменом), либо пытаться снизить тревожность из-за неспособности реализовать потребность быть причисленным к этой группе. В случае если человек пытается с помощью кредита сохранить положение, его мотивация также может быть связана со стремлением получить экономическую выгоду (как представляется, это в большей степени относится к фирмам, нежели к индивидам — например, кредит на демонстративное расточительство в форме дорогих корпоративных мероприятий, аренды офиса класса А и т. д. при падении прибыли может быть направлен на попытку предотвратить отток инвестиций до тех пор, пока не будет произведено оглашение реальных финансовых показателей), либо, вновь, на уменьшение тревожности из-за невозможности более следовать привычным потребительским практикам, страха оказаться исключенным из привычного сообщества и т. д. Это тесно перекликается со вторым видом случаев, в которых люди прибегают к кредитам на демонстративное расточительство — необходимостью снизить тревожность и негативные эмоции от невозможности прибегнуть к демонстративному расточительству. В рамках теории Веблена демонстративное расточительство — это наиболее эффективный способ утвердить свое активное доминирующее положение, противоположность которому — подчиненность, то есть Веблен выстраивает модель социо-экономических отношений в иерархической форме подчинения и господства. Если индивид разделяет такое восприятие социального мира и делит все доступные ему позиции на подчиненные и доминирующие, не удивительно, что он стремится, пусть даже и в кредит, занять именно вторые.

Подводя итог этой части главы, отметим, что на примере демонстративного расточительства была показана реализация информационных функций экономических институтов, связанных с распространением информации в сообществе. Было показано, что экономические институты используются индивидами для того, чтобы создавать желаемые образы себя в глазах других (а иногда и в своих собственных), конструировать и транслировать символический код, или, говоря иначе, создавать и рассказывать истории о себе. Демонстративное расточительство представляет собой благодарный материал для рассмотрения информационных функций, поскольку доля символической полезности, извлекаемой из него, относительно велика по сравнению с той, что извлекается из обычного потребления. Как и предсказывал Веблен, на протяжении XX века значение демонстративной праздности постепенно падало, однако, с появлением социальных сетей, она вновь стала популярной стратегией для распространения историй о себе, а число возможностей для создания ложной информации возросло. Возможность сознательно выбирать те элементы своей жизни, которые будут показаны окружающим, использованы для конструирования образа «Я», и распространение их среди сотен и тысяч подписчиков, с одной стороны, позволило вывести демонстративное расточительство в целом на новый уровень. Дополнительный интерес ситуации придает возможность монетизировать успешность своей истории с помощью рекламы, доходы от которой прямо зависят от числа подписчиков. С другой стороны, постоянное получение информации об отредактированном образе «Я» и чужой демонстративной праздности только подстегивает чувство тревожности, заставляя людей вновь и вновь корректировать нарративы о себе и обращаться, в случае большой тревожности, к кредитам на предметы престижного потребления. Как представляется, информационные функции экономических институтов не ослабли в XXI веке, несмотря на рост урбанизации и, на первый взгляд, уменьшение значения символического капитала по сравнению с прошлыми веками. Напротив, информационные функции по-прежнему стимулируют людей выбирать те или иные экономические практики, дающие доступ к этим функциям, создавать, распространять и корректировать информацию о себе в сообществе.

2.3. ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В ПРОДВИЖЕНИИ ШЕРИНГОВЫХ ПРАКТИК В БЕЛАРУСИ

Ю. Ю. Гафарова, А. В. Кириллова

Сетевые коммуникационные практики, технологически обеспеченные развитием интернет-пространства, формируют новую форму коммуникации, которую Мануэль Кастельс назвал «самокоммуникацией»: «Самостоятельно создаваемая (по контенту), самостоятельно направляемая (по распространению) и самостоятельно выбираемая (при получении) коммуникация многих со многими»¹. Новая виртуальная сетевая реальность наделяет каждого участника сети возможностью участвовать в процессе накопления и передачи знаний, т. е. знание становится «распределенным» между узлами сети, что приводит к смещению акцентов с «владения» (информацией, знаниями, объектами) к понятию «доступа» к ресурсам сети. Наличие доступа обеспечивает акторам сети не только возможность путем «соединения» опыта и знаний решать общие задачи, но и совместно конструировать новое знание в рамках сетевого сообщества.

Технологические возможности виртуального сетевого пространства трансформируют традиционный механизм распределения знаний в оффлайн-сообществах — знания одномоментно конструируются, реконструируются и распределяются акторами, которые

¹ Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016. С. 83.

связаны лишь общим интересом или общей потребностью в знаниях, при этом с возможностью находиться в любом месте с высокой степенью анонимности и с возможностью выхода из коммуникации в любой момент, т. е. «отправители глобально распространены и глобально взаимодействуют»¹. Кастельс подчеркивает, что ключевым является не Интернет как медиа и новая технология, а его возможности: «По правде говоря, любой медиум, даже такой революционный, как этот, не определяет контент и эффект от передаваемых с его помощью сообщений. Зато у него есть возможность создавать практически безграничное разнообразие и самостоятельно производить большинство коммуникационных потоков, которые конструируют смыслы в общественном сознании»². Эти характеристики создают особую внутреннюю динамику распределения знания в сетевом обществе и неизбежно формируют новые паттерны поведения в сетях, сетевую культуру, этические социальные и иные требования к участникам сети. Вопрос доступа становится одним из ключевых и переопределяет понятия власти, богатства и ценностей.

Максимально открытый доступ к сети лежит в основе шеринговых практик (*sharing practices*), построенных по принципу краткосрочного объединения людей для решения общей проблемы на базе технологической платформы, которая дает возможность осуществлять сетевую коммуникацию и, кроме того, частично берет на себя функции по обеспечению контроля и безопасности участников данной коммуникации.

Несмотря на то что в последние годы первоначальный энтузиазм по отношению к шерингу как экономике совместного потребления новой разновидности, способной создать новый тип владения, альтернативный капиталистическому, несколько угас (см. наст. изд. С. 139), шеринговые практики в целом могут рассматриваться как ориентированные на достижение общественного блага. Такие принципы шеринга как доступность и открытость информации, потенциальное равенство участников, рациональность как максимизация равной выгоды, саморегулирование как принятие ответственности³, а также «неизбывность» шеринговых вещей,

¹ Кастельс М. Власть коммуникации.

² Там же. С. 91.

³ Швед В. В. Теоретические аспекты шеринговой экономики // Экономический форум. 2017. № 1. С. 29.

ведущая к экологизации потребления, дают возможность говорить о шеринговых практиках как о практиках, в целом, эффективных, позволяющих максимально рационально использовать существующие ресурсы и удовлетворять потребности человека.

Шеринговые проекты развиваются в Беларуси на протяжении нескольких последних лет. Однако переломным моментом в продвижении и популяризации белорусского шеринга стало лето 2019 года, когда появление в Минске желтых велосипедов *Kolobike* и самокатов *Eleven* стало широко обсуждаемой новостью в белорусском информационном пространстве. Анализ интервью с владельцами и организаторами шеринговых площадок в Беларуси позволил выявить ряд проблем, связанных с продвижением практик шеринга. Центральной из них является проблема доверия, тесно связанная с проблемой неравенства в доступе к информации и проблемой ответственности.

Вопрос неравенства в доступе к информации и распределении знания, в явных и латентных, локальных и глобальных формах его проявления, становится одним из ключевых в анализе коммуникационных сетевых практик в социальной сфере¹. Разные уровни доступа к сети населения Беларуси — как технологические, так и пользовательские — определяют не только неравенство возможностей получения знаний о шеринге или неравенство возможностей участия в конструировании и распределении знания, но и ранжируют само «знание» по качеству и классу. Вопрос доступа непосредственно связан с вопросом о том, кто распределяет доступ к сети или к ресурсам сети, как распределяется власть между пользователями, как в этот процесс включена приватность каждого пользователя, как выстраиваются отношения между пользователями — акторами сети, как определяются границы публичного и частного пространства в сетевой коммуникации. Эксперты отмечают низкий уровень осведомленности белорусов о сущности, принципах и отличительных чертах шеринга, что задает специфику затруднений в продвижении проектов и формирует особенности самих шеринговых практик².

¹ Мальшикин Е. В. О конференции «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» // *Eipai*. 2018. Т. 7. № 2(14). С. 193.

² Кравченко А. Выгодный обмен [Указанный электронный ресурс]; Семилетов В. Маленький рынок, сложная логистика, низкая маржинальность

Доступ к сети и информации о реализации шеринговых проектов неизбежно связан как с переосмыслением вопросов доверия акторов сети друг другу, так и с развитием новых технологических способов обретения доверия и обеспечения репутационных гарантий (отзывов, рейтингов, онлайн-обзоров, оценок пользователей). Пользователь, субъект экономических отношений, принимающий участие в производстве, распределении, обмене и потреблении шеринговых благ, должен уметь выстраивать взаимодействие с другими и работать со своей репутацией, создавая пространства доверия¹. По мнению экспертов, в Беларуси недоверие к шерингу можно наблюдать как со стороны бизнеса, который не готов инвестировать в проекты подобного рода, так и со стороны значительного числа пользователей, критически относящихся к ценностям взаимопомощи, организации схем формирования доверия в процессах совместного доступа к пользованию вещами².

Результаты национального опроса населения Беларуси, проведенного в 2019 г. под эгидой Европейского Союза, свидетельствуют о том, что уровень доверия белорусов как по отношению друг к другу, так и по отношению к социальным институтам в целом невысок. Доля группы респондентов с низким уровнем базового, примордиального доверия составляет 51,9 %, со средним — 33,6 %, с высоким — лишь 14,5 %. Наивысший уровень доверия белорусы демонстрируют по отношению к людям, с которыми вступают в прямой личный контакт, а из них — к ближайшему кругу (семье и друзьям). Самым низким является уровень доверия по отношению к медиа. Пятая часть респондентов считает, что пресса и телевидение «сильно вредят» населению страны. Половина респондентов убеждена, что политические партии и профсоюзы не оказывают никакого влияния на жизнь белорусов. Относительно высокое доверие респонденты испытывают только к церковным институтам и к учреждениям здравоохранения³.

и другие нюансы арендного бизнеса в Беларуси [Указанный электронный ресурс].

¹ Яшина А. В. Роль информации в шеринговой экономике: новые практики формирования доверия // *Еіраі*. 2018. Т. 7. № 2 (14). С. 188.

² Кравченко А. Выгодный обмен [Указанный электронный ресурс].

³ Урбан Д. Ценности населения Беларуси // Результаты национального опроса населения. Минск, 2019. С. 63–65.

Как неравенство в доступе к информации, так и низкий уровень доверия в обществе приводят к кризису ответственности по отношению к объектам совместного доступа. Отсутствие прямого личного контакта «совместных пользователей» или арендатора и арендодателя при использовании новых технологий — при очевидном удобстве, экономии ресурсов, времени и усилий — часто порождает проявление безответственного и девиантного поведения со стороны пользователей из-за иллюзии нехватки внешнего контроля¹.

Опираясь на представление о том, что изучение внутренней динамики и структуры распределения знания в коммуникационных сетевых практиках непосредственно связано с исследованием условий доступа пользователей к процессам конструирования и распределения знаний, способов обеспечения доверия и формирования репутации акторов сети и технологических систем, границ частного и публичного в коммуникационных сетевых практиках, а также основываясь на релевантном подходе Петра Штомпки, охарактеризовавшего «доверие» (trust) как ожидание добродетельного поведения со стороны других в ситуации неопределенности, а «недоверие» (distrust) — как негативные ожидания относительно действий других в ситуации неопределенности и негативную, защитную уверенность², мы проанализировали новостные публикации на информационно-новостных порталах tut.by, citydog.by, kuku.org, the village.me за 2018–2019 гг. с целью выявления уровня доверия белорусов к относительно новым для них шеринговым практикам.

Отбор публикаций осуществлялся через поиск по ключевым словам «шеринг», «обмен», «прокат», «аренда». Всего было проанализировано 54 публикации и 659 комментариев к данным публикациям.

По основным видам шеринга, которые так или иначе упоминаются на данных ресурсах, было получено следующее распределение: (1) шеринг электросамокатов (*kick sharing*) — 29,1 %; (2) шеринг велосипедов (*bike sharing*) — 16,7%; (3) шеринг автомобилей

¹ Семилетов В. Маленький рынок, сложная логистика, низкая маржинальность и другие нюансы арендного бизнеса в Беларуси [Указанный электронный ресурс].

² Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 214.

(*car sharing*) – 22,9%; (4) шеринг вещей – 8,3 %; (5) шеринг портативных зарядных устройств (*powerbank sharing*) – 10,4%; (6) другие виды шеринга (совместное проживание (*coliving*), шеринг знаний, маркетинговые проекты и др.) – 12,4 %.

При анализе комментариев мы учитывали как тексты комментариев, так и «лайки» тому или иному комментарию.

Анализ комментариев позволил выделить следующие оценки представленных видов шеринга: в поддержку шеринга высказывается 7,41 % комментаторов; нейтрально оценивает шеринговые проекты 18 % комментаторов; критикует их в том или ином виде – 74,6 % комментаторов. При этом, если позитивное отношение не конкретизируется, нейтральное отношение проявляется в вопросах о том, как пользоваться сервисом или платформой, то в негативных отзывах обсуждаются конкретные параметры, которые вызывают у комментаторов сомнение, скепсис или явное неприятие.

Критические замечания, касающиеся проблем доверия, можно проранжировать следующим образом:

1) высказывания, выражающие уверенность комментаторов в том, что велосипеды, самокаты, другие вещи, которые находятся в «общем» пользовании и не привязаны к явным контролирующим устройствам (станциям для велосипедов, приемнику для бытовых, спортивных и др. вещей) будут воровать, портить, обращаться с ними небрежно, – 48,5 % комментариев;

2) сообщения об отсутствии культуры у пользователей кикшеринга и байкшеринга, оставляющих велосипеды и самокаты в неподходящих местах, – 15,6 % комментариев;

3) указания на отсутствие инфраструктуры для развития кикшеринга и байкшеринга: многие комментаторы опасаются, что шеринговые проекты могут увеличить число велосипедистов в пешеходных зонах, боятся столкновений с ними и конфликтов на этой почве – 5,6 % комментариев;

4) утверждения, содержащие своего рода гибрид недоверия к шеринговой компании и местным властям: комментируя новости о попытках кражи велосипедов или самокатов, многие комментаторы указывают как на недостатки маркировки самой вещи (на велосипеде или самокате недостаточно четко указан владелец, нет информации о том, что средство передвижения нельзя перемещать и т. д.), так и на недостатки инфраструктурной организации

(непонятно, что можно сделать с велосипедом, перегораживающим дорогу, и т. д.) — 10,4 % комментариев.

Комментарии к сообщениям о шеринге личных вещей, касающиеся проблем доверия, распределены следующим образом:

- 1) указание на неаккуратное использование вещей другими, негативный опыт шеринга — 25 %;
- 2) выражение нежелания использовать вещи, которыми пользовался кто-то другой — 39%.

Эти два пункта содержательно связаны с недоверием к лично неизвестным людям, их порядочности, чистоплотности.

Штомпка, рассматривая доверие как «фундаментальный компонент человеческих действий», предложил концептуальную классификацию видов доверия. Согласно этой классификации, доверие может быть не только личным (*personal trust*), но и доверием к определенным категориям людей (*categorical trust*), к социальным ролям (*positional trust*), а также к группам (*group trust*) и институтам (*institutional trust*). Кроме того, доверие может быть коммерческим (*commercial trust*) и системным (*systemic trust*)¹.

Личное доверие — это доверие не только к лично знакомым людям, но и к индивидам, с которым субъект может, даже не вступая в прямые контакты, налаживать тесные эмоциональные (пусть и кажущиеся) связи, то есть виртуальное доверие.

Доверие к социальным категориям — это доверие к людям, относящимся к определенной категории (полу, возрасту, расе, этносу и пр.).

Позициональное доверие, доверие к определенным социальным ролям — это доверие к образу действий, типичному для конкретных позиций.

Групповое доверие — это доверие к членам определенных групп, понимаемых как совокупность людей, скрепленных особыми социальными связями.

Институциональное доверие — это доверие к учреждениям и организациям, понимаемым как специальные структурные механизмы, в рамках которых совершаются действия и взаимодействия. Разновидностью доверия к институтам является процедурное доверие, закрепленное за институционализированными практиками

¹ Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 46.

или процедурами и основанное на убеждении, что при правильном соблюдении всех процедур будут достигнуты наилучшие результаты.

Можно также испытывать доверие к коммерческой продукции определенного рода и доверие системное — к системам технических достижений или профессионального опыта, организующим материальную и социальную среду, а также к социальным системам, порядкам и режимам¹.

Опираясь на данную классификацию, мы можем интерпретировать результаты проведенного исследования следующим образом:

1) анализ экспертных интервью и комментариев читателей к новостным сообщениям о шеринговых практиках в Беларуси показал как наличие определенного интереса к новым формам совместного пользования вещами, так и низкий уровень личного виртуального и системного доверия белорусских пользователей, которое препятствует активному продвижению шеринговых практик в белорусском обществе;

2) личное виртуальное недоверие проявляется в ожидании недобросовестного использования объектов шеринга незнакомыми людьми; в уверенности в том, что у большинства сограждан отсутствует культура обращения с объектами шеринга и уважительное отношение к другим; в прогнозировании оставления объектов шеринга в неподходящих местах, злоупотреблений пользовательскими правами (неоправданного увеличения времени пользования объектом, несвоевременного возвращения объекта и др.). Личное виртуальное недоверие повышает эмоциональную нагрузку коммуникации и снижает мотивацию участников шеринговых практик при общей положительной оценке самих шеринговых практик и потенциальном желании принимать в них участие;

3) системное недоверие проявляется в убежденности пользователей в недостаточном уровне развития инфраструктуры и механизмов урегулирования конфликтов как между участниками шеринговых практик, так и между пользователями шеринга и компаниями, предоставляющими услуги шеринга; проявлением смешанного системно-коммерческого недоверия являются нарекания как на неадекватно высокую (в сравнении с заработками белорусов) стоимость шеринговых услуг, так и на отсутствие четких,

¹ *Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 42–46.*

понятных всем пользователям инструкций по использованию объектов шеринга и по поведению пользователей в конфликтных или неординарных ситуациях.

Таким образом, исследование показало, что продвижение шеринговых практик в Беларуси затруднено не отношением к самому шерингу, а личным виртуальным и системным недоверием пользователей, проявляемым в процессе реализации шеринговых практик. Личное виртуальное и системное недоверие может быть частично преодолено с помощью публикаций в белорусских традиционных и новых медиа не только новостных сообщений, но развернутых аргументированных текстов представителей коммерческих компаний, государственных органов и гражданского общества, представляющих возможности и выгоды участия в шеринговых практиках, продвигающих нормы и правила совместного пользования, а также содержащих примеры успешных шеринговых практик не только коммерческих компаний, организующих шеринг самокатов и велосипедов, но и практик формирования узких некоммерческих сообществ (соседских, по интересам, по группам пользователей).

2.4. РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Я. С. Яскевич

Виртуализация культуры, экономики, политики требует философско-методологического осмысления разнообразных проблем информационного общества, статуса и роли сетевых структур в развитии экономики, бизнеса, управления на уровне государственного и регионального управления, динамики социокультурной и национальной самореализации, самоидентичности, экзистенциальных поворотов личностного и общественного бытия. Необходимо выявить проблемное поле политических сетей как фактора повышения эффективности государственного управления, механизмов и особенностей сетевизации экономики, бизнеса, политики и культуры в условиях информационного общества, раскрыть роль и предназначение сетевой методологии в принятии управленческих решений на основе сетевой коммуникации власти и представителей гражданского общества в различных областях экономики, бизнеса и политики.

Неразрывная связь принятия управленческих решений со стратегией экономической политики, развитием рыночных отношений обуславливает необходимость разработки эффективных механизмов принятия рациональных решений с учетом междисциплинарных и сетевых подходов и стратегий.

Управленческое решение содержит в себе в снятом виде формально зафиксированный проект какого-либо изменения в организации. Такое решение свидетельствует о факторе власти в организации, принимается по отношению к «другим» и «за других», в осуществлении управленческого решения принимают участие как субъект решения, так и другие члены организации. Управленческое решение предполагает наличие в нем плана, цели и средств по ее достижению.

Структура принятия управленческого решения включает в себя субъекта принятия решения, средства, цели и результат деятельности. По мере возрастания статуса субъекта, принимающего решения, степень свободы его действий в отборе вариантов действий и социальной ответственности становится выше.

Принятие управленческих решений выступает ядром государственной политики и основой государственного управления. Содержательная оценка государственной политики базируется на изучении процесса разработки и реализации управленческих решений. Управленческое решение представляет собой социальный акт, связанный с результатом выбора определенного варианта политического действия, осуществляемого центром принятия решений для достижения поставленных целей с учетом базовых ценностей и интересов основных социальных групп и субъектов власти¹. Повышение эффективности государственного управления, расширение сферы открытости и прозрачности государственной политики обеспечивают процесс трансформации государственной политики в общественную (публичную) политику.

В теоретико-методологических исследованиях отмечается, что термин «публичная политика» предполагает *сочетание демократического правления и эффективного государства*. Использование понятия «публичная политика» и «публично-государственная политика» более точно выражает общественное содержание государственно-управленческих процессов, взаимодействие государства и общества. Публично-государственная политика представляет собой целеориентированную и управляемую, комплексную и организованную совместную деятельность индивидов и их групп по легитимному разрешению общественных проблем при руководящей

¹ Решетников С. В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск, 2003. С. 98.

и интегративной роли институтов государственной власти на основе использования коллективных ресурсов общества. Процесс принятия управленческих решений, сочетающий в себе диалог государства и общества, государственных структур и гражданских инициатив олицетворяет содержание современной общественной (публичной) политики, обеспечивая гуманистический вектор ее дальнейшего развития и реализацию целей прогрессивной динамики социума.

Принятие решений в сфере государственного управления детерминировано масштабом управленческого воздействия и уровнем осуществления. Междисциплинарно-синергетический ракурс интерпретации общественной политики позволяет рассматривать процесс принятия политико-управленческих решений как саморазвивающуюся систему, ориентирует исследование на выявление многообразных типов связей системы принятия решений и сведения их в единую теоретическую картину, где равнозначно представлена совместная управленческая деятельность институтов государства и институтов гражданского общества, система официального законодательства, демократических структур и инициатив¹.

В современной науке формируется качественно новая синергетическая социально-политическая картина мира, изменяются концептуальные модели описания, объяснения и прогнозирования развития социума. В такой картине мира доминируют понятия становления, коэволюции, кооперативности компонентов мировой политической системы, нелинейности и открытости вариантов будущего развития. Синергетическое мировидение дает теоретическую основу для исторического оптимизма, ибо предполагает, что ход человеческой истории не предопределен и во многом задан нравственным выбором людей, зависит от ответственности субъекта власти, его способности заглядывать «за горизонт», принимая соответствующие решения и «проигрывая» возможные варианты их реального воплощения в сценарий истории².

Современные модели принятия решений все в большей степени должны коррелировать с ценностно-ориентированными

¹ Яскевич Я. С., Войташчик К. А. (ред.) Современная политическая наука: нравственные регулятивы. Минск, 2012. С. 27.

² Яскевич Я. С. Политический риск и психология власти. Минск, 2011. С. 267.

моделями менеджмента — управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль лидера в управлении персоналом, его личностных и эмоциональных качеств, установок на сотрудничество, понимание, согласие и высокий профессионализм. Динамика менеджерских моделей демонстрирует сегодня инновационные прорывы от управления по инструкциям (*Managing by instructions — MBI*) к управлению по целям (*Managing by objections — MBO*) и, наконец, к управлению на основе ценностей (*Management by values — MBV*)¹. В условиях радикально меняющегося рынка, возрастающей сложности, открытости, неопределенности и стремительной изменчивости делового мира, его глобальных технологических перемен косные, одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением вступают в противоречие с системой деятельности современных компаний. Принятие управленческих решений в духе командно-административной практики, жесткой иерархии и безоглядного следования инструкциям не вписывается в логику современного бизнеса, требующего инновационного и творческого подхода, гибкой мобильности, ориентированности на корпоративную культуру и интересы клиента. Необходимы так называемые «инновации в сотрудничестве» (*collaborative innovation*), заинтересованное участие со стороны отдельных личностей, правительственных и неправительственных акторов в процессе подготовки и принятия решения на различных этапах².

Модель управления на основе ценностей позволяет эффективно, творчески и ответственно решать сложные вопросы, приспособляться к неопределенности, работать на основе взаимного доверия. Эта модель ориентирована на субъект-субъектные отношения, организационное развитие управления и принятие решений на основе культуры контроля и культуры развития. Необходимы нравственные повороты в динамике модели управления на основе ценностей, индивидуализации в структуре управления, развитие сотрудничества и социального капитала. Эффективное

¹ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей // Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М., 2008. С. 243.

² Сунгуров А. Ю. Инновации в социуме и политике : Аналитический обзор // Философские науки. 2013. № 3. С. 5–20.

управление персоналом становится ключевым показателем развития¹, а эффективные методы и принципы управления и развития, конкурентная стратегия по повышению качества работы, гибкость и инновационность приносят большую рентабельность инвестиций, чем новые технологии и разработки (НИОКР).

В политической сфере модель управления на основе ценностей реализуется через преодоление одномерно-линейных моделей менеджмента с иерархическим управлением и привлечение к процессу принятия решений представителей гражданского общества, которые затем участвуют и в их реализации. Только при участии широких слоев общества — ученых, политиков, экспертов, гражданских активистов — возможна успешная модернизация общества и его управленческой культуры. Здесь важна и сетевая коммуникация власти и гражданского общества.

Преимущество сетевого подхода к организации функционирования общества выражается, прежде всего, в том, что государственное (общественное / публичное) управление выступает как система кооперации государственных, общественных, частных и смешанных структур для обеспечения удовлетворения общественных интересов и решения общественных проблем. В рамках таких сетевых структур эффективность принимаемых решений обеспечивается возрастающей ролью экспертов-профессионалов не только как консультантов, но и как ведущих акторов процесса выработки государственной политики. В свою очередь согласованность такой политики основывается на доверии вовлеченных в данный процесс сторон.

При таком подходе политические сети рассматриваются как стратегические альянсы государственных и негосударственных субъектов (акторов), способные повысить эффективность государственного управления на фоне «провалов» традиционно иерархических и даже рыночных форм его организации. Это отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый преследует только свои интересы. Дело в том, что политические сети обладают рядом характеристик, несходных с иными формами управленческой деятельности в сфере публичных потребностей и интересов. В первых, политические сети представляют собой такую структуру

¹ Верякина В. П. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // *Философские науки*. 2012. № 6. С. 7–21.

управления публичными делами, которая связывает государство и гражданское общество как множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, которые имеют некоторый общий интерес. Во-вторых, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена имеющимися у ее акторов ресурсами. Это означает, что существует взаимная заинтересованность участников сети друг в друге. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но, независимо от степени их концентрации и определенного доминирования ряда участников сети, последние вынуждены вступать во взаимодействие. Между участниками сети существует ресурсная зависимость. В-третьих, важной характеристикой политической сети выступает общий интерес, а преследование каждым участником прежде всего своих собственных интересов. В-четвертых, с точки зрения выработки политических решений участники сети не выстраиваются в некоторую иерархию, где какая-либо организация имеет преимущество с точки зрения ее властной позиции. Все участники сети равны с точки зрения возможности формирования совместного решения по интересующему вопросу. Здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения. В-пятых, сеть представляет из себя договорную структуру, состоящую из набора договоренностей, возникающих на основе согласованных формальных и неформальных правил коммуникации. В политических сетях действует особая культура консенсуса.

В целом политическая сеть представляет собой систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, экономики, бизнеса, взаимодействующих между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому или экономическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы.

Примером такого корпоративного сотрудничества государственных структур, представителей гражданского общества и общественной организации (союза предпринимателей Республики Беларусь) может служить широко развернувшаяся в Беларуси дискуссия о развитии предпринимательской деятельности, возможностей государственной поддержки субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности в целях структурной перестройки экономики. В результате были приняты важные государственные документы, способствующие решению ряда острых

проблем. Прежде всего, в целях оказания комплексной государственной поддержки развитию субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности был принят Указ Президента РБ № 388 от 13.07.1999. О Совете по развитию предпринимательства в Республике Беларусь¹.

Совет был создан для выработки рекомендаций по развитию и комплексной государственной поддержке субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности в целях структурной перестройки экономики, формирования конкурентных отношений и координации деятельности общественных объединений предпринимателей.

После этого последовало принятие и других документов, давших мощный импульс развитию предпринимательской деятельности в стране. Было принято более 200 основных законов и кодексов РБ и более 50 000 законодательных актов.

В частности, 23 ноября 2017 г. был подписан Декрет № 7 «О развитии предпринимательства», который является ключевым документом из пакета нормативно-правовых актов по улучшению бизнес-климата в стране, направленного на совершенствование предпринимательской деятельности и инвестиционного климата, расширение перечня видов деятельности, осуществление которых не будет считаться предпринимательской. Декрет предусматривает кардинальное изменение механизмов развития предпринимательства.

В ходе подготовки документов была проинвентаризирована, по сути, вся законодательная база и через дискуссии и споры, в том числе и в рамках политических сетей, нормативные акты и документы были сориентированы на упрощение условий начала и осуществления предпринимательской деятельности, минимизацию вмешательства государства в работу субъектов хозяйствования и усиление их ответственности перед обществом за обеспечение безопасной работы. Были определены такие основные принципы взаимодействия государства с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, как презумпция добросовестности субъектов хозяйствования, саморегулирование бизнеса, сочета-

¹ О Совете по развитию предпринимательства в Республике Беларусь: Указ Президента РБ № 388 от 13.07.1999. [Электронный ресурс] URL: <https://yandex.by/search/?clid=2186617&tex>. (дата обращения: 18.04.2019).

ние заявительного принципа госрегистрации и уведомительного порядка начала осуществления деятельности, приоритетная направленность работы контролирующих (надзорных) органов на профилактику правонарушений, персонализация ответственности руководителя за надлежащую организацию работы, соразмерность наказания характеру совершенного правонарушения и наступившим последствиям, а также максимальное использование информационных технологий во всех процессах взаимодействия бизнеса и госорганов.

Был подготовлен план мероприятий правительства, содержащий четкие указания, как именно будут работать все механизмы либерализации бизнеса. В его подготовке были задействованы все заинтересованные государственные органы, а также бизнес-ассоциации.

Важно отметить, что в подготовку данного декрета бизнес-сообщество было вовлечено достаточно широко. Во-первых, оно имело возможность напрямую представить свои предложения в сетевом пространстве, как только была создана рабочая группа, в которую вошли представители бизнеса и предпринимательских объединений. Во-вторых, после подготовки первого варианта документа бизнес-сообществом были предложены дополнительные меры, которые рассматривались на уровне Национального центра законодательства и правовых исследований. Буквально каждый пункт обсуждался, был поиск компромиссов, некоторые пункты дополнялись или исключались, но диалог был действительно конструктивным, на что неоднократно указывали представители бизнес-сообщества в СМИ.

В результате диалога государственных структур и бизнес-сообщества, развернувшегося, в том числе, и в сетевом пространстве, в результате дискуссий, инициировавших подготовку и создание пакета документов, действительно активизировалась деловая инициатива. Как показало время, принятые меры отразились на бизнес-климате и дали возможность открыть новые рабочие места в различных регионах нашей страны.

Особо была выделена необходимость стимулирования предпринимательской инициативы в малых городах и на селе. Для этого были предприняты дополнительные меры, предусматривающие льготное налогообложение по упрощенной системе, порядок продажи неиспользуемых и неэффективно используемых объектов государственной собственности на аукционах с начальной ценой,

равной одной базовой величине, а также механизм передачи таких объектов в безвозмездное пользование под конкретные инвестиционные проекты. Принята и реализуется Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2020 годы. Ее главная цель — обеспечить рост благосостояния населения на основе рационального распределения производительных сил, повышения уровня развития, эффективности и конкурентоспособности экономики регионов. Сельские органы власти должны активно содействовать предпринимателям, начавшим заниматься сельскохозяйственным бизнесом. Именно они должны быть заинтересованы в стимулировании малого предпринимательства, выступать организаторами практического его внедрения на местах. Вместе с тем анализ мероприятий, проводимых в последние годы государством в направлении поддержки и развития малого сельского предпринимательства, выявил ряд недостатков в реализации поставленных целей. Сегодня по-прежнему существуют определенные препятствия для эффективной и качественной реализации социально-экономического потенциала малого и среднего предпринимательства. В условиях острой нехватки финансовых ресурсов, для развития сельского бизнеса требуется детальная проработка инструментария финансово-кредитной поддержки малого и среднего сельского предпринимательства, с целью его адаптации к современным условиям. В сельской местности органы власти зачастую не имеют возможности для решения всех достаточно важных вопросов социально-экономического развития территорий. Связано это с огромной загруженностью текущими вопросами, негибкой структурой управления и не всегда достаточной профессиональной подготовкой руководящих кадров. В сельском хозяйстве страны существует много проблем, оказывающих большое влияние на совершенствование предпринимательства. К ним можно отнести затруднение накопления первоначального капитала, недостаточную развитость каналов сбыта, нехватку оборудования и оборотных средств. Вместе с тем отмечается, что многие жители села не хотят заниматься сельским предпринимательством. Это объясняется сложностями со сбытом продукции; отсутствием инфраструктурных объектов, предприятий транспортировки и переработки, что снижает стимулы к производству продукции. Низкое качество продукции не способствует высокой реализации и, как следствие, предприниматели

имеют небольшой доход. Малому сельскохозяйственному бизнесу сегодня практически нереально самостоятельно выйти в розничную сеть. Меры по развитию ярмарочной торговли и открытого доступа личных подсобных и крестьянско-фермерских хозяйств на большие рынки явно недостаточны. Малому бизнесу по определению сложно заниматься производством и реализацией. Поэтому процветает ниша посредников-перекупщиков, обеспечивающих оптовую поставку продукции и гарантированный закуп у производителя. Следует отметить, что существуют и местные факторы, объединенные с национальными традициями сельских жителей и природными климатическими условиями. Сельская молодежь отдает предпочтение торговому и финансовому бизнесу и по возможности стремится уехать работать в город.

Вместе с тем анализ показывает, что сельское предпринимательство позволяет решить многочисленные проблемы сельских территорий¹.

В последние годы отмечается рост финансирования мероприятий, направленных на развитие сельских территорий в рамках различных республиканских и региональных целевых программ. Несмотря на имеющиеся в селе проблемы, в связи с которыми люди не хотят заниматься сельским предпринимательством, сельские территории нужно поддерживать и развивать. Стимулирование сельского предпринимательства позволит выйти на высокий уровень развития не только сельских территорий, но и страны в целом.

Движение к этой цели зависит от решения множества самых разных проблем, стоящих перед аграрным сектором белорусской экономики. В складывающихся сегодня экономических условиях можно выделить следующие основные цели развития сельских территорий: развитие сельского и экологического туризма, поддержка лесного и сельского хозяйства, промышленности и местных самобытных ремесел; сохранение и защита природного и культурного наследия.

Особую роль в организации малого бизнеса и управлении им на селе и в малых городах могут сыграть сетевые структуры. Выделяя основные характеристики современной сетевой коммуника-

¹ Тимошенко М. А. Социальное развитие села: формирование рынка труда и занятости в аграрном секторе экономики // Научное обозрение. 2013. № 3. С. 310.

ции, следует отметить следующее: коммуникация характеризуется производством, накоплением и передачей знания; в коммуникации имеет место обработка знания посредством научения; и отправитель, и получатель информации активно вовлечены в коммуникационный процесс; качество коммуникации непостоянно, так же, как изменчивы ее модели в современной сетевой коммуникации. Эти моменты важно учитывать при создании специалистами коммуникационных сетевых структур со стороны местной власти. Сети способны действовать в новой среде эффективнее, чем другие виды организации, и воспроизводятся и институционализируются как основная форма социальных отношений. В этом плане местной власти необходимо подумать о путях привлечения наиболее активной части населения к решению проблемы малого бизнеса. Высокие темпы роста информационного сектора в системе создания благосостояния определяют возрастающую роль коммуникационных процессов. В силу этого возникает необходимость в глубоком изучении процессов коммуникации и управления ими. Очевидно, надо подготовить соответствующие сайты, где будут размещены материалы о возможностях открытия бизнеса на селе с информацией о механизмах, льготах, направлениях возможного бизнеса в конкретных местных условиях. При необходимости следует организовать проведение практико-ориентированных семинаров с участием ученых и предпринимателей из других районов, уже открывших соответствующие бизнес-структуры. Чем более активно заработают сетевые средства коммуникации местной власти с их возможностями корпоративного обмена мнениями с населением, тем быстрее пойдет работа по эффективному развитию предпринимательства и улучшению качества жизни и занятости сельского населения и населения малых городов.

Важно достигать до каждого заинтересованного в открытии бизнеса на селе человека. Это и будет означать на самом деле, что появляется новая формула, согласно которой госслужба ответственна как перед политиками, так и перед гражданами, которым служит. Практическая осуществимость идеи двойной ответственности связывается с расширением сотрудничества государства с другими субъектами процесса принятия политико-административных решений и повышением роли общественных институтов и заинтересованных граждан.

Сотрудничество местной власти и сельского населения и населения малых городов возможно лишь в условиях доступности информации. Свобода творчества, информационных потоков, свобода включения индивидов в эти потоки являются важнейшими предпосылками «хорошего управления». Поэтому эффективность традиционных административных методов и контроля со стороны правительства существенно снижается. На место мобилизации приходят стимулирование и регулирование. В этих условиях меняются критерии управляемости, потенциал которой определяется отнюдь не силой государства, а его способностью создавать и поддерживать сетевые структуры, в рамках которых оно совместно с частными групповыми интересами вырабатывает и реализует эффективную, согласованную и целенаправленную систему управления экономикой внутри и вне государственных границ. Таким образом, меняются не только формы, но и природа государственного управления.

Раздел III

РАСПРЕДЕЛЕННОЕ ЗНАНИЕ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И HUMANITAS

3.1. НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ПАТТЕРНЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ*

Г. Л. Тульчинский

СЕМИОЗИС: СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

Ч. У. Моррис был не так уж далек от истины, когда утверждал, что «понятие знака может оказаться таким же фундаментальным для науки о человеке, как понятие атома для физики, химии, а понятие клетки для биологии»¹. Эта роль знака заключается в его посредующей роли в освоении и осмыслении человеком действительности: специфическую детерминацию человеческого бытия составляет роль знаковых систем в сохранении и трансляции социально-культурного опыта, формировании смысловой картины мира, связанной с этим опытом.

* Содержание этого раздела было ранее опубликовано в работе: *Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 175–193.*

¹ *Morris Ch. W. Foundation of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science. Chicago, 1938. № 1 (2). P. 42.*

Будучи связанными с определенными программами социально-практической деятельности, любые элементы культуры носят знаковый характер. Знаком оказывается «всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением — чужим или собственным»¹. Одежда, постройки, утварь, украшения, мебель, в принципе любая вещь обладают целым спектром значений (функций), определяемых видом практики, в которой они фигурируют. Передача социального опыта осуществляется, прежде всего, путем прямого вовлечения в совместную деятельность. Однако по мере усложнения и дифференциации общественной практики возникает необходимость в объектах-заместителях. Появляются знаки, по которым судят о других, находящихся с ними в причинной связи: жесты, признаки и т.п. Кроме этих — индексных — знаков, начинают использоваться также знаки иконические, не имеющие реальной связи с обозначаемым, но внешне подобные им: рисунки, схемы, подражательные звуки. С индексными и иконическими знаками связаны соответствующие основные виды магии: контагиозная и гомеопатическая. Первая апеллирует к отношениям части и целого, причины и следствия. Например, когда пытаются, воздействуя на часть предмета или тела (осколок, ноготь, волос, пища) добиться определенных целей относительно самого предмета. Вторая апеллирует к отношению подобия, когда манипуляции с изображением, рисунком, фотографией предполагают воздействие на изображаемый предмет. В принципе, эти фундаментальные отношения сохраняются и в современной науке. Так, прямым аналогом контагиозной магии является эксперимент, а моделирование — прямой аналог магии гомеопатической.

Полный разрыв замещаемого и замещающего происходит в языке, где эти стороны знака становятся «независимыми». Обусловлено это тем, что языковые знаки являются знаками вторичными, знаками знаков. Любой язык — путеводитель по смысловой картине мира в рамках конкретной культуры, войти в которую можно только освоив ее язык. Поэтому осмысление природы языкового знака является ключом к знаковому анализу в других сферах практики. Кроме того, в языке, в силу «несобственности» значения языковых знаков, наиболее явно, эксплицитно различение

¹ *Выготский А. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 111–112.

означающего и означаемого по сравнению с другими знаковыми системами. Именно этим объясняется феномен большей изученности языковых знаковых систем по сравнению с другими.

Вещи, поступки, явления природы в контексте определенных культур обладают семиотичностью не меньшей, чем языковые тексты, но наиболее полно раскрыть их смысловое содержание можно с помощью текстовизации — построения соответствующих языковых (речевых) конструкций. Словесный текст является лишь частным случаем реализации модели мира наряду с другими знаковыми системами (жилищами, орудиями труда, бытовыми предметами и т.д.), но только с помощью наррации можно эти частные смысловые конструкции влести в целостную смысловую картину определенной культуры.

В предыдущих работах был экстрактирован инвариант идей Г. Фреге, Б. Паскаля, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта, Г. Г. Шпета, П. А. Флоренского, А. Н. Леонтьева и других относительно содержания смысловой структуры и уровней осмысления¹. Исходным является различие в любом элементе культуры, рассматриваемом как знак, двух сторон: означаемого, то есть содержания той деятельности, того опыта, с которым связан и к которому отсылает данный знак, а также означающего — собственно материальной формы знака, с помощью которой он выполняет свою знаковую функцию. Такой формой может быть материал, из которого изготовлен предмет, пятна краски, звук, телодвижения, электромагнитная запись и т. д.

В структуре означаемого, в свою очередь, можно вычленить два основных компонента: во-первых, социальное значение — собственно социально-культурную программу, некий культурный инвариант, и во-вторых, личностный смысл, значение этого социального значения для конкретной личности. Соотношение материальной формы знака, социального значения и личностного смысла можно уподобить соотношению в двух треугольниках, образованных от пересечения двух прямых. Эти два треугольника имеют общую вершину и общий угол при этой вершине. Все остальное — конфигурация, площадь и т. д. у этих треугольников могут быть самыми разными. Личностный смысл подобен этим треугольникам.

¹ Тульчинский Г. А. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. СПб., 2019.

Люди общаются ради смыслов. Но возможно это только при двух условиях: наличии материальной формы знака (общей вершины) и инварианта социального осмысления — социального значения (общей величины угла при общей вершине). Например, слово «лето» у каждого вызовет свой поток ассоциаций (личностный смысл): у кого-то это будет отдых на море, у кого-то — лес, грибы, ягоды, а у кого-то — огород, огород, огород... Но все понимают, что речь идет о некоем словарном инварианте социального значения, самом теплом времени года в северном полушарии.

В социальном значении можно вычлени́ть два аспекта: предметное значение (предметное содержание опыта) и функциональное социальное значение знака (особенности «программы» деятельности с этим предметом). В принципе, различие предметного и функционального социального значения соответствует различию объема и содержания понятия — эти логические характеристики являются точным концептуальным выражением данного различия. В общем случае предметное социальное значение может быть собственным, отсылать к материальной форме знака (например, стол имеет самого себя в качестве предметного значения), и несобственным (например, слово «стол»). Языковые знаки в своем обычном употреблении имеют несобственные предметные значения.

В личностном смысле также можно вычлени́ть два аспекта: оценочное отношение личности к данному значению и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий.

Эти компоненты могут быть выстроены в структуру, подобную детской «матрешке». Выделенные аспекты фактически подчеркивают единую деятельностную природу смыслового содержания опыта: предмет деятельности (предметное значение), способ деятельности (функциональное смысловое значение), отношение к этой деятельности (оценка) и ее переживание.

Смысловое содержание социального опыта предстает, таким образом, как целостная система, элементы которой суть уровни осмысления и смыслообразования. Прохождение компонентов смысловой структуры от материальной формы (ее идентификации в восприятии) через социальное значение вплоть до глубин личностного смысла предстает как поэтапное погружение в смысловое содержание опыта, его субъективацию

(распредмечивание, понимание). Обратное прохождение этих уровней дает представление о поэтапном воплощении, опредмечивании и объективации социального опыта. Компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

Центральную роль в смысловой структуре и в осмыслении играет функциональное социальное значение, которое задается соответствующими нормативно-ценностными системами общественной практики: от обыденной практики и производства до научно-технических, художественных и идеологических.

Однако источником и средством смыслообразования является личностный смысл. Личностный смысл не просто наслаивается на социальное значение, выражая индивидуальное отношение к над-индивидуальному значению. Его содержанием является ценностное отношение к деятельности и ее предмету, а также переживание этой деятельности.

НАРРАТИВНАЯ ПРИРОДА СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

При раскрытии их содержания, презентации и трансляции этого содержания, и социальные значения (от статей в справочниках до проблемных аналитик), и личностные смыслы (как оценочные отношения и описания эмоциональных переживаний) — нарративны, повествовательны.

Фактически нарративы (от лат. *narrare* — рассказывать — языковая, дискурсивная практика повествования) — способ выражения и построения смысловых структур. А смысл — порождение конечной в пространстве и времени системы, каковой является человек. Ему недоступна вся полнота знания бесконечного разнообразия мира. Поэтому он постигает это разнообразие всегда с какой-то позиции, с какой-то точки зрения, в каком-то смысле. И способом актуализации осмысления является его «текстовизация» в конкретных нарративах — в обыденной жизни, в религии, экономике, науке, искусстве, политике, военном деле и т.д.

Нарративы играют важнейшую роль в формировании обыденного сознания и традиционного знания. Сказки, легенды, хроники, былины, житийные истории, эпос, биографии известных людей — все они формируют и транслируют представления

о происхождении окружающего мира, данного социума, важнейших событиях, задают образцы нравственного поведения. В этом плане нарративы символизируют действительность, наполняя ее смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации действительности, выступая эффективным средством формирования смысловой картины мира и социализации¹. Со временем к традиционным нарративным средствам социализации добавились система средства массовой информации, искусства, система образования, гуманитарные науки.

В терминах наррации, построения дискурсивных разъяснений, знание предстает системой трех типов или уровней нарративов:

1. Эмпирической фактологии, предьявления описаний, данных. Этот нарратив подразумевает ответ на вопрос «что/кто?»
2. Каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами — как ответ на вопрос «почему?»
3. Целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования целостного конструктора (ответ на вопрос «зачем?»).

Для пояснения уместно уподобление уровней нарративности структуре детектива: презентация ситуаций дополняется агрегацией пазла, в котором могут обнаруживаться смысловые, каузальные нестыковки целого. А завершает осмысление этого целого рефлексия, достраивающая осмысление до выявления мотиваций (в духе рассказа Э. Пуаро, мисс Марпл в финале).

Все три уровня наррации имеют место во всех науках — вплоть до точных и естественных, где замысел, интенциональность, перформативность — выносятся в целевой контекст исследования — его обоснования (актуальность, решаемая проблема, цели, задачи) и интерпретации результатов (их новизна, практическая значимость). Но в гуманитарном знании третий тип наррации непосредственно участвует в выстраивании предмета и содержания знания. Исходный посыл научного познания бифокален: с одной стороны — выявление объективной детерминированности явлений, каузальности, с другой — интенциональность, установки, выражающиеся уже в наблюдении, вычленении и распознавании предмета рассмотрения. Естественным наукам

¹ *Sommers M. R. The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach.*

свойственно стремление элиминировать интенциональность, достичь максимально возможной объективности. В гуманитарных же, да и в социальных науках тоже, интенциональность проявляется в обоих фокусах: это не только познающий субъект, но и участники исследуемой предметности, обладающие намерениями, стремлениями, надеждами, планами, волей к их реализации. Иначе их чаяния, стремления, надежды редуцируются к абстрактным схемам, а сами они уподобляются автоматам в мире каузальности.

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПАТТЕРНОВ СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕЙ НАРРАЦИИ

Многими исследователями неоднократно обращалось внимание на то, что набор механизмов наррации ограничен и поддается систематизации. Более того, эти схемы наррации оказываются универсальными для смыслообразования практически в любых сферах социально-культурной деятельности. Так, выявленные В. Я. Проппом на материале афанасьевского корпуса русских сказок чуть больше 30 элементов сюжетосложения (названных им «функциями»)¹, оказались релевантными для моделирования искусственного интеллекта. Традиционные жанры эпоса были применены В. Цымбурским для описания специфики культурно-цивилизационных идентичностей. Обобщение этого круга идей позволяет выявить некий экстракт — своеобразное пространство смыслообразования.

Исходной идеей этой модели является роль смысла в попытках конструктивного преодоления неопределенности, порождающей экзистенциальный и когнитивный дискомфорт. Выстраивая осмысляющие нормативы, человек преодолевает эти дискомфорты, связанные с ними неоднозначности, тревоги, страхи. При этом факторы личного опыта и эмоций, связанных с переживанием этого опыта, например, угроз выживанию, предшествуют факторам рационально-когнитивным². В строящихся нарративах объяснения

¹ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки // Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

² Цымбурский В. А. Конъюнктуры Земли и Времени // Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования. М., 2011. С. 42–45.

вторичны, играют роль поздней (или защитной) рационализации эмоционально окрашенных переживаний. Дети до трех лет — как и домашние животные — не очень понимая референциальность, реагируют на интонации. С этой оценочно окрашенной эмоциональностью (=интенциональности) и начинается осмысление. Как в сказе про Алису: сначала появляется улыбка Чеширского кота, потом к улыбке прорисовывается кот. Потом кот исчезает, а улыбка некоторое время остается. Впрочем, и у стариков то же самое — сначала угасает референциальность, последней — интонация.

Без эмоций нет и не может быть решений, стремлений их реализации. Без человека мир амбивалентен, лишен смысла, который возникает только с человеком как носителем сознания и свободы. В. В. Налимов говорил о мире как семантическом вакууме, проводя аналогию с моделью строения материи как физического вакуума, при энергетическом воздействии на который возникают элементарные частицы. Так и семантический вакуум порождает смысловые структуры при воздействии на него человека (μ -функции В. В. Налимова), энергетикой своей жизни поражающего смыслы. Будучи, как уже отмечалось, существом конечным, он, помещая себя в этот смысловой континуум, позиционирует себя в нем, относится к нему, оценивает его, действует в нем, пытается изменить существующее, увиденное, что невозможно без эмоций.

В искусстве русского авангарда истоком творческой деятельности также полагалась эмоция, чувственная аффектация переживаний автора, передаваемая через художественную форму. Так, применительно к живописи — через совмещение фигуры и цвета, различные комбинации которых порождают определенные типы эмоциональных реакций зрителей. В этой связи даже предпринимались попытки разработать эмпирически обоснованную своего рода грамматику чувственности¹.

Важно подчеркнуть, что модель представлена не в виде диаграммы, а именно пространства, определяемого двумя осями, это пространство задающими, что позволяет квалифицировать сюжетосложение, проследивать его динамику. Горизонтальная ось представленной модели связана с ключевой ролью эмоционально-

¹ Чубаров И. Коллективная чувственность // Теории и практики левого авангарда. М., 2016.

оценочных факторов смыслообразования. Согласно известной концепции П. В. Симонова¹, качество и сила эмоций (Э) зависят от потребности решить некую проблему (П) и разности информационного (знаниевого) потенциала — между имеющейся информацией (Ии) и информацией, необходимой для решения проблемы, снимающей неопределенность (Ин):

$$\text{Э} = \text{П} (\text{Ии} - \text{Ин}).$$

Чем сильнее потребность, тем сильнее эмоциональное переживание. И если имеющегося знания достаточно, то эмоция положительна, а если — недостаточно, то эмоция негативна (от дискомфорта и тревожности до страха, ужаса и паники).

Вертикальная ось связана с соотношением индивидуального и социально-группового уровня оценки и переживания.

В свою очередь диагонали позволяют проследивать перформативные установки наррации. Диагональ «левый низ — правый верх» представляет «когнитивную» линию установки на противостояние неопределенности, борьбу с нею, крайним проявлением чего является насилие. Герой, защитник в этом противостоянии способен проявить сверхнормативное насилие. Другой — разрушительной крайностью — выступает хоррор, ужас бессилия перед разрушительной силой. Крайние точки этой диагонали демонстрируют отношение к такому сверхнормативному насилию: позитивно-конструктивному со стороны героя и негативно-разрушительному со стороны стихии или врага. Диагональ «левый верх-правый низ» проследивает моральные установки на выражение ответственности социализированной личности: от стыда и раскаяния до гордости за торжество желаемого должного и ликующей сопричастности.

Выделенные в модели узлы позволяют обозначить определенные формы наррации, их основную тематику, а также зону нормативности (внутренний квадрат) — свою для каждой конкретной культуры, сферы деятельности и связанного с ними социума. Одновременно фиксируется и «зона интересного» — нарраций, порождающих повышенный интерес (новости, слухи, эпатаж),

¹ Симонов П. В. Лекции о работе головного мозга // Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М.: Ин-т психологии РАН, 1998.

поскольку их тематизация выходит за рамки нормативного, которое обычно интерес не вызывает¹.

Как координатные оси, так и диагонали пересекаются в точке отсчета любой культуры — системы запретов. Ограничения, табуирование задают первичное социальное нормирование, свойственное культуре как определенному способу жизни конкретного социума, отличающего его от других. Эмоционально негативные отклонения от нормы связаны с переживаниями и соответствующими нарративами на социальном уровне — от скорби и печали до стыда и покаяния, а на индивидуальном — от тревоги до ужаса. Позитивные эмоции связаны с торжеством разделяемых представлений о желаемом должном: на социальном уровне от смеховой радости этого торжества до прославления идеального героя, а на индивидуальном — до гордости за сопричастность.

Главное же в данном контексте то, что представленная модель увязывает в целостной картине традиционные культурно-исторические темы, определяющие осмысление социальной реальности, историческое наследие и культурную идентичность. Более того, данная модель открывает возможности построения аналитических профилей нарративных практик различного уровня и масштаба: национальных, этнических, профессиональных культур и субкультур, их сопоставления. Действительно, традиционные тематические компоненты культурных идентичностей исторической памяти хорошо известны: отцы-основатели, герои, жертвы, события и места, с ними связанные, важные для памяти гордости и скорби. Связанные с ними нарративы занимают свои вполне определенные места в пространстве предложенной модели.

Так, уже предварительные исследования показывают, что российской культуре, осмыслению ее истории в большей степени свойственны торжествующие исторические наррации, чем наррации скорби, печали раскаяния², чем, например, германской³, что

¹ Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010.

² Тульчинский Г. Л. Наррация в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика: // Социальное конструирование пространства. М., 2016. № 4. С. 65–83, Etkind A. Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied. Stanford: Stanford Univ. Press, 2013. P. 326.

³ Ассман А. Длинная тень прошлого / Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

требует обоснования анализа выявления факторов такой акцентуации. В первом приближении за такой акцентуацией стоит исторический опыт выживания в критических ситуациях, требующий экстраординарных усилий: героическое и сакральное сверхнормативно. В этом плане нравственный максимализм и стратотерпение в применении к власти приводят к ультрапарадоксальному единству взаимоисключающих характеристик. Профанные нормы не распространяются на власть. Поэтому, с одной стороны, она непререкаемо сакральна, а с другой — ее можно обманывать, не выполнять обязательства, красть. Неслучайно на Руси самодержец — предмет искреннего поклонения, помазанник Божий, отец родной, и почти одновременно — проклинаемый всеми злодей, а то и Антихрист. «Сама по себе власть, по крайней мере власть самодержавная,— это нечто, находящееся либо вне человеческого мира, либо ниже его, но во всяком случае в него как бы и не входящее. Благословение здесь очень трудно отделить от проклятия»¹.

РОЛЬ ПОВТОРОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ

Практика наррации, выстраивающей смысловую картину мира, предполагает закрепление соответствующих эмоций на уровне переживаний соответствующего эмоционального состояния. Эту функцию выполняет практика повторов опыта таких переживаний. «Повторяются, возвращаются не смысловые аспекты в их предметности (т.е. отвлеченные от личностной активности), а моменты живого ощущения деятельности, активности. Деятельность не теряет себя в предмете, а снова и снова чувствует единство в себе самой, в напряжении души и тела»². Такое единство есть единство личностного переживания деятельности. Речь идет о сфере телесного опыта, расположенной между ощущением тела как части объектного мира и потоком приватных телесных ощущений, собираемых в некое психосоматическое единство. Сохранение артефакта культуры — не столько в его предметном значении, сколько в форме его сделанности и презентации, порождающих определенное переживание опыта.

¹ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 9. С. 235.

² Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники // Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 64.

Причем, особую роль в сохранении и возврате чувства единства деятельности играет ритм¹. На этом основана роль ритма в организации трудового процесса, поэтической речи, в изобразительном, пластическом искусстве. Повторы, ритмика, рифмы в поэзии обеспечивают возвращение, повторение переживаний, эмоций. На этом основана грандиозная роль музыки в стимулировании и закреплении эмоций — от армейских маршей до лирической песни и классической музыки. Переживания и сопереживания этих эмоциональных повторов и определяют смысловое содержание художественных образов и произведений и коммуникации в целом.

Очевидно, можно говорить о фундаментальной смыслообразующей функции повторов — именно с их помощью закрепляются нейронные сети, формируя память, которая, в свою очередь, почти эвфемизм сознания, вменяемости. Повтор, повторение опыта формируют и закрепляют память: все приемы запоминания (мнемотехники) основаны на повторах. Нелишне напомнить, что критериями сознания, вменяемости (в суде, экспертизе) является способность назвать свое имя, адрес проживания, даты и т. п. А в немецком языке глаголы думать (мыслить) и помнить однокоренные: *denken* и *andenken*. Память — суть и критерий самосознания. «Опомниться» означает «вспомнить себя», «прийти в себя» «вернуться к себе», «повторить себя».

Собственно, сама возможность мышления, когнитивные процессы — от распознавания до мифопоэтических образов и научных рассуждений — строятся на возможности отождествления, в логических терминах — на законе тождества ($A = A$). Другими словами, начало и возможность сознания, его выражение — суть та или иная степени устойчивости, инвариантности, что возможно только при условии повторяемости.

Повторы акцентированно используются не только в обучении, но и в пропаганде, попытках внушения, являются одним из эффективных приемов манипуляции в массовой коммуникации. Они широко практикуются в художественной культуре массового общества, «повторной», даже сериальной по самой своей природе. Масскульт пользуется повторным, неоднократным ага-узнаванием хорошо известного, привычного, транслируя стандартную норма-

¹ Ритмология культуры / под ред. Ю. Ю. Ветютнева, А. И. Макарова, Д. Р. Яворского. СПб., 2012.

тивность. Собственно, в этом и состоит его участие в социализации. Такое акцентированное педалирование нарративных повторов порождает инфантильность стилистики массового искусства. Помимо нацеленности на коммерческие результаты артефактов массовой культуры, что, как и их маркетинг, невозможно без простого узнавания сюжетов и образов, это связано с апелляцией к глубоко архаичным слоям смыслообразования и сознания: с точки зрения психоанализа, речь идет об апелляции к регрессивным психическим состояниям.

Арт-хаус, «авангард» тоже участвуют в социализации, но иначе — не транслируя норму, а провоцируя ее, тестируя и проверяя ее границы, порождая — в терминах предложенной модели — «интересное». Площадки современного искусства становятся площадками анормативности, смыкаясь с политическим протестом, освобождаясь от институтов, разума, морали, подавляющих нас. Новое в искусстве — это что-то неповторимое, неузнаваемое, необычное. Это может быть необычный образ, принципиально новый концепт, а может быть необычный взгляд на хорошо известное, привычное. То, что происходит на сценах, в выставочных залах, на экранах, страницах книг, — недопустимо в норме. Но для такой провокативности, гипеространения нормы нужна сама норма, нужно привычное, узнаваемое, чтобы его повторить и преодолеть.

Однако, как представляется, масскульт и артхаус в главном едины — различия между ними только в рыночном позиционировании. В массовом искусстве, в силу имманентной самодостаточности общества массового потребления, утраты им образа будущего, настоящее, современное не есть переход от прошлого к будущему, а пролиферация нарративов о прошлом. Такая потеря исторической перспективы способна обернуться непродуктивно потраченным временем настоящего¹. Настоящее не ведет к будущему, не инвестируется в него, а постоянно самовоспроизводится. Это искусство самоповторения и самопродуцирования. Б. Гройс характеризует это как неуверенность в истине, но уверенность в пересмотрах². Поэтому и нынешний «авангард» по самые брови в настоящем, его повседневности и обыденности, когда новое подменяется накоплением различий за счет остранения старого, из-

¹ Мальшикин Е. В. Две метафоры памяти. СПб: СПбГУ, 2011. С. 57–58, 82–85.

² Гройс Б. О новом // Опыт экономики культуры. М., 2015.

вестного: сериалы, сиквелы, приквелы, пародии и прочие перепевы «старых песен о главном». Символом этой новизны и уникальности как «вечного, бесконечного настоящего»¹ является редимейд (*ready made*) в качестве артефакта, когда автором, художником используются и представляются не им созданные предметы, вещи, тексты: от кирпича и консервной банки — до предметов ширпотреба и старого писсуара. Маскульт легко переходит в артхаус, а тот (в случае попадания в модный тренд) — в маскульт и тиражирование. А попадание артефакта в музей означает его попадание в архив для новых проектов, каковым музей, собственно, и оказывается.

Однако дело не ограничивается сериализацией искусства. Политика, спорт, новости, войны, телешоу, Инстаграм, Фейсбук, ВКонтакте порождают столько образов, что конкурируют с искусством и даже его превосходят. Это множество легко узнаваемых образов, брендов задают, по сути дела, типологию мифов, порождающих определенные эмоции, направленных на стимулирование этих эмоций, желаний. Повторы обеспечивают стандартизованность эмоциональных состояний аудитории, массовых коммуникаций, обращение к ее эмоциональной памяти. Как писал Х. Ортега-и-Гассет: «...Кто хочет на нее (массу) влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое»².

Повторяемость — главное условие мифологизации. Миф и есть вечно воспроизводящийся нарратив и образ³, придающий смысл происходящему. Он больше чем реальность, он то, что делает реальное реальным, узнаваемым и понятным. Ритуалы, обряды, культурные традиции в целом, — закрепляют повторы с помощью памятных знаков, монументов, охранных зон, задающих пространственно-вещественные маркеры культурной памяти. Празднование знаменательных дат, юбилеев, других праздников, обычно связываемых с этими местами, локациями, задают темпоральность повторов, закрепляющих смысловую картину мира. Но ключевым моментом таких хронотопов выступают именно нарративы, конкретизируемые этими пространственными и временными привязками к реальности.

¹ Там же. С. 86.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001. С. 220.

³ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб., 1998.

Кажущееся довольно комичным правило начальной школы — «повторение — мать учения» — оказывается выражающим принципиально важный и глубокий механизм смыслообразования. Более того, именно повторы, закрепляющие нарративы в культуре, становятся перформативами поведения и мотивации. Особенно ярким примером являются мораль и ее формализация в праве, когда неоднократное применение нарратива превращает его в правило оценки, контроля и стимулирования поведения.

Реальность нарративна и зависит от ценностно-нормативных операторов, задающих контекст осмысления, сводящих личностные переживания в фокус социальных значений, закрепляя это повторами. По сути речь идет об упорядочении хаоса, преодолении неопределенности и связанных с ними фобий, аларма, сводя различные точки зрения (распределенное знание индивидуальных монад¹) к общему порядку осмысленной картины мира. Именно смысловая наррация обеспечивает содержание (контент) действия культуры как «машины» смыслообразования и формирования определенных типов идентичности.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФИКСАЦИЯ И ТРАНСЛЯЦИЯ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ЗНАНИЯ

Важным содержанием и формой распределения знания выступает историческое наследие — как часть опыта прошлого, которая включается в оборот социальной жизни, продолжает традиции. В формировании и консолидации социума ключевую роль играет историческая память — как форма распределения в обществе представлений о данном социуме, его происхождении, месте среди других сообществ. Историческая память во многом определяет социально-культурную идентичность личности, возможность консолидации общества, поиск направлений, путей дальнейшего развития.

В этом плане историческое наследие составляет актуальную историческую память социума, которая актуализируется на трех уровнях. Оперативный уровень связан с текущей конъюнктурой, и реализуется в медиа, искусстве. Более инерционный связан с практиками образования. Наиболее устойчивый уровень задается

¹ Малышкин Е. В. Две метафоры памяти. С. 185.

семейным воспитанием и связан с культурной идентичностью. Важной задачей является обеспечение соответствия между этими уровнями. При этом ключевую роль играют практики преподавания истории, которые формируют у школьников сопричастность и сопереживание.

Что может рассматриваться в качестве содержания исторической памяти? Любые архивные данные? Любые предметы и артефакты прошлого? Эти вопросы имеют особое значение применительно к современному российскому обществу, с его поисками самоопределения, позиционирования в современном мире, а главное — собственного внутреннего самоопределения, формирование которого невозможно без осмысления исторического прошлого. Проблема осложняется еще и тем, что речь идет не просто об исторических фактах, «белых» или «черных» пятнах в отечественной истории, а выборе тех фактов, которые представляются важнейшими, существенными для понимания настоящего, а главное — перспектив развития общества, фактически — того символического наследия, без которого невозможно построение будущего, которое важно для выявления и понимания перспектив этого будущего.

На прошедшей в конце апреля в Санкт-Петербурге Международной научной конференции «О пользе и вреде культурного наследия для жизни» в результате довольно бурной дискуссии большинство участников пришло к выводу, что в качестве культурного наследия может рассматриваться не весь тот багаж прошлого, который осел в архивах, музейных фондах, стал предметом исследований, а только то, что включается в оборот социальной жизни, продолжает традиции. Другими словами, то, что составляет актуальную историческую память социума, т. е. общепринятые представления о прошлом страны, нации, ходе их развития, которые транслируются, обсуждаются в публичном пространстве, формируя социально-культурные идентичности, способствуя осознанию общих проблем, целей, консолидируя и мобилизуя представителей различных поколений на достижение этих целей.

В этом плане историческая память выступает социально-политическим институтом, реализуемым в различных формах и различными социально-культурными технологиями: от образования, исторической науки и искусства — до массовых праздников и средств массовой информации. И активное обсуждение тематики «политического использования истории», «исторической по-

литики», «политики прошлого», «политики памяти», «коллективной общественной памяти», «исторической памяти», «режимов памяти», «культуры памяти» и т. д. стало предметом интересов широкого круга историков, социологов, философов, политологов, психологов, культурологов и других специалистов¹.

Роль общей исторической памяти социума сродни роли памяти в формировании и самом факте существования индивидуального сознания. Объем и качество памяти — достаточно точные критерии интеллектуального и нравственного развития личности, ее уровня образования и профессиональной подготовки. Сам факт самосознания, свидетельство вменяемости личности выражается в способности вспомнить далекое и недавнее прошлое, имена и даты, собственную биографию, своих близких, отношения с ними, рассказать об этом... Недаром подавляющее большинство практик самопознания (исповеди, дневники, автобиографии, воспоминания, «истории по жизни» и т. п.), так или иначе, но связаны с практиками воспроизводства памяти, рефлексии над ее содержанием в виде рассказов, дискурсивного развертывания. Аналогично и с исторической памятью социума. «Чтобы сформировать ... чувство единства с другими людьми, принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором данной нации «отводится центральная и позитивная роль»².

Нарратив (от лат. *narrare* — рассказывать) — языковая, дискурсивная практика повествования, разворачивания событий в некоей осмысленной последовательности, имеющей начало, сюжетную структуру развития и развязку, финал. Причем ключевую роль играет именно финал, завершающий повествование и осмысление всего его сюжета. Рассказчик, собственно, тем и отличается как от героев своего рассказа, так и от слушателей, что он знает, чем завершилась рассказываемая история. Именно наличие определенного «завершения», конца, изначально известного нарратору, создает своего

¹ Васильев А. Memory studies: единство парадигмально-многообразных объектов // Обзор англоязычных книг по истории памяти. 2011. № 117 (5). С. 461–480; Историческая политика в XXI веке / ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012; Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 16–22.

² Bell D. S. A. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. № 1 (54). P. 65.

рода силовое поле, приводящее все сюжетные линии к одному смысловому фокусу. Знание финала выступает аналогом аттрактора, поэтому понимание истории делает ее телеологической дисциплиной, вполне в гегелевском смысле, открывая двери ее перманентному реформатированию — в соответствии с очередным «сдвигом финала», т.е. очередным этапом развития общества.

Нарративы играют важнейшую роль в формировании обыденного сознания и традиционного знания. Сказки, легенды, хроники, былины, житийные истории, эпос, биографии известных людей — все они формируют и транслируют представления о происхождении данного социума (рода, племени, нации), важнейших событиях, славят героев, внушают гордость за своих предков, задают образцы нравственного поведения, отличия от соседей и чужеземцев, позволяя позиционировать данный социум, его представителей в пространстве и времени. В этом плане нарративы символизируют действительность, наполняя ее смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации прошлого и настоящего, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования идентичности социума и его членов¹.

Со временем к традиционным нарративным средствам социализации добавились система средства массовой информации, искусства, система образования, гуманитарные науки. Особую роль при этом играет история, которая нередко и конституируется (Т. М. Гуд, А. Данто, Д. Каллер, А. Карр, Ф. Кермоуд, А. Тойнби, П. Рикер, М. Уайт и др.) в качестве нарратологии по преимуществу. В рамках нарративного понимания истории, события, сам исторический процесс трактуется не как некий объективный процесс развития, а как всегда возникающие в контексте конкретного рассказа и заложенной в нем интерпретации. Такой рассказ в исторических сочинениях использует широкий спектр концептуализаций: от специфически выстроенной хроники, определенного типа построения сюжета до идеологического подтекста или даже социального заказа. Как теоретическая дисциплина история выступает не описанием реальности, а скорее инструкцией по ее формированию, построению, а историк предстает коммуникатором, медиумом, который отбирает из исторических источников отдель-

¹ *Sommers M. R. The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach // Theory and Society. 1994. № 23 (5). P. 606–649.*

ные фрагменты, складывая их в определенную историческую картину, которая транслируется далее в научных статьях, учебниках, популяризациях, СМИ.

По словам Ж. Эллюля: «Сегодня факт — это то, что переведено в слова или представления; очень немногие люди могут непосредственно испытывать на себе то, что оказалось переработанным и приняло характер общезначимости, поэтому фактом является то, что передано широкому кругу людей средствами коммуникации, и то, чему был придан определенный оттенок, не обязательно воспринимавшийся очевидцами события. Все эти черты соединены вместе и конституируют те абстрактные факты, на которых строится общественное мнение»¹. Иначе говоря, фактом становится не то, что произошло, а то, о чем рассказали, и как рассказали.

А. Эткин различает две основные формы символической презентации прошлого: «мягкие» (software) и «твердые» (hardware)². К первым относятся фольклор, искусства, образование, гуманитарные науки, медиа, практики нарративной интерпретации прошлого. Ко вторым — музеефикация, монументы, мемориалы, места исторических событий, выступающие ориентирами, маркерами привязки нарративов к пространству реального опыта.

Однако представляется важным дополнить эту типологию третьим компонентом воспроизводства прошлого. Речь идет о хронотопах, событиях (special events): ритуалах, празднованиях, церемониях, реконструкциях, перформансах, хепенингах, т. е. практиках презентации прошлого и сопричастности ему.

Реализация всех этих форм и практик предполагает их инициаторов — акторов политики исторической памяти. Такая политика может осуществляться сверху и снизу. В первом случае ее акторами выступают органы власти, политики, система образования, культурные индустрии, традиционные и новые медиа. Во втором — общественные организации, инициативы граждан, медиа, различные группы поддержки или протесты.

Исследования показывают наличие трех уровней реализации исторической памяти, каждому из которых свойствен свой

¹ Ellul J. Propaganda. The Formation of Men's Attitudes. NY: Vintage Books, 1973. P. 352.

² Etkind A. Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied. P. 326.

временной ресурс динамики¹. Во-первых, это оперативный режим, реализуемый медийными технологиями, индустриями культуры и искусства. В этом режиме содержание исторической памяти наиболее подвижно (с лагом до 3 лет) — в зависимости от текущей внешней и внутренней ситуации, политического курса и т.п. Во-вторых, это образование — режим более инерционный (лаг 15–20 лет), обеспечивающий воспроизводство более устойчивого содержания исторической памяти. И, в-третьих, это собственно культурная память, режим наиболее устойчивый, поскольку задает культурную идентичность. Поэтому его лаг составляет 30–50 лет, не менее двух-трех поколений.

Переоценка коллективного прошлого в зависимости от изменения контекста — задача, конечно же, необходимая. Меняется ситуация, расклад политических сил, какие-то интересы сменяют другие. Как и жизнь личности, жизнь социума переосмысливается с каждым пережитым этапом, прежде всего, историков. Практически весь политический класс — от высшего государственного руководства до местных депутатов и чиновников, ведущих журналистов и экспертов — не только апеллируют к прошлому, участвуют в его интерпретации, но и имеют возможность прямого регулирования воспроизводства исторической памяти. Изменения государственной символики, официальных ритуалов, содержания учебников и учебных программ, календаря памятных дат, отмена и учреждение общенациональных праздников — все это далеко не полный перечень политического использования истории, а то и его целенаправленной составляющей в качестве «исторической политики»². Прошлое становится не только одним из риторических ресурсов легитимации власти, пропаганды, но частью самой политики. В ряде исследований О. Ю. Малиновой детально показано, как строится дискурсивная практика переосмысления исторической памяти в нормативных документах и выступлениях политических руководителей РФ за последнюю четверть века³.

¹ Тульчинский Г. А. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 10–14.

² Историческая политика в XXI веке / ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012.

³ Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. С. 16–22.

Переосмыляется и личный, семейный опыт. Неизбежно переписываются учебники, пересматриваются образовательные программы. Поэтому принципиальную роль играет согласование содержания исторической памяти на каждом уровне. Их рассогласование порождает социумы с «разорванной» исторической и культурной памятью. До недавнего времени примерами таких обществ были Мексика, Алжир, Турция, Россия — общества, в которых элитами транслировались представления о целях и путях развития, резко отличающиеся от культурной памяти социума, а то и отрицающие само содержание этой памяти. Неслучайно в таких обществах предлагаемые элитой реформы и программы развития сталкиваются с серьезными проблемами и сопротивлением, предполагая дополнительные сверхусилия по консолидации общества, что сопровождается социальными конфликтами и даже насилием. Только общая историческая память обеспечивает доверие широкого радиуса, выступая основой консолидации общества. Почти как в известной мудрости: гармония в душе — гармония в семье, гармония в семье — гармония в делах, гармония в делах — гармония в стране, и наоборот: гармония в стране — гармония в делах, гармония в делах — гармония в семье, гармония в семье — гармония в душе.

Историческое наследие есть часть опыта прошлого, которая включается в оборот социальной жизни, продолжает традиции. В этом плане историческое наследие составляет актуальную историческую память социума. Историческая память актуализируется на трех уровнях. Оперативный уровень связан с текущей конъюнктурой, и реализуется в медиа, искусстве. Более инерционный связан с практиками образования. Наиболее устойчивый уровень задается семейным воспитанием и связан с культурной идентичностью. Важной задачей является обеспечение соответствия между этими уровнями. При этом ключевую роль играют практики преподавания истории, которые формируют у школьников сопричастность и сопереживание.

В этой связи весьма показательна динамика современной российской символической политики исторической памяти, когда примерно с 2012 года существенно изменилась оперативная символическая политика «сверху». Политическая элита заговорила на языке культурной памяти, включая советский опыт (что оказалось довольно неожиданно для академической (научно-образовательной среды), и, одновременно, поддержала идею гражданской идентичности,

что оказалось не менее неожиданно для обыденного этнического понимания наций и сторонников этнофедерализма. Такая динамика тем более порождает необходимость соотнесения символических презентаций прошлого на каждом уровне, других направлений работы с содержанием исторической памяти, ее систематизации.

Такие попытки могут быть связаны с различием жанров исторической памяти¹, что позволяет наметить логику такого осмысления и такой систематизации. Прежде всего, это триумф — торжество социума: слава героев-победителей, несостоятельность врагов, вызовов. Но не менее важны и скорбь, траур — травмы социума. Как показывает опыт некоторых наций, страдания соединяют в большей степени, чем радости². Именно с ними связаны память о героических (активных) жертвах «во имя» (*sacrifice*) и о трагических (пассивных) жертвах, мучениках «от» (*victim*). Показательно, что одним из уроков прошлого столетия стали практики стыда, покаяния. Ряд глав современных государств принесли публичные покаяния за трагедии Холокоста (шоа).

К практикам стыда и покаяния примыкают практики забвения, которые очень важны для формирования национального самосознания, вообще культурной идентичности. Как писал Ф. Ницше, без забвения нет ни жизни, ни счастья, ни будущего, ни спокойной совести³. А Э. Ренан в своем знаменитом сорбоннском докладе 1882 года «Что такое нация?» подчеркивал, что нация — это общность людей, у которых много общего и которые вместе многое забыли⁴. Действительно, как и в истории каждой семьи есть свои «скелеты в шкафу», так и в истории народов есть обстоятельства, о которых не хотелось бы вспоминать. Но забвение не может сводиться к простому замалчиванию неприятных фактов истории. Остаются исторические факты, документальные архивы, свидетельства и память очевидцев, хранителями которых являются или сами очевидцы, или их потомки. Наконец, эти факты и обстоя-

¹ Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и Времени // Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования.

² Тульчинский Г. Л. Роль геноцида в национальном самосознании // Геноцид в исторической памяти народов и информационных войнах современности. М., 2015. С. 154–167.

³ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 441–442.

⁴ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч.: в 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 91–92.

тельства могут храниться в исторической памяти других народов, входить как исторические травмы в их память и идентичность.

Именно следствием замалчиваний, педалированием собственного героизма и являются конфликты и войны исторической памяти. Не будучи включенными в историческую память, не осмысленные ею, эти темы образуют незалеченные травмы общественного сознания, его «невротичность», обусловленную невозможностью дистанцироваться от прошлого, зафиксировать его, уверенно жить дальше. Такое прошлое постоянно присутствует, вызывая навязчивые повторы. Это проявляется не только на уровне искусства и СМИ, в радикальных пересмотрах учебников и учебных программ, но и в переименованиях городов и улиц, разрушении памятников, охранных зон, даже на уровне вынужденно замалчиваемых тем семейной памяти. В не столь давнем советском прошлом дело доходило до уничтожения и фальсификации документов — например, дат и причин смерти репрессированных.

Рядом исследователей отмечается «этический поворот», произошедший после II Мировой войны и связанный с трагедией Холокоста¹. Произошла глобализация памяти народов и человечества. Формируется общечеловеческая культура скорби и ответственности. Основной тренд конструктивной эволюции национальной памяти связан не только и не столько с триумфальной или оскорбленной честью. Он включает и совместную память исторических травм: скорбь и признание общей ответственности, а также меморизацию трагедии.

Переживания исторической травмы² включают в себя этапы: выявление Жертвы; молчание (шок, дистанцирование, замороженность трагедией); осмысление; преодоление; меморизация. Осознание Жертвы и дистанцирование — естественны и объективны. А осмысление, преодоление и меморизация предполагают достаточно напряженную работу и усилия. Такие практики конструктивного забвения достаточно хорошо известны. Можно только предложить их некоторую систематизацию. Во-первых, это изживание прошлого на уровне научного осмысления: исторические и социологические исследования, их последующее архивирование,

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого // Мемориальная культура и историческая политика. С. 123–124, 304.

² Welzer H. Kunst und Kritik des Vergessens. Munchen: Beck, 2005. P. 156.

а также включение их результата в образовательные программы высокого уровня. В начальных классах и в средней школе знакомить детей с деталями трагедий необязательно — достаточно общего представления. И, во-вторых, это символические презентации этой памяти, связанные с глубокой рефлексией (скорби, печали). Без такой рефлексии исторические травмы предстают как нечто, достойное сожаления, но не более того. А неизжитые травмы постоянно возвращаются, порождая конфликты.

XX век — один из наиболее трагических, если не самый трагический, в отечественной истории. Фактически за период жизни одного поколения российское общество пережило несколько Великих Трагм, отношение к которым до сих пор раскалывает наше общество.

Великая Отечественная война — неспроста стала главным праздником. Эта травма глубоко и широко осмыслена обществом и его элитами. Но остались травмы исторической и культурной памяти.

Это I Мировая война. Неспроста попытка 100-летия этой трагедии, фактически, потерпела неудачу. Общество оказалось не готовым к осмыслению и включению этой трагедии в свою историческую память. Требуется дополнительная работа по осмыслению этой ключевой для понимания всего столетия трагедии, ее героев, жертв-во-имя и меморизации.

То же самое можно сказать и о Гражданской войне — требуется признание общей ответственности и меморизация трагедии.

Не менее важно и осмысление трагедии Репрессий. Их трагичность признана, но требуется осмысление «жертвы — во-имя», «жертвы-от», констатация источника трагедии, признание общей ответственности и меморизация. В этой связи последние решения об увековечении памяти жертв сталинских репрессий в Москве является важным шагом в конструктивном направлении.

Наконец, Распад СССР — травма, коренным образом изменившая судьбу страны и ее граждан, требует осмысления жертвы «во-имя» и «от», признание общей ответственности и меморизации.

Широкое внимание привлекло расследование Денисом Карагодиным обстоятельств расстрела в 1938 г. его прадеда Степана Карагодина. Правнуком была документально прослежена вся цепочка решений и исполнения: от решений, подписанных руководством страны, до лиц, подписавших приговор и приведших его в исполнение. И одним из результатов публикации материалов

этого расследования в сети стало письмо внучки Николая Зырянова (палача С. Карагодина, только 21.01.1938 г. расстрелявшего 36 человек):

«...Умом понимаю, что я не виновата в происшедшем, но чувства, которые я испытываю, не передать словами...Отца моей бабушки (маминой мамы), моего прадеда, забрали из дому, по доносу, в те же годы, что и Вашего прадедушку, и домой он больше не вернулся, а дома остались 4 дочки, моя бабушка была младшей... Вот так сейчас и выяснилось, что в одной семье и жертвы, и палачи... Очень горько это осознавать, очень больно. Но я никогда не стану отрекаться от истории своей семьи, какой бы она ни была»¹.

Особенно важной представляется роль образования, реализующего промежуточный, медианный уровень формирования исторической памяти, связь оперативной исторической памяти и инерционной культурной идентичности.

На прошедшем 30 марта в Санкт-Петербурге IV Конгрессе учителей общественных дисциплин» активно работала секция «Историческая политика и историческая память: как уроки по истории трансформировать в уроки истории». Материалы секции продемонстрировали, что коллективами школ, отдельными учителями накоплен богатый опыт работы в этом направлении, затрагивающий урочное и внеурочное время. Широко используется игровой формат, театрализация, возможности, которые дают современные информационно-коммуникативные технологии: базы данных, возможности контактов. Школьники с большим интересом участвуют в изучении конкретных фактов, событий, связанных с их городом, селом, местными жителями, их семьями. По итогам таких исследований, специальных поездок, экскурсий проводятся конференции, выставки, нередко организуются публикации. Эти материалы выкладываются на сайтах школ, в социальных сетях. И для школьников очень важно, чтобы такая практика заканчивалась реальным результатом: выставкой, публикацией.

Учителя ищут не только новые формы, но и стараются уйти от избитых тем, вовлекая семейный опыт, семейные архивы, личный

¹ Фомина Е., Рачева Е. От шофера «черного воронка» до Сталина. [Электронный ресурс] // Новая газета. 23 ноября 2016. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/23/70635-ot-shofer-a-chernogo-voronka-do-stalina> (дата обращения: 17.12.2018).

опыт близких и знакомых людей. Тем самым достигается бóльшая вовлеченность и сопричастность детей историческому опыту, сопереживание ему, понимание прошлого своего села, города, страны, а главное — своей семьи, своей собственной предыстории, всего того, что так важно для самосознания и самоопределения.

Этот опыт, так же, как и упомянутая история потомков С. Карагодина и его палача, дают наглядный урок конструктивной практики забвения. Бои за прошлое, его реконструкция, разумеется, важны. Но это только первый шаг к консолидации социума. Как самоцель, они — способ не заниматься будущим. Главное — дать покой мертвым, успокоить память живых и вместе строить жизнь дальше, достигая упомянутой выше гармонии в душах, семьях и делах.

3.2. ПРОЕКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ГИПЕРТЕКСТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАНИЯ*1

Смысл, смыслообразование, осмысление — принципиально «человеческие» характеристики бытия. Человек — существо конечное в пространстве и времени, ему не дано постичь бесконечное разнообразие мира. Поэтому он делает это всегда с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, с какой-то точки зрения, — в каком-то смысле. Из этого следуют, как минимум, три важных обстоятельства. Во-первых, персоналогичность: порождение новых смыслов, их понимание, толкование предполагают занятие или принятие определенной личностной позиции, включая эмоционально-оценочную. Вхождение смысловой структуры в социально-культурный контекст предполагает, и это во-вторых, — коммуникативность — возможность трансляции не просто информации как цифровой меры разнообразия, а информации именно осмысленной — выражающей и предполагающей определенные ценностно-нормативные установки. Что, в свою очередь, и в-третьих, реализуется в определенных способах, технологиях социальной коммуникации, представления смыслообразований (репрезентативность). Учитывая социальную природу человека и роль коммуникации в реализации этой природы, можно говорить о своеобразной «ленте Мебиуса», соединяющей личность и социум, тканью, контентом которой и выступает смысловая картина мира, непрерывно вырабатываемая и под-

* Данный фрагмент был ранее опубликован в работе: *Тулъчинский Г. А. Философия как проектирование новых смыслов // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 64–68.*

держиваемая усилиями практически каждого наделенного сознанием человека.

В этой связи особый интерес представляют возможности смыслообразования, открываемые средствами коммуникации современного «информационного массового общества», реализующими практику перманентного всеобщей доступности, включенности в коммуникацию, и, одновременно, дивергенцию точек зрения, подходов, мнений. Тем более это актуально применительно к философскому осмыслению, тяготеющему к всеобщности и универсальности.

Сами философы упорно расценивают свое занятие как отрасль знания, а то и науки. По крайней мере защищают диссертации на соискание ученых степеней кандидата, а то и доктора наук, получают научные звания доцентов и профессоров, почетные звания «деятелей науки». Между тем общеизвестно, что по мере формирования науки, все большей специализации научных дисциплин, нарастали напряжения в отношениях науки и философии. Между ними сложились взаимно-подозрительные, если не взаимно-ревнивые отношения. То философия, вспоминая о былом «матери всех наук», «науки наук», начинала поучать свое любимое, но свое нравное чадо, то пыталась сама принять вид науки, вызывая этими попытками придать себе статус научности и даже науки наук небезосновательный скепсис и иронию научной общественности. Но и наука постоянно демонстрирует своеобразный «эдипов комплекс», вновь и вновь низвергая философию, получая на развалинах ее варианты, причем не всегда лучшие.

Ситуация приобретает особенно причудливый характер при сравнении философского этоса с научным, который суть свод правил совместной деятельности, таких как объективность, проверка экспериментом, математическим расчетом. Вне таких принципов научная коммуникация и аргументация утрачивают всякий смысл. Философские взгляды с трудом поддаются классификациям и систематизациям — в лучшем случае, по эпохам и культурно-этническим факторам. Очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга — ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Но, будучи мировоззрением и миропониманием, если не мироощущением, любая философия — как осмысление мира, человека и его места в мире — связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих»

вопросов: какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности? Что такое человек? Что происходит в момент смерти? Почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? В чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. В своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще. Но смысл слова уясняется из контекста предложения. Смысл предложения — из контекста текста. Аналогично философское осмысление — выход в контекст этого мира и этой жизни. Философы — «не от мира сего». Из этого следует, что философия в принципе не является и не может быть наукой в смысле science, где предметы можно увидеть, потрогать пальцем, изучать с помощью специальных приборов. Но кто и когда видел истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые? Кто, где и когда видел мир вообще, как таковой? Его первопричину?

Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне — и над-природно. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во-первых, будучи предельным осмыслением, философия есть свобода выбора «точки вненаходимости», как позиции для осмысления, индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Зачастую эта индивидуально неповторимая позиция приходит в резкое столкновение с общепринятыми нормами, а то и сознательно им противопоставляется. Поэтому архетипичной фигурой философа на все времена стал Сократ, вынужденный по решению суда выпить яд, а для отечественной философии — П. Я. Чаадаев, высочайшим повелением объявленный умалишенным.

Во-вторых, в силу реализации, поиска, нахождения и утверждения человеком самого себя — конечного существа — в бесконечном мире, философия оказывается индивидуально неповторимым осмыслением действительности. Философствование дает человеку смысложизненное оправдание — всякая философия, так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни — обстоятельство очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

В-третьих, осмысление мира в целом, на которое претендует философ, выводит его в контекст этого мира. Поэтому философ — личность не от мира сего, занимающая позицию вне этого мира и только так получающая возможность понять и судить этот мир. Следствием чего и является своеобразное отношение к философам и философии. С одной стороны, они — что-то вроде юродивых, блаженных не от мира сего. А с другой — вечно виноватые. Не важно, что их никто никогда не слушал — если что-то в жизни идет не так, то виноватыми в этом оказываются прежде всего именно философы, «учителя жизни», которые, оказываясь, учили не тому и не так.

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование, как самоопределение, в конечном счете, есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это — в-четвертых. Сколь бы не стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле, его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии» — как говорил М. М. Бахтин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Как всякое рациональное осмысление, она есть позднейшая рационализация пройденного пути, объясняет смысл ситуации, в которой находится субъект — не более. Но и не менее.

И, в-пятых, в силу всего предыдущего, философствование должно располагать и располагает богатой палитрой выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Спектр способов философствования широк: паремии и афоризмы, притчи и басни, повести и романы, логически выстроенные системы. Но общее требование к ним с точки зрения философского этоса — претензии на исчерпывающее осмысление.

Извне, с позиции непосвященного, философствование иногда выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле, как универсальное, предельное самоопределение, философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным — как само это бытие — способом реализации свободы самоопределения.

Поэтому попытки, а тем более — практики — раскрытия и реализации этих возможностей не могут рассматриваться иначе как

фронтиром современной философии — как в концептуальном, так и социальном ее планах.

Именно такие практики ярко и убедительно представлены нашим современником М. Н. Эпштейном. Российско-американский культуролог, философ, филолог Михаил Наумович Эпштейн (профессор университета Эмори, США, почетный профессор Даремского университета, Великобритания) — автор не только хорошо известный, но и, пожалуй, один из наиболее значительных среди гуманитариев, пишущих на русском языке. Отъезд за рубеж в 1990 г. не только сохранил его присутствие в отечественной гуманитаристике, но, скорее, наоборот, способствовал росту как количества и объема его публикаций, так и масштаба поднимаемых в них тем — от публицистики до обстоятельнейших фундаментальных разработок. Недавно вышедший «Проективный словарь гуманитарных наук»¹ заслуживает, однако, особого внимания. Речь идет о масштабном проекте с немалым философским потенциалом. Это важный этап в ходе реализации грандиозной по масштабу и значимости программы, которой М. Н. Эпштейн посвятил, фактически, все свое творчество. Его задача — расширение места и роли гуманитарных наук, гуманитарного знания в современном, на глазах цифровизирующемся обществе.

Любой философский проект предполагает этап систематизации сделанного — помимо прочего, это важно для определения перспектив дальнейшей работы. И словарь — яркий пример такой систематизации. Он включает 440 статей, содержащих системное описание предлагаемых понятий и терминов гуманитарных наук, включая философию (в том числе этику и эстетику), культурологию, религиоведение, лингвистику, литературоведение, а также гуманитарные подходы к природе, истории, обществу, технике — всего по четырнадцати тематическим разделам.

Это итог почти полувековой работы автора в разных областях гуманитарных наук. И всегда в центре внимания М. Н. Эпштейна были и остаются темы нового (новизны, творчества) и выражение нового понимания в словотворчестве. На этом пути были такие работы и проекты, как участие в новых литературных и интеллектуальных движениях и практиках 1980-х; действующий с 2000 года сетевой проект «Дар слова. Проективный лексикон русского

¹ Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М., 2017.

языка»¹; инициированный М. Н. Эпштейном ежегодный конкурс «Слово года» с несколькими номинациями, включая неологизмы. Ступени этой работы по обновлению гуманитарных наук — книги «Парадоксы новизны» (1988), «Transcultural Experiments» (1999), «Философия возможного» (2001), «Проективный философский словарь» (2002)² и его продолжение на страницах журнала «Философские науки» в 2009–2011 годах (в этом проекте приняло участие 11 отечественных и зарубежных авторов), «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (2004), «The Transformative Humanities: A Manifesto» (2012), «От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки изменяют мир» (2016). По замечанию самого М. Н. Эпштейна, работа над данным словарем продолжалась 34 года (1982–2016) и стала своего рода синтезом его предыдущих работ в разных гуманитарных областях. И, можно добавить, стала важным явлением философии — как по жанру, так и по содержанию.

Почему — словарь? Почему — проективный? И какое отношение он имеет к философии?

Начнем с философии... Реализуемый М. Н. Эпштейном проект — не просто словотворчество, а именно смысловое творчество — жанр философской наррации, не ограничивающийся определением предлагаемого термина, но развертывающий содержание в примерах рассуждений, других дискурсивных практиках, открывающих возможности новых осмыслений, а то и новые предметные области. Дело не только и не столько в словах, сколько в словарных статьях, раскрывающих этимологию, концептуальное содержание, возможные применения новых понятий и теорий. Фактически это особый способ философствования.

Философствование выражается, реализуется в различных осмысляющих нарративах, и вряд ли имеется универсальная форма выражения предельного осмысления. Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным каноном, к которому стремится практически каждое учение.

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же

¹ Эпштейн М. Н. Дар слова. [Электронный ресурс] // Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. 2000–2018 гг. URL: [/https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201802/05100527.html](https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201802/05100527.html) (дата обращения: 21.12.2019).

² Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб., 2003.

универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в паремиях — пословицах, поговорках, инвективах и т. п. — даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе — на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское». Или: «езде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет». Таких примеров — великое множество. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот — укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В. В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически, нарративно между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития персонологична — нарратив личной биографии мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой паремиологического философствования являются дневниковые записи.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма). Они могут разрастаться в наиздания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как, скажем, в творчестве Платона, М. де Унамуно, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. Ф. Лосева, могут иметь самостоятельное художественное значение.

Общей чертой паремиологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения.

Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только современные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, Вольфа. Различия — в степени упорядоченности таких нарративов. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором. Дополнительные возможности дают многообразные способы «непрямого говорения», систематизированные Л. А. Гогтишвили¹.

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Р. Декарта и Б. Спинозы до И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Хотя уже на примере упомянутых форм выражения словесного философствования видно богатство философской палитры. И опыт показывает, что существует и философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений, визуальных образов. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию с иконическими знаками. Причем характер использо-

¹ Гогтишвили Л. А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006.

емых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений и даже склонность к вполне определенным фигурам (или треугольникам, или кругам, или прямоугольникам, или стрелкам и т. д.) способны многое сказать о способе и стиле философствования. Недаром в свое время П. А. Флоренский задумал даже создание *Symbolarium*'а — словаря иконических знаков-символов и их смысловой палитры: от точки до сложных фигур и конфигураций¹.

Особая проблема — перевод вербальных способов философствования в иконические и наоборот. Речь идет не только о дидактических целях такого перевода вроде проблемы наглядности в преподавании. Ф. Бэкон считал, что задачей философии является обнаружение «скрытого схематизма» явлений². И наглядные образы, метафоры, модели могут не только иллюстрировать словесно выраженную мысль, но и предшествовать ей. Вербализация может быть описанием осознанного схематизма, быть вторичной. Поэтому систематическое взаимодействие и взаимоперевод — самостоятельный стимул и фактор развития философской мысли.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму. Иногда поступки, жизненный путь философа — как в случае А. Ф. Лосева, Г. Г. Шпета, братьев Бахтиных — дополняют его философствование, помогают его пониманию.

Возможно, существует философское осмысление, основанное на висцеральных источниках информации. По крайней мере в мировоззрении и миропонимании П. Я. Чаадаева, по его собственным свидетельствам, играли заметную роль пищеварительные и другие обстоятельства внутреннего самочувствия³.

¹ Флоренский П. А. *Symbolarium* : Словарь символов : Предисловие // Труды по знаковым системам. V. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1971. С. 521–527.

² Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 86.

³ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 18–64.

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья репрезентативности порождаемых смыслов. Она столь же многообразна, как и пути человеческого познания, осмысления и понимания. Об этом свидетельствуют даже чисто внешние формы бытования философии, которая может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

М. Н. Эпштейном реализован жанр философствования, пожалуй, еще более радикально фрагментарный, чем паремиологический, и при этом чрезвычайно репрезентативный, концептуально целостный и связный. Но — не сводящий все к неким исходным понятиям (как в гегелевской «Энциклопедии философских наук»), а порождающий возможности новых смыслообразований. Это идет философствование словами, терминами, как квинтэссенцией осмысления и смыслообразования, причем — сведенными в систему. Речь идет о словаре принципиально нового типа.

Во-первых, обычно словари, энциклопедии содержат термины, которые уже употребляются в обыденном или профессиональном дискурсе. В словарях эта практика употребления закрепляется. В проективном словаре представлены термины, которые либо впервые предлагаются автором для употребления, либо привычные термины, получающие новые, нетрадиционные толкования, наполняются существенно иным понятийным содержанием. Иначе говоря, словарь не регистрирует, а проектирует дискурсивные тенденции, открывая «окна» концептуальных и терминологических возможностей.

Словарь задуман не только как справочное пособие, но и как форма выдвижения и обоснования новых идей в основных областях гуманитарных наук. Весь словарь в целом — это своего рода нарратив, переходящий в перформатив. Последний, как известно, отличается от констатирующих описаний тем, что осуществляет то, о чем сообщает, самим фактом высказывания. Такие высказывания, как «обещаю» или «договорились», сами вводят в действие то, о чем говорят. Аналогично и проективный словарь, сообщая о предлагаемых терминах и их содержании, самим фактом сообщения стремится ввести их в интеллектуальные практики. В этом плане проективный словарь — своеобразный перформативный жест, поступок в сфере языка и культуры.

В этой связи, во-вторых, словари (тем более — дисциплинарные, не говоря об энциклопедических) обычно являются итогом коллективной работы, обеспечивающей максимально возможную полноту содержания. В данном случае словарь акцентированно и демонстративно — авторский, причем — в двойном смысле: все статьи в нем написаны одним автором; и большинство концептов и терминов в этом словаре принадлежит ему же. Словарь не только проективный, но и буквально — персоналогический, поскольку автор статей выступает как мыслящая персона, делящаяся собственными терминами и понятиями, а не описывает и систематизирует введенные другими авторами. Автор буквально следует взятой в качестве эпиграфа максиме Вольтера — он поглощен задачей отчитаться в алфавитном порядке перед самим собой во всем, что он думает об «этом и том мире».

И такая персоналогичность — тоже достаточно философична. Терминообразование всегда играло особую роль в философии, которая занята поиском таких понятий и терминов, которые освобождают мысль от плена повседневного языка и предрассудков здравого смысла. Мышление невозможно без своего языкового выражения, а творчески мыслить — значит заново создавать язык, очищенный от обыденных значений, автоматизмов здравого смысла, остраивающий их. При этом философ может пользоваться словами, уже существующими в языке, придавая им новый фундаментальный смысл, т.е. творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы. «Идея» Платона, «вещь-в-себе» И. Канта, «диалектика», «отрицание» и «снятие» Г. В. Ф. Гегеля, «позитивизм» О. Конта, «сверхчеловек» Ф. Ницше, «интенциональность» и «эпохе» Э. Гуссерля, «здесь-бытие» и «временение» М. Хайдеггера, «многоголосие», «участность», «внезаходимость», «не-алиби-в-бытии» М. М. Бахтина, «различание» Ж. Дерриды — именно в таких новых словах (новых по своему составу или только по смыслу) интегрируется целая новая система мышления.

Придумывание экзотических словечек не являлось самоцелью для автора словаря. Главное даже не в самих терминах — они являются поводом для рассуждений, порождения нового дискурса. Словарь представляет собой именно опыт гипотетического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации тематизаций, концептуализаций и операционализаций. Можно воспользоваться метафорой

В. В. Розанова и говорить об «эмбрионах» новых мыслей и концептов. Такое сравнение в большей степени соответствует концептивистской установке идеологии словаря, к которой еще вернемся.

Несмотря на то что словарные статьи носят авторский характер, их оформление унифицировано и единообразно. Русское написание термина дается с указанием ударения, приводятся перевод на английский и этимология, дается дефиниция. В тексте каждой статьи выделены другие термины, содержащиеся в словаре, к которым дана отсылка. В конце каждой статьи приводятся сноски к цитатам и список работ к данному термину. Для удобства пользования словарем статьи в нем расположены по тематическим разделам, а внутри разделов — в алфавитном порядке.

Следует отметить высокую научную культуру издания. Словарь содержит специальные разделы: список сокращений, словарных помет, рекомендации — как пользоваться словарем. В качестве приложений: алфавитный указатель статей, указатель отдельных терминов, предметно-тематический указатель, лексические и морфологические группы терминов. Словарные статьи сгруппированы по разделам: от общих вопросов гуманистики в целом — к философии и таким ее разделам, как онтология (бытие и мир), эпистемология (мышление и познание), модальность (потенциальность и творчество). Далее рассматриваются центральные темы гуманитарных исследований: время и история, религия, личность и этика, культура и эстетика, литература, текст, язык. Последние разделы посвящены тематике, на материале которой гуманитаристика пересекается с тематикой других дисциплин — биологических, социальных, технических (жизнь и тело, общество и политика, техника и информатика).

Указаны тематические группы терминов, такие как дисциплины, интеллектуальные направления и мировоззрения, художественные и литературные жанры, приемы, политические режимы, практики и проекты, типы текстов и слов.

Все это не только свидетельствует об объеме и скрупулезности проделанной автором работы, но и делает словарь удобным в обращении с ним, в поиске концептов и связанной с ними нужной информации.

И теперь самое время сказать о содержании словаря. Ряд словарных статей непосредственно ориентирован на интеллектуальные, культуральные, технические, социальные процессы,

характерные для начала 3-го тысячелетия и требующие новых способов осмысления и артикуляции.

В словаре даются определения таких терминов, как «интелнет», «инфиниция», «кенотип», «культуроника», «скрипторика», «текстоид», «тривиалогия», «унитекст», «эротема» и другие, которые раньше не использовались никем, кроме автора. Именно благодаря Словарю эти термины могут войти в профессиональное обращение, получить дополнительную разработку, расширить возможности анализа.

Некоторые из терминов, приведенных в словаре, уже были использованы в авторских публикациях. «Метареализм» (творческое движение конца прошлого века), «транскультура» (пространство встречи разных культур), «видеоократия» (власть визуальных образов), «хроноцид» (упразднение времени в тоталитаризме и постмодернизме как концепциях) уже активно входят в обиход гуманитарных наук в России и за рубежом, что свидетельствует об их эвристическом потенциале.

Новая интерпретация предлагается таким понятиям как «игра», «любовь, смысл», «событие». В словаре определяются и такие обыденные понятия, как «веселье», «выверт», «глубина», «душевность», «интересное», «молчание», «мудрость», «обаяние», «упаковка», которым придается новый терминологический статус. И это одна из задач проективного словаря — артикуляция именно таких пробелов в терминологии гуманитарных наук, введение в нее таких понятий, которые раньше воспринимались как слова повседневного языка, значение которых понимается интуитивно.

Особое внимание уделено расширению механизма терминообразования, выходу за рамки практики, когда термином выступают исключительно существительные. Глаголы, предлоги, другие служебные части речи обладают существенным потенциалом выражения концептуального содержания. И проективный словарь пытается восполнить этот пробел и ввести в терминологический обиход понятия, выраженные глаголами и другими частями речи, элементами слова. Так, самостоятельные статьи посвящены концептам, выраженным глаголами («божествовать», «обытийствовать», «особытывать», «смертствовать»), прилагательными и причастиями («древностное», «существуемое»), предлогом «в», артиклем «the», местоимениями, приставками («амби-», «гипер-», «гипо-», «нега-», «недо-» и «прото-»), суффиксами («-остн-»), знаком пробела « ».

Одна из особенностей словаря — системный подход к построению новых концептов. Каждый тематический раздел содержит термины, характеризующие разные аспекты и уровни обобщения данной дисциплинарной области. Так, термины, относящиеся к разделу «Язык Лингвистика», указывают на общие категории лингвистики и подсистемы языка («импликосфера», «идеоязык»), на новые подходы к языку, в том числе философские («грамматософия», «скрипторика»), способы лексико-грамматического развития языка («лингводизайн», «семиургия»), разные типы речевых актов («контраформатив», «трансформатив»), способы словообразования и создания вербальных концептов («оксюморонимы», «синантонимы»), типы новых слов («однословие», «протологизм», «футурологизм») и т.д. В результате каждая предметная сфера выстраивается в систему логически соотнесенных понятий.

Словарь можно читать как единый гипертекст. При этом указания и ссылки в статьях выводят в «засловарье» — внешний по отношению к словарю круг работ автора, расширяя масштаб концептуальной целостности всего проекта.

Показательно, что М. Н. Эпштейн не ограничивается построением такого гипертекста, использованием предлагаемых концептов в публикациях, но и предпринимает попытки выстраивания новых «означаемых» в реальных практиках. Так, «интелНет» (intelNet, сокращение от intellectual network, интеллектуальная сеть) — не только предлагаемый автором термин, но и междисциплинарное сообщество для создания и распространения новых идей и интеллектуальных движений через Интернет, и одна из ступеней в интеграции нейронных и электронных сетей в создании «синтеллекта» (соразума), и — первое интерактивное устройство в области обмена и регистрации гуманитарных идей в англоязычном Интернете, вышедшее в открытую сеть. Это устройство было создано в 1995 году в университете Эмори (Атланта) автором словаря при технической поддержке студента Дэниела Абрамса (Daniel Abrams), ставшего потом инженером в корпорации Apple, как попытка наполнить интеллектуальным содержанием технические возможности сети, интегрировать движение сигналов с движением мысли, чтобы скорость электронных импульсов множила концептуальные ходы и ассоциативные связи. ИнтелНет получил награду лондонского Института социальных изобретений и стал старейшим (с 1997 года) интеллектуальным проектом в русскоязычной

сети. В 1995 году лондонский Институт социальных изобретений создал по модели ИнтеЛнета мощный сайт, с подробной классификацией и экспертной оценкой более 2000 социально полезных идей. Показательно, что ИнтеЛнет был электронным развитием Банка новых идей, работавшего с конца 1986 года при московском интеллектуальном клубе «Образ и мысль» под руководством М. Н. Эпштейна. А интелнет впоследствии впустил в себя и другие проекты автора, такие как Виртуальная библиотека; Книга книг: Энциклопедия альтернативных идей; Дар слова: Проективный словарь русского языка; Веер будущностей: Техно-гуманитарный вестник и др.

М. Н. Эпштейн всегда был и остается на фронтире современной гуманитаристики, что позволяет ему сохранять чрезвычайную чуткость не только к созревшим, но и только вызревающим тенденциям. А появление данного проективного словаря удивительно точно соответствует осмыслению и обоснованию нового сдвига гуманитарной парадигмы, приходящей на смену постструктуралистско-деконструктивистскому подходу, являясь одновременно его развитием и преодолением. Потребность в таком парадигмальном сдвиге вызревала по мере того как, с одной стороны, критика деконструкции, исходившая из традиционных и сциентистских представлений, все более явно обнаруживала свое теоретическое бессилие, а с другой — не менее явным становился и переходный характер деконструктивизма и постмодерна в целом, когда главным вопросом становится не после чего они, а перед чем и в обоснование чего.

Критика логоцентризма обернулась его приумножением и факторизацией, логомахией, самодостаточностью отсылающих друг к другу означающих — апофеозом грамматолоцентризма. Выявился шок гуманитарной интеллигенции перед новой цивилизацией цифровизации и Big Data, требующей изменений в духовном опыте, мировоззрении, метафизике, нравственности, художественной, научной, политической практике. Постмодернизм оказался неконструктивным в том плане, что застыл в стадии остранения (деконструкции) привычного. Но необходим следующий шаг — новая конструктивная работа с остраненными смыслами. Назрела необходимость преодоления платонистского дуализма. Уже невозможно продолжать и впредь разводить первые и вторые сущности, спорить об универсалиях, противопоставлять дионисийское

и аполлоническое. Наступает время синтеза. Означающие без означаемых, самозамыкаясь, порождают означаемое.

Такой сдвиг должен отвечать нескольким требованиям: не отрицать, а обобщать опыт деконструктивизма; быть по-настоящему междисциплинарным; давать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив; делать акцент не столько на статuarной структурности, сколько на процессуальной динамике осмысления и смыслообразования, которое является результатом глубоко личного опыта, проявлением человеческой свободы и ответственности. И Проективный словарь М. Н. Эпштейна полностью отвечает этим критериям.

В нем реализован подход, сумму методологий которого сам М. Н. Эпштейн обозначает как «концептивизм», имея в виду двузначность корня «*conception*» (концепция и зачатие): не только концептуализм как промежуточное поле опосредования номиналистических и реалистических методологий, но и зачинательно-генеративную природу новых методологий, которые не столько деконструируют концептуальные объекты, сколько порождают их. Ключевые моменты такого подхода: поссибилизм — смещение акцента с критики сущего и преобразовательного активизма к раскрытию все новых и новых возможностей, сценариев развития сознания, реальности и поведения; динамизм — смещение акцента со структурной статичности на процессуальность творческого мышления; переход от плоскостных поверхностных моделей к моделям многомерно-стереометричным; персонализм — неизбывность личного начала как источника, средства и результата динамики осмысления и смыслообразования.

Неслучайно концепт пробела (« ») играет особую роль в смыслотворчестве М. Н. Эпштейна — так названа одна из основных его книг¹. Пробел выражает паузу, состояние лиминальности, перехода познания от «интересного» к радости нового понимания. Эта стадия связана с главным импульсом познания — стремлением к выходу «за» пределы этого привычного мира, этих знаний, этого состояния общества, этой позиции в нем, стремлением к сопричастности этой «за»-предельности. Такое стремление и подобная сопричастность нужны далеко не всем и не всегда. Скорее человеку, как существу конечному в пространстве и времени, необходима

¹ Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004.

определенность, идентичность с кем-то, чем-то. Но познание, и тем более — философия с ее ориентацией на предельные вопросы бытия остро реагирует на «интересное» как симптом, предвестие радости нового «за»-предельного понимания. А творчество М. Н. Эпштейна чутко настроено, как камертон, на обнаружение интересного и, как следствие, дарит нам радость открытия новых смыслов. И делает это в высшей степени персонологично, коммуникативно и репрезентативно.

Как неоднократно замечает М. Н. Эпштейн, задача, достойная современного философа, — не переделывать мир, а открывать его возможности, потенцировать бытие. Поэтому гуманитарий и интеллектуал наших дней не столько строит объяснения, наивно сводя все разнообразие к чему-то одному, какому-то первопринципу, не разрабатывает идеологии и программы преобразований, а, в первую очередь, открывает и умножает возможности бытия и его осмысления. Сегодняшний гуманитарий — потенциатор бытия, тот, кто открывает новые возможности культуры. Пример работы именно в этом направлении и дает сам М. Н. Эпштейн, открывающий своим проективным словарем целый портал возможностей. Такой словарь, по сути дела, порождающая модель, латентно содержащая энергетику расходящихся векторов дальнейшей работы, которые могут иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, защищать разные позиции, но при этом использовать общий терминологический и концептуальный ресурс.

3.3. ЦИФРОВАЯ МЕДИАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА*

Историческая память, наследие и образование. Цифровая медиализация образования и трансформация университетов. Изменения рынка труда. Изменения внутренней образовательной среды, содержания и формата образования. Изменения позиционирования вуза. Изменение позиционирования преподавателя: российская специфика. Новая нравственная культура университетов.

В данной части раздела монографии рассматриваются особенности распределенности знания в современной системе образования — в средней и высшей школе.

Интенсивнейшая трансформация университетов обусловлена изменениями технологического формата современной цивилизации, а главное — скоростью этих изменений. Университет должен учесть в наши дни не только и не столько профессиональной стандартизированной деятельности, сколько разработке и реализации

* Содержание данной части раздела ранее было опубликовано в работах: Тульчинский Г. А. Историческая память, наследие и образование // Наследие. 2018. № 1(12). С. 8–15; Он же. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136; Тульчинский Г. А. Цифровая медиализация образования и трансформация университетов: социальный аудит и гуманитарная экспертиза. // Ведомости прикладной этики. 2019. Вып. 53. С. 17–24.

инноваций, а то и непосредственно стартапов. Важно и необходимо говорить в этой связи о социально-культурном инжиниринге как о систематизации знаний, практик разработки, экспертизы и реализации проектов, связанных с преобразованием социальной реальности, социализацией личности. Можно предположить, что, тем самым, намечается новый запрос на гуманитариев, включая специалистов по прикладной этике.

ЦИФРОВАЯ МЕДИАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

Сфера образования традиционно понимается и реализуется как система воспроизводства накопленного социального опыта, включая — что является задачей университета — профессиональный уровень высшей квалификации. В этом плане образование — довольно инерционная система, особенно отечественное. Если к начальной и средней школе такой подход еще может выглядеть (правда, все менее и менее) оправданным, то на высшую школу уже возлагаются надежды на участие не столько в погоне за опережающим технологическим развитием, сколько активное участие в этой динамике и даже ее опережающее осмысление. Российская высшая школа еще только подходит не столько к решению этой задачи, сколько к ее постановке.

Для понимания этого имеет смысл остановиться на содержании самой цивилизационной трансформации, в которую втянута высшая школа — не только в плане содержания подготовки, но и общего университетского этоса. Интенсивная трансформация, в которую все глубже втягиваются современные университеты, имеет многофакторный и многовекторный характер. Обусловлено это, как представляется, главными особенностями нынешнего цивилизационного контекста, который язык не поворачивается назвать цивилизационным укладом — настолько динамично он меняется с каждым годом. Это рассмотренные ранее тотальная медиализация в цифровом формате и, главное, — скорость происходящих изменений.

Четвертая индустриальная революция привносит и привнесет в нашу жизнь немало перемен. Компьютерные ИТ-технологии не решили проблем голода, воды, климата, экологии, здоровья, безопасности. Но они придают новое качество общественной и личной жизни, как открывая новые возможности, так и одновременно порождая новые вызовы.

Место «информационного общества» заступает проектно-сетевой социум, в котором сырьевая (природная) и даже трудовая рента вытесняется рентой сетевой — от порожденных кем-то знаний, которые легко можно найти в свободном доступе¹. Становятся все более важными навыки ориентации в этом море знаний, их переработки, оперирования данными, сгенерированными другими. Речь идет не о компилировании, а именно о расширении применения и применении в иных предметных сферах. Именно на этом построен успех современных сетевых проектов. Uber придумал эффективное управление миллионами автомобилей. Airbnb, Alibaba создали сетевые платформы управления огромным количеством сервисов. Subway имеет точек фаст-фуда больше, чем McDonald's, с персоналом в 500 раз меньше. Lyft сделала совсем ненужными знания сложной сети городских улиц, необходимые для таксистов Лондона.

Достижение успеха чем дальше, тем больше предполагает воображение, нестандартность, инициативность, широкий горизонт видения, лидерство, т. е. способности, недоступные полной алгоритмизации и роботизации. В этом и заключается потенциал «креативного класса» и концентрации этого капитала в городах и агломерациях, задающих новую волну урбанизации принципиально иного плана².

От освоения и развития этой экономики знаний выиграет самая интеллектуальная часть населения земного шара. Страны с сырьевой экономикой смогут выжить только если воспользуются окном возможностей использования сырьевой ренты на вложения в человеческий и социальный капитал, развитие экономики знаний, получая ренту уже от сетевых проектов. Страны, отставшие в освоении новых технологий, испытают наплыв низкоквалифицированных работников, не нашедших себе применения на цивилизационном фронтире. Все это может вызвать новые социальные конфликты.

В этой связи крайне важно позаботиться об изменении подходов к образованию. Происходящая цифровизация и перспективы ее углубления и расширения ставят вопросы об изменении не только организации образования, но и самой психологии отношения к нему. Собственно, это уже и происходит.

¹ Болтански Л., Квятелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

² Флорида Р. Кто твой город // Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014.

ИЗМЕНЕНИЯ РЫНКА ТРУДА

Технологии, ритм жизни, деловой активности настолько ускорились, что никакая, однажды полученная в образовательном учреждении специальность, не дает гарантию куска хлеба на всю оставшуюся жизнь. Приобретенный в вузе набор компетенций «выгорает» в течение трех-четырёх лет, и нужно быть готовым к тому, что придется как минимум два-три раза радикально сменить профессию или круг обязанностей.

Этот процесс ускоряет развитие цифровой экономики: роботизация, интернет вещей (IoT), автоматизированная обработка больших массивов данных (Big Data), использование распределенных реестров (block chain). Интернет вещей, по данным исследования The Future of Jobs, число рабочих мест в сфере услуг ремонта и техобслуживания сокращается и будет сокращаться на 8% ежегодно. Так, сайт HeadHunter недавно автоматизировал первичный отбор кандидатов: система сама отсеивает резюме, и с подбором смогут справиться три человека вместо пяти. Сбербанк в перспективе перехода на block chain планирует сокращение персонала на 30%. Такое сокращение в 2016 году произошло в пяти крупнейших мировых банках, перешедших в своих взаиморасчетах на электронную валюту. Теперь количество этих банков возросло до 60. Но роль и влияние block chain не ограничиваются биткоинами. Эта технология радикально меняет работу нотариата, экспертных услуг в оценке недвижимости, артефактов. Влияет она и на общественно-политические процессы — от чиновной работы до технологии выборов.

В новых моделях деловой активности и управления все чаще ставятся совершенно новые требования к работникам. Недавно бизнес-школа «Сколково» и Агентство стратегических инициатив составили список профессий, которые вскоре исчезнут. Это — нотариус, библиотекарь, копирайтер, испытатель, системный администратор, банковский операционист, аналитик, секретарь, логист, водитель, диспетчер и журналист. Перечень соответствует данным опроса 2550 сотрудников российских предприятий, проведенного рекрутинговой компанией Nau5. По мнению участников опроса, скоро исчезнут профессии бухгалтера и продавца (по 15%), водителя (8%), переводчика и оператора (по 4%), турагента и экскурсовода. По мнению 60%, их профессия сильно изменится

через 10 лет и потребует новых навыков. 2% убеждены, что их специальность исчезнет из-за роботизации и автоматизации. Только 1% россиян уверены, что их профессия будет нужна через 10 лет¹.

При этом важно понимать, что устаревают не столько профессии, сколько навыки.

Так, бухгалтера-счетовода могут заменить роботы, а услуги бухгалтера-финансового аналитика, аудитора будут востребованы. Даже в IT программист, который пишет коды для стандартной учетно-управленческой системы, может оказаться невостребованным — в отличие от разработчиков уникальных программ, связанных со спецификой и перспективой производства. Аналогична и перспектива библиотекарей, переводчиков, экскурсоводов, турагентов: либо осваивать цифровые технологии, либо создавать уникальные услуги. Для турагентов, например, это могут быть эксклюзивные туры, экскурсии с необычным сценарием, в том числе — с использованием дополненной реальности — история с охотой на покемонов убедительно продемонстрировала такие возможности. Библиотекари могут работать в онлайн-системах, составляя каталоги книг. Переводчики — пользоваться системами машинного перевода.

Работодатели нацелены на повышение эффективности, а оптимизация персонала в участившиеся кризисы показала, что необходимый объем работы может выполнять и меньшее количество сотрудников. Поэтому в последние два года резко выросла доля компаний, которые готовы менять численность персонала: как набирать, так и сокращать сотрудников². В этой ситуации динамичной пластичности идеальный кандидат, помимо компетенций и знаний по конкретной специальности, должен быть компетентен в смежных отраслях, иметь широкий горизонт понимания технологических и бизнес-процессов. Сложился рынок так называемых гибридных специальностей — специалистов широкого междисциплинарного профиля, типа физиков или IT-специалистов с хорошим знанием психологии и социологии. Современный специалист

¹ Горелова Е. Профессии живые и мертвые [Электронный ресурс] // Ведомости. 2017. № 4342. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/15/694454-ischezayuschei-professiei> (дата обращения: 30.11.2019).

² Подцероб М. Придется меняться [Электронный ресурс] // Ведомости. 2017. № 4342. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/15/694456-rinok-truda> (дата обращения: 30.11.2019).

на химическом производстве — не просто химик, а инженер по IT с химическим образованием и опытом работы. Сотрудники отделения банка все меньше занимаются операционной работой — за счет внедрения технологий и дистанционных сервисов они играют роль финансовых консультантов. И несомненно — большое будущее у биоинженеров и биотехнологов. Непрерывное, постоянное приобретение новых знаний, умений, навыков становится залогом конкурентоспособности.

Ситуация усугубляется расширением прекаризации труда, который ранее был уделом только фрилансеров, домохозяек, студентов, отходников и прочих работников, занятых неполный рабочий день. Современные работодатели (часто ссылаясь на кризис и оптимизацию) стремятся переводить работников за штат, чтобы избавиться от социальных обязательств, перекладывая издержки на работников, что превращает саму личность, ее окружение и образ жизни в источник прибыли¹. Достижения профсоюзов в борьбе за права занятых обнуляются. Недаром подверженных прекаризации работников стали даже называть прекариатом, приходящим на смену пролетариату. Тренд прекаризации совмещается с возможностями дистантного труда, например, на удаленном доступе к сети. А это значит — рост зависимости от цифровой компетентности.

Есть и парадоксальные, на первый взгляд, следствия цифровизации. Так, некоторое разочарование молодежи в эфемерности модных профессий в финансовом секторе и даже в IT подстегнуло интерес к традиционным занятиям, основанным на ручном труде, реальных инструментах и материалах для создания конкретного вещественного продукта, с элементами перформанса. Речь идет о публичном контакте с клиентами, возможности не только ярко представить свои способности и внешность, но и получить обратную связь в живом общении². В принципе эту тенденцию подтверждают и данные упомянутого опроса россиян. Среди профессий, представители которых (тот самый 1 %) уверены в перспективе их востребованности, в основном — консультанты по личностному росту, бизнес-тренеры, сотрудники отделов продаж, менеджеры

¹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

² Осејо R. E. Masters of Craft: Old Jobs in the New Urban Economy. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 344.

по внутренним коммуникациям. Растет число вакансий для этих специалистов и по данным HeadHunter за 2016–2017 годы. Для коучей рост спроса составил 12%, для менеджеров по внутренним коммуникациям — 1,3 %, для специалистов по сбыту — 1,2 %.

Но и в этом случае многое будет зависеть от цифровой компетентности. Если сейчас бизнес-тренеры пользуются спросом, то уже в ближайшей перспективе этот рынок насытится, и перспективы профессии будут связаны со способностью сделать мобильное приложение с тренингом, или — вести сетевые вебинары, тем самым — снизить цену на услуги, увеличив охват клиентов.

ИЗМЕНЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ, СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМАТА ОБРАЗОВАНИЯ

Система образования, особенно на уровне средней школы, по самой своей природе достаточно инерционна. Но высшая школа не может не реагировать на вызовы цифровизации.

Прежде всего цифровизация затронула саму организацию образовательного процесса. Уже около 10 лет во многих университетах используются программы (Blackboard, SAKAI и т. п.), с помощью которых до каждого студента и преподавателя доводится вся необходимая информация, преподаватели знакомят слушателей с программой курса, домашними и контрольными заданиями, ведется учет промежуточной и итоговой аттестаций. В результате образовательный процесс упорядочивается и систематизируется, становится прозрачным для деканатов и образовательных офисов, других служб университетов. Да и для студентов снимаются многие вопросы, устраняется почва для недоразумений и кривотолков.

Собственно, техническое обслуживание таких внутривузовских систем не очень трудоемко. Но у преподавателей появляется дополнительная нагрузка по введению и обработке информации по каждому читаемому курсу. При добросовестном отношении к делу это занимает ежедневно 1–1,5 часа.

Широкое и интенсивное развитие компьютерных, прежде всего — online, образовательных программ, радикально меняет процесс и формат высшего образования, является серьезным вызовом высшей школе — как по содержанию образовательного процесса, так и по его организации. Эти вызовы нуждаются в серьезном осмыслении.

Дело заключается не только и не столько в записи лекций, подготовке электронных версий учебников. Речь идет о «разгерметизации» образования, выходе его за пределы университетских учебных аудиторий и лабораторий, а также библиотек.

Цифровизация требует новых, совершенно иных компетенций, отличных от тех, которыми обладают выпускники российских вузов. Складывается парадоксальная ситуация — многие из необходимых новых компетенций приобретаются за стенами учебных заведений. Недаром в РАНХиГС, сразу после заседания президентского совета по цифровой экономике, поставили задачу внедрить в образовательные программы изучение технологии блокчейна и всего, что связано с этой технологией применительно к менеджменту и госуправлению — вплоть до создания специализированной кафедры¹.

Главной функцией обучения, образования становится «научить учиться», быть готовым к переменам, к работе с более сложными проектами, заимствованию передовых, в т. ч. — зарубежных практик, расширению кругозора, отслеживая тенденции в других отраслях и профессиях. Более того, цифровая компетентность выпускников университетов должна превышать существующую номенклатуру компетенций — чтобы работать на опережение ситуации.

Времена, когда лектор являлся первоисточником дисциплины, а обучение сводилось к прослушиванию лекций и обсуждению на семинарах дополнительной литературы, сводимой зачастую к ридерам (фрагментам первоисточников), стремительно уходят, а, в общем-то, и уже ушли. Студенты, вооруженные гаджетами, даже во время традиционной лекции могут неоднократно обратиться к первоисточникам, современным трактовкам, зачастую опережая в такой осведомленности самого лектора. И те преподаватели, которые требуют на экзаменах и зачетах воспроизводства содержания своих лекций, те вузы, которые борются с доступностью информации, запрещая использование электронных источников информации, не только становятся анекдотическими персонажами — они просто выпадают из профессиональной деятельности, неконкурентоспособными и невостребованными.

¹ *Май В.* Как российская система образования готовится к приходу цифровой экономики : Интервью [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/23/mauinterview/> (дата обращения: 30.11.2019).

Цифровые технологии радикально меняют содержание преподаваемых дисциплин и форму их подачи. Это не только ставшие уже рутинной электронные презентации или использование видео. Возможны прямые подключения к электронным базам данных, новостям, проходящим форумам. В проведении практических занятий возможно использование социальных сетей. С использованием скайпа, мессенджеров возможно участие в занятии ведущего специалиста, эксперта. Издательства, специализирующиеся на учебной литературе, все больше переходят на электронные версии учебников и учебных пособий.

Бурными темпами развивается массовое онлайн-образование. Уже с конца 1990-х в Интернете стали появляться видеозаписи лекций учебных заведений и отдельных преподавателей. В начале 2010-х появились полноценные интерактивные курсы со сдачей текстов и экзаменов. В настоящее время некоторые популярные курсы насчитывают сотни тысяч студентов. А университеты и отдельные преподаватели активно выходят на рынок MOOC (MOOC — Massive open online courses) — уже сложившейся международной формы дистанционного образования с открытым доступом в Интернете.

Один только такой проект Coursera, основанный профессорами Стэнфорда Э. Ёном и Д. Коллер, охватывает в настоящее время почти 25 млн пользователей, которым предлагается более 2 тыс. курсов по 160 специализациям от полутора сотен образовательных учреждений. Поскольку проект сотрудничает с университетами (среди которых элитные), слушатели, пройдя курсы и сдав тесты и экзамены, получают полноценные сертификаты. Технической платформой являются как сайт Coursera, так и мобильное приложение для iPhone и Android.

С 2009 года запущен сайт Academic Earth, на котором размещены видеолекции профессоров МТИ, Беркли, Гарварда, Принстона, Стэнфорда, Йеля по экономике, политологии, математике, физике, химии, истории, философии, литературе, психологии и т. д. — вплоть до теологии.

Успешно работает и российская национальная платформа открытого образования (НПОО). Так, с 2016 года по всем курсам НИУ ВШЭ на НПОО пользователи — после прохождения тестирования с идентификацией личности — могут получить подтвержденный сертификат — фактический аналог академической справ-

ки, который может быть принят к перезачету другими вузами. Процедура подтверждения сертификата платная — ее стоимость в 2017 году составляет 1000 рублей. Если у слушателя нет цели получить сертификат, то он может пройти курс бесплатно.

Развитие бесплатного онлайн-образования топовых университетов мирового уровня является серьезным вызовом мелким региональным вузам. Однако если грамотно совмещать форматы образования онлайн и оффлайн в реализации, то региональные вузы могут предлагать и реализовывать качественные, а то и уникальные образовательные программы. Студенты, обучающиеся в традиционных вузах, все чаще по необходимости или по желанию дополняют свое образование онлайн-курсами — формат удобен не только возможностью получить знания от лучших специалистов, но и возможностью обучения в любое время.

Последнее немаловажно. Начиная со второго курса большинство студентов начинают работать «без отрыва от учебы». К этому их вынуждают не только материальные обстоятельства (необходимость оплачивать учебу, проживание в другом городе и т.д.), но и понимание жизненной перспективы. Выпускник, отучившийся 4, а то и, с учетом магистратуры, все шесть лет, и только после этого выходящий на рынок труда, изначально и заведомо проигрывает однокласснику, который уже приобрел навыки, находится в конкретной позиции. Похоже, большинству университетов придется смириться с низкой посещаемостью занятий, переходом все большего числа студентов на индивидуальные планы, переносы сессий и т. п.

ИЗМЕНЕНИЯ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ВУЗА

Но сможет ли решать эти задачи университет, ориентированный давать человеку знания и навыки по какой-то одной узкой специальности, да еще на основе утвержденных государственных стандартов (ФГОС)? Сама эта профессия преобразуется за те четыре года-шесть лет, которые студент проведет в университете.

Совершенно радикальную стратегию полного отказа от высшего образования предлагает американский миллиардер П. Тиль, призывающий на своем электронном ресурсе¹ молодежь бросать

¹ Thiel 2017. [Электронный ресурс] URL: thielfellowship.org. (дата обращения: 02.12.2019).

университеты. Вместо сидения в аудитории он дает на два года \$100 000 разработки и реализации стартапа, не претендуя на авторскую собственность.

Необходимо, чтобы образование давало уверенность и готовность к изменениям, делало менее зависимым от фактов и узких знаний, учило развиваться вместе с технологиями. А это значит, что университет должен учить: оперативно решать задачи, находить необходимую информацию и знания, уметь работать в команде, видеть перспективу и готовиться к ней, уметь принимать решения, разрабатывать и реализовывать проекты, отвечать на запросы, строить коммуникации и партнерство.

Известный физик, основатель теории струн М. Каку полагает, что будущее образование не будет базироваться на запоминании, а станет *индивидуальным и автономным*. Мы будем сами нести ответственность за свое образование и выбирать, что на данный момент нам нужно усвоить и с кем общаться.

Ширящееся онлайн-образование, возможности использования в образовательных программах электронных курсов, подготовленных другими университетами, порождает вопрос — а кто выдает диплом и отвечает за выпускника? Формируется новая образовательная сфера, «рисуемая», поверх выглядящих подмалевками существующих форм образования, обучения, воспитания, подготовки и переподготовки кадров. (Недаром столь активно развивается домашнее образование.) Эта, не имеющая пока названия, новая система образования складывается, и ею уже активно пользуются.

К этому можно добавить и образовательные бизнес-структуры, выдающие свои сертификаты. И возникает вопрос — а так ли уж нужны дипломы? Работодателю нужны не столько диплом, сколько конкретные компетентности, которые можно приобрести на различных курсах и с опытом. Да и среди работников, особенно фриланса, уже сложилась практика «горизонтального образовательного роста», когда человек, имеющий аттестат о среднем образовании, становится весьма востребованным специалистом, квалификация которого подтверждается сертификатами авторитетных курсов и тренингов. А у работодателей, набирающих постоянный штат, популярность приобретают не столько дипломы, сколько персональные учебные и сертификационные портфолио, которые будут определять возможность кандидата занимать соответствующую должность. Вспоминается

история одного московского аспиранта, решившего по гранту получить образование в США. Он поступил в колледж на восточном побережье. Выполняя задание по программированию, он обнаружил неустранимую ошибку в программе. Через неделю к нему приехали из головного офиса Microsoft, и со словами «Кончай учиться, поехали работать» увезли его в Сиэтл, где он и трудится вот уже несколько лет.

Похоже, что дипломы учебных заведений теряют значение. Исключения составляют единичные университеты, за выпускниками которых конкурируют работодатели. С сожалением, но приходится признать, что среди таких вузов российские отсутствуют. А погоня за позициями в международных рейтингах университетов выглядит натужной и мало эффективной — к чему мы еще вернемся ниже.

Однако, помимо образования, традиционный университет выполняет еще одну важную роль в социализации наиболее продвинутой части нового поколения, ее вхождение в профессиональную среду. Университет формирует профессиональную сеть — не только межпоколенческую между учителями и учениками, но и горизонтальную — выпускники каждого года надолго сохраняют отношения, основанные на памяти совместных лет учения.

Каждый университетский выпуск не только пополняет профессиональную сеть формальных и неформальных отношений, но и запускает новые сетевые отношения, уже, отчасти, сложившиеся внутри поколения за время обучения. Давно замечено, что личные отношения между однокашниками и даже выпускниками разных годов, но одного университета, одного факультета и образовательной программы закладывают довольно конструктивную основу партнерских связей и профессиональной карьеры. Эти отношения сохраняются и в бизнесе, и в научной деятельности.

На этих механизмах и основана роль университетов, резко возрастающая в периоды модернизации общества, когда требуются дополнительные усилия по выходу к цивилизационному фронтиру за счет освоения и разработки новых практик, технологий. Университет при этом выступает именно ценностно-нормативным «инкубатором» социума. Сюжет из «Гадких лебедей» Стругацких, где «мокрецы» похищали детей, чтобы вырастить и воспитать из них «новых людей», в гиперболизированной форме дает представление о роли университета.

Сохранится ли эта роль университетов в ситуации цифровизации? Отношения, возникающие в Интернете, дистантны и носят очень избирательный характер.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Приведет ли индивидуальность и автономность обучения к полному исчезновению профессии учителя? Вряд ли. Пока жив человек, процесс социализации и индивидуализации предполагает личностное общение.

Но роль преподавателя, само содержание его работы в условиях цифровизации существенно меняется. Его задачей становится не столько разработка курса, содержания лекций и практических занятий, их регулярное обновление в соответствии с новыми теоретическими концепциями и разработками, а также новыми технологиями, практиками, эмпирическими данными, публикациями научной и учебной литературы, сколько отслеживание электронных ресурсов и баз данных, где все эти материалы представлены. В том числе он должен быть в курсе образовательных программ и услуг, предлагаемых другими университетами. Преподаватель становится не столько источником знаний, сколько навигатором, предлагающим оптимальную для целей данного курса траекторию знакомства с базами данных, разработка практических заданий, кейсов для обсуждения, и, конечно, тестирования прохождения студентами этой траектории. А если преподаватель или руководитель образовательной программы хочет использовать какие-то представленные в сети курсы или их фрагменты, он сам должен пройти эти курсы, чтобы понимать их возможности.

Российская специфика... А куда без нее... Речь идет о выходе в отечественных университетах на первый план экономико-управленческих функций.

Выталкивание российской школы на рынок привело к достаточно печальным последствиям. Привыкшие к государственному финансированию, и, в результате мало и плохо продуманных реформ, посаженные на голодный паек, вузы кинулись зарабатывать деньги, чтобы хотя бы как-то обеспечивать зарплату, хозяйственное содержание, техническое оснащение... Как грибы после дождя, фактически на базе каждой кафедры стали создаваться платные

отделения, факультеты и т. п. К рынку образовательных услуг активно подключились новые коммерческие, частные вузы.

В результате количество вузов в РФ в разы превысило количество вузов в СССР. В конце 1990-х в России не учился только предельно ленивый. Доходило до того, что семинарские занятия проводились на потоках. В некоторые годы число поступивших в них превышало количество закончивших среднюю школу. А некоторые уважаемые люди умудрялись за пару лет получить шесть высших образований.

При этом количество преподавателей осталось то же. Профессор получал от 6 до 20 тысяч рублей. Преподаватели были вынуждены метаться по 3–4 местам работы. Как было сказано об этом времени: преподаватели делали вид, что учат, а студенты делали вид, что учатся. Более того, нередко студенты с жалостью смотрели на преподавателей, существующих на жалкие гроши и пытающихся чему-то учить, наставлять молодежь — как на то ли неудачников, то ли странных романтиков.

Коррозия неизбежно затронула и диссертационные советы. Сложилась ситуация не столько рынка образовательных услуг, сколько откровенной торговли дипломами и прочими научными сертификатами. Университеты утратили статус модернизационных инкубаторов. Неслучайно новая элита направила своих детей на учебу за границу — как гарантию качества образования и перспектив роста (профессионального, делового, статусного).

Рано или поздно, эту ситуацию надо было выправлять. Управленческое, даже административное вмешательство было необходимо. Процесс начался в годы «тучных коров». Тогда было два возможных сценария. Или ставки на модернизацию, превращение университетов в инновационные центры. Или — административной прополки с перераспределением финансовых средств.

Первый путь предполагал приход в университеты работодателей, создание в университетах современной технологической базы. Но у рентно ориентированных российских бизнеса и власти не было (и нет) реальной заинтересованности в модернизации и инновациях, элементарном развитии НИОКР. Отраслевые НИИ были приватизированы и быстро превратились в бизнес-центры как арендные площадки для офисов. Наука, которая по инерции концентрировалась в системе РАН, зависла как облако — без связи с реальным производством.

Второй путь представлялся более простым и легким. Были приняты чисто административные решения... Во-первых, резко сократить количество вузов. Цифры были взяты с потолка. Важным представлялось просто начать. Для этого, во-вторых, нужны были основания, критерии. В качестве таковых были взяты чисто административные показатели «эффективности»: количества преподавателей на одного студента (чем меньше, тем лучше), количество публикаций в престижных журналах, места университета в зарубежных рейтингах и т.д. В процессе «оптимизации» качество образования и научной деятельности не интересовало никого. Контент научных публикаций во внимание не брался. Главное — индексация в РИНЦ, Scopus, Web of Science, индекс Хирша и прочая чисто количественная наукометрия... Условным качеством рассматривалось количество иностранных преподавателей и студентов, публикации за рубежом...

Хотелось и внутренний менеджмент университетов выстроить так, чтобы он, с одной стороны, позволил бы уменьшить сопротивление нововведениям, а с другой — придал бы управленческому дизайну вид современных зарубежных образцов. «Оптимизаторов» можно понять — им нужны были ориентиры. Но выбранные ориентиры не были встроены в некую внятную концепцию развития социума.

Ситуация усугубилась, когда пришли годы «тощих коров», а за ними и нынешние непростые времена. Задача оптимизации свелась к простой и тотальной экономии всего и на всем: на книгах, оснащении, и — количестве преподавателей, фонде их заработной платы. Но инерция администрирования сохранилась. И результат получился довольно печальный. Не буду ничего говорить о внешнем контуре. Об этом написано много и многими. Истории с «Топ 100», диссертационными советами — все это на виду и на слуху. Не всегда обсуждается то, что случилось внутри университетов.

Ликвидация организационной структуры факультет-кафедра с переходом на разделение управления образовательными программами на академическое (содержание программ, подбор преподавателей на них) и организационное (офисы, занимающиеся расписанием, работой со студентами) привело к неоднозначным последствиям.

Возникли две самостоятельные параллельные линии, на притирку которых ушло и уходит много времени и сил. Офисы обра-

зовательных программ встроены в административную вертикаль. Академические советы программ образуют свои формальные и неформальные связи и отношения. В этой ситуации зависли бывшие кафедры — ныне департаменты — с непонятным набором функций и зон ответственности. На них еще возлагаются задачи проведения конкурсов на замещение вакансий. Но при этом совет программы может привлекать любых преподавателей, включая других департаментов и совместителей. В результате штатные преподаватели могут запросто оказаться без учебной нагрузки. Поэтому закономерен следующий шаг — перевод преподавателей на годовой контракт. А при проведении ежегодных конкурсов они должны предъявлять качественные публикации, участие в масштабных НИР и т.п. Но даже это не является гарантией успешного прохождения конкурса. Можно приводить много примеров из опыта различных вузов, когда конкурс успешно проходили люди без публикаций, тогда как опытные специалисты с серьезными публикациями оказывались за бортом. При этом аргументы руководителями программ приводятся донельзя простые, вроде: «Я этого человека не вижу».

При этом административный управленческий персонал резко разросся, и продолжает разрастаться, напоминая аверченковскую МУРКу. Нововведения привели не только к деградации университетской автономии, когда назначения на все должности осуществляются вышестоящей инстанцией. Такой централизации не знала даже советская высшая школа. Более того, теперь и вопрос о допуске к защите подготовленной соискателем диссертации решается исключительно администрацией университета.

Начавшись с благих намерений по устранению отмеченных выше негативных явлений, чисто управленческий подход самой логикой его реализации вывел на первый план установку на «короткие мысли» оптимизации «здесь и сейчас». Университет предстает сугубо коммерческой, но не научно-образовательной организацией, для которой важны именно «длинные» мысли выполнения университетской миссии. Поэтому практикуемая «оптимизация» университета сопровождается разрушением научных школ, профессиональных судеб научных работников и преподавателей, профанацией научной и образовательной деятельности, ненужной и даже нездоровой конкуренцией специалистов, атомизацией университетского сообщества.

Столь длинное отступление от главной темы важно для понимания того, на какую почву легла цифровизация в отечественном образовании. Цифровые технологии рассматриваются как инструмент экономии на учебных часах. Электронные курсы администраторами понимаются как экономия на штатных преподавателях, которых обвиняют (как прозвучало на одной представительной конференции по новым технологиям образования) в том, что они сопротивляются нововведениям, потому что эти нововведения позволяют контролировать образовательный процесс. А преподаватели готовы работать даже за малые деньги — лишь бы руководство вуза не контролировало происходящее в аудитории. Такие пассажи можно было бы рассматривать как случайность, оговорку... Но практика подтверждает — внедрение электронных курсов рассматривается прежде всего как способ экономии на часах и преподавателях.

При этом тратятся серьезные деньги на участие в международных рейтингах, во имя чего некоторые университеты даже выделяют преподавателям специальные средства на платные публикации, вокруг чего сразу же сложился рынок организации таких публикаций в журналах и сборниках, индексируемых в Scopus и WoS. То, что эти сборники и журналы являются фактически «братскими могилами» нечитаемых текстов, никого не волнует. Контент научных публикаций никого и не интересует. Наука превратилась в набор наукометрических данных — формальных реквизитов, не более.

Не менее трагикомично выглядят и попытки «огораживания» отечественных вузов государственными стандартами программ.

Так или иначе, но преподавание в университете становится прекарным трудом¹. Профессор из «мокреца» Струацких превратился в странного персонажа. Он должен много и долго учиться, заниматься исследованиями, публиковаться в престижных журналах... И — работать на годовом контракте, когда о планомерной, выстраиваемой на перспективу научной и образовательной деятельности можно говорить только условно, а профессура пополняет ряды прекариата.

Очевидно, что при этом ни о каком производстве востребованных профессионалов речи уже не идет. Более того, сплошь и рядом ни о какой ориентации на реальный рынок труда даже речи не за-

¹ Тульчинский Г. Л. Элиминация университетского этоса: преподавание как прекарный труд // Ведомости прикладной этики. 2015. № 47. С. 76–83.

ходит. Главное — завлечь абитуриентов ярким названием образовательной программы, электронной упаковкой курсов... Как честно сказал один из руководителей такой программы — обмануть абитуриентов.

Можно, конечно, сказать, что такое положение дел — только одно из проявлений ситуации в современной России, находящейся в перманентном кризисе. Один из вариантов выхода отечественной высшей школы из этой ситуации уже был рассмотрен¹. Главное — чтобы важное дело цифровизации в высшей школе, вместо производства новых сообществ компетентной профессиональной элиты, способной к развитию и консолидации, не выродилось в редуцию образования как бизнеса, воспроизводящему мало-востребованных одиночек.

А молодые люди, озабоченные перспективами востребованности, тем временем делают свой выбор вне стен университетов. Нередко — с помощью своих гаджетов.

НОВАЯ НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА УНИВЕРСИТЕТОВ

Получается, что задача университета — учить не только и не столько профессиональной стандартизированной деятельности, сколько разработке и реализации инноваций, а то и непосредственно стартапов. В этой связи можно только приветствовать решения некоторых ведущих российских университетов допустить к защите выпускные квалификационные работы, выполненные в формате стартапов, включая технологическую проработку и бизнес-план реализации проектов.

Однако это вопросы, относящиеся в большей степени к содержанию и методике преподавания. В этическом плане они затрагивают самоопределение и позиционирование преподавателя — сюжеты немаловажные, но относящиеся к личностной нравственной профессиональной культуре. Но есть вопросы этоса образования в целом и позиционирования отдельных университетов.

Тема новой нравственной культуры некоего гибридного социума, в котором люди интегрированы с машинами в одну систему

¹ Горин Н. И., Нецадин А. А., Тульчинский Г. А. Перезревшая необходимость реформы высшей школы или почему бизнес должен прийти в университеты. Ч. I. // Философские науки. 2016. № 1. С. 21–38; Ч. II // Философские науки. 2016. № 2. С. 22–35.

ответственных отношений, уже рассматривалась¹. Но для университетов сюжеты цифровой медиализации далеко неоднозначны². Так, перевод курсов и образования в режим online дает массу преимуществ и для студентов, и для преподавателей, и для менеджмента образовательных процессов. Но увлечение этой практикой порождает массу неоднозначных обстоятельств.

Если студент имеет возможность взять online-курсы в различных университетах или бизнес-центрах, получить соответствующие сертификаты, то какой университет выдает ему диплом? И нужен ли этот диплом выпускнику? Да и работодателя интересует скорее не диплом, а набор конкретных знаний и умений, подтверждаемых сертификатами.

Наметился тренд к монополизации рынка онлайн-курсов крупнейшими университетами (преимущественно — столичными), обладающими необходимыми техническими и финансовыми ресурсами. Эта тенденция ведет к разделению университетов на «производителей» и «трансляторов» контента онлайн-курсов и вырождению сложившихся в регионах научных и образовательных школ, деградации региональных университетов.

Еще одним следствием педалируемого перехода образования из живого общения online является утрата студентами навыков публичного общения, обсуждения, формулировки, аргументации, отстаивания собственной точки зрения. При этом сама профессиональная аттестация в виде тестов сводится к нажатию опций. В результате на выходе — выпускник с клиповым сознанием и навыками геймера, капсулированная личность, которая пополняет общество, в котором нарастают разделенность, манипулирование, новые неравенства, недоверие, тревожность, страхи, нетерпимость, а то и агрессия, чреватые напряжением и конфликтностью.

Поэтому и именно в этой связи представляется важным и необходимым говорить о социально-культурном инжиниринге — систематизации знаний, практик разработки, экспертизы и реализации проектов, связанных с преобразованием социальной

¹ Тульчинский Г. А. Прикладная этика и новые модели социума // Ведомости прикладной этики : Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра. № 50. Тюмень, 2017. С. 30–40.

² Тульчинский Г. А. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136.

реальности, социализацией личности. Речь идет о назревшем (если не перезревшем) расширении традиционного инжиниринга с учетом его социально-культурного и антропологического контекстов, соответствующего социального аудита и гуманитарной экспертизы, прежде всего — этической.

Обозначим, по крайней мере, главные задачи такой экспертизы. Прежде всего, это упомянутые уже социально-культурные последствия цифровизации. Разработка и использование соответствующих систем — чем дальше, тем очевидней — нуждается, как минимум, в комплексной междисциплинарной гуманитарной экспертизе, а иногда и социальном аудите. Так, сейчас уже, как показал один из круглых столов на последнем Петербургском международном культурном форуме, уходит в прошлое профессия архитектора, сам концепт архитектуры вытесняется урбанистическим социодизайном, когда сразу проектируется формирование образа жизни людей, работающих и живущих на конкретной территории. Власти Санкт-Петербурга, например, уже требуют от девелоперов и строителей учет необходимых социально-культурных объектов и пространств. В справедливости такого, по сути инжинирингового подхода, уже всех убедили выросшие вокруг города новые города-спутники в Девяткино, Кудрово, Пулковско. Но последствия — шире и глубже. Эксперименты с гарантированным в наиболее благополучных европейских странах доходом, что большинство граждан гарантированному безбедному доходу, позволяющему заниматься саморазвитием, предпочитают работу.

Кроме того, важность социального и гуманитарного контроля обусловлена тем, что в самой социально-культурной сфере сформировались междисциплинарные комплексы знаний и практик, дающих возможности формирования и конструирования образа жизни, институтов: культурные индустрии, социально-культурный маркетинг идей, некоммерческой деятельности, политический маркетинг, стратегические коммуникации, урбанистический дизайн, символическая политика, конструирование исторической памяти (героизации, скорби, забвения), культурной и гражданской идентичности. Неслучайно эти возможности социально-культурных технологий нередко характеризуют как «мягкую силу». Цифровизация дает новые импульсы, открывает новые окна возможностей для развития и применения этих социально-культурных практик.

Наконец, все упомянутые процессы и практики предполагают определенное качество и уровень человеческого и социального капитала, без которого они не могут разрабатываться, использоваться и сопровождаться. Это необходимое условие обеспечивается здравоохранением, семейным воспитанием, системой непрерывного образования — их содержанием и формами. Которые также получают свои цифровые форматы и приложения.

Иначе говоря, цифровые технологии создают новые условия жизни, но и сами зависят от социально-культурного контекста их разработок и использования. Эти факторы оказываются не только «на выходе», но и «на входе» цифровизации, и на самих ее процессах.

Интеграция, конвергенция осмысления этих планов в рамках гуманитарной экспертизы и социально-культурного инжиниринга способна создать новую ситуацию: показательно, что цифровизация, создающая проблемы, способна выступить платформой решения этих проблем. Так, характер общемирового тренда (включая США, Китай, Индию, страны Прибалтики) приобретает переход от разрозненных коммерческих проектов, некоммерческой деятельности, социальной политики, и даже — от попыток объединить их в новомодное в России «государственно-частное партнерство (ГЧП) или формы межсекторального социального партнерства — к интегральным формам «преобразующего инвестирования» (Impact Investing) по производству общего благосостояния. И платформой такой интеграции становится блокчейн — но не как платформа финансового пузыря криптовалюты, а как платформа общей ценности (*shared value*), а точнее — общей собственности, в которой уже нет «чистых бизнесменов», «чистого государства», «чистых благотворителей», а граждане, фирмы, корпорации, ведомства распределены по всему спектру ролей проектных соинвесторов — в зависимости от сути проблемы и конкретной конфигурации транзакций¹.

Кстати, в этой же парадигме выполнен и недавно опубликованный последний доклад Римского клуба с символическим названием *Come on!*², призывающий к консолидации общества, бизнеса

¹ *Allman K. A. Impact Investment: A Practical Guide to Investment Process and Social Impact Analysis. Wiley, 2017.*

² *Weizsaecker von E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.*

и политики по реализации общего блага на основе «связности», обеспечиваемой цифровыми информационными технологиями. Похоже, что экономистам, даже институциональным, пора перечитать обе книги А. Смита (о природе богатства и о природе нравственности)¹, которые он рассматривал как единый текст. Кстати, в Китае, приступившем к реализации стратегии роста общего благосостояния, эти книги и издаются под одной обложкой.

Таким образом, речь идет о все возрастающей актуальности изучения, осмысления и позиционирования междисциплинарного комплекса социально-культурного инжиниринга и гуманитарной экспертизы как «на выходе» (последствий) цифровой медиализации, так и «на входе» (при разработке таких технологий, и при их внедрении и освоении). На первых этапах в решение этой задачи входит обоснование методологии и институционализация комплексной гуманитарной экспертизы... Опыт преподавания такой дисциплины накоплен в магистратуре НИУ «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург. В настоящее время разрабатывается такой курс для направления «искусство и гуманитарные науки» в Санкт-Петербургском государственном университете. И прикладная этика — на первом плане содержания программы.

К таким разработкам проявляет интерес и реальный сектор — такие бизнес-структуры, как РЖД, Аэрофлот, вживую сталкивающиеся с рассмотренными выше ситуациями, порожденными цифровой медиализацией как на собственно сервисном рынке, так и на рынке труда. В этой связи можно предположить, что, похоже, намечается и новый запрос на гуманитариев, включая специалистов по прикладной этике. И перед специалистами встает задача быть готовыми к ответу не только на вызовы, но и на актуальные запросы, а то и способности к трансформации этих вызовов в запросы.

¹ Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.

3.4. ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ГУМАНИЗМ ЦИФРОВИЗОВАННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

Распределенная цифровизация как вызов гуманитарности. Информационно-коммуникативная включенность vs. контроль. Жизненный комфорт vs. маркетинг подталкивания. Свободный труд и досуг vs. сверхэксплуатация. Органо-проекция интеллекта vs. геймерское беспamięтство. Новые неравенства. Некоторая надежда, или слабость как преимущество.

Современность представляет вызовы, с которыми гуманитарная мысль еще не сталкивалась. Распределение сознания и знания за рамки традиционно понимаемых соответственно личности и социума выдвигает многовекторный запрос на гомодицею. Биотехнологии наметили отделение вменяемого субъекта от традиционной антропоморфности («постчеловеческая» персонология). Исследования мозга выдвинули новые аргументы против свободы воли. Непродуманная пропаганда прав человека чревата институциональным склерозом. Цифровые технологии, роботизация меняют коммуникацию, экономику, образование, военное дело,

* Значительная часть содержания этой части раздела ранее была представлена в публикациях: Тульчинский Г. Л. Гуманитарное знание и гуманизм цифровизированной ответственности // *Еіпаі. Историко-философские штудии*. 2018. Т. 2 (14). С. 162–177; Тульчинский Г. Л. Цифровизованный гуманизм // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 28–43.

функционирование власти. На первый план выходит проблема ответственности в неоднозначном контексте, который требует глубокого осмысления — вплоть до методологии гуманитарных наук.

РАСПРЕДЕЛЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ВЫЗОВ ГУМАНИТАРНОСТИ

Результаты исследований, проводившихся на протяжении 40 лет второй четверти XX — начале XXI столетий в более чем 80 странах в рамках международной программы World Value Survey, давали основание Р. Инглхарту с коллегами предложить модель человеческого развития — как перехода от «материальных» ценностей безопасности и выживания к «пост-материальным» ценностям свободной самореализации¹. В рамках этих представлений гуманитарность и гуманизм выглядели вполне согласованными концептами: гуманизм как идея сохранения и реализации ценностей человеческого бытия, а гуманитарность как система знаний об этих ценностях и способах их реализации. Аттрактором динамики реализации гуманизма и фактором фокусировки гуманитарной экспертизы выступала идея свободы.

Однако накапливалась и накопилась критическая масса нового опыта, бросающего серьезные вызовы этой оптимистичной картины. Вызовы эти, несмотря на то, что проявлялись в разных сферах общественной жизни и связаны с различными практиками, их соотнесенность вполне определенная, они резко меняют смысловую картину мира, а значит, и их осмысление предполагает максимально достижимую степень целостности. В контексте тематики данной монографии немаловажно, что все эти вызовы, так или иначе, но связаны с выходом распределения знания за рамки традиционного понимания социума вменяемых его членов — в той же степени, что и выход (распределение) сознания вменяемых акторов за рамки традиционно понимаемой вменяемой (наделенной сознанием и ответственностью) личности.

В наши дни часто звучат слова о дегуманизации современного общества. Но что конкретно выражает эта пафосная формулировка?

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011; Инглхарт Р. Культурная эволюция: Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018.

Означает ли она, что раньше общество было «гуманизировано», а нынешнее — нет? Вообще-то все общественные обустройства, так или иначе, но апеллируют к человеку, обеспечению оптимальности социального бытия. И что такое — дегуманизация? Расчеловечивание? Утрата человечности? В чем и где эта дегуманизация проявляется? В росте насилия — в том числе со стороны власти? В технологическом рассмотрении человека как средства в политике, в менеджменте, даже в медицине — как поставщика запасных частей, в искусстве? И тут вопрос спорен. Достаточно хотя бы напомнить достижения в охране окружающей среды, в медицине, степень комфорта жизни и условий труда, достигнутых современной цивилизацией. Да и возможна ли дегуманизация в принципе, если все ее проявления — дело рук человеческих, воплощение его идей, потребностей, чаяний?

Главная проблема не в дегуманизации, а в самом человеке. И наше время, действительно, ставит эту проблему чрезвычайно остро. Сам человек стал проблематичен, нуждается в некоей помощи. Человек есть человек в полном смысле слова тогда и только тогда, когда он является личностью, носителем сознания и самосознания, которые по своей природе, источнику и реализации носят социальный характер, и, как убедительно показано в предыдущих главах, обусловлены институциональным распределением знания.

Но что такое гуманитарность сегодня? Что определяет ее содержание, направленность? Основывается ли она на идее гуманизма? Или наоборот — дает ей новые импульсы? И насколько вообще совместимы понятия гуманитарности и знания? Неспроста в английском языке отсутствует понятие «гуманитарные науки». Вместо него используется понятие *humanities* — широкая сфера проявлений человеческого духовного опыта — лично неповторимого и уникального. И результатам этого опыта свойственны уникальность, неповторимо личностный характер, оценочность, эмоциональная окрашенность, выражаемая «от 1-го лица». В этом случае можно говорить не столько о знании и познании, сколько о смыслопорождении и осмыслении (понимании). Этой сфере, с ее смысловой неоднозначностью, противостоит наука, *science*, под которой понимается деятельность, связанная с получением знания «от 3-го лица» в результате расчета и эксперимента, т. е. преимущественно — естествознание и математизированные науки, предполагающие проверку, буквальное воспроизводство. И наше время во многом, если не прежде всего — время мощной экспансии *science*,

на первый взгляд, ставящей гуманитарное знание на второстепенные позиции.

В XXI столетии вопросы «где и когда личность?», «где и когда Я?» звучат весьма нетривиально. И тому есть немало оснований.

Достижения медицины, биологии, генной инженерии. Пластические операции, трансплантации, протезирование, киборгизация, смена пола. Возможности медикаментозной коррекции поведения, генетической коррекции, использование стволовых клеток. Все эти достижения не только открыли новые возможности оздоровления, продления жизни, не просто породили биоэтику, но и создают совершенно немыслимые ранее нравственные, правовые и религиозные казусы, связанные прежде всего с возможностями идентификации личности. Психологи и даже педагоги говорят о пренатальной (внутриутробной) стадии развития личности. Небывалой (до политических столкновений) остроты достиг вопрос об абортах, трактуемых не как прерывание физиологического процесса — беременности, а как человекоубийство в полном смысле слова со всеми вытекающими нравственными и правовыми последствиями. На какой стадии и кто вправе решать вопрос о прерывании беременности? Кто и по каким критериям вправе решать вопрос о прекращении поддержания физического существования «безнадежных» больных, находящихся в коме?

Не менее, а возможно и более существенны проблемы, порожденные тотальной цифровизацией в экономике и науке, бизнесе и политической жизни, науке и образовании, искусстве и личной жизни. Цифровые технологии основаны на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости. В конкретном своем выражении цифровизация на виду и на слуху, она определяет облик современной цивилизации в компьютерных технологиях, информационно-коммуникативных технологиях, их применениях. В той или иной степени цифровизация пронизывает нанотехнологии, биотехнологии, нейрокогнитивные исследования и т. д., а главное — не только науки, но использование получаемых результатов в разработках — их реализацию, внедрение, имплементацию. Цифровые технологии важны и используются не сами по себе, а именно для создания множества систем: от операционных компьютерных систем и баз данных до блокчейна в банковском деле, и от экспертных систем до IoT, беспилотных автомобилей, «умного дома», «умного города».

Однако самое поразительное — это скорость — даже не столько скорость процессов обработки информации, обеспечиваемая цифровизацией, сколько скорость разработки цифровых технологий (к которым уже подключены системы искусственного интеллекта), сколько скорость их внедрения. Между «огненной телегой» Н. Куньо (тягач для транспортировки орудий на военные позиции, работавший без топливного бака и передвигавшийся со скоростью 3 км/час, впереди шел кочегар с охажкой дров) 1769 года и первым автомобилем К. Бенца с двигателем внутреннего сгорания 1885 года — 114 лет. За агрегатом Н. Куньо уже проглядывала целая эпоха и новая инфраструктура жизни, новый образ жизни, но социально-культурные последствия автомобилизации растянулись на два с половиной столетия. По сравнению с этими темпами последствия цифровизации почти мгновенны. Консалтинговая и инвестиционная компания Gartner с интервалом в несколько лет строит свои ставшие знаменитыми графики Hype Cycle технологий, формирующих рынок¹. На этих графиках соотносятся степень ожиданий (*expectations*) и временные стадии: технологии-триггера, пик ожиданий от нее, стадия разочарования, склон просвещения и выход на плато производства реально востребованного продукта. Если сравнить графики 2009 и 2018 годов (интервал менее 10 лет), то картина изменилась радикально. Так, дополненная реальность и «умная фабрика» из триггера с ожиданием в более 10 лет уже вышли на устойчивое плато реального продукта. И в целом картина получается весьма показательной и даже поучительной в плане опережающего ожидания реального внедрения.

Эта стремительная динамика имеет далеко идущие последствия социального, экономического, политического и гуманитарно-антропологического характера, порождая все более и более каверзные вопросы.

Такой тренд вполне укладывается в модель трех стадий («волн») О. Тоффлера развития человечества — аграрная, индустриальная и постиндустриальная порождали три волны акцентирования занятости². На первой стадии это была «первичная» форма занято-

¹ Panetta K. 5 Trends Emerge in the Gartner Hype Cycle for Emerging Technologies. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/5-trends-emerge-in-gartner-hype-cycle-for-emerging-technologies-2018/> (дата обращения: 16.08.2018).

² Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.

сти — собирательство в широком смысле, как взятие природной ренты с помощью охоты и сельского хозяйства. На второй — «вторичная» — обработка и переработка сырья от ткачества до машиностроения. На третьей — «третичная» сфера занятости — многообразные сервисы. В наши дни эти три стадии дополняет новая «волна» смены формата развития всей цивилизационной среды. Этот новый рынок обусловлен тотальной медиализацией в цифровом формате («революция 4.0.»), радикально меняющей бизнес, потребление, управление, науку, образование, искусство, личную жизнь.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ VS. КОНТРОЛЬ

Мобильная связь и Интернет обеспечили постоянную, буквально перманентную включенность человека в коммуникацию. Звонки, СМС-сообщения, электронная почта, социальные сети держат его повсеместно дено и ношно в ситуации *keep touch* (держат связь, быть на связи). Причем эта включенность оборачивается еще и доступностью тебя как абонента. Разумеется, можно блокировать некоторые контакты, отключаться на какое-то время, но это не избавляет от последующего разгребания информационно-коммуникативных «завалов».

Речь идет не просто о межличностной коммуникации, а о тотальной медиализации абсолютно всех сфер жизни, включая бизнес, потребление, образование, политику... Многообразные платформы и приложения ускоряют и облегчают не только покупки, но и предоставление экспертных и госуслуг. Эстонский опыт создания электронного правительства весьма убедителен: все данные о личности (от паспортных и банковских до медицинских), введенные на единый носитель типа банковской карточки, существенно облегчают жизнь.

Цифровые технологии, искусственный интеллект, Интернет вещей создали и создают новые, невиданные ранее возможности сбора и обработки информации, общения, решения задач, проектирования, преподавания, контроля, развлечений и много чего еще. У нас на глазах меняются финансовая система, системы правового регулирования, социального контроля. Чего стоит одна только история с криптовалютами, породившими аналог «золотой лихорадки» всемирного масштаба!

Цифровые технологии существенно раскрепощают человека. Но и они же дают возможности невиданного ранее контроля личности и ее поведения. В этом пространстве глобальной и тотальной медиализации человек оставляет немало следов, данных о себе. С помощью сбора, хранения и обработки этих массивов данных (Big Data) государства создают все более изощренные системы наблюдения за собственными гражданами, используя все возможности современных технологий.

Дорогие и ненадежные системы надзора за наемными работниками (из-за того, что их основу составляли люди, за которыми, в свою очередь, надо было следить) довольно успешно заменяются дешевыми и надежными алгоритмами, которые выполняют работу, с которой не справился бы даже самый лучший надсмотрщик. В сервисах Uber, Lyft или курьерской службе Deliveroo задачу контроля и оценки работников выполняет алгоритм — приложение на смартфоне. В той же Deliveroo алгоритм мониторит курьеров. Пока этих других «крикш XXI века» не заменили дронами. И при этом возможности рутинного сопротивления у наемных (пока еще) рабочих во многих сферах падают практически до нуля.

Нейрослежка выводит возможности контроля на новый, ранее недостижимый уровень — убирается наиболее ресурсоемкий элемент надзора: армия надсмотрщиков, просмотр и прослушка огромной массы сырых данных. Смартфон, нейросети вполне можно использовать для тотальной слежки за населением. Пробраз будущего нейрототалитаризма можно наблюдать в Китае, где еще в 2015 году уже было установлено 176 млн камер видеонаблюдения (для сравнения: в США — всего 62 млн), а к 2020 году их будет установлено почти 450 млн¹. Значительная часть камер приходится на чувствительные регионы — столицу, где почти любой уголок просматривается камерами. От 1 до 2 миллионов уйгуров и тибетцев в Китае уже попали в тип проживания «системы перевоспитания», где отслеживается каждый шаг человека. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), где традиционно сильны сепаратистские настроения, сейчас на каждые 10 тыс. жителей приходится столько же камер наблюдения, сколько

¹ Зотин А. Экономика протеста: прекариат цифровой эпохи : Как людей подчиняют алгоритмы. [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: 08.07.2018. URL://<https://www.kommersant.ru/doc/3674787> (дата обращения: 06.09.2019).

в других частях страны смотрит за несколькими миллионами человек. В полицейских базах данных хранятся фотографии всех зарегистрированных жителей СУАР. Эта база связана с нейросетью, на основе которой и работает система распознавания лиц. Уличные камеры, камеры в торговых центрах в автоматическом режиме могут отслеживать перемещение по городу любого человека. По данным Bloomberg, нейросеть предупреждает полицию, если «подозрительные личности» отклоняются от своего привычного маршрута более чем на 300 метров. Разумеется, подозрительными для власти могут быть не только обычные преступники, но и те, кто с ней в чем-то не согласен.

А с 2020 года для всех китайцев вводится так называемая система социального кредита на основе социального рейтинга, в рамках которой добавляются баллы за правильное поведение и снимаются за неправильное. Государство будет отслеживать все поступки, а точнее — поведение граждан, по собранным личным Большим Данным будет строить личные профили и определять личный рейтинг, по которому будет определен доступ личности к различным услугам и благам. «Сегодня полиция по всему Китаю собирает материал из десятков миллионов камер и миллиардов записей поездок, интернет использования, бизнес деятельности, чтобы отслеживать граждан. В национальном списке отслеживания возможных преступников и потенциальных политических агитаторов от 20 до 30 миллионов людей... Китайские стартапы, частично основанные на американских инвестициях, работают на создание методов автоматизации работы полиции. Они создают алгоритмы, которые ищут подозрительные модели в соцмедиа программное обеспечение компьютерного видения, чтобы отслеживать представителей национальных меньшинств и жалобщиков в городах»¹.

Китай даже экспортирует такие свои системы. Уже 54 страны пользуются китайскими технологиями слежения². Ситуация,

¹ *Mozur P.* Made in China, Exported to the World: The Surveillance State. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/24/technology/ecuador-surveillance-cameras-police-government.html> (дата обращения: 06.10.2019).

² *Feldstein S.* China is Exporting AI Surveillance Technology to Countries around the World [Электронный ресурс] // Newsweek. Fri, Sep 06, 2019. URL: www.newsweek.com/china-ai-surveillance-technology-world-1403762 (дата обращения: 06.09.2019); *Сарханяну К.* Подсмотрено в Китае [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: www.kommersant.ru/doc/3959601 (дата обращения: 06.09.2019).

когда частная жизнь может исчезнуть в принципе, не столь уж фантастична. Современная жизнь все больше напоминает «Шоу Трумана», из которого у человека все меньше возможности выхода.

ЖИЗНЕННЫЙ КОМФОРТ VS. МАРКЕТИНГ ПОДТАЛКИВАНИЯ

Дело не ограничивается контролем со стороны государства, спецслужб. Постиндустриальное общество массового потребления является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека!», «Все на благо человека!», «Человек есть мера всех вещей!» И мы знаем этого человека — это каждый из нас. Это общество на основе рыночной экономики, технологии маркетинга, да еще и в формате тотальной цифровизации в состоянии удовлетворить любые потребности. Кластеризация рынков (коммерческих и политических) достигла индивида. Машину тюнингуют под тебя, компьютер, его архитектуру, программное обеспечение — тоже под тебя. В этом обществе имеет право на существование только то, что кому-то нужно. И если потребность кем-то и как-то артикулирована, она получит предложение по ее реализации. Отслеживая твои следы в социальных сетях — с упреждением предложат веер возможностей. Это закономерный этап развития человечества. Более того — великое достижение этого развития — человечество никогда еще не жило в таких комфортабельных условиях, никогда еще не была столь высока продолжительность жизни, такой уровень медицины, возможности изобилия.

Самореализация личности все больше и больше осуществляется не столько в сфере производства, сколько в сфере потребления. Социологи говорят о демонстративном потреблении, когда человек и его семья, для демонстрации своего статуса, продвинутости должны поддерживать и демонстрировать, предьявлять публично (включая социальные сети) определенный уровень потребления.

Этот образ жизни, эти практики в состоянии не только удовлетворить, но и стимулировать любые потребности. Р. Талер получил Нобелевскую премию по экономике за проработку маркетинговой технологии «подталкивания» (*nudge*) потребителя к потре-

блению¹. Современный бизнес, политика, индустрии развлечений не столько выявляют некую рыночную «нишу» с потребителями, которым предлагаются некие продукты, а уже просто создают своих потребителей и закрепляют связи с ними². И большие данные, социальные сети дают для этого исключительные возможности. Геолокация, имущество, связи, слова и даже мотивы поведения стали прозрачны для маркетинга и манипулируемы на протяжении всего жизненного цикла.

Разумеется, эта технология и практика основаны на фундаментальной ошибке атрибуции (когда на основании моих действий судят о моих намерениях), но по мере накопления баз данных, выстраиваемые на их основе профили каждой личности становятся все более вероятными. Причем многих людей такая ситуация очень и очень устраивает. Информация о доступности благ поступает оперативно, а то и с упреждением и ты можешь получить это благо буквально за два клика. Нужно только правильно кликать правильные опции. Образ жизни упрощается до бихевиористской схемы «стимул-реакция». От человека не требуется анализ и размышление. Нужна только реакция на соответствующий стимул.

СВОБОДНЫЕ ТРУД И ДОСУГ VS. СВЕРХЭКСПЛУАТАЦИЯ

Автоматизация, роботизация, информационные технологии «зачищают» от человека рынок труда. Банки, экономические службы предприятий в массовом порядке сокращают бухгалтеров, операторов. Блокчейн реально угрожает таким традиционно квалифицированным профессиям как эксперт, оценщик, нотариус, юрисконсульт. Роботизация, IoT и прочая цифровизация, позволяющие автоматизировать не только производство, но и сервис, открывают перспективу массового высвобождения занятости и тофлеровской «четвертичной занятости» — творческого самовыражения, волонтерства, благотворительности, развлечений. Такая перспектива, подкрепленная практиками базового

¹ Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора = Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. М., 2017.

² Виттерфюот А. Вовлечение в бренд. Как заставить покупателя работать на компанию. СПб., 2008.

гарантированного дохода, почти буквально воплощает представления К. Маркса о будущем человечества, когда мерой качества бытия станет свободное время, заполненное свободной самореализацией, приносящей радость полноты бытия, освобожденных машинами от производства товаров.

Речь идет о деятельности, в которой будут иметь место полное проявление сущностных сил человека, искренний человеческий восторг (*menschliche Freude*), богатство ощущений (*Reichtum der Empfindung*) и бьющая ключом радость жизни (*sprudelt Lebenslust*)¹. Картина выглядит не столь утопической в контексте цифровизации. Как прозвучало на одном из семинаров по этому контексту — человечество на новом уровне возвращается к собирательству: мол, какая разница — срывать плод с дерева или получать его на 3D-принтере. Только если в неолите это было собирание природной ренты, то теперь — цифровой и сетевой.

Правда, мнения экспертов сильно расходятся. Аналитики консалтинговой компании PricewaterhouseCoopers (PWC) пришли к выводу, что проникновение искусственного интеллекта и роботизация создадут больше рабочих мест, чем уничтожат. По прогнозам компании, искусственный интеллект в Великобритании в ближайшие 20 лет уничтожит 7 млн рабочих мест, но создаст 7,2 млн новых. При этом ожидается серьезное перераспределение между сферами: больше всего от автоматизации пострадают производство и транспорт, новые рабочие места, напротив, будут созданы в здравоохранении, науке и образовании². По мнению других, цифровая эпоха породила удивительное сочетание суперсовременных и средневековых технологий: люди отжимаются в последние, но скоро они окажутся не нужны³. Средний класс, достигший пика своего могущества в 1970-х, медленно, но верно опускается до сегодняшнего состояния прекариата с переходом

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 186.

² Рождественская Я. Роботы создадут работу [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : Наука : Рынок: 17.07.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3689092> (дата обращения: 16.02.2019).

³ Петрова Ю. В ближайшие десять лет лишними на работе станут 400 млн человек [Электронный ресурс] URL: <https://future.vedomosti.ru/job/v-blizhaishie-desyat-let-lishnimi-na-rabote-stanut-400-mln-chelovek> (дата обращения: 06.09.2019).

в «ненужнориат»¹. Искусственный интеллект способен заместить «навыки Поланьи» (распознавание изображений и звука, их алгоритмическая обработка и трансформация, тонкая моторика), которые до последнего времени считались исключительно человеческими.

Человек «свободен, наконец-то свободен»? Радость, выраженная в этой цитате Мартина Лютера Кинга из известного спичуэлса (“Free at Last”), при попытках осмысления соотношения труда и досуга в современных условиях испытывает серьезные вызовы — как в концептуальном плане, так и главное — в непосредственной практике. Современный бизнес использует как все большую прекариатизацию труда, так и практики *bleisure*. В первом случае работники выводятся за штат компании, работая в удобном для них режиме, включая удаленный доступ. При этом работодатель полностью перекладывает на самого работника затраты на развитие своего человеческого и социального капитала, снимая с себя необходимость обеспечения ряда социальных гарантий и социальной ответственности. Во втором — работникам оплачивается как их время труда, так и возможный отдых, развлечения, физическая рекреация. Но при этом повышается требовательность к лояльности по отношению к компании, объему и качеству выполняемой работы. В обоих случаях мы имеем в результате рост эксплуатации.

В Германии, США, Франции формируются нормы, дающие работнику «право отключиться», не отвечать на сообщения и звонки, связанные с его трудовой деятельностью во вне рабочее время. Но, во-первых, не каждый человек имеет возможность воспользоваться своим «правом отключиться», рискуя отношениями с работодателем, тем более что переходя в прекарный режим, он вынужден соглашаться на любые условия². Во-вторых, далеко не каждый сотрудник сам готов отказаться от «включенности». Некоторые стремятся продолжить работу вне рабочего времени. Такая мотивация зависит от того, какой смысл вкладывает индивид в свои поступки, от общей смысло-жизненной стратегии личности. Часто личности,

¹ Зотин А. Экономика протеста: прекариат цифровой эпохи : Как людей подчиняют алгоритмы [Указанный электронный ресурс].

² Пак Г. С., Хуслянов Т. М. «Право отключиться» как ответ на экспансию труда в нерабочее время: кто им воспользуется // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4. С. 508–516.

ориентированные на жизненный успех, на самореализацию сами настаивают на постоянном «подключении». О «праве отключиться» настаивает человек, для которого труд — принудительная обязанность. Для творческих личностей важно «право подключиться» — как условие их не только работы, но существования вообще.

Попытки смягчить ситуацию с помощью гарантированного базового дохода пока, по крайней мере, дают неоднозначный результат. Предпринятые в Финляндии, Канаде, Индии реализации различных моделей гарантированного базового дохода показали, что такая практика воспринимается людьми по-разному. 10–12 % радостно приветствуют такую возможность заняться творческой самореализацией от изучения языков и чтения до йоги и живописи. Примерно столько же проявляют склонность к девиации. У подавляющего большинства — повышается в некоторой степени чувство уверенности, но граждане все-таки предпочитают гарантированному доходу реальную полноценную занятость. Получается классическое «гауссово распределение»: меньшинство либо способно к самостоятельной креативности, либо не выдерживает испытания свободой, а большинство нуждается в «заботе», приходящей извне.

Возможно, это бессознательное возможных печальных последствий в духе известной серии из 25 экспериментов Д. Кэлхауна в 1970-х годах с «мышиним раем»¹. Создавался вольер с идеальными условиями: с постоянной комфортной температурой, изобилием еды и воды, поддержанием чистоты, мер безопасности, ветеринарной помощью. Хотя условия создавались для возможного содержания почти 10 000 мышей, максимальная численность первоначально активно размножавшейся популяции не возрастала более двух с небольшим тысяч особей. В какой-то момент начинались девиации: агрессия между поколениями, полами, доминирование в популяции «красивых» мышей, которые только ели, пили, спали и очищали свою шкурку, избегая конфликтов, спаривания и размножения. К 1780 дню после начала эксперимента популяция просто вымирала полностью. Человеческая история насчитывает множество подобных «экспериментов», когда социум, достигнув

¹ Calhoun J. B. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1973. Pt. 2. №1 (66). P. 80–88.

относительного благополучия, утрачивал некий иммунитет и уходил с исторической арены. Наиболее известным кейсом является древняя Римская империя. Не стоит ли такая угроза и перед современным человечеством?

Труд и досуг все менее отличимы. Сепарабельная модель труда и досуга не работает. Попытки их концептуального анализа превращаются в игры с объемами соответствующих понятий. Концепты «труд» и «досуг» могут пересекаться, могут исключать друг друга, труд может включать досуг и наоборот. Человек в рабочее время, на рабочем месте пользуется тренажером, смотрит новости, общается с близкими, а дома за компьютером работает с документами — что здесь труд, а что досуг? Для кого-то труд — призвание и возможность творческой самореализации, для кого-то — тяжелая обязанность, для большинства — жизненная рутина. Многое зависит от жизненных и нравственных установок конкретной личности. Для кого-то — труд свобода и творчества, а для кого-то — свободное время — тяжелая обуза.

Но если говорить об общецивилизационном тренде, то и он показывает взаимопроникновение, конвергенцию труда и досуга. Более того, как уже говорилось, сам досуг предстает товаром. В условиях фриланса, прекариата человек трудится 24 часа в сутки, а работодатель избавляется от вложений в человеческий капитал. Это дело самого человека: вложения в свое здоровье, внешний облик, интеллект, навыки — то, что потом он выносит на рынок занятости.

Если в аграрной стадии с акцентом на собирательство (в широком плане, включая использование полезных ископаемых) в экономике доминировала природная рента, в индустриальной с ее акцентом на переработку — трудовая рента, в постиндустриальной информационной с акцентами на сервисы — рента сетевая, то сейчас — чем дальше, тем во все большей степени — нарастающая прекариатизация труда в сочетании тотальной круглосуточной включенностью превращает в новую форму многогранной и многовекторной эксплуатации, новой ренты, не только «свободное время», а весь процесс жизнедеятельности.

Тотальная медиализация в цифровом формате, цифровая экономика в целом предстает закономерным этапом трансформации капитализма — системы, ориентированной на самовозрастание капитала, этапом дальнейшего расчеловечивания (о новой животности много

писали М. Хоркхаймер и Т. Адорно)¹ — для цифровых платформ нет различия между вещью в системе IoT и человеком, жизнедеятельность которого сводится к активации опций. Геолокация, имущество, связи, слова и даже мотивы поведения стали прозрачны для маркетинга и манипулируемы на протяжении всего жизненного цикла.

ОРГАНОПРОЕКЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТА VS ГЕЙМЕРСКОЕ БЕСПАМЯТСТВО

Успехи протезирования, трансплантаций, постоянное использование новейших технологий, без которых мы чувствуем себя дискомфортно, ведут к киборгизации человека, превращение его в высокоорганизованную автономную техническую систему. Но логично допустить и обратное — превращение технической системы в постчеловека².

И успехи робототехники впечатляют. Несомненного внимания заслуживает такая технология, как искусственный интеллект (Artificial Intellect, AI) — на первых порах только вычислительные машины и программы, но в сочетании с самообучением эта технология достигла впечатляющих результатов. Созданные программы позволили обыгрывать чемпионов мира не только по шахматам, но и в покер с его элементом блефа, и даже в го. А теперь позволяет реализовывать такие масштабные проекты, как «умный дом», «умное предприятие», «умный город». На очереди «умная страна». Тест Тьюринга машина с искусственным интеллектом прошла давно. Машины занимаются анализом, пишут обзоры, статьи и репортажи, музыку. И качество этой продукции все выше и выше. По крайней мере уже мало отличимо от среднего «человеческого» уровня. Фактически речь идет об очередном уровне «органопроекции» в духе Э. Каппа³ и П. А. Флоренского⁴, согласно которой

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Дialeктика Просвещения // Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.

² Тульчинский Г. А. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

³ Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925. С. 21–168.

⁴ Флоренский П. А. Органопроекция // Декоративное искусство. 1969. № 12. С. 149–162.

все орудия труда и артефакты культуры суть проекция, продолжение человеческих органов, их развитие и усовершенствование: нож, вила, кисть — продолжение руки, лупа, телескоп, микроскоп — глаза, и т. п. В этом плане AI можно рассматривать как органопроекцию мозга, превосходящую его уже по многим характеристикам. Как говорил один из специалистов по проектированию «умного города» Е. Островский, современный человек оказывается все более «распределенным», зависшим «между белком и песком»: от белковой основы он уже отошел, а на кремниевую основу («песок») еще не перешел.

Проблемы современности не в объеме информации — она фильтруется и блокируется, а в скорости переработки. И эти скорости недоступны мозгу. В таких скоростях нет ничего живого. «Песок» опережает «белок». За последние 20–30 лет произошло резкое снижение онкологических и кардиологических заболеваний — при скачкообразном росте неврологических и психиатрических. Мозг не приспособлен к таким скоростям. А эти информационные потоки связаны с многозадачностью, ответственностью, и не переводятся в автоматизм, бессознательный режим, предполагая постоянную концентрацию внимания.

И дело уже не столько в «проекции» такого органа, как мозг, сколько в функционировании самого этого органа. Как показывают исследования нейрофизиологии мозга, при работе на компьютере, т. е. с интерфейсом на экране монитора или гаджета, даже с использованием клавиатуры активируются только зрительные центры мозга, но не префронтальные зоны лобных долей мозга, ответственных за формирование речи, дискурсивности, способности к наррации. В результате нарушается связность речи, нарушается память. С учетом скорости коммуникации и вынужденной обработки информации восприятия наррация и не требуется, как и связанная с нею способность суждения и рассуждения.

Это становится причиной роста инфантилизма, сжимания горизонта ответственности. Два случая из собственной преподавательской практики... Первый — беседа с молодым человеком, испытывавшим проблемы с написанием дипломной работы, Приятный молодой человек, продвинутый в современных технологиях, по личной инициативе учит японский язык, есть план работы, собранные материалы... И на 10-й минуте разговора вопрос: «Вы

хотите сказать, что я еще что-то должен написать от себя?» То есть человек знает, где взять необходимый материал, источники для работы (что уже замечательно!), но не понимает, что этот материал еще надо самостоятельно переработать. Он привык только получать уже готовое — надо только знать нужные опции.

Второй случай — совсем недавний, когда я впервые столкнулся с целой группой студентов — очень славных, интересных ребят, которые при выполнении практического задания впадали в ступор, полагая что спонсоры и государственные инстанции при поддержке каких-то проектов должны перечислять средства на их личные счета. Что их личных писем в поисках поддержки достаточно для спонсоров в плане гарантии социальной значимости проекта и ответственности организаторов. Необходимость «длинных мыслей» о социально ответственных связях для некоторых из них стали откровением.

В цифровизированной реальности от человека требуются не «длинные мысли», которые мог себе позволить писатель и читатель романов XIX или второй половины прошлого столетия или участников переписки того же времени. Упрощение и ускорение предъявления осмысляющей наррации достигло такой степени, что презентации смыслов не требуется оставлять следы такой презентации — как в технологии *snarchat*, когда информация исчезает вскоре после ее предъявления. Означающие (знаки, тексты) не нуждаются в означаемых, они не нарративны, а перформативны. От зрителя, слушателя, читателя требуется не рассуждения и обоснования понимания, а реакции — оценки и действия («лайкать, банить и покупать»).

Будоражившее философскую общественность конца XX века клиповое (мозаичное) сознание на глазах превращается в геймерское, в реакцию на ситуацию, задаваемую неким алгоритмом. При этом эмоциональное переживание связано не столько с занимаемой позицией, сколько является непосредственной, желательно быстрой (автоматической) реакции на ситуацию, что можно квалифицировать как один из аспектов «новой животности» (Дж. Агамбен). Человек, утрачивая навыки систематической рефлексии и связанной с нею способности «трансцендировать в иное» начинает просто реагировать на образы и стимулы сканируемой реальности.

На 5-м Международном конгрессе по смеху в нескольких докладах отмечалось, что нынешние школьники и первокурсники не

понимают анекдотов. У них юмор развит на уровне мемов, фактически — опций, перформативов, в духе табличек «смех» в фильме о Шреке или закадровой фонограммы в телешоу. Фактически это еще одно подтверждение, что работа с экраном (даже с клавиатурой) активирует только зрительные центры, но не префронтальные зоны лобных долей мозга.

В США последние годы снижается IQ выпускников школ, количество зарегистрированных патентов. Профилактика этих последствий предполагает общую двигательную активность, развитие мелкой моторики кистей рук, чтение вслух, решение несложных математических задач¹. В ряде элитных школ и университетов США вводятся специальные курсы по каллиграфии, лепке. Аналогичные тренинги все чаще организуют для своих компьютеризированных сотрудников некоторые корпорации.

Оцифрованная реальность не нуждается в музеях, театрах, кинотеатрах, библиотеках, поскольку сама есть и то, и это. И зритель, читатель, слушатель — часть этой реальности, не только пользователь соответствующих опций. Такое сознание оказывается неглубоким и «коротким». Череда образов без нарратива не удерживается в памяти. Такое сознание оказывается беспамятным, значит — не способным не только на выявление причинно-следственных связей, но и на простое прослеживание хроникальной последовательности событий. Прошлое, если возникает, то каждый раз перевоссоздается как новое — под сиюминутное настоящее. Прошлое и будущее в нем схлопывается в настоящее, меняющееся подобно цвету хамелеона. Личность же превращается в беспамятного странника по этим разноцветным мирам. А не способное к рефлексии сознание оказывается идеальным объектом манипулирования.

Если человек, сформировавшийся в культуре выстраивания нарративов, прослеживания сюжетных линий, способен понимать достаточно сложные смысловые построения, то человек экранной цифровой культуры оперирует только смыслами «твиттерного» формата и не может работать со знаковыми и смысловыми структурами произвольной сложности. А источники информации воспринимаются им как блюда на «шведском столе», с которого он

¹ *Кавашима Р.* Тренируем мозг // Продукты и рецепты для улучшения памяти, интеллекта и мышления. СПб., 2018.

набирает произвольные наборы по своему усмотрению. В отличие от линейного рефлексивного сознания, способного к сопереживанию, фрагментированное малосвязными образами «клиповое» сознание, имеющее дело с калейдоскопической реальностью в духе телевизионного zapping'a, если и способно к эмпатии, то непродолжительной, неустойчивой, вспышками приходящей и быстро уходящей, забываемой. А в геймерском сознании социальный опыт не переживается, и социализация заведомо оказывается неполной. В электронных социальных сетях образуются сообщества, члены которых «лайкают» друг друга, проявляют негативные, а то и агрессивные отношения к другим сообществам. Смысловая картина мира и ее носители имеют тенденцию, все большей дивергенции, недоверия и агрессии, все чаще выходящей из формата online в режим offline.

Традиционная мифология давала устойчивые структуры исторической памяти и миропонимания в целом. В современном клиповом геймерском, мозаичном, а то и snapchat'овском сознании память и сознание менее устойчивы, а то и утрачиваются за ненадобностью. Все более «текучими» становятся не только современность¹, но современный человек.

НОВЫЕ НЕРАВЕНСТВА

Так или иначе, но уже налицо новое расслоение и неравенство человечества. Это расслоение не только по доступности благ и уровню потребления, по уровню информационно-коммуникативной и компьютерной компетентности, доступу к соответствующим ресурсам, в зависимости от «суверенизации» и секьюритизации этих ресурсов. Все это конкретизируется в расслоение на «пользователей-геймеров» и разработчиков алгоритмов «реальности общества спектакля». При этом за разработчиками проглядывают их реальные хозяева: работодатели и владельцы техники и технологий. В случае цифровой экономики владельцы капитала — это, по сути, владельцы алгоритмов. У многих, если не у большинства современных хайтек-компаний и тем более техностартапов, толком нет никаких материальных активов. Основной их актив зачастую алгоритм и средство ком-

¹ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.

муникации — платформа, в основном в виде мобильного приложения для той или иной деятельности (вроде Uber'a). Алгоритмизированная структура экономики позволяет обойти все формальные права наемных работников: медицинское страхование, минимальную зарплату, пенсионное обеспечение, формальный письменный контракт, выходное пособие, социальный пакет и т. п. Поэтому оплот буржуазного общества модерна — средний класс — все более вымывается из социальной структуры современного социума.

Все чаще звучат голоса о «революции сисадминов»¹. Действительно, на политической арене появились новые силы: фигуры типа Д. Ассанжа, Э. Сноудена, группы хакеров — с самостоятельной политической мотивацией или используемые спецслужбами. Но где гарантия, что это расслоение с помощью самообучающегося искусственного интеллекта не «зачистит» и разработчиков с сисадминами?

Наконец, вызывает неравенство, невиданное ранее не только в правовом и нравственном планах, но и в плане антропологическом. Речь идет о возможности сосуществование людей и андроидов, которые уже выступают с концертами выполняют работу секретарей, телеведущих, спичрайтеров, уборщиков, оказывают услуги от продаж до консультационных и сексуальных. Обсуждаются законодательные инициативы о налогообложении труда роботов. Капитализм, как бесчеловечное и внечеловечное ведение хозяйства, направленное на самовозрастание капитала, близок к буквальной реализации². Согласно прогнозу выдающегося американского изобретателя и футуролога Р. Курцвейла, в 2027 году персональный робот будет массово внедрен в быт людей; в 2038 году появятся первые роботизированные люди, оснащенные различными опциями-имплантами для выполнения узкоспециализированных функций (глаз-камера, дополнительные конечности и т. д.), благодаря нанотехнологическим новшествам, которые будут имплантироваться напрямую в мозг, будет создана виртуальная реальность «полного погружения»; к 2044 году

¹ Гройс Б. О новом // Опыт экономики культуры.

² Zizek S. Blade Runner 2049: A View of Post-human Capitalism. [Электронный ресурс] URL: <http://thephilosophicalsalon.com/blade-runner-2049-a-view-of-post-human-capitalism/> (дата обращения: 06.09.2019).

небиологический интеллект обгонит человеческий по уровню развития и широте диапазона возможностей¹.

Мы наблюдаем, как интеллект мигрирует с белка на «песок» (на кремниевую основу). Но то, что сейчас называют искусственным интеллектом (Artificial Intelligence, AI), правильней называть Remote Accessible Intelligence, RAI. Мигрируя, интеллект удаляется, теряется человеком. Совсем скоро будет выгодней вкладываться в перенесенный на кремний интеллект, нежели в человеческий ресурс. И тогда встает вопрос об управлении, владении и приватизации перенесенного интеллекта. Причем это повестка не завтрашнего дня, а уже сегодняшнего. Что можно противопоставить приватизации и монополизации RAI?

В этой связи представляется полезным различать иногда отождествляемые концепты трансгуманизма и постгуманизма². Трансгуманизм антропоцентричен, фокусируя внимание на биологических ограничениях человеческого существования и настаивает на необходимости преодолеть их, «расширить» человека посредством органо-проекции с использованием новейших технических средств. Трансгуманизм стремится к покорению человеком природы, прогрессу и развитию. Фундаментальным является отрицание трансгуманистами человеческой телесности как необходимого элемента целостного индивида. Они полагают, что в теле заключены все проблемы человечества, среди которых особенно выделяются уязвимость перед болезнями и смертность.

Постгуманизм же исходит из совершенно противоположных оснований: в нем нет антропоцентричности. Постгуманизм рассматривает человеческий вид как часть мира живой природы, который развивается, в том числе за счет создания новых связей и гибридов. Если трансгуманизм стремится возвысить человека до положения царя не только природы, но и Вселенной, то посту-

¹ Хель И. Прогнозы Рэя Курцвейла на ближайшие 25 лет [Электронный ресурс] URL: <https://hi-news.ru/technology/prognozy-reya-kurcvejla-na-blizhajshie-25-let.html> (дата обращения: 06.09.2019).

² Мор М. Манифест трансгуманизма. [Электронный ресурс] URL: https://communitarian.ru/posts/novyy_mirovoy_poryadok_metody/maks_mor_manifest_transgumanizma_14092015 (дата обращения: 06.09.2019); Новые технологии и телесность как предмет антропологических исследований: Форум // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 11–82.

манизм возвращает людей с небес на землю, признавая множественность субъектов сознательной деятельности и призывая добровольно отказаться от позиции хозяина планеты. Однако, как точно отмечает И. А. Морозов, смириться с такой конъюнктурой чрезвычайно сложно, ведь мы привыкли считать себя «венцами творения», поэтому добровольно падать с этого пьедестала будет очень больно¹. Здесь возникает очень любопытный парадокс: в своем тщеславном стремлении создать жизнь с нуля, подобно Богу или эволюции, готов ли человек принять эту жизнь как равную себе? Одно дело — испытывать удовлетворение от масштаба влияния деяний человека на ход истории, но совсем другое — способность признать творение своих рук не менее живым, настоящим и разумным, чем ты сам.

Но способны ли мы на это? В наиболее общем виде можно выделить два сценария сосуществования человека и постчеловека: суть первого состоит в превосходстве человека над постчеловеком, суть второго — в доминировании постчеловека над человеком. Этой теме и этому сценарию посвящен целый корпус научной и околonaучной фантастики. Так, в сериале «Мир Дикого Запада» постчеловек (андроид) находится на службе у человека: всецело в его власти, под его тотальным контролем. Другой сценарий — порабощение человека постчеловеком — любимая тема футурологов-алармистов. Подобная ситуация может сложиться в результате межвидовой войны и триумфа постчеловека над своим создателем.

Причиной столкновения между человеком и постчеловеком может быть простая межвидовая ненависть². Аларм и хоррор, в который человечество себя сознательно загоняет с помощью «популяризации» достижений науки и техники в СМИ, страх перед самостоятельностью роботов (которые тоже рассматриваются нами как представители постчеловечества), демонстрируемый в массовой культуре, является типичным для нашего времени. В результате совершенно неувидительна перспектива появления в социально-политическом дискурсе неолуддизма, который пока еще выражается только в «разрозненном спектре политических движений, а также индивидуалов, пытающихся оградить себя и своих

¹ Там же. С. 62–67.

² Павлов А. В. Враги по разуму: робот как революционный субъект // Социология власти. 2017. № 2. С. 124.

детей от воздействия Интернета, телевидения, смартфонов и других небезопасных, с их точки зрения, технологических новинок»¹. И, если сохранять алармизм до конца, то в такой борьбе результат непредсказуем. Возможно, стоит учиться принимать Другого как равного себе уже сейчас.

Подведем некоторый промежуточный итог. Великий проект гуманизма Просвещения реализован. И на выходе, в результате — новая животность и просто вытеснение человека. Расслоение и зависимость от новых хозяев. Проблематичность свободы воли, самосознания, ответственности. Тройной контроль: над интеллектом (посредством искусственного интеллекта), эмоциями (посредством маркетинга подталкивания на основе Big Data) и социализацией как таковой. Мы постепенно становимся не столько пользователями технологий, сколько их частью. Если раньше между мозгом и миром вещей был язык, то теперь все чаще — цифры. Механизм погружения человечества в так называемую «цифровую оболочку» уже запущен, причем этот процесс носит массовый характер. А это значит, что постчеловеческое будущее ближе, чем может казаться на первый взгляд. И это уже не алармистские антиутопии. Мы живем в цифровом мире, где даже язык вытесняется цифровыми кодами. В одном из докладов А. Я. Каплан привел в пример сцену из магазина, когда одна кассирша поднимает круассан над головой и кричит другой: «Что это?» И другая отвечает, типа: «40001618».

Каков же, в таком случае, человек будущего? Погрязший в стремлении к низменным инстинктам — к власти, к насилию, к острым ощущениям, к вседозволенности? Или просто неспособный на чувство, жаждущий внешних стимулов и реагирующий только на них? Нарастающий тренд новых социальных неравенств, тотального контроля, деградации естественного интеллекта, вытеснения практик рассуждения геймерскими навыками, роста зависимости от электронных устройств дают тенденции «киберпанка» новые и новые импульсы. Да и кому нужен обладающий самосознанием субъект, осмысляющий мир «в первом лице», когда все проблемы разрешимы за него и без него «в третьем лице»?

¹ Емелин В. А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // *Философия науки и техники*. 2018. № 1. С. 105.

У любого достижения цивилизации есть неоднозначные обстоятельства. Автомобиль порождает немало проблем, осложняя жизнь — от ДТП до гиподинамии. Но никто от автомобиля не отказывается. Пользование компьютером имеет немало негативных последствий — для зрения, осанки и т. п. Но никто от компьютеров не отказывается. Наоборот — зная о таких последствиях и обстоятельствах, можно предпринимать меры, чтобы противостоять нежелательным последствиям. Информирован — уже вооружен. Так и в случае современного оцифрованного общества массового потребления.

НЕКОТОРАЯ НАДЕЖДА, ИЛИ СЛАБОСТЬ КАК ПРЕИМУЩЕСТВО

Следует признать недостаточность и даже тупиковость абстрактного анализа в поисках ответов на отмеченные концептуальные и цивилизационные вызовы. Все очень конкретно.

Прежде всего, все мы очень и очень разные. И в представлениях об ответственности, ее горизонте, а значит, и в степени нашей вменяемости. И в отношениях к публичности и социальным сетям. Кто-то вывешивает в Фейсбуке и Инстаграме сведения о малейших событиях в своей жизни, а кто-то социальных сетей и публичности. Причем для молодежи, особенно подростков, очень важна такая публичность: для соотнесения со сверстниками, для признания и самоутверждения. С этим и связана опасность зависимости и манипулирования именно для подрастающих поколений.

Даже — в представлениях о труде и досуге и в отношении к ним. Например, около 10% чрезвычайно положительно относятся к гарантированному базовому доходу, с нетерпением ждут выхода на пенсию, чтобы заняться любимым делом и свободной самореализацией (вести занятия йогой, заниматься китайской живописью, петь духовные песни и т. д.), примерно 10% впадают в тяжелую депрессию, не зная, чем себя занять. Есть много примеров такой депрессии и у успешных предпринимателей. А большинству людей просто нужна забота, занятия, предлагаемые извне, отвлекающие от лишних мыслей о свободном выборе и ответственности. Но 10% важно сохранить себя, сохранить возможность и способность изменять себя, выходить в контекст жизненной ситуации, включая «зону комфорта».

Но даже опыт людей, прошедших гитлеровские концлагеря и сталинский Гулаг, говорит о том, что выживали те, кто сами себе придумывали какие-то правила поведения, не предусмотренные лагерными регламентами. Хотя бы обязательно чистить зубы — хоть щепкой, хоть пальцем. Или — хотя бы ходить только по вот этой половине... Главное, что человек сам устанавливал эти правила.

Очень важно чувство юмора, позволяющее переосмыслить реальность в ином контексте, перевернуть смысловую картину мира и понимание происходящего.

Алгоритмизируем ли такой опыт переживания? Похоже, что — нет. По крайней мере — пока.

Неслучайно в реальном менеджменте, включая креативные индустрии (компьютерные разработки, дизайн) работодатели подчеркивают роль эмоционального интеллекта, необходимость *soft skills*: коммуникативных навыков, способности к сопереживанию, эмоциональности, юмора, самоиронии. А эмоциональные переживания — это проявления сознания и самости «в первом лице». Именно они — источник развития и применения *hard skills*, включая компьютерную грамотность и компетентность.

Как недавно в одном интервью сказал известный футбольный специалист А. Черевченко, в спорте (и не только) подвиги совершают двоечники и троечники, а девушки почему-то предпочитают «плохих парней». При всей эпатажности этой формулы, в ней есть рациональное зерно. «Отличники» следуют алгоритму, установленному правилу и часто теряются в нетривиальных ситуациях, когда требуется выход в контекст, иной взгляд на ситуацию и ее оценку. Да и хорошо известно, что научные открытия часто делают дилетанты, не знакомые с «теоретическими рамками», или специалисты из других областей.

А все это свидетельствует о роли и значении самости в первом лице! Которая проявляется и выражается не только и не столько в рутинном поведении, сколько именно в поступках — деятельности не по предзаданному алгоритму.

Постепенно, но все более отчетливо становится ясно, что специфической особенностью человеческого вида *Homo sapiens* является не просто сознание, как способность мыслить, осознавать себя и Другого — качество, формируемое вследствие социального взаимодействия и программирования (специализации). Такой процесс инсталляции алгоритмов модели-

руем в искусственных системах. Моделируем и воспроизводим. Хотя бы потому, что в этом случае речь идет о сознании «в третьем лице».

Однако, похоже, главное — не просто феномен сознания, а наличие субъективности, которая сопровождает сознательное содержание субъекта¹, другими словами — контент самой субъективности «в первом лице», эмоционально окрашенные переживания. Похоже, что именно это выделяет человека среди других субъектов деятельности, которые могут появиться в будущем (андроиды, репликаны и т. д.).

Во все времена личность могла быть недовольна своим местом в мире, стремилась к его изменению, смене своей социальной позиции. В традиционном обществе средства для решения этой задачи были довольно ограничены: это могла быть узурпация чужой позиции, ее маркировка именем с целью изменить к себе отношение окружающих; затем изменение социального статуса, а затем — роли. В наши дни подобное стремление предполагает изменение себя, своей собственной самоидентификации, построение себя-другого. В настоящее же время активно формируется новая персонология, в которой, как было показано выше, личность во все большей степени предстает как проект или даже — как серия проектов. Речь идет именно о качественно новой фазе, качественно отличной, например, от споров конца XIX — начала XX столетий о «самоэмансипации» в среде российской интеллигенции — как революционно-демократической, так и представителей этнических меньшинств, стремившихся к выходу на европейские культурные горизонты².

Подобная самоценность личности не означает примат индивидуализма и эгоцентризма. Наоборот, только на основе самоценности выявляется подлинное богатство содержания социальной сущности нравственности. Так, в опыте «реального социализма» СССР, десятки лет последовательно человеческая индивидуальность нивелировалась до «винтика» безличной общественной машины: в организации заработной платы, в политических

¹ Cerulo K. A. Nonhumans in Social Interaction // Annual Review of Sociology. 2009. № 35. P. 531–552.

² Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления // Материалы для исследования моего времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.

практиках, в самом образе жизни. Между тем, как подчеркивал К. Маркс, сочетание бюрократической регламентации жизни с примитивной психологией казарменного коммунизма имеет своей сущностью «всеобщую и конституирующуюся как власть зависть»¹. Поэтому опыт советского «коллективизма» послужил питательной средой хищнического капитализма постсоветской России: рвачества, взяточничества, нахрапистой коррупции, кумовства и прочих последствий поспешных и непродуманных реформ. Реальное обновление и развитие апеллируют к обществу взаимодостойных, а не взаимозавистливых людей, униженных жесткой внешней регламентацией.

Что же касается конкуренции «белка» и «песка», то преимущество человека видится в его слабости. Он устает. Конечен и осознает конечность. Эмоции. Которые выступают не просто и не только источником смыслообразования. Человек может быть доволен. Но чаще может быть и не доволен. Он привыкает к рутине, но при этом — все время хочется чего-нибудь такого. Хочется нового. Это не просто цели — машина может формулировать задачи по достижению цели. Ставит она и цели — на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы? Для машины — это сбой в программе. Человек сбивает постоянно — хотя бы в воображении, хотя бы из рессентимента.

Когда б вы знали из какого сора... Вот полностью эти знаменитые строки А. Ахматовой:

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
 Растут стихи, не ведая стыда,
 Как желтый одуванчик у забора,
 Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

¹ Шек Г. Зависть. М., 2010.

Это как в менеджменте — надо уметь из минусов делать плюсы. Так, кризис создает исключительные возможности реорганизации, нововведений. Чрезвычайное происшествие — при достойном поведении — работает на позитивное общественное мнение, репутацию. Скандальная ситуация — опять же при достойном поведении — способствует известности, узнаваемости, позитивному имиджу. Так и человеческие, вроде бы, слабости дают некоторые преимущества перед оцифрованным искусственным интеллектом. Пока. По крайней мере до тех пор, пока не возникнет «на песке» существо автономное, конечное в своем существовании, осознающее это, переживающее это, стремящееся и способное выйти за горизонт сущего.

Совершенно нетривиальные данные были получены в рамках исследования Дартмутской лаборатории социальной нейробиологии и Принстонского университета, согласно которым: 1) творческий потенциал зависит от возможности мысленно улететь как можно дальше от реальности; 2) этой способностью обладают люди, у которых мозг от рождения работает иначе, чем у большинства¹.

Согласно выводам исследователей, творческий потенциал личности зависит от т.н. дистального моделирования — умения переноситься в воображении из реального «здесь и сейчас» к возможным мирам, удаленным во времени и пространстве в физическом, семантическом, вероятностном и абстрактном (по уровню абстрагирования) планах. Специалисты из Дартмутской лаборатории исходили из допущения, что творческие способности людей должны коррелировать со способностью к дистальному (дальнему) моделированию — использованию воображения, воспоминаний прошлого и планов на будущее: от реконструкции событий собственной жизни до обдумывания своей инвестиционной стратегии. По мере того, как моделируемая ситуация становится все дальше от реальности (во всех смыслах: расстояние, время, смысловая дистанция, восприятие вероятностей и преодоление все новых уровней абстрагирования), воображать ситуацию становится все труднее. И у подавляющего большинства людей пределы дистального моделирования весьма ограничены.

¹ Meyer M. L., Hershfield H. E., Waytz A. G., Mildner J. N., Tamir D. I. Creative Expertise is Associated with Transcending the Here and Now // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2019. № 116 (4). P. 483–494.

В исследовании (состоявшем из трех связанных тестов) участвовали люди обычных профессий (финансисты, юристы, медики и т.д.) и особо креативных профессий—«творческой элиты»: писатели, режиссеры, артисты и художники—обладатели престижных наград, стипендий, премий на кинофестивалях, творческих конкурсах и т.д. В первых двух связанных исследованиях перед участниками ставились задачи на дистальное моделирование, типа «представьте, каким будет мир через 500 лет». В результате гипотеза подтвердилась—«творческая элита» продемонстрировала разительно большую дистальную фантазию.

Более того, исследование мозговой активности у этих же двух групп выявило принципиальное различие. В контрольной группе при прохождении тестов на дистальную фантазию активизировались те же участки головного мозга, что и при решении тестов на «ближнее» (проксимальное) воображение. Это участки медиальной префронтальной коры лобных долей мозга, связанные с воспроизводством стандартных нарративных схем, реализацией ассоциаций между контекстом, местоположениями, событиями и соответствующими адаптивными реакциями, особенно эмоциональными. У представителей «творческой» группы при переходе от проксимального к дистальному моделированию используется иной нейронный механизм: дорсомедиальная подсистема сети пассивного режима (*dorsal medial system default network*), связанная с представлением намерений и личностных качеств других людей, а также с целым спектром разнообразных процессов: понимание повествований; физическое, временное и социальное представление расстояния; понимание концепций; создание высокоуровневых конструкций или абстракций. Речь идет не просто о более развитом потенциале мозга, который можно развить с помощью повторов и получаемого навыка, а об использовании для творчества иной подсистемы мозга (иной ментальной системы), что переводит проблему в генетический план. Натренировать у человека способность подключать для решения творческих задач иную область мозга — задача малореальная, фактически, необходима генетическая коррекция.

Получается, что особо креативные люди не просто способны к ничем не ограниченным перемещениям по возможным воображаемым мирам, но и сама эта способность связана с редким

генетическим отклонением — чем-то вроде «третьей импульсной системы» у «люденов» из романов братьев Стругацких.

Показательно и то, что «креативная подсистема мозга» — *default network* — сеть пассивного режима, она включается, когда наш разум пассивен и ничем не занят, когда он не отвлекается ни на какие внешние раздражители, а как бы находится в процессе внутреннего диалога и блуждания мыслей («mind wandering»). Активация сети пассивного режима включает процесс блуждания мыслей, который, с одной стороны, отвлекает нас от момента здесь-и-сейчас, а с другой, включает уникальную возможность людей, которой мы обязаны эволюции, — думать и размышлять о прошлом и будущем, моделировать вещи, идеи и даже чувства, столь удаленные от нашего здесь-и-сейчас, как если бы они находились в других вселенных, если перевести это в традиционную философскую терминологию — трансцендировать в иное.

Эволюция человека прошла ряд этапов. На каком-то из них небольшая часть человечества (примерно 6%) приобрела способность активации в мозге особого нейронного механизма — дорсомедиальной подсистемы сети пассивного режима, включающей навыки сверхкреативности, повышенной эмпатии, отстранения от собственного опыта и восприятия вещей и событий с иных точек зрения. Собственно, эта часть человечества и обеспечивает развитие общества, его возможности к адаптации изменяющейся среды, научно-технический прогресс, художественное творчество, выработку новых смысловых картин мира, объединяющих социум.

Нельзя исключать, что усиленная активация дорсомедиальной подсистемы сети пассивного режима станет эволюционным преимуществом человечества или как минимум его части. А рутинное воспроизводство алгоритмизируемых процессов останется за цифровыми системами. Но произойдет ли, тем самым, эволюционный переход от *Homo sapiens* к условному *Homo imaginationis* — большой вопрос. Вполне реальна и перспектива использования этой способности, этого потенциала как очередной ренты. Как говаривал мудрый М. М. Зощенко: «Жизнь создана проще, обидней и не для интеллигентов».

Пока же таким существом способен быть только человек (на «белке»), живущий в обществе в качестве личности, которая есть центр, в котором реализуется, находит себя социальный опыт,

а поступки личности в конечном итоге есть единственный путь реализации и развития этого опыта.

Если обратиться к синергетической модели человеческого поведения и поступка, то внешнее социальное воздействие на личность факторов, определяющих ее поведение, можно представить, как отрицательную обратную связь, корректирующую социальную адаптацию личности. Однако в социальном и личностном развитии не менее существенна и положительная обратная связь, усиливающая (а не ослабляющая) неравновесные состояния, стимулирующая нелинейное развитие системы «социальная культура — личность». В синергетике в этой связи говорят о так называемых «каталитических петлях» — по аналогии с явлением автокатализа, когда условием получения определенного вещества в химической реакции является участие в ней самого этого вещества, направляющего и усиливающего реакцию. Личность в социальной и культурной динамике играет роль такого катализатора, реализующего в общественном развитии сложную систему положительных обратных связей, своеобразных «автокаталитических петель».

Социальная культура, для того чтобы развиваться и воспроизводиться в сознании и поведении личности, должна быть уже реализована в некоторой степени личностью. В то же время необходимым условием развития личности в культурном процессе является ее активная роль в этом процессе.

Самореализация человека социальна, а социальное прорастает и реализуется только через самореализацию личности. В определенном смысле с точки зрения общего социально-культурного прогресса личностный аспект можно рассматривать как индивидуально реализуемую, но социально значимую пробу возможных вариантов человеческого самоизменения как самоизменения человеческого опыта. Все личностное служит в итоге практической пробой социального на его состоятельность. И в этом плане социальная роль гуманитарности только возрастает.

Описанные выше проблемные поля, на первый взгляд, довольно разрозненные, являются серьезным вызовом философскому анализу, тяготеющему к обобщению и интеграции смысловой картины мира и человека. Необходимы не только осмысление реальности Революции 4.0, но и выработка и освоение методик ее гуманитарной экспертизы, социально-культурного инжиниринга, формирование соответствующих институтов.

И такой анализ представляется чрезвычайно перспективным и важным. Но при этом следует признать недостаточность и даже тупиковость абстрактного анализа в поисках ответов на отмеченные концептуальные и цивилизационные вызовы. Все очень конкретно. Например, вопрос о возможности совмещения позиции вменяемого актора «в первом лице» и в «третьем лице», необходимости и важности первой позиции сразу выводит в центр указанного проблемного комплекса, открывая перспективы от философии поступка и самосознания до гуманитарной экспертизы цифровых технологий. Но это уже выходит далеко за рамки данной работы.

Результаты Революции 4.0. предстают не столько как дивергенция, сколько как междисциплинарность и конвергентность, которые реализуются на встречах курсах science и humanities. С одной стороны, методы и результаты естествознания и точных наук остро востребованы в гуманитарных и социальных науках, дают им новые и новые стимулы для осмысления и переосмысления. С другой стороны, само гуманитарное знание, гуманитарная экспертиза становятся все более востребованными в научно-технических разработках, расширяя традиционный технологический инжиниринг до инжиниринга социально-культурного. В результате целостная научная картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но зависимый от человека и его целей.

3.5. ГЛОБАЛЬНАЯ МЕДИАТИЗАЦИЯ: НЕРАВЕНСТВО В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗНАНИЯ

Ю. Ю. Гафарова

Медиатизация — медианасыщение социума и культуры, которые все в большей степени становятся зависимыми от медиа и их логики¹ — затрагивает в настоящее время все глобальные регионы. В самом процессе глобализации на современном этапе на первый план выступает трансфер информации, идей и образов, что актуализирует проблему равенства / неравенства в распределении знания.

Характеризуя *распределенное знание* (*distributive knowledge*) не как набор сведений, а как делящуюся активность по обмену знаниями, которыми обладает группа агентов и которые могут изменяться при решении актуальных для них проблем, необходимо констатировать внутреннюю противоречивость механизма распределения знания в модернизированных социумах. Эта противоречивость определена тем, что два явления — (1) модерная установка на изначальную доступность знания каждому разумному субъекту и (2) «монологическая» модерная модель научного знания — начинают своё становление одновременно.

Распределенное знание формируется путем пересечения информационных состояний и является совокупным (кумулятивным)

¹ Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. London, 2013. P. 17.

знанием сообщества. Если первый агент обладает, к примеру, знанием об объекте, а второй — о последствиях динамики объекта, то их информационные состояния, взятые вместе, являются логическим следствием объединения информации, которой обладают оба агента. Таким образом, новая информация присутствует в системе в «распределенной» форме (то есть как информация, распределенная по различным информационным состояниям), и для ее получения необходимы усилия по коммуникации. Исторические условия такой коммуникации различны.

В отличие от архаических и традиционных форм дистрибуции, изначально нацеленных на установление иерархии путем деятельности по обмену знаниями, модерн, согласно Юргену Хабермасу, ориентирован на формирование структуры субъективности, основанной на допущении своеобразия каждого индивида, признании за ним права на критику и права на автономию действия¹. Картезианство, а вслед за ним и философия Просвещения, предполагают, что знание изначально доступно каждому разумному «совершеннолетнему» субъекту и является «не столько всеобщим, сколько распределенным, дистрибутивным». Субъект имеет возможность стать агентом знания, приумножать его и претендовать на «статус знающего»².

При этом на локальном уровне эпистемические структуры общества модерна формируют не только различия в распределении благ, но и неравенство в разделении когнитивного труда между познающими субъектами. Веберовское «расколдовывание», рационализация общества, ведет к тому, что Хабермас называет «нарушением фонового консенсуса». Познающий субъект эксплицируется из нормативного контекста, а это высвобождает потенциал рациональности и требует самостоятельного применения различного рода социальных и культурных норм. Чем более автономизируются от норм акты интерпретации информации, тем более разветвленной становится институциональная система, что отражается Хабермасом в понятии «функциональной специализации». Формируются такие автономные сферы

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

² Мальшикин Е. В. Дистрибутивность просвещенного состояния // Вестник СПбГУ. 2013. № 2 (17). С. 44–49.

ценностей как наука, право, искусство, политика, публичная система образования, теряющие связи друг с другом и отказывающиеся от единой нормативности¹. Более того, в рамках автономизации сферы научного поиска, ориентированной исключительно на такой символически генерализированный посредник обмена, как истина, наука частично утрачивает «общий язык» с иными системами взаимодействия, что порождает проблему, описанную Никласом Луманом в терминах «невероятности успеха коммуникации»². Получение знания и обмен знаниями как фундаментальный интерес, связанный с общественным благом и личной пользой субъекта, задается эпистемической структурой общества модерна, а именно — институтами, которые определяют реальные возможности по приобретению, распределению и пользованию знаниями³.

Проблема неравенства в распределении знания на глобальном уровне связана с тем, что процесс модернизации приводит к становлению специфической эпистемической структуры мирового сообщества в целом. Основатель направления постколониальных исследований в области науки и техники (*Postcolonial Science and Technology Studies, PSTC*) Сандра Хардинг указывает на то, что научная рациональность и техническая экспертиза не являются ценностно-нейтральными, научные сообщества не представляют собой «малых демократий», а технические исследования не автономны по отношению к обществу⁴. Западная наука и технологии оказали определяющее влияние на колониальные истории, а колониализм, в свою очередь, сыграл важную роль в развитии западной науки и технологий. По мнению Хардинг, нет необходимости гадать, кто находится в «выгодном», а кто в «невыгодном» положении в результате устоявшейся асимметрии систем знаний и технологи-

¹ Хабермас Ю. Обоснованное воздержание: Существуют ли постметафизические ответы на вопрос о «правильной жизни»? // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. С. 9–27.

² Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. 2000. № 3. С. 9–37.

³ Garicano L., Rossi-Hansberg E. Inequality and the Organization of Knowledge // AEA Papers and Proceedings. 2004. P. 197–202.

⁴ Harding S. Beyond Theory: Two Undertheorized Perspectives on Science and Technology // The Postcolonial Science and Technology Studies Reader. Duke University Press Books, 2011. P. 2.

ческой политики модернизации — очевидно, что все преимущества получает колонизатор, а не колонизируемый.

Современные локусы также не являются равноправными участниками процессов глобализации и медиатизации, находясь в ситуации экономической и культурной асимметрии. Призывая к «постколониальной чувствительности», Хардинг говорит о необходимости сделать «видимыми» сложные процессы ре-маппинга современного мира, определяемого текущей глобальной научной и технологической политикой. Об этих же процессах говорит и известный специалист в области медиа Салли Уайат. Нарастание неравенства в распространении знаний связано со спецификой использования современных технологий нациями и регионами, вынужденными «догонять» тех, кто включился в этот процесс ранее, что приводит к новому «уничтожению пространства временем»¹ и становлению нового неравенства в получении, распространении и пользовании знаниями. Опираясь на установки постколониальных исследований в области науки и техники, ряд авторов указывает на необходимость обращаться в ситуации глобальной медиатизации к такому направлению, как цифровой постколониализм².

Петар Яндрич и Ана Кузманич, характеризуя цифровой постколониализм как общую методологию исследований, отмечают, что данный подход может служить основанием для (а) создания цифровой географии на основе перебрасывания концептуальных мостов от геопространственных миграций прошлого к цифровым миграциям настоящего, (б) экспликации отношений между цифровыми территориями и «цифровыми поселенцами», и (с) рассмотрению современного этапа (пост) колониального развития в широком историческом контексте³.

¹ Wyatt S. Non-users also Matter: The Construction of Users and Non-Users of the Internet // Now Users Matter: The Co-construction of Users and Technology / Ed. by N. Oudshoorn. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. С. 70.

² Подробнее об этом см.: Гафарова Ю. Ю. Постколониальный подход в исследованиях медиа и поведения пользователей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 2. С. 210–229.

³ Jandric P., Kuzmanic A. Digital Postcolonialism // IADIS International Journal on WWW / Internet. 2016. № 13 (2). P. 34–51; Jandric P., Kuzmanic A. The Wretched of the Network Society: Techno-Education and Colonization of the Digital // Out of the Ruins: The Emergence of Radical Informal Learning Spaces / Ed. by R. H. Haworth, J. M. Elmore. Oakland: PM Press, 2017. P. 266.

Анализ новой географии цифрового пространства, по Яндричу и Кузманич, возможен по аналогии с выявлением причинно-следственных связей между европейской экспансией эпохи Великих географических открытий и научной революцией. Хотя природа цифрового пространства отличается от природы пространства физического, а само цифровое пространство демонстрирует новую динамику физического и логического существования, эти различия не лишают цифровое пространство его социального характера. Оба компонента цифровых миров — материальные пространства Интернета и нематериальные пространства Всемирной паутины — включены в процесс поддержания и воспроизводства современного сетевого общества. По аналогии с взаимосвязью между распространением научно-технического знания и установлением постколониальных порядков Яндрич и Кузманич выявляют взаимозависимость между миграцией в цифровые миры различных видов человеческой деятельности, основанных на информационных и коммуникационных технологиях, и новым колониальным ростом социальных классов. Цифровые миры как новые социальные пространства становятся не только инструментами мышления и действия, но и средствами контроля и господства.

Реальность географии цифровых пространств дает теоретическое основание для рассмотрения сложных отношений между цифровыми территориями и цифровыми поселенцами. Первопоселенцы новых цифровых территорий, как и первые колонисты, — это белые богатые мужчины. В процессе освоения новой территории первопоселенцы взаимодействуют с ней, *со-творяя* новую реальность. При этом создается и такой социальный конструкт, как образ дикаря. «Очевидно, что пустые цифровые миры, которые своим существованием обязаны взаимодействию с поселенцами, не имеют собственных пред-сущих аборигенов. Вместо этого новые дикари разыскиваются и создаются в другом месте — среди населения, которое не последовало за цифровыми конкистадорами в цифровой мир, оставшись на непривилегированной стороне цифрового разрыва»¹. Следовательно, извечный принцип «конструирования» дикаря не исчезает, а лишь меняет свое направление. Вместо создания дикарей из народов, живущих на новых территориях, цифровой колониализм моделирует дика-

¹ Jandric P., Kuzmanic A. Digital Postcolonialism. P. 43.

рей из народов, «оставшихся» на старых территориях. Как и любым дикарям, им приписывают такие черты, как лень, отсталость, «твердолобость», и «поднимают» уровень их жизни путем внедрения в нее информационных и коммуникационных технологий.

Современный этап развития цифровых миров связан со спадом активной колонизации. Самые упрямые «дикари» вытеснены в маленькую нишу ручного труда, сформирован глобальный класс цифровых. По своей природе киберпространства небинарны, гибричны, рассеяны и индивидуализированы, это дает основание говорить о том, что на смену цифровому колониализму приходит цифровой постколониализм. Однако, по Яндричу и Кузманич, постколониальные характеристики присущи лишь цифровым мирам глобального Севера. Цифровой разрыв все еще следует за чертой бедности. Сети интернет-инфраструктуры, юридические институты (законы о защите данных, международные договоры, технические стандарты), возможности доступа в Интернет — все это коррелирует с делением физического мира на бедные и богатые регионы. Более того, происходит вторжение цифровых миров в физическое пространство глобального Юга, его захват и моделирование. Глобальные ИТ-компании картографируют улицы Нигерии для тех, кто может позволить себе пользоваться географическими информационными системами. Нигерийский прекариат использует цифровые карты, сидя за рулем своих умных автомобилей, разработанных в Калифорнии и произведенных в Китае работниками, получающими скудную заработную плату и не имеющими социальных гарантий. Сами нигерийские прекариальные работники, преодолевшие свою «неполноценность», могут гордиться тем, что трудятся на низовых должностях в успешных глобальных корпорациях, а их работодатели — вспоминать миф о ленивом до-цифровом дикаре и жаловаться на плохую работу цифровых иммигрантов¹.

Таким образом, по мнению Яндрича и Кузманич, существует разрыв между глобальной природой информационных и коммуникационных технологий и встроенным в них локальным идеологическим потенциалом. Соединение трех направлений анализа позволяет увидеть, как традиционная постколониальная политика, основанная на применении военной и экономической силы, дополняется глобальным распространением компьютеров, роутеров

¹ Jandric P., Kuzmanic A. Digital Postcolonialism. P. 47.

и программного обеспечения, что обуславливает развитие новых механизмов (пере) создания (пост) колониальных отношений, которые прямо или косвенно связаны с неравенством в распределении знания¹.

Установки цифрового колониализма применимы к анализу динамики знания в таких областях, как компьютерный дизайн и наиболее активно развивающаяся форма новых медиа — компьютерные игры.

Постколониальные исследования компьютерного дизайна выступают в качестве аналитической ориентации, нацеленной на соединение проблемных полей изучения генеративных моделей культуры, неравномерности экономического развития и культурной эпистемологии. Американские специалисты в области социальной теории и компьютерных исследований Лилли Ирани, Джанет Вертези, Пол Дориш, Кавита Филип и Ребекка Гринтер делают акцент на том, что по мере перемещения информационных и коммуникационных технологий в новые культурные контексты и расширения пользовательской аудитории западные проектировщики и аналитики сталкиваются с серьезными когнитивными и коммуникационными проблемами. Они нуждаются в пересмотре практик взаимодействия, артикуляции и трансляции результатов проектирования в инокультурных контекстах.

Специалист по технологиям цифровых медиа Хуатун Сунь отстаивает проект «плюралистического дизайна», который не навязывал бы всему миру «тихо и непреднамеренно» без всякого рационального обоснования западное знание технологических норм и практик². Оценки как крупномасштабных процессов транснационального производства, так и локальных практик знания и использования технологий должны быть реалистичными и учитывать проблемы экономического неравенства, цифрового неравенства и различия технологических культур. При этом, однако, дизайнеры должны отказываться от колониальных троп, характеризующих определенных людей как нуждающихся в просвещении, цивилизации и развитии. Процессы разработки

¹ Jandric P., Kuzmanic A. Digital Postcolonialism. P. 36–37.

² Sun H. Critical Design Sensibility in Postcolonial Conditions [Электронный ресурс] // AoIR Selected Papers of Internet Research. 2013. № 3. P. 2. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/spir/article/view/8517/6787> (дата обращения: 19.02.2019).

и развертывания систем человеко-компьютерного взаимодействия в странах третьего мира не должны быть ориентированы просто на «бедные» регионы. Идея герметично закрытого, «всё-в-одном», «plug-and-play» дизайна, казалось бы, идеально адаптированного к среде без развитой технологической инфраструктуры — в ряде культур оказалась бесполезной, не учитывающей специфики сообществ¹.

Постколониальное изучение компьютерных игр ориентировано на дискурсивно-критическую линию цифрового постколониализма и коррелирует с идеями известного теоретика постколониальных исследований Хоми Бабы о смещении неравенства в современном мире с дискриминации (*discrimination*) к бессознательному «обесчещиванию» (*dishonor*).

По Бабе, дискриминация институциональна и системна, связана с нарушением прав, для отстаивания которых существуют средства легитимной защиты. «Обесчещивания» являются словесными, визуальными, образными. Они неформальны и неинституциональны, связаны с культурной репрезентацией, асимметрией дискурсивного влияния и направлены на представителей регионов, которые «отстают» от темпов прогресса, диктуемого глобализацией. Определения «других» как «варваров», «убийц», «террористов», даваемые зачастую бессознательно, не указывают на их «отличия», но выводят этих «других» за пределы дискурса, маркируют их как представителей «второй природы», анахроничных, досоциальных и примитивных. Американский теоретик постколониализма Кваме Энтони Аппиа замечает, что оскорбления такого рода являются особой формой выражения обиды носителей западных культур на «глобальную несправедливость». Сохраняя неграмотность и бедность, экономически неразвитые регионы словно ставят под сомнение саму идею «прогресса». Неудивительно, что их жизненный мир отвергается как «несостоявшийся»².

Анализируя компьютерные игры, выявляя природу репрезентативных практик, используемых в них, уделяя особое

¹ Irani L., Vertesi J., Dourish P., Philip K., Grinter R. E. Postcolonial Computing: A Lens on Design and Development // Conference on Human Factors in Computing Systems, Proceedings 2. 2010. P. 1312.

² Appiah K. A., Bhabha H. Cosmopolitanism and Convergence // New Literary History. 2018. № 49 (2). P. 171–198.

внимание логике игровых миров, Шошана Магнет¹, Йохан Хёглунд², Вит Шислер³, Анна Антропи⁴, Сувик Мукерджи⁵, Со-райя Мюррей⁶ прослеживают, как в конструировании игровых ландшафтов, концепциях пространственности, специфике политических, социальных и этических систем проявляется дискурсивная асимметрия, подобная описанной выше. Так, Йохан Хёглунд демонстрирует, как в компьютерных играх, действие которых происходит на Ближнем Востоке, не только создается представление об этом регионе как о пограничной зоне, где ведется вечная война с исламским терроризмом, но и формируется специфический образ «другого». Как отмечает Сувик Мукерджи, принципиально важным является то, что, потребляя культурный продукт, игрок (к какой бы культуре он ни принадлежал) не только приобретает военную идентичность «гражданина мира», но и предстает развитым и проницательным «первосортным» субъектом, сражающимся с «другим» как с иррациональным существом второго сорта. В разработке такого культурного продукта находят свое выражение бессознательные установки европейских и американских создателей игр, которые «просто» создают развлекательный продукт и в достаточной степени неискушены как в отношении возможных политических интерпретаций своих артефактов, так и в том, каким образом последние влияют на распространение знания в глобальной аудитории. Мюррей особо подчеркивает мни-

¹ *Magnet S.* Playing at Colonization: Interpreting Imaginary Landscapes in the Video Game *Tropico* // *Journal of Communication Inquiry*. 2006. № 30. P. 142–162.

² *Hoglund J.* Electronic Empire: Orientalism Revisited in the Military Shooter [Электронный ресурс] // *Game Studies*. 2008. № 8 (1). URL: <http://gamestudies.org/0801/articles/hoeglund>. (дата обращения: 19.02.2019).

³ *Sisler V.* Digital Arabs: Representation in Video Games // *European Journal of Cultural Studies*. 2008. № 11. P. 203–220.

⁴ *Anthropy A.* Rise of the Videogame Zinesters: How Freaks, Normals, Amateurs, Artists, Dreamers, Dropouts, Queers, Housewives, and People Like You are Taking Back an Art Form. New York: Seven Stories Press, 2012. P. 208.

⁵ *Mukberjee S.* Videogames and Postcolonialism: Empire Plays Back. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 120.

⁶ *Murray S.* The Work of Postcolonial Game Studies in the Play of Culture // *Open Library of Humanities*. 2018. № 4 (1). P. 1–25.

мую деполитизацию видеоигр, процесс потребления которых пользователями протекает нерефлексивно, без применения критической культурной грамотности, в отличие от процесса чтения книг или просмотра фильмов¹.

Таким образом, в ситуации глобальной медиатизации не происходит уравнивания пользователей, не устанавливается «справедливого» распределения знания. Эпистемическая структура мирового сообщества, сформировавшаяся в условиях модернизации, воспроизводится в цифровых мирах, порождая новых «дикарей» и новое неравенство в получении, распространении и пользовании знаниями. При этом в ситуации формирования экономики знаний и продолжающейся глобализации рынка, в условиях развития многомерной конкуренции и устаревания современных принципов и ориентиров структурирования субъектов мирового и национальных хозяйств, нормативность и эффективность механизма формирования и функционирования распределения знания, сложившегося в классической парадигме, ставится под вопрос. В сетевом обществе, где на смену традиционным и современным общественным структурам приходят разнообразные динамические «множества», временные сообщества и конфигурации работников, ориентированные на мобильность и синтез различных видов знания и деятельности, проблема справедливости в распределении знаний становится все более актуальной. Систематическая нехватка возможности приобретать знания и обмениваться информацией, являющаяся следствием классической организации эпистемической структуры общества, минимизирует как жизненные шансы конкретного субъекта, так и способность к инновационному развитию отдельных регионов и глобального сообщества в целом. Опираясь на программные работы Роберта Аллена «Коллективное изобретение»² и Генри Чесбро «Открытые инновации. Новый императив креативности и получения прибыли»³, обосновавших значимость для современной ситуации высокой скорости создания изобретений и накопления знаний за счет равноправной коммуникации и об-

¹ Murray S. The Work of Postcolonial Game Studies in the Play of Culture. P. 9.

² Allen R. C. Collective Invention // Journal of Economic Behavior and Organization. 1983. № 4. P. 1–24.

³ Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М., 2007.

мена информацией группами социально связанных лиц, можно говорить о необходимости изучения и совершенствования механизма распределения знания между всеми акторами глобальных кластеров¹. Экспликация и анализ специфики неравенств в распределении знания в условиях глобальной медиатизации позволит определить концептуальный фрейм и задать методологию исследования проблемы. Следует поставить вопрос о теоретических основаниях исследований дистрибутивного знания, которые учитывали бы природу и характер асимметричных властных отношений «the West and the rest».

¹ *Solvell O.* Construction of the Cluster Commons // *The Oxford Handbook of Local Competitiveness* / Ed. by D. B. Audretsch, A. N. Link, M. L. Walshok. Oxford University Press, 2015. P. 84–102.

НА ПЕРСПЕКТИВУ. КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ОБСУЖДЕНИЮ КНИГИ Ж.-Л. НАНСИ «БЫТИЕ ЕДИНИЧНОЕ МНОЖЕСТВЕННОЕ»¹

Евгений Мальшкин: Если позволить какому-то соображению овладеть тобой, то оказываешься в особого рода вакууме, ведь любое значимое событие разворачивается в узнаваемом смысле, но именно такая тотальность и не дает соображению сбываться: нет сопротивления материала, а исследователь оказывается лишен основного своего инструмента, различия. Встречаешься с немотой и принудительной праздностью. Потому всякое встречное соображение оказывается не только предметом для возражения или согласия, но и благодатью. С развитием проекта, посвященного распределенному знанию, такая примерно история и вышла. И книгой, выводящей из вакуума поглощенности, оказалась именно «Бытие единичное множественное» Нанси. Он не только «знал что-то про то самое», он, оказывается, написал уже так, что легко потеряться в написанном, заново раствориться, из огня да в польмя. И единственный способ здесь сохранить распределенность, участливость — читать внимательно, отслеживать подьемы

¹ Настоящее послесловие представляет собой русскоязычную версию статьи *Мальшкин Я. В., Паграбняк А. А., Гафарова Ю. Ю.* Круглы стол, прысвечаны кнізе Ж.-Л. Нансі «Быццё адзінкавае множнае» // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 1. С. 15–22.

и спады, как автора, так и свои, признаваться в неприятии, непонимании или несогласии, которые столь же контингентны, как и сама встреча с книгой.

Контингентность встречи — едва ли не центральное соображение в попытке думать о распределенности знания. Но сегодня мне бы хотелось контингентность сделать не столько предметом рефлексии, сколько инструментом рефлексии, рефлексии над вычитанным. Контингентность уже имеет место, нам *повезло*, у нас есть книга, которую стоит и читать, и перечитывать, и это везение, как продвижение заведомо не собственными усилиями, и может стать предметом размышления. Нет и не было такого момента, когда мы думали сами и только сами. Отказаться от субстантивации, оставить то, что сопутствует нам и продвигается вместе с нами, контингентным — вот та задача, которая кажется и небывалой, и по-настоящему трудной.

Юлия Гафарова: Евгений, хотелось бы отметить чрезвычайную уместность использования понятия *контингентность* в разговоре о Жан-Люке Нанси. С одной стороны, действительно можно сказать о том, что в нашей ситуации контингентность наличествует в том смысле, что нам «повезло», нечто «случилось», произошло некое стечение обстоятельств, комплементарная сопричастность, то есть *констелляция* в гадамеровском смысле слова. С другой же стороны — контингентность может осознаваться как отсутствие необходимой значимости в основаниях наших философских позиций, что открывает нас пониманию и терпеливому принятию претензий Нанси.

Евгений Малышкин: Да, книга Нанси начинается с яркой претензии: «Этот текст не скрывает амбиции переделать всю „первую философию“, обеспечивая ее, в качестве основания, „единичным множественным“ бытия¹. В этой фразе два закавыченных словосочетания. Второе в кавычках, поскольку цитирует ключевую конструкцию, вынесенную на обложку. Первое тоже цитата, из Аристотеля, но в кавычках оно, скорее, потому, что никакой первой философии не окажется, если думать так, как предлагает Нанси. Если всякий смысл дается в некоторой совместности, и важно, какова эта совместность, то вопрос о первом принципе, будь то врожденная идея или первое, мыслимое в согласованности

¹ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 11.

аристотелевских начал и причин, попросту лишен места, вернее, место это всегда будет ускользать от всматривания: «Это не означает, что <...> следует отвести *Mitsein* место некоторого „принципа“, которое ему причиталось бы. Видимо, со-бытие „в принципе“ избегает и завершения, и позиции принципа»¹. Начало, будучи понято, оказывается в некоторой компании. Внимание наше должно быть обращено не к качественной, а к количественной определенности этой компании. То есть вопрос о «первом», насколько он вообще возможен, должен звучать не как «что есть те, кто знает нечто первое?», это не вопрос о заботящемся о себе или себе подобных субъекте. Такой вопрос был бы попросту отвлечением от предмета и заставлял бы нас еще раз впасть в иллюзию принадлежности некоему собранию, претендующему на небывалую устойчивость и превосходство по сравнению с предшественниками и соседями. Вопрос, напротив, должен стоять так: если уж те, с кем мы способны обсуждать по-настоящему интересное, столь немногочисленны, и так легко утратить собеседника, то каковы границы обсуждения, попросту, «всколькиром» мы? Ведь если выяснится, что нас необозримо много, или что наш собеседник уникален, значит, мы совершили методологическую ошибку, приняли частную распределенность знания за всеобщую или единичную.

Но этот вопрос, очевидно, не столько предметен, сколько методологичен. Не отказываемся ли мы тем самым от предмета, еще не задав о нем вопроса? Нанси воспроизводит эту методологическую установку так: «Начало — это утверждение; повторение же есть условие утверждения»².

Тогда что значит следовать за Нанси или, зайдем заведомо главную позицию отождествления, думать о распределенном знании? Претензия на переделывание первой философии рассыпается по ходу чтения книги. Нанси не предлагает ни особой исследовательской программы, ни методологии. Его книга — это сборник удачных рассказов о том, что он называет то единичным множественным бытия, то вниманием к «с-», то первоначальной тематизацией *Mitsein*, а мы, повторюсь, распределенностью знания.

Юлия Гафарова: Действительно, претензия Нанси является чрезвычайно «яркой», дерзкой, однако вряд ли обоснованной.

¹ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 147.

² Там же. С. 22.

Следуя идеям, высказанным в свое время Константином Андреевичем Сергеевым, можно утверждать, что в XV в. в западно-европейской традиции наметилось два перспективных подхода к вопросу о субъекте. Первый из этих подходов — перспективно-предвосхищающее мышление, связанное с магико-герметической традицией («холистический» проект Кузанца), второй — перспективно-эвристическое мышление, связанное со становлением новой механистической науки («сциентистский» проект Альберти)¹. И если второй подход ориентирован на выделение познающего субъекта (называемого Нанси «примитивной индивидуальной данностью»², то первый, развивая неоплатоническую концепцию соединения в Едином бесконечного Бога и мира конечных вещей, для характеристики источника знания обращается к актуальной бесконечности³. Оба подхода присутствуют в ренессансном антропоцентризме, как правило, практически неразличимо, лишь как тенденции. Холистическая тенденция, не будучи философским мейнстримом, развивается, тем не менее, на протяжении всей истории западной философии, выступая в качестве пантеизма Спинозы, монадологии Лейбница, хайдеггеровского «наброска» онтологии *Mitstein*, то есть всех учений, противостоящих тому, что Нанси называет «солипсистской эгологией»⁴.

Впрочем, Нанси и сам признает, что вопрос о бытии единичном множественном «задавался не раз давней традицией, восходящей к монадологии Лейбница, а также к традиции, имеющей дело с различными формами „изначального разделения“, а еще в более широком смысле — с любыми формами различия единого в нем самом и для него самого⁵. Что на самом деле важно, и здесь мы можем согласиться с Нанси, так это «самое повторение: концентрирование и углубление вопроса»⁶.

Что же тогда означает — следовать за Нанси?

¹ Сергеев К. А. Ренессансные основания антропоцентризма. СПб., 2007. С. 61–78.

² Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 76.

³ Кузанский Н. О видении Бога / Н. Кузанский. Соч.: в 2 т. М., 1979. Т. 2. С. 33–95.

⁴ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 76.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. С. 70.

Евгений Малышкин: По-видимому, делать то же, что делает он: собирать удачные рассказы. Собственно, такова философия со времен Платона: единственным ее постоянным предметом является она сама, то самое возобновляемое усилие, которое этим словом называется. Если бы наш круглый стол стал таким собранием рассказов, повествований о распределенном знании, узнанном в книге Нанси, я бы счел его чрезвычайно удачным со-бытием.

Правда, есть одно затруднение. Коль скоро философия с самого начала есть не что иное, как выяснение, каковы те вещи, что удерживают нас вместе, такое выяснение не может быть безболезненным, а необходимость образования, преимущественное положение философии по отношению ко всем прочим наукам и искусствам, школы и преемственность — все это не более чем попытка эту болезненность, крайне неприятную и без обиняков разрушительную, сгладить. Мне бы хотелось в этой связи вспомнить об обвинителях Сократа, Аните, Мелете и Ликоне, потребовавших смерти за, казалось бы, не столь уж и преступное: отвращать молодых от верований отцов и, будучи внимательным к божественному, менять его имена, «выдумывать новых».

О Сократе нам известно, что, добываясь «второго рождения», он издевался над собеседниками, сделав это ежедневной практикой. Порою изящно, как в «Гиппии Большем», порою же — как получалось, как в «Пармениде». Со времен Сократа ничто не поменялось: высказывание — это начало, а диалектика (вторящее говорение) — условие начинания. Это издевательство было важно, чтобы заставить не пересказывать готовое, а встречаться с мыслью и собеседниками, без которых мысль не сбудется, каждый раз заново. Но издевательство это, хотя и методически выверено, во-первых, наносит ущерб положению в полисе, а, во-вторых, вовсе ничего не гарантирует и само не гарантировано: оно дается, пока есть Сократ, и это все, что можно сказать о его онтологическом статусе, а приведет ли оно к удачному разговору, к самостоятельному высказыванию — неизвестно. Но тогда ради чего вся эта нищета, клопы¹, боль и унижение? Ведь сам по себе Сократ и его занятие не важно. Ничем не гарантированное «рождение», которое, в свою очередь, тоже может ничего не принести, выставленное против порядка в полисе и почитания богов. Более того, позиция

¹ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 70.

Сократа даже хуже, ведь его цель, «рождение мужа», достижимо и иными средствами, тогда как он, по непонятной причине, придерживается одной и той же стратегии. И когда окружение Сократа разрастается, он становится авторитетен буквально на пустом месте, а потому невыносим.

Анит, Мелет и Ликон задаются этим самым вопросом: чем ты занимаешься, Сократ, что это? Умри или отвечай. Сократ же поступает в точности как и Нанси: рассказывает истории, называет собеседников, удачных и не очень, и снова дело не обходится без издевательств и шуточек. Можно понять и обвинителей, и судей. Со времен Сократа вопрос о том, как же устроено распределенное знание, как мы видим, не далеко продвинулся, разве что изобретение обвинителей Сократа, разделить меж собой возможный проигрыш, чтобы не выплачивать приличную сумму в одиночку, весьма усовершенствовалось.

Александр Погребняк: У меня вопрос, по-настоящему интересное — оно обязательно особенное? Не бывает интересного единичного или всеобщего? Почему только некоторые, не один и не все, являются интересными?

Евгений Мальшкин: Сама эта триада, единичное-особенное-всеобщее, конечно, не из языка Нанси, не из языка «с-». По-настоящему интересным топосом я называл такой, в котором мы не только зафиксировали собственный интерес, но и возвращаемся к деятельности в интересующем нас поле, будучи сами уже поставлены под вопрос. Встретившись с пониманием, ты вынужден совершать шаги, о возможности которых не только не предполагал, но и вынужден их совершать вопреки желанию. Образцовым действием здесь оказывается война, именно ее Нанси и рассматривает, подводя итог книге, как бы показывая, как работает машина дискурса распределенности. На войне решения быстрее понимания, но таков и всякий захватывающий разговор. Это один модус проблематичного.

Другой его модус — единичное и всеобщее. Они проблематичны для распределенного. Единичная распределенность — почти оксюморон. Нельзя сказать, что не бывает мыслей, подуманных лишь однажды или увиденных лишь однажды видов. Но и противоположное утверждать тоже затруднительно, ведь сама констатация уникальности умножает возможность ее распределенности. Единичное и всеобщее — маргиналы дистрибутивности. Как всеобщая

распределенность может составлять предмет заботы, как мы заботимся о том, чтобы все соблюдали правила дорожного движения или говорили правду, так и единичное, уникальное нуждается в постоянном показе ускользания от повторения. Забота никогда не заканчивается — это как раз пример полной, всеобщей распределенности, но не позитивной, а негативной, здесь хорошим примером будет критика кантовского категорического императива, произведенного Макинтайром¹ — отрицательная всеобщая дистрибутивность закона приводит и к неточностям в его формулировке, и к бессмыслице.

В итоге, отвечая на вопрос, нужно просто сказать, что понастоящему интересное может касаться какого угодно объема понятия, однако дистрибутивность такого интереса всегда особенная, и всегда важно уточнять, насколько особенная, каковы границы сообщества и какова цена вхождения в него. Смешивать эти два модуса — объема понятия и распределенности — легко, и мы часто это делаем. К примеру, идея постоянного роста экономики кажется непротиворечивой. Трудности возникнут, как только мы спросим: для кого рост, сколько их, участников растущей экономики, мы столкнемся и с дескриптивными, и с предсказательными затруднениями этого концепта.

Александр Погребняк: Евгений, на мой взгляд, высказал два важных момента, на которые я хотел бы откликнуться: во-первых, контингентность в качестве не предмета, но инструмента рефлексии («контингентность встречи — едва ли не центральное соображение в попытке думать о распределенности знания»); и, во-вторых, вопрос о границах обсуждения того, что «по-настоящему интересно», вопрос о том, «всколькиром мы?» Очевидно, что эти моменты взаимосвязаны, и можно предположить, что в них содержится расшифровка названия книги Нанси «Бытие единичное множественное». Расшифровка ненамеренная, а произошедшая на манер счастливой встречи. Бытие, по Нанси, — это всегда экспонирование сущих друг другу, и оно никогда не является обоснованным в сущности, в субстанциальном составе того или иного сущего; в этом смысле бытие «интересно», оно и являет собой *inter-esse*, когда сущие, выступая навстречу друг другу, образуют сообщество

¹ Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект, 2000. С. 66.

и разделяют смысл (при этом, опять-таки, смысл не предшествует своему разделению, но только в нем и существует). Вот как об этом говорит сам Нанси:

«Целое сущего есть собственная причина, и нет у него никакой другой, что не означает, что оно является своим принципом и своей целью, поскольку не является „собой“. Оно есть его собственная диспозиция и множественность единичностей. Это *бытие* вы-казывается как некоторое *между* и некоторое „с-“ единичных. *Быть*, *между* и „с-“ говорят одно и то же (...) то, что не может быть представлено как сущее среди прочих, поскольку это „*среди*“ всех сущих (*среди*: внутри, в середине, „с-“), которые все и всякий раз существуют одни среди других»¹.

Именно поэтому быть самим, по Нанси, не значит быть индивидом, но быть *к* себе, и это «*к*» и есть (никогда не-)изначальная «самость», доказательством чего служит фактичность языка, опыт которого — это всегда диалог, пусть даже в форме болтовни². В другой своей работе («Непроизводимое сообщество») Нанси определял «само» бытие как отношение и не-абсолютность, и в этом смысле — *как сообщество*, а также как экстаз, т. е. «выражение невозможности абсолютности абсолюта или, иначе, „абсолютной“ невозможности завершенной имманентности»: он (экстаз) «однозначно фиксирует как онтологическую, так и гносеологическую невозможность абсолютной имманентности (или абсолюта, следовательно, имманентности), и, стало быть, как индивидуальности, так и чистой коллективной всеобщности в прямом смысле. Тема индивида и тема коммунизма увязаны в общей проблематике имманентности. Они созвучны в общем отрицании экстаза. Отныне вопрос сообщества неотделим от вопроса об экстазе: то есть, как можно понять, от вопроса о бытии, рассматриваемого иначе, чем абсолют совокупности сущих»³. Именно поэтому «встреча», которая является, очевидно, смыслом экстаза, — это ситуация, где всегда случается многое, но — единичным, уникальным, неизбывно характерным образом. Бытие одновременно единично и множественно, а не или «индивидуально», или «коллективно»

¹ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 135–136.

² Там же. С. 137.

³ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное. М., 2009. С. 30–31.

(«коммунистично»). Разумеется, нельзя сказать, что в этой мысли Нанси будет абсолютный первопроходец, вот, например, цитата из «Либидинальной экономики» Жана-Франсуа Лиотара: «Когда говорят *сразу*, имеется в виду не только *оба* (или *n*) *вместе*, но и *за один раз*, в единичности *этого* раза, *della volta*»¹, аналогия с позицией Нанси полная, но именно Нанси претендует на то, чтобы на основе этого тезиса пересмотреть первую философию. И этот пересмотр, возможно, связан с попыткой помыслить иное отношение к вопросу «сколько?» — неслучайно ведь последнее эссе, вошедшее в книгу «Бытие единичное множественное» («Человеческая чрезмерность»), посвящено феномену «больших чисел».

Итак, если бытие по своему смыслу есть всегда уже со-бытие и между-бытие, или просто: «с-» и «между-», т. е. не столько *горизонт* сущего (который сразу же подчиняет его оппозиции имманентного и трансцендентного, их «диалектике»), сколько его *среда*, — то мы, наверно, вправе сказать, что бытие сущего это его, сущего, распределенность. Опять-таки: не так, что есть некое сущее, которое затем еще нужно как-то распределять (хотя именно так выглядят наши разнообразные практики обращения с ним — например, политика, направленная на осуществление идеала социальной или, напротив, рыночной справедливости), но так, что оно само (это сущее и знание о нем) сразу же дано как факт распределения. Поэтому единичное и множественное не должны (хотя могут) редуцироваться друг к другу, такая редукция будет приводить к отчуждению «с-»:

«Переполнить некоторое „с-“ можно, заполняя или опустошая его: можно приписывать его либо к основанию полноты и непрерывности, либо к бездне непереходности. В первом случае единичное становится частным некоторой целокупности — и отныне оно уже и не единичное, и не множественное. Во втором случае единичное существует только отдельно от „сам“, а значит, как целокупность — и оно, опять-таки, не является ни единичным, ни множественным»².

Это рассуждение ставит под вопрос претензию ценностного (стоимостного) отношения определять изначальную структуру

¹ Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. С. 34.

² Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 143–144.

нашего опыта. Отношение это может быть задано вопросом: сколько следует совершить переходов (промежуточных шагов), чтобы достичь некоторого итогового, уже более не переходного состояния? Именно так понимал ценность Сартр — как символический характер любого акта присвоения, пытающегося воплотить тождество в-себе и для-себя, где субъект мог бы овладеть собственным основанием; но попытка эта с необходимостью оказывается тщетной: «В конечном счете, как можно было предвидеть, достаточно отдать деньги, чтобы велосипед принадлежал мне, но нужна вся моя жизнь, чтобы реализовать это владение; (...) владение является предприятием, которое смерть оставляет всегда незавершенным»¹. Есть только конечная серия переходных состояний в попытке самому утвердить себя самого, потом сразу же — «бездна непереходности», без всякого «сам». Такова, конечно же, логика *капитала*, который Нанси определяет в качестве «отчуждения единичного множественного бытия как такового», когда единичное и множественное противопоставляются друг другу как «индифферентная и чередующаяся партикулярность производственной единицы» и «сеть товарооборота»². Это взаимное предположение отчужденного «частичного работника» и фетишизированной множественности товарного мира и лежит в основе капитала как диспозитива, который, тем не менее, сохраняет отсылку к бытию как диспозиции сущих: «Несметная „прибавочная стоимость“, „стоимость“ как бесконечное, круговое и самоцельное возрастание выставляет напоказ недостижимость первоначальной или окончательной „стоимости“ и в результате прямо, парадоксальным и жестоким образом, ставит вопрос о чем-то, „не имеющем стоимости“ (*hors-valeur*), или об „абсолютной стоимости“, которую невозможно измерить, а значит, о чем-то, не имеющем цены (о том, что Кант называл „достоинством“»³.

В этом смысле можно говорить о том, что капитал воплощает в себе метафизическое усилие преодолеть любую остаточную «физичность» человеческого бытия, и сегодня это усилие обрело форму практики тотального менеджмента, превращающего все

¹ Сартр Ж. П. Бытие и ничто / Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. С. 595.

² Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 199.

³ Там же. С. 120.

занятия (искусство, образование, любовь и т. д.) в конкурирующие друг с другом разновидности делового предприятия (акселерационизм, блестяще представленный в текстах Ника Ланда). Нанси в этой связи говорит о том, что модальность «с-» (сип-) сталкивается здесь с модальностью «транс-» (что, в частности, доказывается обилием терминов типа «транспорт», «трансакция», «трансфер», «трансформация» и множества других вариаций на тему «транценденции»). «Транс-» и «с-» переплетены друг с другом, и все же их следует различать: первое предполагает в качестве идеала тождественность себя и другого, «со-бытие, напротив, означает другого, который никогда не вернется к тождественному, множественность истоков»¹. Модальность «транс-» превращает опыт существования в непрерывное изгнание, когда отношение к себе оказывается «изначально одетым в траур»², а любовь — «„заботой“ о том, что изначально ускользает или чего недостает»³; таким образом, онтология нашего совместного бытия оказывается онтологией дефицита. В противоположность этому, «не будучи ни „любовью“, ни даже вообще „связью“ и уж тем более ни рядом-положенностью без-различий, „с-“ является собственным режимом множественности истоков, как они происходят, не одни из других, не одни для других, но одни ввиду других или по-отношению-к-другим»⁴.

На мой взгляд, последнее утверждение в свернутом виде содержит то главное, чему посвящена книга «Бытие единичное множественное». Собственно, если в книге что-то и происходит, то — циркуляция этого тезиса, его герменевтическое кружение в различных сферах опыта, благодаря чему философский трактат, более того — сочинение, претендующее быть трактатом по первой философии, превращается, по меткому замечанию Евгения, в «собрание удачных рассказов». Именно поэтому, в качестве итога моего прочтения книги Нанси, я хочу попытаться пояснить этот ключевой тезис тем способом, о котором, как кажется, сам этот тезис и заявляет как о (не-)первоначальном способе быть и мыслить; иначе говоря, я хочу развернуть этот тезис «ввиду другого» (еще одного) «замечательного рассказа», который, сам того не зная,

¹ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 129.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 131.

оказывается в данный момент распределенным в со-общество нас, говорящих о Нанси («Тебя куда распределили?»,— спрашивали друг друга в советские времена выпускники вузов; «Мы живем не в обществе потребления, а в обществе распределения»,— писал Андрей Битов в «Пушкинском доме»). Я имею в виду рассказ (это рассказ в том числе и в официальном литературоведческом смысле слова) Юрия Казакова «Проклятый север». На формальный вопрос «о чем рассказ?» можно ответить, что он — о неудачной попытке двух моряков северного флота, оказавшихся в отпуске в Ялте, хорошо провести время. Или — все-таки об удачной? Рассказ, конечно, сопротивляется однозначному истолкованию, его смысл не так уж легко транс-портировать. Укажу лишь на кульминационный, с моей точки зрения, момент. Вот герои оказываются в ресторане, за бутылкой коньяка, а за соседним столиком — моряки (южные каботажники, априори вызывающие у северян презрение), которые, не зная чем развлечь своих девочек (у наших героев никаких девочек нет, только воспоминания, да и то, в основном, о неудачах), озвучивают «статистику любви», согласно которой в одну минуту на земном шаре происходит три миллиона поцелуев. И эта цифра вдруг вгоняет главного героя в тоску:

«Это была такая страшная цифра, что как-то даже и не воображалось ничего, нельзя было осознать, почувствовать эти поцелуи, которыми в эту минуту занимались где-то у нас на громадном пространстве, и в Африке, и в Австралии, и в Польше... А вспоминались мне почему-то дикие фактории — все, какие я видел на севере, острова, черные базальтовые скалы и ледяные купола, уходящие в фиолетовое арктическое небо, и изумрудные изломы ледников, синие тени в трещинах, вечные молчаливые чайки за кормой, вздохи машин, жар в котельных преисподнях, тесные кубрики, каюты, паровое тепло в рубках, сильные низкие ревы паровых гудков в тумане и безмянные по всему северу могилы, в которых кочатся ребята, и эти ребята никогда никого не поцелуют... Все это проходило, смешивалось, и было радостно, и холодно, и тоскливо одновременно»¹.

Тоска сосуществует с радостью, как и холод — с тройным теплом Ялты, ресторана, коньяка; живые чайки — вечны и молчаливы,

¹ Казаков Ю. П. Двое в декабре / Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 132–133.

мертвые машины — вздыхают; то, что проходит, не выстраивается в последовательность, но — смешивается; о радости говорится сразу же вслед за тем, как обширный список северных воспоминаний доходит до могил, где коченеют ребята, которые никогда никого не поцелуют. Все дело в том, что четко отмеренной бесконечности поцелуев, одним из которых в эту минуту должен «заниматься где-то у нас на громадном пространстве» и ты; иначе говоря, нормативности отдыха, счастья, удачи, успеха и т. п.— очевидным образом противопоставляется «конечность, которая сама безмерна», а также ответственность, которая состоит в том, чтобы «не соотносить себя с какой-либо нормативной инстанцией»¹. Отталкиваясь от «страшной цифры», герой Казакова на свой лад воспроизводит тезис Нанси: «Размер человечества становится неотделим от его достоинства»². Итак, еще раз повторим вопрос Евгения: «всколькиром» мы оказываемся, когда нам предстоит нечто безмерное — «несметная прибавочная стоимость», «три миллиона поцелуев», примерам такого рода несть числа.

Юлия Гафарова: Я бы хотела задать вопрос, уточняющий грамматику этого «сип» или распределенности. Если распределенность нерелевантна определениям любви в иудео-христианском смысле, она оказывается вне как трансцендентного, так и имманентного, значит ли это, что бытие единичное множественное живет вне любви к другому «как к самому себе», вне любви как «милосердия»?

Евгений Малышкин: Какой хороший вопрос! Я бы хотел уточнить его так: любовные «пере»-живания теперь, после выхода книги Нанси, уже не в моде? Это с одной стороны. С другой — разве, когда мы говорим о безмерности прибавочной стоимости и «страшной цифре» поцелуев, мы не возвращаем эту самую концепцию трансцендентности, только под другим именем? Задавая эти вопросы, мы заодно избавимся и от навязчивости строчек Тютчева, которые не идут у меня из головы с начала выступления Александра: «Нам не дано предугадать как слово наше отзовется и нам сочувствие дается как нам дается благодать». Здесь, вроде бы, говорится о самой сути распределенности, контингентность отклика переплетается с неизбежностью твоей собственной

¹ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 270.

² Там же. С. 267.

вовлеченности. А все же Федор Иванович это сходство, благодати и сочувствия, устанавливает явным образом сообразно некой трансцендентной субстанции, путь сочувствия схож с путем веры, и в этом благая весть стиха. Распределенность же, по крайней мере в исполнении Александра, устроена иначе: трансцендентное заменено множеством истоков, во всяком случае, я услышал именно это противопоставление.

Александр Погребняк: Все верно, и я старался быть именно исполнителем мысли Нанси, используя текст его книги как партитуру — «множественность истоков» вместо оппозиции «трансцендентного-имманентного», именно так говорит сам Нанси. А «безмерная прибавочная стоимость» и «страшная цифра поцелуев», конечно же, суть конкретные воплощения той навязчивой трансцендентности, которой Нанси противопоставляет свою «первую философию» и базирующуюся на ней антропологию — согласно последней, истиной человека является не нечто *транс*-человеческое, но именно *со*-человеческое, где, конечно же, «человеческое» и являет собой само это «со-», а не некую субстанцию, которая лишь затем, акциденциально, вступает в некие отношения с кем-то и чем-то.

«Любовные переживания более не в моде»: я бы рискнул уточнить, что платоновско-аристотелевскому пониманию любви как стремления всего сущего к Единому или Уму Нанси предпочитает эпикурейское правило распределения «венериной влаги» между различными (даже разнородными) объектами¹, повторенное затем Фрейдом в его известном определении счастья как «проблемы хозяйского использования индивидуального либидо» (Фрейд 1995: 308), которое не рекомендуется целиком помещать в один «банк». В конце концов «Проклятый север» Юрия Казакова и указывает нам в направлении этого охлаждения огня любви, но не в цинично-расчетливом смысле (банк единственной любви может прогореть, и что тогда?), а в смысле коммунистическом — как условия возможности превращать любовь в некое «общее дело», а не в эгоистическую страсть обладания, или записанную на ее изнанке мазохистскую жажду полной самоотдачи. В терминах Агамбена: речь идет о любви как пользовании, не сопровождающемся конституированием права собственности — права всех прав, которое

¹ *Тит Лукреций Кар.* О природе вещей. М.: Худож. лит., 1983. С. 152.

как раз и учреждает разделение мира на мое и чужое, имманентное и трансцендентное. «Со-» Нанси аналогично «специальному» Агамбена в их общем противостоянии «транс-» и «персональному». «Специальное бытие восхитительно,— пишет Агамбен,— потому что предлагается, прежде всего, в общее пользование, но не может быть объектом частной собственности. Для персонального, напротив, невозможны ни пользование, ни наслаждение, но только собственность и ревность»¹.

В конце концов подлинная любовь и подлинныe любовники, по Нанси (который здесь отталкивается от анти-гегелевских интуиций Батая), если чем-то и занимаются, то лишь тем, что «выказывают *par excellence* непроизводимость сообщества», и даже рождение ребенка отнюдь не снимает различие любовников, в духе Гегеля, но выносит это различие дальше: ребенок «не завершает любви, а разделяет ее по-новому, позволяет ей снова войти в коммуникацию и, кроме того, быть высказанной сообществу» (Нанси 2009: 82); такое понимание любви Нанси противопоставляет иудео-христианской доктрине, где, хотя и говорится о «ближнем», но на деле речь идет о «несоизмеримости другого», так что измерение «с-» одновременно и появляется (ведь близость означает «возле», «касание»), и исчезает (поскольку «этот другой не есть „с-“, он уже или все еще не „с-“, он ближе и дальше, чем любое бытие-вместе»)².

¹ Агамбен Д. Грядущее сообщество. С. 62.

² Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 125–129.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. — 1988. № 9. С. 227–339.
- Агамбен Д.* Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.
- Агамбен Д.* Профанации. М.: Гилея, 2014. 112 с.
- Агамбен Д.* Царство и слава / Теологическая генеалогия экономики и управления. М.: Изд. Института Гайдара, 2018. 552 с.
- Аглиетта М., Орлеан А.* Деньги между насилием и доверием. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 365 с.
- Аргамакова А. А.* Социогуманитарное измерение технонауки [Электронный ресурс] // Epistemology & Philosophy of Science. №2. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiogumanitarnoe-izmerenie-tehnonauki> (дата обращения: 07.11.2019).
- Аргамакова А. А., Яшина А. В.* CROWD SCIENCE: исследование и преобразование общества через технологии краудсорсинга // Ценности и смыслы. №5 (45). 2016. С. 137–150.
- Аристофан* Комедии / Фрагменты. М.: Ладомир, Наука, 2008. 1033 с.
- Аронсон О.* От фотогении бедности к киногении денег // Кино / Капитал: сб. док. VI межд. науч. конф. Центра исследований экономической культуры СПбГУ / А. Артамонов, А. Погребняк. СПб.: Сеанс, 2018. 240 с.
- Ассман А.* Длинная тень прошлого / Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.

- Бажилин Р. Н.* Самоучитель игры на двухрядной хроматической гармонике. М.: Изд-во В. Катанского, 2004. 112 с.
- Барт Р.* Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. 256 с.
- Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Бахтин М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники / Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
- Беньямин В.* Судьба и характер / Учение о подобии // Медиаэстетические произведения: сб. статей / И. Чубаров, И. Болдырев. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
- Беньямин В.* Центральный парк. М.: Изд. Грюндриссе, 2015. 128 с.
- Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011. 976 с.
- Брагина А.* Первый видео-урок игры на гармонии. [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p2Q63tqJyRE> (дата обращения 10.12.2019).
- Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Thesis, 1993. № 2. С. 137–152.
- Бэкон Ф.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 575 с.
- Вальденфельс Б.* Происхождение норм из жизненного мира // Мотив чужого: сб. пер. с нем. Минск: Пропилеи, 1999. 176 с.
- Васильев А.* Memory studies: единство парадигмально-многообразных объектов / Обзор англоязычных книг по истории памяти // Новое литературное обозрение. 2012. № 117 (5). С. 461–480.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Либроком, 2011. 365 с.
- Верякина В. П.* Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // Философские науки. 2012. № 6. С. 7–21.
- Випперфют А.* Вовлечение в бренд. Как заставить покупателя работать на компанию. СПб.: Питер, 2008. 384 с.
- Вологодская игра: областной фестиваль традиционной инструментальной музыки [Электронный ресурс] // Центр народной культуры. URL: https://onmck.ru/news/newsonmc/11344/?sphrase_id=114947 (дата обращения: 27.11.2019).
- Вороненко Н. А.* Становление и развитие методики обучения игре на русских гармониках 1870–1930 гг.: автореферат дис. ... канд. пед. наук (13.00.02) / Н. А. Вороненко; КГУКИ. М., 2006. 21 с.
- Выбор молодежью жизненного пути / под ред. Е. М. Бабосова, М. Х. Титмы. Минск: Наука и техника, 1988. 157 с.

- Выготский А. С.* Развитие высших психических функций. М.: Изд. Акад. пед. наук, 1960. 304 с.
- Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. А. Герович // Вопросы истории естествознания и техники. №1. 2004. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM> (дата обращения: 24.22.2019).
- Гармонный рынок. Абсолютно любая песня на гармонии за 5 минут!!! [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A36MСаoh4Dk> (дата обращения 10.12.2019).
- Гафарова Ю. Ю.* Постколониальный подход в исследованиях медиа и поведения пользователей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 2. С. 210–229.
- Герье В.* Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
- Гоготшивили А. А.* Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
- Голосовкер Я. Э.* Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
- Гончарко Д. Н., Гончарко О. Ю.* Платоновский «Пир» и закон тождества // Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии: сб. тезисов по материалам XXVI науч. конф. СПб., 2018. С. 104–106.
- Горелова Е.* Профессии живые и мертвые [Электронный ресурс] // Ведомости. 2017. № 4342. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/15/694454-ischezayuschei-professiei> (дата доступа: 30.11.2019).
- Горин Н. И., Нецадин А. А., Тульчинский Г. А.* Перезревшая необходимость реформы высшей школы или почему бизнес должен прийти в университеты. Ч. I. // Философские науки. 2016. № 1. С. 21–38; Ч. II // Философские науки. 2016. № 2. С. 22–35.
- Горц А.* Нематериальное / Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2010. 208 с.
- Гройс Б.* О новом / Опыт экономики культуры. М.: Ад Маргинем пресс, 2015. 240 с.
- Гуревич А.* Избранные труды / Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 469 с.
- Делёз Ж.* Лекции о Спинозе. 1978–1981. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.

- Джапек Л., Крэйтер Ф., Берг, М. и др. Отчет AAPORT о больших данных: 12 февраля 2015 // Материалы V социологической Грушинской конференции. М.: 2015. 72 с.
- Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей / Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М.: Претекст, 2008. 320 с.
- Дорожкин А. М. Особенности построения негумбольдтовских зон обмена [Электронный ресурс] // Вестник ВятГУ. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-postroeniya-negumboldtovskih-zon-obmena> (дата обращения: 09.09.2019).
- Дорофеева А. Гармонь — организатор молодежи // Советская Правда: от 29 января 1927.
- Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления / Материалы для исследования моего времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 672 с.
- Емелин В. А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. 2018. №1. 105 с.
- Жизненные пути одного поколения / под ред. Л. Коклягиной, В. Семеновой, М. Титма. М.: Наука, 1992. 184 с.
- Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение / под ред. М. Х. Титмы. Таллинн: Ээсти раамат, 1985. 307 с.
- Заньковский А. Онтологическая революция слизи / Бен Вудард. Динамика слизи // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 274–284.
- Земцовский И. И. Парадокс Б. Н. Путилова и природа фольклора / Доклад [Электронный ресурс] // Чтения к 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова и К. В. Чистова. Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/conf_2019/2019_11_14 (дата обращения: 18.01.2020).
- Зотин А. Экономика протеста: прекариат цифровой эпохи / Как людей подчиняют алгоритмы. [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: 08.07.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3674787>. (дата обращения: 06.09.2019).
- Иванин К. Уроки игры на гармонии / Урок №1. [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jpet-JUuInQ> (дата обращения: 10.12.2019).
- Имханицкий М. И. История баянного и аккордеонного искусства. М.: РАМ им. Гнесиных, 2006 520 с.

- Инглхарт Р. Культурная эволюция / Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
- Интернациональный характер жизненного самоопределения молодежи / отв. ред. М. Титма, Ш. Шоисматуллоев. Душанбе: Дониш, 1992. 184 с.
- Историческая политика в XXI веке / ред. А. Миллер, М. Липман. М.: НЛО, 2012. 648 с.
- Кавашима Р. Тренируем мозг / Продукты и рецепты для улучшения памяти, интеллекта и мышления. СПб.: Питер, 2018. 367 с.
- Казаков Ю. П. Двое в декабре / Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1966. 272 с.
- Канн Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л.: Прибой, 1925. 192 с. С. 21–168.
- Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. Т. 51. 2017. №1. С. 8–17.
- Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь Мир, 2016а. 263 с.
- Касавин И. Т. Социальная философия науки / Российская перспектива: монография. М.: КНОРУС, 2016б. 414 с.
- Касавин И. Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Epistemology & Philosophy of Science. 2004. 2(2). С. 5–14.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2016. 564 с.
- Кисилев И. Как быстро научиться играть на гармонии! / Упражнения для начинающих 1. [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z9q2e7q330E> (дата обращения: 10.12.2019).
- Кобзева А. и др. Атлас форматов совместной работы. Версия 1.0. [Электронный ресурс] // Для сети «Точек кипения» в регионах России». 2019. URL: <https://ntinews.ru/upload/iblock/6fa/6fa1869a00abec4e511ed03559645a3.pdf> (дата обращения: 24.11.2019).
- Корнев Г. П. Зона обмена: понимание и конструирование наукой и философией // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zona-obmena-ponimanie-i-konstruirovanie-naukoy-i-filosofiey> (дата обращения: 16.10.2019).
- Космарский А. А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: Экономические

- и социальные перемены. 2019. № 2. С. 388–409. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/580> (дата обращения: 23.05.2019).
- Кочекон В. Ф. Из истории народно-инструментального исполнительства Челябинской области / Роль баяна, гармони в контексте массовой музыкальной культуры 1920–1930-х годов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 3 (35). С. 127–131.
- Кравченко А. Выгодный обмен / Наш эксперимент: сдать, продать, отдать — что делать с ненужными вещами [Электронный ресурс] // SB.VY URL: <https://www.sb.by/articles/ekonomika-deleniya.html> (дата обращения: 12.11.2019).
- Кузанский Н. О видении Бога / Н. Кузанский. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1979. С. 33–95.
- Кырлежев А. Постсекулярная эпоха [Электронный ресурс] // Континент. 2004. № 120. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html>. (дата обращения: 19.03.2019).
- Кьеза Л. «Le ressort de l'amour»: Лакан и Платон [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2011. № 112 (6). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/k5.html> (дата обращения: 09.11.2018).
- Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.
- Летурно Ш. Эволюция собственности / Изд. 2-е. М.: Книжный дом Либроком, 2012. 416 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.
- Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
- Лондонов П. П. Самоучитель игры на двухрядной гармонике-хромке. М.: Советский композитор, 1974. 100 с.
- Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. 2000. № 3. С. 9–37.
- Магун А. В. Res publica sive nullius [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. № 1 (57). URL: http://ecsocman.hse.ru/data/237/478/1209/NZ_2008_1_1-2_Magun.pdf. (дата обращения: 06.01.2020).
- Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект, 2000. 383 с.

- Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. С. 16–22.
- Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004. 551 с.
- Мальшикин Е. В. Две метафоры памяти. СПб: СПбГУ, 2011. 246 с.
- Мальшикин Е. В. Дистрибутивность просвещенного состояния // Вестник СПбГУ. 2013. № 2 (17). С. 44–49.
- Мальшикин Е. В. О конференции «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» // *Einai*. 2018. Т. 7. № 2(14). С. 192–195.
- Мальшикин Е. В. Омонимия «я» и распределенное знание // Вестник Томского государственного университета / Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 54–64.
- Мальшикин Е. В. Эротика неустойчивых сообществ: опыт прочтения платоновского «Пира» // *Einai*: проблемы философии и теологии. Изд. Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. 2018. № 2 (14). С. 140–148.
- Мальшикин Е. В., Гафарова Ю. Ю., Погребняк А. А. Неизбывность распределенных вещей: соседство и богатство // Социология науки и технологий. 2019. № 3. С. 89–102.
- Мальшикин Я. В., Паграбняк А. А., Гафарова Ю. Ю. Кружлы стол, прысвечаны книзе Ж.-Л. Нансі «Быццё адзінкавае множнае» // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 1. С. 15–22.
- Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. 879 с.
- Масланов Е. В. Краудсорсинг в науке: новый элемент научной инфраструктуры // Философия науки и техники. Т. 23. 2018. №1. С. 141–155.
- Масланов Е. В. Онлайн «зоны обмена»: к постановке вопроса [Электронный ресурс] // RADNEWS: знания, мысли, новости. 2017. URL: <http://www.radnews.ru/> (дата обращения: 21.10.2019).
- Мау В. Как российская система образования готовится к приходу цифровой экономики / Интервью [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/23/mauinterview/> (дата обращения: 30.11.2019).
- Мехнецов А. А. Кирилловская гармонь-хромка в традиционной культуре Белозерья. Вологда: Вологодский областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2005. 274 с.

- Мор М. Манифест трансгуманизма. [Электронный ресурс] URL: https://communitarian.ru/posts/novyy_mirovoy_poryadok_metody/maks_mor_manifest_transgumanizma_14092015 (дата обращения: 06.09.2019).
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, РАН, 1996. 357 с.
- Наберушкина Э. К. Архитектура, сети, люди, города: контуры нового мира / Митчелл У. Дж. Я++: человек, город, сети / пер. с англ. Д. Симановского // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. №. 3. 2012. М.: Strelka Press, 2012. 328 с.
- Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.
- Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное. М.: Водолей, 2009. 208 с.
- Народные инструменты в русской и мировой музыкальной культуре: сб. науч. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф., 14 марта 2019 г. // Тамб. гос. муз.-пед. ин-т им. С. В. Р. Н. Бажилин, О. В. Немкова. Тамбов, 2019. 108 с.
- Начало пути: поколение со средним образованием / под ред. М. Титма, Л. Коклягиной. М.: Наука, 1989. 235 с.
- Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
- Новые технологии и телесность как предмет антропологических исследований / Форум // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 11–82.
- Нравственный облик советской молодежи: опыт социологического анализа / под ред. Е. М. Бабосова, М. Х. Титмы. Минск: Наука и техника, 1985. 152 с.
- О Совете по развитию предпринимательства в Республике Беларусь: Указ Президента РБ № 388 от 13.07.1999. [Электронный ресурс] URL: <https://yandex.by/search/?clid=2186617&tex>. (дата обращения: 18.04.2019).
- Оиэ К. Культура балалайки в России с 1917 по 1948 год: автореферат дис. ... канд. культурологии (24.00.01) / К. Оиэ. РАМ им. Гнесиных. М., 2004. 23 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2001. 509 с.
- Павлов А. В. Враги по разуму: робот как революционный субъект // Социология власти. 2017. № 2. С. 116–132.
- Пак Г. С., Хусяинов Т. М. «Право отключиться» как ответ на экспансию труда в нерабочее время: кто им воспользуется // Вестник Пермско-

- го университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4. С. 508–516.
- Паченков О. В., Яшина А. В., Шукин Д. А., Ненько А. Е., Веркеев А. М., Платонова Ю. Ю. Новые городские экономики // Экономическая культура мегаполиса / Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. М.; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, издательство Института Гайдара, 2017. С. 70–130.
- Песков Д. К. Как выглядит будущее российского и мирового образования. [Электронный ресурс] // ИНФОБЮРО 20.35. / Блоги экспертов. 2019а. URL: https://ntinews.ru/blog/publications/kak-vyglyadit-budushchee-rossiyskogo-i-mirovogo-obrazovaniya-.html?sphrase_id=3479859 (дата обращения: 01.11.2019).
- Песков Д. К. Первые 12 «Точек кипения» открылись в региональных вузах. [Электронный ресурс] // РИА Новости: 21.05.2019. 2019b. URL: <https://ria.ru/20190521/1553918112.html> (дата обращения: 01.11.2019).
- Петрова Ю. В ближайшие десять лет лишними на работе станут 400 млн человек. [Электронный ресурс] URL: <https://future.vedomosti.ru/job/v-blizhaishie-desyat-let-lishnimi-na-rabote-stanut-400-mln-chelovek> (дата обращения: 06.09.2019).
- Погоняйло А. Г. Мишель Фуко. История субъективности // Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
- Подцероб М. Придется меняться [Электронный ресурс] // Ведомости. 2017. № 4342. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/15/694456-rinok-truda> (дата обращения: 30.11.2019).
- Пой, гармоника / Форум. [Электронный ресурс] URL: <http://russian-garmon.ru/forum-home/prochee/5464-za-skolko-vremeni-vy-vuchili-pervuyu?start=30> (дата обращения: 02.12.2019).
- Поланы К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени.—СПб.: Алетейя, 2002. 312 с.
- Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / Под ред. Г. А. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.
- Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки / Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
- Протопопова И. А. Платон, Вл. Соловьев, Ж. Лакан: от «андрогинна» к «агальме» / Трансформации платоновской «эротологии» // Вестник РГГУ / Философия. социология. искусствоведение. 2015. № 5 (148). С. 21–33.

- Пурдехнад Д. Открытые инновации и социальные сети // Проблемы управления в социальных системах. Т. 4. 2012. № 7. 23 с.
- Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. 416 с.
- Ремизов А. Крестовые сестры. [Электронный ресурс] URL: <http://remizov-sisters.narod.ru/> (дата обращения: 20.11.2012).
- Ренан Э. Что такое нация? / Ренан Э. Собр. соч.: в 12 т. Т. 6. Киев: Изд-во Б. К. Фукса, 1902. С. 87–101.
- Решетников С. В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск: Академия при Президенте РБ, 2003. 152 с.
- Ритмология культуры / под ред. Ю. Ю. Ветютнева, А. И. Макарова, Д. Р. Яворского. СПб.: Алетейя, 2012. 280 с.
- Рождественская Я. Роботы создадут работу [Электронный ресурс] // Коммерсантъ / Наука / Рынок: 17.07.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3689092> (дата обращения: 16.02.2019).
- Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. Т. 1. 1993. № 3. С. 16–39.
- Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 294 с.
- Сартр Ж. П. Бытие и ничто / Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
- Сарханяну К. Подсмотрено в Китае [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: www.kommersant.ru/doc/3959601 (дата обращения: 06.09.2019).
- Семилетов В. Маленький рынок, сложная логистика, низкая маржинальность и другие нюансы арендного бизнеса в Беларуси [Электронный ресурс] // МТБлог. URL: <https://mtblog.mtbank.by/pro-malenkij-rynok-slozhnaya-logistika-nizkaya-marzhinalnost-i-drugie-nyuansy-arendnogo-biznesa-v-belarusi> (дата обращения: 11.11.2019).
- Сергеев К. А. Ренессансные основания антропоцентризма. СПб: Наука, 2007. 594 с.
- Симонов П. В. Лекции о работе головного мозга / Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 98 с.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 1056 с.
- Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.

- Соколов М. М. Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. В. А. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 9–39.
- Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.
- Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / отв. ред. М. Х. Титма. М.: Институт социологии РАН, 1997. 287 с.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Сунгуров А. Ю. Инновации в социуме и политике / Аналитический обзор // Философские науки. 2013. № 3. С. 5–20.
- Т. 2: Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / Анализ результатов исследования: Поколения и гендер / ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск: Белсэнс, 2018. 189 с.
- Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора = Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.
- Тейлор Ч. Секулярность и религия // Страницы. 2006. №4. С. 46–55.
- Терещенко О. В. Анализ жизненных путей в исследованиях динамики общества // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций / к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 274–278.
- Тимошенко М. А. Социальное развитие села: формирование рынка труда и занятости в аграрном секторе экономики // Научное обозрение. 2013. № 3.— С. 308–313.
- Тит Лукреций Кар О природе вещей. М.: Худож. лит., 1983. 383 с.
- Тоодинг Л.-М. Методологические проблемы обработки социологической информации при помощи ЭВМ: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.09 / БГУ. Минск: 1986. 18 с.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 261 с.
- Тулчинский Г. А. Нарратив в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика: / Социальное конструирование пространства. № 4. М., 2016. С. 65–83.
- Тулчинский Г. А. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. 2017в. № 1. С. 76–98.

- Тулъчинский Г. А. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
- Тулъчинский Г. А. Прикладная этика и новые модели социума // Ведомости прикладной этики / Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра. № 50. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017а. С. 30–40.
- Тулъчинский Г. А. Роль геноцида в национальном самосознании // Геноцид в исторической памяти народов и информационных войнах современности. М.: Ключ-С, 2015а. С. 154–167.
- Тулъчинский Г. А. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 10–14.
- Тулъчинский Г. А. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. СПб.: Алетейя, 2019. 470 с.
- Тулъчинский Г. А. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017б. № 6. С. 121–136.
- Тулъчинский Г. А. Элиминация университетского этоса: преподавание как прекарный труд // Ведомости прикладной этики. 2015б. №47. С. 76–83.
- Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. №1. С. 175–192.
- Урбан Д. Ценности населения Беларуси / Результаты национального опроса населения. Минск: Исследовательский центр ИПМ, 2019. 69 с.
- Урри Д. Мобильности / пер. с англ А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. С. 130–159.
- Усков А. С. О некоторых тенденциях развития образования на гармонии // Народные инструменты в русской и мировой музыкальной культуре: сб. науч. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф., 14 марта 2019 г. / Тамб. гос. муз.-пед. ин-т им. С. В. Рахманинова; отв. ред. Р. Н. Бажилин, ред. О. В. Немкова. Тамбов, 2019. С. 51–59.
- Уханов П. Видео-школа обучения игре на гармонии П. Уханова / Урок 1. [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DqGgyDmenUk> (дата обращения: 10.12.2019).
- Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона // Эстетика Ренессанса в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 139–242.
- Флоренский П. А. Symbolarium / Словарь символов / Предисловие // Труды по знаковым системам. V. Тарту: Издательство Тартусского университета, 1971. С. 521–527.
- Флоренский П. А. Органопроекция // Декоративное искусство. 1969. № 12. С. 149–162.

- Флорида Р. Кто твой город / Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014. 710 с.
- Фомина Е., Рачева Е. От шофера «черного воронка» до Сталина. [Электронный ресурс] // Новая газета. 23 ноября 2016. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/23/70635-ot-shofer-a-chnernogo-voronka-do-stalina> (дата обращения 17.12.2018).
- Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.
- Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.
- Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 352 с.
- Хабермас Ю. Вера и знание / *Glauben und Wissen* // Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. С. 60–66.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 382 с.
- Хабермас Ю. Обоснованное воздержание: Существуют ли постметафизические ответы на вопрос о «правильной жизни»? // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. С. 9–27.
- Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
- Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
- Хель И. Прогнозы Рэя Курцвейла на ближайшие 25 лет [Электронный ресурс] URL: <https://hi-news.ru/technology/prognozy-reya-kurcvejla-na-blizhajshie-25-let.html> (дата обращения: 06.09.2019).
- Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения / Философские фрагменты. М.–СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
- Храмов Ю. Н. Академизация профессионального исполнительства на русских народных инструментах: достижения и издержки процесса // Народные инструменты в русской и мировой музыкальной культуре: сб. науч. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф., 14 марта 2019 г. / Тамб. гос. муз.-пед. ин-т им. С. В. Рахманинова; отв. ред. Р. Н. Бажилин, ред. О. В. Немкова. Тамбов, 2019. С. 65–74.
- Цымбурский В. А. Конъюнктуры Земли и Времени / Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования. М.: Европа, 2011. 370 с.

- Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 768 с.
- Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1991. 672 с.
- Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М.: Поколение, 2007. 490 с.
- Чубаров И. Коллективная чувственность / Теории и практики левого авангарда. М.: ИД ВШЭ, 2016. 344 с.
- Швед В. В. Теоретические аспекты шеринг-овой экономики // Экономический форум. 2017. № 1. С. 26–32.
- Шек Г. Зависть. М.: ИРИСЭН, 2010. 544 с.
- Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. 636 с.
- Шибаршина С. В. Научные коммуникации и коллаборации в Сети как возможные зоны обмена [Электронный ресурс] // Социология науки и технологий. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-kommunikatsii-i-kollaboratsii-v-seti-kak-vozmozhnye-zony-obmena> (дата обращения: 06.11.2019).
- Шитовалова Л. В. Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // Социология науки и технологий. 2019. № 3.— С. 56–72.
- Широканова А. А. Новая роль и формы научной коммуникации в информационную эпоху // Социология. 2013. С. 103–116.
- Шишкина Т. М. Дар и полезность. Экономическая антропология дарообмена // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 106–110.
- Шишкина Т. М. Демонстративное расточительство и эвристика репрезентативности // Journal of Institutional Studies. 2017. Т 9. № 4. С. 68–79.
- Шишкина Т. М. Информационная функция экономических институтов: случай дарообмена // Journal of Institutional Studies. 2018. Т. 10. №3. С. 139–157.
- Шишкина Т. М. Синкретическая теория ценности Дэвида Гребера: экономическое осмысление // Идеи и Идеалы. 2017. Т. 2. №2 (32). С. 17–29.
- Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Изд-во Петерб. Востоковед., 1999. 181 с.
- Щюц А. Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания / Прикладная теория. М.: РОССПЭН, 2004. С. 557–572.

- Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетей, 1998. 250 с.
- Эпштейн М. Н. Дар слова. [Электронный ресурс] / Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. 2000–2018 гг. URL: /<https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201802/05100527.html/> (дата обращения: 21.12.2019).
- Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
- Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
- Ююки-Оиэ К. Балалайка в бесписьменной традиции довоенного времени. М.: РАМ им. Гнесиных, 2004.
- Яскевич Я. С. Политический риск и психология власти. Минск: Право и экономика, 2011. 189 с.
- Яскевич Я. С. , Войташич К. А. (ред.) Современная политическая наука: нравственные регулятивы. Минск: Право и экономика, 2012. 199 с.
- Яшина А. В. Роль информации в шеринговой экономике: новые практики формирования доверия // *Einai*. Т. 7. 2018. № 2 (14). С. 178–191.
- Allen R. C. Collective Invention // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1983. № 4. P. 1–24.
- Anthropy A. Rise of the Videogame Zinesters: How Freaks, Normals, Amateurs, Artists, Dreamers, Dropouts, Queers, Housewives, and People Like You are Taking Back an Art Form. New York: Seven Stories Press, 2012. — 208 p.
- Appiah K. A., Bhabha H. Cosmopolitanism and Convergence // *New Literary History*. 2018. № 49 (2). P. 171–198.
- Barth F. An Anthropology of Knowledge // *Current Anthropology*. 2002. № 1 (43). P. 1–18.
- Barth F. The Guru and the Conjuror: Transactions in Knowledge and the Shaping of Culture in Southeast Asia and Melanesia // *Man, New Series*. 1990. № 4 (25). P. 640–653.
- Bell D. S. A. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // *British Journal of Sociology*. 2003. № 1 (54). P. 63–81.
- Berger P. Secularization Falsified [Электронный ресурс] // *First things*. 2008. №2. URL: <https://www.firstthings.com/article/2008/02/secularization-falsified> (дата обращения: 06.01.2020).
- Boase J., Wellman B. Personal Relationships: On and off the Internet // *The Cambridge Handbook of Personal Relationships*. Т. 8. 2006. P. 709–723.

- Brabham D. C.* Crowdsourcing as a Model for Problem Solving: An Introduction and Cases // *Convergence*. Т. 14. 2008. №. 1. P. 75–90.
- Bulchand-Gidumal J., Melián-González S.* Why are Ratings so High in the Sharing Economy? [Электронный ресурс] / Evidence Based on Guest Perspectives // *Current Issues in Tourism*. 2019. URL: 10.1080/13683500.2019.1602597 (дата обращения: 05.04.2019).
- Calboun J. B.* Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // *Proceedings of the Royal Society of Medicine*. 1973. Pt. 2. №1 (66). P. 80–88.
- Campbell H.* Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society [Электронный ресурс] // *Journal of the American Academy of Religion*. 2012. № 1 (80). P. 1–30. URL: 10.1093/jaarel/lfr074 (дата обращения: 05.04.2019).
- Canguilhem G., Savage J.* The Living and Its Milieu // *Grey Room*. 2001. № 3. P. 6–31.
- Casanova J.* Public Religions in the Modern World. The University of Chicago Press, 1994. 320 p.
- Cerulo K. A.* Nonhumans in Social Interaction // *Annual Review of Sociology*. 2009. № 35. P. 531–552.
- Chalcraft D.* Editorial: Milieu Analysis / A Plaque on All Your Houses? // *Max Weber Studies*. 2002. №. 3 (1). P. 7–14.
- Chua L.* To Know or Not to Know? / Practices of Knowledge and Ignorance among Bidayus in an ‘Impurely’ Christian World // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2009. № 15 (2). P. 332–348.
- Crane D.* Diffusion of Knowledge in Scientific Communities. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1972. 213 p.
- Dimensions.* [Электронный ресурс] URL: <https://www.dimensions.ai/> (дата обращения: 12.12.2019).
- Douglas M., Isherwood B.* The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption. London: Routledge, 1996. 200 p.
- Ellul J.* Propaganda. The Formation of Men’s Attitudes. NY: Vintage Books, 1973. 352 p.
- Etkind A.* Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied. Stanford: Stanford Univ. Press, 2013. 326 p.
- Feldstein S.* China is Exporting AI Surveillance Technology to Countries around the World [Электронный ресурс] // *Newsweek*. Fri, Sep 06, 2019. URL: www.newsweek.com/china-ai-surveillance-technology-world-1403762 (дата обращения: 06.09.2019).

- Frenkena K., Schor J.* Putting the Sharing Economy into Perspective // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2017. № 23. P. 3–10.
- Galison P.* Trading Zone: Coordinating Action and Belief / ed. by M. Biagioli. The Science Studies Reader, 1999. P. 137–160.
- Garicano L., Rossi-Hansberg E.* Inequality and the Organization of Knowledge // AEA Papers and Proceedings. 2004. P. 197–202.
- Graeber D.* Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. New York: Palgrave, 2001. 352 p.
- Gregory C.* Gifts and Commodities. Chicago: Hau Books, 2015. 336 p.
- Harding S.* Beyond Theory: Two Undertheorized Perspectives on Science and Technology // The Postcolonial Science and Technology Studies Reader / Ed. by S. Harding. Durham. Duke University Press Books, 2011. 504 p.
- Harrison S.* Anthropological Perspectives: On the Management of Knowledge // Anthropology Today. №11 (5). P. 10–14.
- Hays /* Recruiting Experts Worldwide / опрос [Электронный ресурс] URL: www.hays.ru/ (дата обращения: 12.12.2019).
- Helland C.* Digital Religion [Электронный ресурс] // Handbook of Religion and Society / ed. by D. Yamane. Cham, 2016. P. 177–196. URL:10.1007/978–3–319–31395–5_10 (дата обращения: 12.09.2019).
- Hjarvard S.* The Mediatization of Culture and Society. London: Routledge, 2013. 192 p.
- Hjarvard S.* The Mediatization of Religion: a Theory of the Media as Agents of Religious Change // Northern Lights: Film and Media Studies Yearbook. № 6. P. 9–26.
- Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind / Revised and expanded 2nd ed. New York: McGraw-Hill, 2005. 561 p.
- Hoglund J.* Electronic Empire: Orientalism Revisited in the Military Shooter [Электронный ресурс] // Game Studies. 2008. № 8 (1). URL: <http://gamestudies.org/0801/articles/hoeglund>. (дата обращения: 19.02.2019).
- Howe J.* The Rise of Crowdsourcing // Wired Magazine. Т. 14. 2006. № 6. P. 1–4.
- Hutchins E.* The Cultural Ecosystem of Human Cognition // Philosophical Psychology. 2014. № 27. Iss. 1: Extended Cognition: New Philosophical Perspectives. P. 34–49.
- Irani L., Vertesi J., Dourish P., Philip K., Grinter R. E.* Postcolonial Computing: A Lens on Design and Development / Conference on Human Factors in Computing Systems, Proceedings 2. 2010. P. 1311–1320.

- Jandric P., Kuzmanic A.* Digital Postcolonialism // IADIS International Journal on WWW/Internet. 2016. № 13 (2). P. 34–51.
- Jandric P., Kuzmanic A.* The Wretched of the Network Society: Techno-Education and Colonization of the Digital // Out of the Ruins: The Emergence of Radical Informal Learning Spaces / Ed. by R. H. Haworth, J. M. Elmore. Oakland: PM Press, 2017. 266 p.
- Kapp E.* Grundlinien einer Philosophie der Technik. Westermann, 1877. 388 S. Leader-ID.ru [Электронный ресурс] URL: <https://leader-id.ru/> (дата обращения: 05.01.2020).
- Lenk C., Fuije L.* Cultivated Folk Music: More Invention Than Discovery? / Appropriation and Mediation of Songs in East Bavaria // The World of Music. № 41 (2). Traditional Music in Bavaria: Regional Identity, History, and Culture, 1999. P. 63–97.
- Magnet S.* Playing at Colonization: Interpreting Imaginary Landscapes in the Video Game Tropicico // Journal of Communication Inquiry. 2006. № 30. P. 142–162.
- Mendeley [Электронный ресурс] URL: www.mendeley.com (дата обращения: 24.11.2019).
- Meyer M. L., Hershfield H. E., Waytz A. G., Mildner J. N., Tamir D. I.* Creative Expertise is Associated with Transcending the Here and Now // Journal of Personality and Social Psychology. 2019. № 116 (4). P. 483–494.
- Miller D.* Artefacts and the meaning of things // Companion Encyclopedia of Anthropology. Routledge, 2005. P. 396–419.
- Morgenstern U.* Music without Social Life / The Garmon' Player Mikhail Sorochinsky a Nonrevivalist Musician in Smolensk Province // Traditiones. 2018. № 47 (2). P. 33–65.
- Morris Ch. W.* Foundation of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science. № 1 (2). The University of Chicago Press, Chicago, 1938. 59 p.
- Mozur P.* Made in China, Exported to the World: The Surveillance State. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/24/technology/ecuador-surveillance-cameras-police-government.html> (дата обращения: 06.10.2019).
- Mukberjee S.* Videogames and Postcolonialism: Empire Plays Back. London: Palgrave Macmillan, 2017. 120 p.
- Murray S.* The Work of Postcolonial Game Studies in the Play of Culture // Open Library of Humanities. 2018. № 4 (1). P. 1–25.

- Osejo R. E.* Masters of Craft: Old Jobs in the New Urban Economy. Princeton: Princeton University Press, 2017. 344 p.
- Open Philology [Электронный ресурс] URL: <https://openphilology.eu/> (дата обращения: 24.11.2019).
- Ostrom E.* Understanding Institutional Diversity. Princeton: Princeton University Press, 2005.
- Panetta K.* 5 Trends Emerge in the Gartner Hype Cycle for Emerging Technologies. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/5-trends-emerge-in-gartner-hype-cycle-for-emerging-technologies-2018/> (дата обращения: 16.08.2018).
- Plato.* Symposium. Ed. by J. Burnet. Platonis opera. №2. St. III. 178a7–b1.
- Price D. J. d. S.* Little Science, Big Science ... and beyond. NY: Columbia University Press. 336 p.
- Quote Investigator. [Электронный ресурс] URL: <https://quoteinvestigator.com/2011/12/13/swar-ideas> (дата обращения: 29.05.2019).
- Romney A. Kimball, Moore C. C.* Toward a Theory of Culture as Shared Cognitive Structures // *Ethos*. 1998. № 26 (3). P. 314–337.
- Sakata H. L.* Musicians Who Do Not Perform; Performers, Who are Not Musicians: Indigenous Conceptions of being an Afghan Musician // *Asian Music*. 1985. № 17 (1). P. 132–142.
- Shelemay K. Kaufman.* Musical Communities: Rethinking the Collective in Music // *Journal of the American Musicological Society*. 2011. № 64 (2). P. 349–390.
- Sisler V.* Digital Arabs: Representation in Video Games // *European Journal of Cultural Studies*. 2008. № 11. P. 203–220.
- Solvell O.* Construction of the Cluster Commons // *The Oxford Handbook of Local Competitiveness* / Ed. by D. B. Audretsch, A. N. Link, M. L. Walshok. Oxford University Press, 2015. 528 p.
- Sommers M. R.* The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach // *Theory and Society*. 1994. № 23 (5). P. 606–649.
- Sun H.* Critical Design Sensibility in Postcolonial Conditions [Электронный ресурс] // *AoIR Selected Papers of Internet Research*. 2013. № 3. URL: <https://firstmonday.org/ojs//index.php/spir/article/view/8517/6787> (дата обращения: 19.02.2019).
- Sztompka P.* Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 214 p.

- The Future of Jobs and Jobs Training. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pewinternet.org/2017/05/03/the-future-of-jobs-and-jobs-training/> (дата обращения: 08.12.2018).
- Thiel 2017. [Электронный ресурс] URL: thielfellowship.org. (дата обращения: 02.12.2019).
- Thompson T., Beatboxing M.* Cyborg Identity: Folk Music for the Twenty-First Century // *Western Folklore*. 2011. № 70 (2). P. 171–193.
- Weizsaecker von E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.
- Welzer H.* Kunst und Kritik des Vergessens. Munchen: Beck, 2005. 156 p.
- World Values Survey. [Электронный ресурс] URL: <http://www.worldvalues-survey.org> (дата обращения: 01.05.2018).
- Wyatt S.* Non-users also Matter: The Construction of Users and Non-Users of the Internet // *Now Users Matter: The Co-construction of Users and Technology* / Ed. by N. Oudshoorn. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. 352 p.
- Zizek S.* Blade Runner 2049: A View of Post-human Capitalism. [Электронный ресурс] URL: <http://thephilosophicalsalon.com/blade-runner-2049-a-view-of-post-human-capitalism/> (дата обращения: 06.09.2019).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Coursera 264
- Hipe Cycle 282
- Holicipation 87
- Homo imaginationis 307
- Homo sapiens 302, 307
- Humanities (die Geisteswissenschaften) 280
- Participatory performance 87
- Presentatory performance 87
- Remote Accessible Intelligence, RAI 298
- Science 309, 312, 336, 340, 352, 353, 354
- Scopus 270, 272
- Sharing Economy 23, 34, 351, 352
- Snapchat 294, 296
- Species 33
- Web of Science 270
- World Values Survey 355
- Актер 55, 106, 107, 113, 116, 120, 123, 124, 126, 168, 190, 192–194, 202, 203, 204, 231, 279, 309, 320
- Акциденция 32, 33, 334
- Аларм 227, 299, 300
- Андроид 297, 299, 303
- Аудитория 13, 14, 62, 64, 67, 69, 70, 71, 73–75, 77–80, 82, 85, 86, 88–99, 105, 110, 120, 124, 133, 136, 152, 164, 168, 186, 226, 260, 263, 266, 272, 316, 318
- Бизнес 24, 120, 122–125, 158, 185, 188, 193, 199, 202, 204, 205, 207–209, 259, 260, 261, 266, 267, 269, 273, 274, 276, 281, 283, 285, 287, 289, 338, 345
- Блокчейн 147, 263, 276, 281, 287, 340
- Богатство 11–13, 56, 139, 141, 149, 153, 172, 179, 183, 246, 288, 303, 342
- Боль 65, 237, 281, 325
- Большие данные (Big Data) 37, 48, 112, 253, 259, 284, 285, 287, 300, 339
- Виртуализация 107, 113, 116, 190, 196, 197–199, 253, 297, 346
- Включенное наблюдение 52
- Включенность 97, 278, 283, 291
- Воля 87, 145, 278, 300

- Всё-в-одном (plug-and-play) дизайн 317
 Габитус 162, 182
 Гарантированный базовый доход 290, 301
 Гармоника 52, 59, 74, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 99, 101, 103, 104, 106, 107, 337, 341, 344
 Гармонист 52, 53, 56, 58–62, 64–70, 73–76, 79–87, 89–97, 99–101, 104–110
 Гармонь 60, 61, 63, 65, 74, 75, 79, 87, 89, 90–93, 95, 96, 101, 103, 104, 108–110, 339, 342
 Гармошка 59, 60–66, 69, 71, 75, 79, 87, 88–96, 99, 104, 106, 108, 109
 Геймерское беспамятство 278, 292, 294
 Глобализация 235, 310, 313, 317, 319
 Гомодицея 278, 280
 Групповое доверие (group trust) 196
 Гуманизм 278–280, 286, 298, 300, 339, 343
 Гуманитаристика 243, 250, 253
 Гуманитарная экспертиза 275, 276, 277, 279, 308, 309
 Гуманитарность 278–280, 308
 Дарообмен 155–159, 163, 164, 167–172, 174–177, 181, 183, 184, 349
 Движение 13, 26, 29, 89, 93–95, 97, 99, 104, 105, 107, 119, 128, 131, 133, 140–141, 151, 208, 243, 251, 252, 299
 Девиация 290
 Дегуманизация 279, 280
 Делокализация 99
 Демонстративная расточительность 183
 Демонстративное потребление 155, 158, 162, 164, 167, 172
 Диалектика 24, 249, 325, 329, 348
 Диалог 11, 13, 14, 18, 27, 126, 127, 132, 201, 206, 245, 307, 328
 Дискриминация 317
 Дискурсивная асимметрия 318
 Доверие 25, 26
 Доверие (trust) 194
 институциональное (institutional trust) 196
 категориальное (categorical trust) 196
 коммерческое (commercial trust) 196
 личное (personal trust) 196
 позиционное (positional trust) 196
 системное (systemic trust) 196, 197
 Досуг 85, 101, 181, 278, 287, 289, 291, 301
 Драки 69, 70, 83
 Другой 19, 300, 302
 Жертвы 222, 235, 237
 во имя (sacrifice) 234
 мученики (victim) 234
 Занятость 208, 209, 282, 283, 287, 290, 291, 346
 Знание 2, 7–12, 19, 21, 24, 36–41, 43–45, 47–50, 52–86, 89, 117, 133, 147, 150, 192, 278, 309–314, 316, 318–326, 329, 338, 342, 346, 348, 349
 Игра 8, 26, 52–54, 58–71, 73, 74, 76, 79, 80, 83–85, 87–92, 95, 97, 99–103, 105, 108–110, 114, 251, 291, 316–319, 337, 339, 341, 347
 Игрок 52, 53, 60–62, 64–71, 75, 77, 79, 80, 83, 84, 89–93, 96, 97, 100, 103, 109, 110, 114, 318
 Идентичность 31, 34, 35, 53, 93, 107, 108, 118, 128, 199, 219, 222, 227, 228, 230, 232–235, 237, 255, 275, 318, 339, 342, 346
 Идея 7, 10, 11, 13, 18, 19, 30–33, 35, 40, 106, 112, 115, 118, 125, 128, 134, 135, 140, 143, 144, 147, 150, 159, 161–163,

- 167, 170, 171, 173, 175, 178, 183, 184, 209, 215, 219, 233, 241, 248, 249, 252, 253, 275, 279–281, 307, 310, 317, 322, 324, 327, 340, 349
- Иерархия 31, 68–70, 73, 75, 77, 78, 83, 84, 131–133, 161, 163, 168, 188, 202, 203, 204, 311
- Имя 31, 32, 155, 157, 172, 173–177, 224, 229, 234, 236, 272, 286, 325
- Индекс Хирша 270
- Индивидуализация 93, 97, 202, 268
- Инновации в сотрудничестве (Collaborative Innovation) 202
- Интернет 36, 38, 45, 50, 54, 57, 95, 98, 99, 100, 101, 104, 113, 115, 116, 124, 132, 190, 191, 252, 259, 264, 268, 283, 285, 300, 314, 315
- Интернет вещей (IoT) 259, 281, 287, 292
- Интерсубъективность 27
- Интимность 19, 149, 152
- Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) 38, 45, 237, 257, 259, 260, 263, 264, 272, 276, 278, 281, 283, 284, 312, 343
- Информационные функции институтов 154, 156, 164, 177, 189
- Искусственный интеллект (AI) 112, 125, 219, 282, 283, 288, 289, 292, 297, 298, 300, 305
- Исполнение 72, 73, 77, 80–84, 86, 87, 236
- Историческая память 222, 227–229, 231, 232–235, 237, 256, 275, 296, 347
- Историческая политика 237, 336, 340
- Каузальность 218, 219
- Киберпанк 300
- Когнитивные искажения 184
- Коллектив 17, 24, 29, 41, 48, 53, 62, 72, 74, 108, 112–115, 119, 126, 132, 134, 140, 144, 145, 201, 229, 232, 237, 249, 304, 319, 328, 340, 349
- Колониализм 312, 314–316
- Колониальные тропы 316
- Комедия 30, 336
- Коммунизм 26, 32, 304, 328
- Коммуникация 33, 37–40, 42, 43, 45, 47–50, 52–54, 65, 67, 72, 97–99, 107, 110, 116–119, 121, 123, 124, 128, 130, 132, 135, 136, 164, 190–192, 194, 197, 199, 203, 204, 209, 224, 226, 231, 239, 240, 262, 266, 275, 278, 283, 293, 297, 311, 312, 319, 335, 340, 341, 349
- Контингентность 11, 322, 327, 333
- Контроль 74, 79, 81–86, 99, 100, 105, 130, 133, 161, 162, 164, 175, 178, 179, 191, 194, 195, 202, 206, 210, 227, 262, 272, 275, 278, 283, 284, 286, 299, 300, 306, 314
- Корпоративные (организационные) культуры 202
- Криптовалюта 276, 283
- Культурная эпистемология 316
- Либерализм 29, 206
- Либи́до 28, 329, 334, 341
- Личность 30, 122, 131, 199, 202, 215, 216, 217, 221, 223, 227, 229, 232, 239, 242, 254, 257, 261, 264, 268, 273–275, 278–281, 283–291, 295, 303, 305–308, 343, 346
- Лишенность 25
- Логика 24, 31–34, 53, 130, 131, 135, 157, 166, 174, 179, 181, 185, 202, 234, 246, 310, 318, 330, 338
- Локальные сообщества 53, 54, 58, 74, 82–85, 95, 99, 100, 105, 106, 107
- Малый бизнес 207, 208, 209
- Маори 175, 176
- Маркетинг 135, 136, 195, 225, 275, 278, 286, 287, 292, 300
- Марксизм 27, 159
- Мастер 53, 62, 74, 75, 89–92, 95–97, 99, 103, 104, 106, 107

- Медиатизация 130, 131, 310, 313, 319, 320
- Меморизация 235, 236
- Миметизм 27
- Мнемоническая функция институтов 156–159, 164, 167, 168, 170–173, 175, 176
- Мобилизация 93, 95, 115, 210
- Мобильность 90, 93–95, 97, 202, 319, 347
- Модерн 98, 127, 128, 132, 136, 203, 267, 269, 297, 310–313, 319, 340
- МООК (МООС –Massive open online courses) 264
- Нарративы, наррация, нарративность 71, 80, 88, 161, 182, 189, 215, 217, 218, 219, 221–223, 225–227, 229–231, 244–246, 248, 293–295, 346
- Наука 7, 24, 38, 40, 112, 119, 124–126, 154, 164, 201, 214, 217, 218, 228, 230, 231, 240, 243, 244, 248, 251, 269, 272, 277, 279–281, 283, 288, 299, 309, 312, 313, 324, 325, 336–340, 342, 344, 346, 347, 349, 350
- Наукометрия 270, 272
- Недоверие (distrust) 170, 193, 194, 195–198, 274, 296
- Неизбывность 11–15, 17–20, 139–141, 146, 148, 149, 151–153, 191, 254, 328, 342
- Нейрослежка 284
- Непубличное 86–88
- Неравенства 274, 278, 296
- Неравенство 153, 192, 194, 296, 297, 310–313, 316, 317, 319
- Неформальные институты 73
- Неформальные каналы 73
- Нравственная культура 256, 273
- Обесчещивание (dishonor) 317
- Обмен 29, 42, 45, 48, 54, 55, 73, 89, 93, 95, 100, 105, 112, 114, 117–119, 121, 123, 124, 126, 134, 140, 146, 149, 160, 166, 167, 169, 170, 173, 175, 176, 193, 194, 204, 209, 252, 310–312, 320, 338, 339, 340–343, 349
- Образование 44, 75, 76, 82, 85, 101, 103, 125, 231, 232, 239, 256, 257, 261, 265, 266, 267, 278, 283, 331
- высшее 262, 265
- онлайн 264, 265, 266
- среднее 41
- Обучение 58–64, 67, 72–76, 81, 88–105, 109, 112, 129, 146, 224, 263, 265–268, 292, 337, 347
- Объект-причина желания 27
- Овеществленное знание 59, 61, 93, 95, 97, 99, 104, 105
- Омонимия 31, 32, 342
- Оппортунизм 155, 181
- Органопроекция 278, 292, 293, 347
- Ответственность 74, 82, 145, 181, 191, 192, 194, 200–202, 205, 206, 209, 221, 235, 236, 242, 254, 266, 271, 274, 278, 279, 289, 293, 294, 300, 301, 333, 347
- Партиципаторная модель 80, 86
- Перераспределение 24, 29, 84, 85, 269, 288
- Персонология 239, 245, 249, 255, 278, 303, 347
- Перформативная модель 87, 218, 221, 248, 294
- Песни 60, 61, 63, 68, 73, 80, 91, 92, 99, 102, 108, 224, 301, 338
- Плюралистический дизайн 316
- Подталкивание 278, 286, 300
- Позитивизм 249, 346
- Позиционирование 225, 228, 277
- преподавателя 268, 273
- университетов 256, 265, 273
- Политические сети 203, 204
- Постгуманизм 298

- Постколониальная оптика 313, 315, 317, 338
 Постколониальная чувствительность 313
 Постколониальное изучение компьютерных игр 317
 Постколониальные исследования в области науки и техники (Postcolonial Science and Technology Studies, PSTC) 313
 Постколониальные исследования компьютерного дизайна 316
 Постсекулярное общество 128, 130, 341, 347
 Потоки 14, 86, 98, 99, 107, 191, 210, 216, 223, 269, 293
 Практики распределения знания 21, 110, 127, 131, 132, 135, 136
 Предпринимательская инициатива 206
 Представление 26, 81, 83, 84, 86, 87, 169
 Прекариальный работник 315
 Прекариат, прекариатизация 261, 272, 288, 289, 291, 315, 339, 346, 347
 Преобразующее инвестирование (Impact Investing) 276
 Прикладная этика 257, 277, 347
 Прогресс 201, 298, 307, 308, 317, 339
 Психоанализ 28, 161, 167, 225
 Публичная политика 200, 201, 346
 Распределение 2, 23, 24, 26, 27, 29, 31, 34, 41, 45, 48, 49, 53–55, 58, 89, 93, 97, 98, 100, 103, 105–108, 113, 125, 130–134, 136, 137, 148, 151, 155, 157, 171, 190–194, 207, 278, 279, 280, 290, 293, 310–312, 316, 319, 320, 329, 332, 334, 342, 349
 Распределенное знание 7, 10, 19, 36–38, 43, 45, 48, 50, 54, 55, 67, 106, 113, 115, 120, 121, 124, 190, 211, 213, 227, 256, 311, 321–323, 325–327, 342
 Распределенность 1, 2, 9, 11, 16, 143, 148, 149, 321, 326, 327, 329, 333
 всеобщая 8, 150, 327
 единичная 8, 150, 326
 ограниченная 9, 151
 частная 9
 Распределенные вещи 139, 140, 143, 144, 146–149, 151–153, 342
 Расчеловечивание 280, 291
 Рационализация общества 311
 Рациональность 191, 311, 312, 345, 347
 Революция 4.0. 283
 Революция сисадминов 297
 Регуляторы 71, 73
 Религиозные сетевые сообщества 127, 131–136
 Ре-маппинг 313
 Рента 139, 144, 258, 283, 288, 291, 307
 Репертуар 73, 74, 76–80, 82, 92, 97, 99, 100, 102, 105, 109
 Ресентимент 304
 Реципрокность 163, 165–169, 171, 176
 РИНЦ 270
 Роботизация 258–260, 278, 287, 288, 297
 Рынок 99, 104, 123, 260, 262, 264, 265, 268, 272, 282, 287, 291, 338, 345
 Рынок труда 256, 259, 277
 Рыночная экономика 29, 184, 286
 Самоадресация 88
 Самокоммуникация 190
 Самореализация 199, 279, 286, 288, 290, 291, 301, 308
 Самосознание 224, 229, 234, 238, 280, 300, 309, 347
 Свобода 30, 129, 200, 210, 220, 241, 242, 254, 279, 291, 347, 348, 349
 Свобода воли 278, 300
 Секс 9, 297
 Секуляризация 127, 128, 132

- Сетевая коммуникация 124, 190–192, 199, 203, 208, 209
- Сетевое сообщество 52, 59, 131–136, 190, 191, 258, 314, 319, 342
- Сетевые связи 53, 59, 95, 100
- Сеть 98, 100, 103, 104, 106, 107, 113, 114, 116, 119, 120–123, 125, 126, 133–136, 148, 149, 152, 158, 167, 175, 181, 189, 190–194, 199, 204, 205, 208, 209, 224, 237, 252, 253, 258, 261, 264, 267, 268, 283, 286, 287, 296, 301, 306, 307, 315, 330, 340, 343, 345, 346, 349
- Символическая политика 233, 275, 342, 346
- Синергетическое мировидение 201
- Синонимия 31, 32, 143
- Слух 61, 62–64, 67, 99, 101, 221, 270, 281
- Собственное 17
- Солидарность 27, 34
- Сообщество 7, 18, 19, 24, 25, 29, 31, 33, 40, 45, 52, 53, 54
- Соседство 139, 145, 149, 151–153, 342
- Соучастие 53, 87, 98, 124
- Социализация 82, 101, 218, 225, 230, 257, 267, 268, 275, 296, 300, 302
- Социализм 29, 303
- Социальное распределение знания 133, 349
- Социально-культурный инжиниринг 257, 274, 276, 277, 308
- Социальный капитал 89, 168, 202, 258, 276, 289
- Статус 7, 37, 38, 52, 56, 57, 62, 68, 70, 71, 80, 83, 89, 93, 107, 108, 132, 133, 143, 145, 155, 156, 158, 159, 162, 166–169, 175, 178–181, 183, 186, 187, 199, 200, 240, 251, 269, 286, 303, 311, 325
- Стоимость 28, 149, 153, 164, 197, 265, 330, 333, 334, 338
- Субстанция 27–29, 33, 34, 334
- Сцена 26, 27, 32, 71, 72, 79, 80–83, 85–89, 91, 92, 100, 105
- Телесность 65, 66, 152, 223, 298, 343
- Тело 16, 17, 58, 62, 63, 64, 65, 214, 223, 250, 347
- Теория ценности 160, 349
- Терапевтическая функция 87, 92
- Тест Тьюринга 292
- Товарный индивид 26, 27
- Трагедия 30, 32, 234, 235, 236
- Трансгуманизм 298, 339, 343
- Труд 153, 172, 179, 180, 182, 183, 187, 215, 261, 272, 278, 280, 287, 289, 290, 291, 293, 297, 301, 311, 315, 338, 343, 346, 347
- Уникальность 96, 97, 126, 226, 280, 326, 328
- Управление 53, 56, 57, 58, 70, 81, 85, 93, 125, 199, 200–204, 207, 208–210, 258, 259, 270, 298, 336, 337, 339, 345
- Управление на основе ценностей (Management by Values, MBV) 202
- Управление по инструкциям (Managing by Instructions, MBI) 202
- Управление по целям (Managing by Objections, MBO) 202
- Управленческое решение 200
- Фаланстер 32
- Философия 11, 18, 240–245, 247–250, 255, 264, 309, 311, 322, 325, 329, 331, 334, 337, 339, 340, 342, 344
- Фоновый консенсус 311
- Функции дарообмена 167, 170, 175
- Функциональная специализация 311
- Хищнический инстинкт 164, 167, 177, 179, 181, 183, 184, 187
- Холокост (шоа) 234, 235
- Хоррор, хорроризация 221, 299
- Цивилизация 33, 129, 253, 256, 280, 281, 301, 316
- Цифровая география 313

- Цифровая территория 313, 314
Цифровизация 211, 253, 258, 261–263, 268, 272, 273, 275, 276, 278, 279, 281, 282, 286, 287, 288
Цифровизация религии 131
Цифровой иммигрант 315
Цифровой колониализм 314–316
Цифровой постколониализм 313, 317
Цифровой работник 315
Цифровой разрыв 315
Четвертичная занятость 287
Чужое 17, 25, 143, 335, 337
Шеринг 113, 139, 144, 145, 191–198, 349, 350
Шеринговая экономика 139, 140, 144
Шеринговые практики (sharing practices) 190–192, 194, 197, 198
Шизоанализ 24
Эволюционная теория Веблена 166
Эвристика репрезентативности 185, 186, 349
Эйдос 11, 12, 15, 140
Экзистенциализм 24
Экономика 137
Экономическая антропология 160, 161, 164–166, 171, 180, 349
Эпистемические структуры общества 311, 312, 319
Эрот 14, 16–18, 20
Эсхатология 26
Этика 10, 30, 31, 35, 137, 243, 250, 281, 347, 348
Этос 29, 35, 240, 242, 257, 273, 347

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверинцев С. С. 223
Алкивиад 19
Аллен Р. (Allen R.) 319
Аристотель 12, 246, 322
Аристофан 16, 19, 325
Аронсон О. В. 32
Ассанж Д. 297
Ахматова А.А. 304
- Баба Х. (Bhabha H.) 317
Бауман З. 296
Бенц К. 282
Беньямин В. 27, 30, 31, 32, 34
Бергер П. (Berger P.) 128
Болтански Л. 258
Брессон Р. 32
- Вебер М. (Weber M.) 311
Веблен Т. 155, 164, 166, 167, 173, 177,
178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 188,
189, 337
Вельцель К. 279
Вертези Дж. (Vertesi J.) 316
Витгенштейн Л. 24
- Вудард Б. 25
Выготский Л. С. 214
- Гегель Г. В. Ф. 246, 248, 249, 335
Герье В. И. 7
Гоббс Т. 166
Горелова Е. 260
Горц А. 146
Гребер Д. 26, 156, 157, 160, 165, 167,
169, 170, 172, 174, 175, 178, 184, 186
Грегори К. А. (Gregory C. A.) 165, 167,
170, 171
Грейф А. 180
Гринтер Р. (Grinter R.) 316
Гройс Б. 225, 297
Гуссерль Э. 249
- Декарт Р. 7, 18, 246
Делёз Ж. 25, 143
Дориш П. (Dourish P.) 316
Достоевский Ф. М. 245
Дубнов С. М. 303
- Емелин В. А. 300

- Жижек С. (Žižek S.) 152, 297
- Заньковский А. 25
- Земцовский И. И. 88
- Зотин А. 284
- Зоценко М. М. 307
- Ильф И. 32
- Инглхарт Р. 279
- Ирани Л. (Irani L.) 316
- Кавашима Р. 295
- Каданцев А. Ф. 65, 101
- Каку М. 266
- Каллер Д. 230
- Кант И. 30, 150, 249, 330
- Каплан А. Я. 300
- Капп Э. 292
- Карагодин Д. 236
- Карр А. 230
- Касавин И. Т. 112, 122
- Кастельс М. (Castells M.) 190, 191
- Кермоуд Ф. 230
- Кинг М. Л. 289
- Коллер Д. 264
- Конт О. 249
- Кузманич А. (Kuzmanić A.) 313–315
- Куньо Н. 282
- Къеза Л. 18
- Кьяпелло Э. 258
- Кэлхаун Д. 290
- Лакан Ж. 18
- Леви-Стросс К. 167, 170
- Лейбниц Г. В. 141, 142, 324
- Летурно Ш. 148
- Лиотар Ж.-Ф. 329
- Липавский Л. 25
- Липман М. 232
- Локк Дж. 153
- Лосев А. Ф. 245, 247
- Луман Н. (Luhmann N.) 312
- Магнет Ш. (Magnet S.) 318
- Макинтайр А. 327
- Малинова О. Ю. 232
- Малиновский Б. 155, 160, 161, 165, 166, 169, 170, 174, 175
- Маркс К. 288, 304
- Мехнецов А. А. 53, 103
- Миллер А. (Miller A.) 172, 174, 177
- Мор М. 298
- Мосс М. 155, 165, 167, 168, 171
- Мукерджи С. (Mukherjee S.) 318
- Мюррей С. (Murray S.) 318
- Ницше Ф. 9, 234, 249
- Орлеан А. 26, 27, 29, 152
- Островский Е. 293
- Петров Е. 32
- Платон 11, 12, 13, 16, 18, 23
- Рассел Б. 31
- Ремизов А. 10
- Ренан Э. 234
- Рикер П. 230
- Салинз М. 166–169, 171
- Сартр Ж.-П. 25, 330
- Сергеев К. А. 10, 324
- Смит А. 277
- Сноуден Э. 297
- Сократ 12, 16–19, 241, 325, 326
- Сонтаг С. 33
- Спиноза Б. 246, 324
- Сунь Х. (Sun H.) 316

- Талер Р. 286
Тиль П. 265
Тойнби А. 230
Тоффлер О. 282
Тютчев Ф. И. 333
- Уайат С. (Wyatt S.) 313
Уайт М. 230
- Филипп К. 316
Фихте И. Г. 246
Фичино М. 15, 16
Флоренский П. А. 215, 247, 292
Фрейд З. 28, 167, 334
Фромм Э. 150
Фурье Ш. 32
- Хабермас Ю. (Habermas J.) 128, 311
Хайдеггер М. 12, 249
Хайек Ф. 28
Ханеке М. 26
Хардинг С. 312, 313
Хатчинс Е. (Hutchins E.) 147
- Хелланд К. (Helland C.) 131
Хоркхаймер М. 292
- Чаадаев П. Я. 241, 247
Черевченко А. 302
Чесбро Г. В. (Chesbrough H. W.) 319
- Шеллинг Ф. В. 150, 151
Шиповалова Л. В. 147
Шоу Б. 11, 140
Шпет 215, 247
Штомпка П. (Sztompka P.) 194, 196
Шульц Б. 25
- Ын Э. 264
- Эллюль Ж. (Ellul J.) 231
Энгельс Ф. 288
Эпштейн М. Н. 243, 244, 248, 252–
255
Эткинд А. (Etkind A.) 231
- Яндрич П. (Jandrić P.) 313, 314, 315

ОБ АВТОРАХ

Главы этой книги были распределены следующими авторами:

Гафарова Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (Минск). Главы: 2.1 (в соавторстве с Е. В. Малышкиным, и А. А. Погребняком), 2.3 (в соавторстве с А. В. Кирилловой), 3.5, Круглый стол.

Кириллова Анастасия Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (Минск). Главы: 1.5, 2.3 (в соавторстве с Ю. Ю. Гафаровой)

Косарева Дарья Дмитриевна, студентка Санкт-Петербургского государственного университета. Глава: 1.4 (в соавторстве с А. В. Яшиной).

Малышкин Евгений Витальевич, доктор философских наук, профессор кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета. Главы: Предисловие, 2.1 (в соавторстве с Ю. Ю. Гафаровой, и А. А. Погребняком), Круглый стол.

Погребняк Александр Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета. Главы: 1.1, 2.1 (в соавторстве с Е. В. Малышкиным и Ю. Ю. Гафаровой), Круглый стол.

Терещенко Ольга Викентовна, кандидат социологических наук, профессор кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (Минск). Глава: 1.2.

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Главы: 3.1, 3.2, 3.3, 3.4.

Шишкина Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук. Глава: 2.2.

Щепанская Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им.Петра Великого Российской академии наук, доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета. Глава: 1.3.

Яскевич Ядвига Станиславовна, доктор философских наук, профессор. Глава: 2.4.

Яшина Алина Валерьевна, кандидат политических наук, младший научный сотрудник факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. Глава: 1.4 (в соавторстве с Д. В. Косаревой).

Научное издание

**О РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ:
ПРАКТИКИ И КОНЦЕПТЫ**

Отвественный редактор *Е. В. Мальшикин*

Директор издательства *А. А. Галат*
Корректор *А. А. Золотова*
Верстка и дизайн *Е. В. Владимировой*

Подписано в печать 15.05.2020.
Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23. Тираж 100 экз.
Заказ № 514

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-79-29, +7(981)699-6595;
e-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>

Отпечатано «ИП А. М. Коновалов»
на полиграфической базе типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134